

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
XXIX

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1996

ББК 82.3 Р
М 34

Редакционная коллегия:

С. Н. Азбелев, А. А. Горелов, В. И. Еремина,
Т. Г. Иванова, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова

Рецензенты:

К. А. Богданов, Е. И. Мельник

Ответственный редактор Е. А. Костюхин

*Книга издана при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований*

P 4604000000-560
042(02)-96 261-95(П)
ISBN 5-02-028243-X

© Коллектив авторов, 1996
© Е. А. Галущенко, иллюстрации, 1996
© Российская академия наук, 1996

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

К. А. БОГДАНОВ

ЗАГОВОР И ЗАГАДКА (К ФОРМУЛЬНОСТИ ЗАГОВОРА)

Не так давно вопрос о формульности фольклорного текста был подвергнут обстоятельному рассмотрению в работе Г. И. Мальцева о формулах русской народной необрядовой лирики. Хотя анализ, им проведенный, имел своим объектом песенный фольклор, выводы, к которым он пришел, как нам кажется, могут быть распространены на фольклорный материал в целом и на заговорный в частности: «...необходимо различать формулу как определенный морфологический тип (от одного слова до стереотипной ситуации, выражаемой группой стихов) и формулу как категорию, обобщающую разнородные и многообразные типы констант фольклорной традиции. (...) Содержательным основанием такого обобщения является не просто повторяемость и устойчивость различных форм («внешняя» традиционность), но проявляющаяся в этих фактах вполне определенная эстетическая доминанта («внутренняя» традиционность), которая создает саму устойчивость форм и мотивирует их повторяемость».¹

Можно согласиться с Г. И. Мальцевым (как и с рядом его предшественников²), что лексико-сintаксический подход к фольклорным формулам не учитывает специфики фольклора как сугубо традиционалистического мировыражения, замкнутого в своей нормативной типологичности, но именно поэтому не скованного строгими текстовыми и текстуально-«атомарными» рамками.³

В самом деле формулы, понятые как «представления сознания» (термин М. Наглера), в текстуальном выражении принципиально неадекватны характеру представляющего их материала, заведомо оказываясь лишь своего рода плоскостной проекцией (в данном случае — на текст) некоего многомерного — и не сводимого к тексту — содержательного (информационного, эстетического и т. д.) континуума, мировоззренческого «объема».

Заметим, кроме того, что требуемое единство в многообразии заговорных формул поддерживается не только их содержательной «каноничностью», но и известным единообразием мнемотехнических приемов, «работающих» на их феноменологическую проекцию. Запоминаемость же заговора никоим образом не сводится только к лексически неразъемным и единообразно клишированным «морфемам». В данном случае задействованными оказываются и иные — и по-разному формализуемые — элементы.

Что касается заговорных текстов, то они дают в этом смысле вполне характерные примеры фольклорных формул — разнотипных по форме и разнооформленных по типу.

Таковы, например, формулы, которые могут быть названы формулами непосредственно лексическими:

«Стану я, раб Божий (и. р.), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами, в чистое поле за воротами, из чистого поля в темный лес...» и т. д. (Ефименко, 48);

¹ Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. С. 33.

² См., например: Dawr A. Das alte deutsche Volkslied. Leipzig, 1909; Nagler M. Spontaneity and Tradition. Cambridge, 1974.

³ Мальцев Г. И. Традиционные формулы... С. 3—36.

«Стану я, раб Божий, благословясь, и пойду, перекрестясь, пойду по матери по сырой земле, небом покроюсь, зорею подпояшусь, звездами отычусь» (Ефименко, 78);
 «На море на Окияне, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица... зашивает раны кровавые» (Сахаров, 63);
 «На море на Окияне, на острове на Буяне, сидит добрый молодец, во неволе заточен» (Сахаров, 61);

«На море на Окияне, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит златой камень...» (Сахаров, 52) и т. д.

Из них при желании могут быть выделены (и к ним добавлены) как «сквозные», «развернутые» в морфологическом отношении формулы, так и «мини-формулы», характеризующиеся абсолютной лексико-сintаксической спаянностью, лексической «атомарностью»: «Стану я... благословясь, пойду, перекрестясь...» (как инверсив: «(не) стану я... не благословясь, пойду, не перекрестясь...»); «На море на Окияне... стоит (лежит, сидит)... камень (дуб, девица, молодец)». К таким же «развернутым» в морфологическом отношении формулам можно отнести формулы-сравнения («как (существует то-то), так бы (было и это)», формулы-перечисления и формулы «отсчета»:

«Едит един господин, у единаго господина 9 жён, от 9 жён — 8 жён, от 8 жён — 7 жён, от 7 жён — 6 жён... от одной жены — ни одной жены» (Макаренко, 388—389) и др.

К «мини-формулам» можно было бы причислить (с той или иной долей произвольности) целый ряд фразеологически клишированных единиц текста (насчитывающих от нескольких до одного слова): «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь», «Моим словам ключ да замок», «Камень-Алатырь», «Будьте мои слова крепки» и т. д.

Однако, обращаясь к заговорному материалу, постоянно приходится считаться с формулами морфологически и лексически «случайными», но стилистически и поведенчески явными: таковы, например, формулы «изгнания» (болезней, несчастий и т. д.), «призываия» (здравья, удачи и т. д.), «обмена» и т. д.

Отдельного разговора в этой связи заслуживает обрядовое функционирование загадок, могущих — при известном допущении — рассматриваться также в роли заговоров.

Загадывание, как мы знаем, наделялось обрядовой функцией магически значимого средства у многих народов мира. В славянской традиции обычай загадывать загадки наиболее наглядно засвидетельствован в составе рождественского обрядового цикла. Документальные свидетельства о загадывании загадок в Васильев вечер датируются уже XVII в.⁴ Хронологическая приуроченность загадывания загадок и включенность их в комплекс обрядовых мероприятий косвенно подтверждается и чисто фольклорным материалом.

Популярность мотива «загадывания загадок» широко представлена, например, украинскими и белорусскими колядками.⁵ Загадки, содержащиеся в подобных песнях, как правило, достаточно однотипны, но для нас существен сам факт их наличия. Примеры наиболее обычных загадок:

...А що ж нам росте без коринячка?
 А що ж нам горит без поломене?
 А що ж нам шумит без буйного витра?
 Бил каминъ росте без коринячка,
 Золото горит без поломе,
 Сосночка шумит без буйного витра.⁶

⁴ Грамота Верхнотурского воеводы Рафа Всеволожского // Акты исторические, собр. и изд. Археографическою комиссию. СПб., 1894. Т. 4. С. 124—125.

⁵ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 45—48; Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887. С. 575.

⁶ Колядки та щедривки: Зимова обрядова поезия трудового року / Сост. О. И. Дей. Киев, 1965. С. 387.

Отметим, что, несмотря на диффузию своей общей структуры, обряд колядования наглядно демонстрирует не только живучесть именно этого мотива, но и его внутриобрядовое — и содержательно уже никак не объясняемое — соположение с продуцирующими заклинаниями.⁷

Еще более наглядно обрядовая функция загадок может быть прослежена на материале подблюдных песен. На сходство или даже совпадение загадок и подблюдных песен в научной литературе указывалось неоднократно. Так, например, В. В. Митрофанова, отмечая ряд дословных совпадений между подблюдными песнями и загадками, справедливо писала о том, что «между этими жанрами есть какая-то принципиальная внутренняя общность, позволяющая произведению одного жанра перейти без каких-либо существенных изменений текста в другой жанр и начать там новую жизнь».⁸ Формально общность эта вполне объяснима из единства их обрядовой практики (известна роль тех и других в цикле святочных гаданий⁹), однако помимо обрядовой практики, возможно, у нас есть основания говорить и об их общей обрядовой природе. По крайней мере некоторые ученые склоняются к тому, чтобы признать общность подблюдных песен и загадок за общность генетическую, обусловленную прежде всего единством их заклинательной семантики. Вот что по этому поводу писал В. И. Чичеров: «Близость подблюдных песен к загадкам вполне закономерна. Метафорический язык, каким характеризуются загадки, вообще связан с древними формами обрядовых заклинательных формул; использование его в подблюдных песнях допустимо считать их исконной чертой, поддержанной одновременным бытованием на святах подблюдного гадания и загадывания загадок».¹⁰

З. И. Власова при исследовании поэтики подблюдных песен фактически пришла к тому же выводу, отметив несомненное сходство подблюдных песен как с загадками, так и с заговорами.¹¹ (О последнем, в частности, можно судить, сопоставив «зааминивание» заговоров и обычные «закрепки» подблюдных песен: «Кому песню поем... тому сбудется, не минуется», «Кому вымется — правда сбудется, слово мое» и т. п.).¹²

Помимо колядных и подблюдных песен мотив «загадывания загадок» широко представлен и в других народных песнях, многие из которых восходят, по всей видимости, к единным обрядовым истокам (таковы, например, масленичные игровые, волочебные, летние плясовые и свадебные песни).¹³

Наконец, хорошо известен обычай загадывания загадок на свадьбе («торг» между «продавцом» и «дружкой»),¹⁴ см., например, у П. В. Шейна:

«— Что такое, друженка, великое поле ирландское, много скота астраханского, а един паstryрь, две агницы?

⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 69—70.

⁸ Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1987. С. 164.

⁹ Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отделения РГО. СПб., 1858. Кн. 5. С. 28—29.

¹⁰ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого народного календаря XVI—XIX вв. М., 1957. С. 108—109. Ср.: Афанасьев А. Ведун и ведьма // Комета: Ученко-литературный альманах. М., 1851. С. 98.

¹¹ Власова З. И. 1) К вопросу о поэтике подблюдных песен // Русский фольклор. Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. 14. С. 78, 89—93; 2) Русские и болгарские припевки к гаданию // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 115, 117—118.

¹² См., например: Календарно-бытовая поэзия сибиряков / Сост. Ф. Ф. Болонев. Новосибирск, 1981. С. 108—131; Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. Л., 1962. С. 51.

¹³ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия... С. 46; Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 11. С. 122; Земцовский И. И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 147—154; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. М., 1979. С. 129—131.

¹⁴ Морева А. К. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. М., 1927. Т. 2—3. С. 121. Аналогичный обычай известен и в Турции, где загадки загадывает девушка своему поклоннику: Standard dictionary of folklore, mythology and legend. New York, 1950. P. 940. Обобщающая работа: Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАИЭ. Л., 1929. Т. 8.

- Поле великое — небо ясное; скот астраханский — звезды; пастырь — месяц; две агницы — утренняя и вечерняя зори.
- Стоит дуб, в дубу — тина, в тине — сосна, на верху — лен?
- Дуб — квашня; тина — тесто; сосна — мутовка; лен — покрывало, ветошка.
- Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как Илья; посанжен в огонь, яко Кирик; вышел из ямы, как Иосиф; кто увидит, всяк к себе в дом берет?
- Горшок.
- Дома-то тяп-тяп, в лесу-то ляп-ляп, около тпроуценки, а в середине — тпрру!
- Сито.
- Летит птица орел, несет во рту огонь, а на конце хвоста — смерть.
- Ружье» и т. д.¹⁵

Интересно, что «противостояние» невесты и жениха возможному колдовству на свадьбе и в целом выражается — словесно и поведенчески — как своего рода загадывание неотгадываемых для колдуна загадок. Это и иносказательный язык сватов, и полный таинственного смысла наряд невесты («Невеста по голому телу перевязывалась обрывком рыболовной сети. Колдун не мог знать, сколько в ней узелков и ячеек, — а без этого заклятья колдуна не могли иметь никакой силы»¹⁶). Отметим, что одной из главных функций дружки (в чьи обязанности, как мы видели, входило и прямое отгадывание загадок) являлась защита жениха посредством различных упредительных мер: заговоров и поведенческих оберегов.

Связь заговоров и загадывания представляется нам сущностной и генетически однородной, отражая единую тактику ритуального поведения и единообразные принципы «магического» логизирования.

Как всякий поведенческий, деятельностный акт заговорное действие разворачивается во времени. Замечательно, что развертывание заговорного акта во времени почти всегда подчеркивается в самом тексте заговора (учитывая, что пространственная локализация заговорного «сюжета» может рассматриваться как семантический аналог временного топоса). Этот часто отмечаемый эзотеризм заговорной хронологии, на наш взгляд, интересен не столько возможной реальностью обрядового приурочения заговорного акта, сколько сам по себе — как свидетельство осознанного и предрешенного «времяполагания», осознание «будущностной природы» этого акта.

Известно, что в качестве своей физиологической предпосылки любой темпорально ориентированный акт уже изначально является как бы структурно завершенным, изначально моделирующим свой процессуальный итог. Н. А. Бернштейн, занимаясь физиологией активности, пришел к выводу, что этот феномен «заглядывания вперед» является универсальным критерием «всякого акта пре-вращения воспринятой ситуации в двигательную задачу»:¹⁷ «Жизненно полезное или значимое действие не может быть ни запрограммировано, ни осуществлено, если мозг не создал для этого направляющей предпосылки в виде... модели потребного будущего».¹⁸ «Модель потребного будущего», выступая в роли некой доминанты, генерализующей любую человеческую деятельность, представляется довольно удачной формулировкой той ситуации, с которой мы имеем дело в заговоре. Будучи ориентированным на потребность, заговорный акт невольно моделирует и соответствующую этой потребности ее «будущностную природу». Но поскольку объективизация всякой потребности объективирует локализующее его будущее,¹⁹ постольку мы можем говорить о том, что заговорное действие — процесс заведомо и сознательно ориентированный на его реализацию. Подчеркнем, однако, следующее.

¹⁵ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 655.

¹⁶ Зырянов И. В. Заговор и свадебная поэзия // Фольклор и литература Урала (Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Т. 147). Пермь, 1975. Вып. 2. С. 57.

¹⁷ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С. 280.

¹⁸ Там же. С. 308. Ср.: Анохин П. К. Избранные труды. М., 1987. С. 45—48.

¹⁹ Nuttin J. Tache réussite et échec. Théorie de la conduite humaine. Paris; Amsterdam, 1953. Р. 63.

Вероятностный прогноз по воспринимаемой ситуации и поведенческий выбор (или, пользуясь терминологией Д. Миллера и его соавторов, «образ» и «план» поведенческой модели²⁰) — два параметра, имплицитно (неосознанно, рефлексорно) определяющие модель потребного будущего,²¹ в данном случае обусловлены «эксплицитно» — его осознанным целеполаганием. Будущее, являясь временным качеством объективированной потребности, тем самым структурно задано в заговоре, осознается как задача — и в этом смысле заговорное действие представляет собою не что иное, как акт познания объективированной в нем потребности. Соответственно структура заговорного действия должна рассматриваться прежде всего как структура такого акта.

С этой точки зрения заговор, безусловно, сопоставим с ритуалом, а словесная часть заговора — с мифом (напомним, что этимологически «миф» соотносится с кругом индоевропейских корней со значением «заботиться», «иметь в виду», «страстно желать» и т. п.²²). В аспекте общеструктурной онтологии заговорное «слово» и «миф» («некое священное слово, точно бы возвещенное оракулом», по Платону — Leg. 4, 712) в сущности выражают единую поведенческую единицу, «феноменологизируют» одну и ту же поведенческую задачу.

В предстоянии функционально осознанной цели такой задачей является деятельностное прогнозирование «предстоящего» объекта и тем самым предосуществление самой этой цели. «Встану я, раб Божий такой-то, благословясь, перекрестясь, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, под красное солнце, под светлый месяц, под черные облака» и т. д. (Виноградов, 79); «Лягу я, раб Божий (имя рек), благословясь, стану, перекрестясь, умоюсь святою утренней росой; утруся шитой, браной пеленою, и пойду я, раб Божий (имя рек), в чистое поле, в восточную сторону» (Виноградов, 85).

С последним обстоятельством связано помимо прочего столь обычное для заговора и мифа *wishful thinking* — «выдача желаемого за действительное». Отнесение совершающегося к его «экспериментальному» архетипу в данном случае есть не только следствие «коллективной памяти», реактуализирующей «образцовое» действие (о чем скажем чуть позже), но и заведомая «амплификация», агрессия мыслительных клише в заочно структурируемую действительность:

«Я, раб Божий, теплыми оболоками оболоκуся, частыми звездами вокруг сибя обтычуся, утренней зарей оповяжуся, вечерней зарей опояшуся. Пойду я, раб Божий, ко святу Окияну морю, есть свят остров там; на святе острову лежит белый камень Латер; на том камне стоит церковь папы Римской; в ефтой церкви стоит злат пристол; на злате пристоле сидит сам Иисус Христос, Матерь Божья, Царица небесная, в злате ризе, держит золото перо и смахивает, и спихивает, и скуват, сметает со свята Окияна желту пену» (Виноградов, 86); «Лягу, благословясь, стану, перекрестясь; выйду из дверей в двери, из ворот в ворота; погляжу в чистое поле — едет из чистого поля богатырь, везет вострую саблю на плече, сечет и рубит он по мертвому телу, не тече ни кровь, ни руда из энгова мертвого тела» (Забылин, 290); «Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка оборвесь, а ты кровь уймись» (Забылин, 291); «Иду я не улицею, не дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? отдай мне свои, возьми мои. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк, где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои» (Сахаров, 54).

Очевидно, между прочим, что прошедшее время в заговорах и в грамматическом и в более широком смысле — предваряет и предосуществляет желаемое будущее, это своего рода *futurum exactum*, но завершенный (предзавершенный) в прошедшем. («Кто надеется, подобно верующему, видит умом умопостигаемое и будущее», — как замечательно сказал об интенциональности человеческого рассудка уже Парменид, — ибо «отсутствующее прочно находится в уме»).

«Завяжу я, раб (такой-то), по пяти узлов всякому стрельцу не мирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном орудии. (...) В моих узлах сила

²⁰ Миллер Д., Галантнер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. М., 1965. С. 26—32.

²¹ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии... С. 308—310.

²² Тахо-Годи А. А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 80.

могуча, сила могуча змеиная скрыта, от змия двунадесять-главого, того змия страшного, что прилетел со Окиян-моря, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двунадесять богатырьми под двунадесять муромскими дубами. В моих узлах защиты злой мачехой змеиные головы» (Сахаров, 62—63).

«Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сырь землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорилась и поклонилась селитра-порох, смирным-смирнехонько» (заговор от ратных орудий, Сахаров, 55). «Возмутили воду в море двенадцать жен, воду простудовую, что на горе Синайской, и вышли навстречу им св. отцы: Зиновий, Евсигней, Филипп и евангелисты: Марко, Матфей, Лука и Иоанн Богослов и вопросиша их: „Что вы есте за жёны и куда идёте?” — Оне отвещаша им: „Мы есмы жёны трясавицы и дщери Ирода царя, идём человеческий род мучити”. — Во имя святые отцы: Зиновий… Богослов вземше тридесять прутьев железных и начаша их бити и мучити. Жёны же трясавицы не можаху противляться и рекоша им: „О св. и грозные отцы, убежим мы от р. Б. (имя рек) на полтораста поприщ”» (Виноградов, 135).

«Христос родися, и роспяся, и воскресе, и в третий день воскресения и живот дарова всему миру, и мне, рабу Божию (имя рек), крест. Крестом человек родися, Бог прославися, сатана связан бысть с сильными своими бес; от ныне и до века, и до второго пришествия Христова, аминь» (Забылин, 328).

Любое заговорное «воспоминание» структурно есть «воспоминание о будущем». (Так, выпавшая гадательная мета предрешает фактом своего выпадения относимое к этому уже свершившемуся факту будущее).

Русский заговорный материал дает огромное количество таких «воспоминаний» — «воспоминаний», могущих прямо именоваться «мифами».²³

Заметим, кстати, что во многих культурах человек, обладающий во мнении коллектива силой заклинания, часто воспринимается (и выступает) также в роли предсказателя.²⁴ Ограничиваюсь русским материалом, укажем здесь хотя бы на многочисленные мифологические рассказы (былички и бывальщины), не только отражавшие, но и, надо думать, способствовавшие формированию определенного стереотипа суеверных представлений.²⁵ Согласно этим рассказам, предсказателями, как правило, оказываются люди, не чуждающиеся заговорной практики, и, обратно, знахари помимо своей основной «специальности» часто способны предсказывать будущее.²⁶ (На севере России знахарь — знаток, ведун, вешун, но и — гадаль, гад (*«тот, кто гадает»*), ворожец²⁷). Даже отвлекаясь от сказанного нами выше, заметим, что совмещение в одном лице знахаря и предсказателя представляется вполне закономерным: ведь лечение или насыщение «порчи» (как «антителение») прежде всего предполагает умение поставить диагноз, т. е. умение распознать и предсказать возможное течение «болезни». (Показательно, что даже во вполне сcientистских обществах связь врачевания и предсказания (чаще всего — астрологии) длительное время осознавалась как едва ли не обязательная²⁸).

Говоря об обрядовой функции загадок, обычно приходится говорить о случаях, когда суть самого обряда оказывается в значительной мере утраченной, но семантика его «целевой установки» (термин Е. Г. Кагарова) остается все же достаточно

²³ Ср.: Топоров В. Н. Заговоры и мифы // Энциклопедический мифологический словарь.

²⁴ Афанасьев А. Н. Ведун и ведьма // Комета: Ученко-литературный альманах. М., 1851. С. 97; Спенрский Н. Ведьмы и ведовство. М., 1904. С. 68; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 294—296; Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 250; Тернбул М. Колин. Человек в Африке. М., 1981. С. 126—129; Сиваковский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988. С. 167.

²⁵ Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современная судьба // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 385—386.

²⁶ Там же. Тексты № 202, 275, 353, 363, 375.

²⁷ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 15, 63.

²⁸ Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 342—344; Турцов А. А., Чернецов А. В. К изучению «отреченных» книг // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 127, 136—139.

наглядной. Так «продуцирующая» функция загадок (отчасти уже демонстрированная выше) засвидетельствована у многих соседей русского населения. Эстонцы верили, что «загадывание благоприятствует отелу и способствует лучшему росту молодняка».²⁹ «Близкие верования долго сохранялись и у латышей: если перед рождеством загадывать загадки, то свиньи будут хорошо и быстро прибавлять в весе».³⁰ С аналогичной целью загадывались загадки у удмуртов,³¹ забайкальских бурят.³² Обычай загадывать и отгадывать загадки перед охотой засвидетельствован у барабинских татар³³ и у некоторых народов Сибири.³⁴

«Профилактическая» роль загадывания хорошо просматривается в эстонском поверье, согласно которому удачное отгадывание загадок препятствует потере ложек в доме³⁵ (некоторые исследователи достаточно убедительно предполагают, что «потеря ложек» в данном случае означает какое-то гораздо более значительное несчастье — окончание съестных припасов или даже смерть кого-либо из домочадцев³⁶). Известна связь загадывания и с похоронными церемониями: обычай загадывать загадки во время похорон засвидетельствован у самых различных народов (например, в Англии),³⁷ где загадка наряду с заговорами и молитвами играет явно выраженную роль оберега.

В славянской традиции обычай загадывать загадки на похоронах непосредственно не зафиксирован, но зато зафиксирован обычай, представляющий собою поведенческий вариант такого загадывания. Описание этого обычая (существовавшего еще в середине XIX в. на Украине) приводит П. П. Чубинский: «В Подольской губернии, в доме, где есть покойник... мужчины заводят даже игры: бьют лубка. Эта игра отправляется только на похоронах и состоит в том, что кто-нибудь из играющих накрывается тулулом так, чтобы ничего не мог видеть. Другой играющий ударяет жгутом покрытого — „бьёт лубка“ — и тот должен угадать, кто его ударил. Если угадает, — на его место идет ударивший его, если же нет, его бьет кто-нибудь другой и т. д.».³⁸

Стоит, однако, спросить себя: с чем мы имеем дело — с «загадкой» или «заговором»? Ответ в данном случае не представляется нам слишком очевидным.

Так, на наш взгляд, безусловно, сопоставимы с загадкой широкораспространенные в западноевропейской и славянской традиции заговоры-диалоги (т. е. заговоры, выраженные как формулы «вопроса—ответа»).

Обычны также диалогические заговоры «от колотья» (от боли в легких): «Куда идешь? — спрашивает один из присутствующих. — Я иду стрелять колотьё. — Да где ж оно? — Вот где» (там же, 355); от икоты: «Икавко, Икавко, где була? — У Києве. — Що ела? — Кобылину. — Де дела? — Покынула. — Покынь и мене» (там же, 354), а также от слез, от «трясовиц» и некоторые другие (там же, 162—170; 182; 207, и др.; Обр. П. П., 172).

Рискнем предположить, что заговоры эти также восходят к обрядовому со- положению заговора и загадки, представляя собой своего рода контаминацию формальной структуры загадки и специфически заговорного содержания (см.,

²⁹ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 19.

³⁰ Там же.

³¹ Колесницкая И. М. Загадка в сказке // Учен. зап. Лен. гос. ун-та . Сер. филол. наук. Л., 1941. Вып. 12. С. 134; Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.; Л., 1941. С. 217.

³² Худяков И. А. Великорусские загадки // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1864. Вып. 6. С. 11.

³³ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 7.

³⁴ Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // С. Ф. Ольденбург. (К 50-летию научно-общественной деятельности). Л., 1934. С. 217.

³⁵ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 15.

³⁶ Там же. Ср.: Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточные параллели) // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 30—31.

³⁷ Frazer J. D. The Golden Bough. London, 1920. Vol. 9. P. 122. Ср.: Hart D. Riddles in Filippino Folklore. Syracuse, 1964. P. 47.

³⁸ Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. СПб., 1877. Т. 4. С. 705—706.

например, обычай изгнания из избы клопов и тараканов, приводимый С. В. Максимовым: «Делается это таким образом: когда хозяин придет после обедни домой, он не должен входить прямо в избу, а должен сперва постучаться. Хозяйка же, не отворяя дверей, спрашивает: „Кто там?“ — „Я, хозяин твой, — отвечает муж, — зовут меня Иван. Ну что, жена, чем разговляться будем?“ — „Мы-то разговляться будем мясом, сметаной, молоком, яйцами“. — „А клопы-то чем?“ — „А клопы — клопами“. Крестьяне уверены, что, подслушав этот диалог, клопы или испугаются и убегут из избы, или набросятся друг на друга и сами себя съедят».³⁹ Интересный оберег «на скот» бытовал в Костромской губернии: «В Великий четверг один из домочадцев забирается на печь, другой на чердак в трубу, и переговариваются они между собою. С печи кричат в трубу: „Дома ли телёнки?“ — С чердака отвечают: „Дома, дома“. — И так перебирается вся скотина»⁴⁰.

Об обрядовой значимости формулы «вопроса—ответа» можно судить не только по непосредственным примерам обрядового соположения заговора и загадки, но и по материалу других фольклорных жанров, также сохранившему хотя и опосредованные, но достаточно красноречивые свидетельства магической роли загадок.

К числу таких свидетельств относится известный сказочный мотив «испытания мудрости» героя. Мотив этот хорошо исследован в научной литературе,⁴¹ поэтому, не останавливаясь на нем сколь-либо подробно, отметим лишь то, что представляется для нас наиболее существенным.

Как и в обряде, сказочное загадывание осуществляется в ситуации, как мы сейчас сказали бы, «коммуникативного конфликта»: это ситуация целенаправленного и поведенчески рискованного выбора.

Как и в обряде, правильного отгадывания (семантически замыкающего и демонстрирующего тем самым истинность манифестируемого загадкой знания) в сказке оказывается достаточно, чтобы сделать этот выбор в пользу отгадывающего. В то же время неправильное отгадывание влечет за собой самые негативные последствия (часто смерть) для демонстрирующего свой «профанизм» героя.

Замечательно, что содержание загадываемых в подобных ситуациях загадок ситуационно никак не мотивируется (хотя сюжетно иногда и объясняется). Напомним в этой связи столь, казалось бы, не соответствующую трагизму

³⁹ Максимов С. В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 314.

⁴⁰ Курс знатарства народных заговоров. М., 1914. С. 12. См. в этой же связи: Шейн П. В. Великорус в своих песнях... № 1040; Толстой Н. И. Один архаический тип славянского обрядового текста-диалога // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 69; Доброзвольский В. Н. Егорьев день // Живая старина. 1908. № 2. С. 152.

Отметим в этой же связи популярные еврейские песни-загадки («песни вопросов»), распевавшиеся в первые два вечера Пасхи и входившие в этом смысле в ритуал пасхальных празднеств. Прозаический перевод одной из таких песен находим у П. В. Шейна:

— Един кто знает?
— Един я знаю: Един наш Бог на небесах и на земле.
— Два кто знает?
— Два я знаю: Две скрижали завета, Един Бог на небесах и на земле.
— Три кто знает?
— Три я знаю: Три патриарха, — две скрижали завета, Един Бог на небесах и на земле.
— Четыре кто знает?
— Четыре я знаю: Четыре наши матери и т. д.» (Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 710—711; ср.: Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 76). Подобные загадки имеются у разных народов. В частности, бытуют они у шведов, финнов и карел, при этом у последних такие загадки совершенно лишены какой-либо религиозной символики, но именно это и позволяет предположить, что контаминация вопросно-ответной формы и религиозно-значимого содержания в пасхальных песнопениях евреев не могла возникнуть случайно, отражая, по-видимому, какую-то первичную, обрядовую самоценность подобного диалога (Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 25—26; она же, в частности, пишет об использовании таких загадок у карел в ритуале святочного гадания).

⁴¹ См. вышеуказанную работу И. М. Колесницкой, в ней же приведены и соответствующие примеры. См. также: Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 138 и след.

ситуации загадку Сфинкса, разгаданную Эдипом: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?».⁴² В сказке та же картина (примеры излюбленных загадок: «Что всего в свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?», «Сколько капель в море?» и т. д.). (См. также вышеприведенный обычай «битья лубка», демонстрирующий именно поведенческую, а не текстовую модель «загадывания»).

В украинских песнях загадки, грозящие оказаться роковыми для того, кому их загадывают, задают русалки:

Ой бижит, бижит мала дивчина,
А за єю да русалочка:
«Та послухай мене, красна панночка,
Загадаю тоби три загадочки,
Яко угадаєш — до батька пушу.
Не угадаєш — до себе возьму:
Ой що росте без кориння,
А що бижит без повода,
А що цвите да без цвitu?»
— «Камень росте без кориння,
Вода бижит без повода,
Папороть росте да без цвitu».
(Панночка загадочек не вгадала, —
Русалочка панночку залоскотала).⁴³

В сибирских быличках то же самое делают черти: «Пошла... одна девка ворожить на святках... Вдруг... появляется черт...: — Девка, что на свете три косы?».⁴⁴

В обоих случаях спасение зависит от правильного отгадывания: «Если отгадаете три загадки, то выйдете отсюда».⁴⁵

Интересно, однако, что спастись от русалок и чертей, согласно тем же быличкам, можно с помощью словесного оберега («Чур со мной!», «Господи, благослови!» и т. д.).⁴⁶

В целом функционально отождествление заговора и загадки происходит, на наш взгляд, на основе их возможного поведенческого соотнесения, возможности общего, обусловливающего их «тактического» выбора.

Правила, призванные обеспечить обряду (как поведенческому выражению магического знания) возможность целенаправленного развертывания, определяются структурно характерной для него в данном случае ситуацией поведенческого риска или (учитывая, что структура обряда есть структура коммуникации) ситуацией коммуникативного конфликта. Обряд коммуникационно «конфликтен» — и в этом смысле «стилистичен». Если мы можем говорить о грамматике его верbalного выражения,⁴⁷ то семантика этого выражения задается категорией наклонения.

Вопрос о единстве «стиля» заговора и загадки, об их «тактической», «модальной» совпадаемости в данном случае, по-видимому, может быть решен достаточно однозначно: если поведенческая модальность заговора предельно разнообразна, то поведенческая «тактика» загадывания определяется, как кажется, вполне определенно. В совокупности двух частей загадка выражает модально-нейтральную, изъявительную констатацию постулируемого ею уподоб-

⁴² Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В. Г. Борухович. Л., 1972. С. 55. (Кн. 3, 5, 8). Ср.: Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 289.

⁴³ Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции... СПб., 1872. Т. 3. С. 190. См. также: Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С. 8—9; Бессара-ба И. В. Материалы для этнографии Херсонской губернии // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1916. Т. 44. С. 225; Украинська народна поетична творчисть. Київ, 1958. С. 259.

⁴⁴ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. № 145; см.: Там же. № 142, 146, 145 к.

⁴⁵ Там же. № 146. Ср.: Ионова М. Н., Пуговкина М. И. Якутские загадки // Советский фольклор. М., 1936. № 4—5. С. 243.

⁴⁶ Мифологические рассказы... № 144, 174 к, 148, 149, 76.

⁴⁷ Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам, 15. Тарту, 1983. С. 57—71.

ления.⁴⁸ Стилистически здесь срабатывает не принцип действия, а принцип состояния: «нечто есть что-то». (В этом отношении неверное само по себе мнение о загадке как о «мире существительных» представляется верным по существу).⁴⁹ Поэтому, как нам кажется, допустимость функционального соположения загадки и заговора заключена в возможности общего для них семантически «статичного» режима — поведенчески «компромиссной» манифестации некоего обрядовозначимого знания.⁵⁰

Но каково «формульное» выражение этого знания? Можем ли мы говорить о формулах «загадывания», или стоит говорить о неких конкретных морфологических компонентах текста?

Нам представляется, что помимо собственно лексических (лексико-стереотипных) формул у нас есть основания говорить о потенциальных формулах определенных поведенческих стереотипов (хотя и выраженных текстуально, но не обладающих при этом какой-либо заведомой лексической определенностью).

Очевидно, что автономность заговорных формул в своем текстовом выражении оказывается весьма и весьма условной: в данном случае играют роль как координационные, так и субординационные механизмы текстового пространства, но и само это пространство, в силу обуславливающей его «традиционности», подвергается различным образом формализуемому преломлению.

Показательно, что помимо «явного» соположения тех или иных (количественно выделяемых) формул текста, последний часто представляет собой их неявное смешение, которое в принципе не поддается количественному анализу.

Приведем, например, заговорный текст, содержащий достаточно устойчивый (и весьма архаичный)⁵¹ образ «железного тына»:

«Постави, Осподи, вокруг моего стада тын золезнай, а другой булатной, а третей мидянай и стену каменну во глубину земную — сколь небесная высота, а вышиною до небес. Вокруг стены завали, Осподи, землёю матернее во глубину неизмеримую; и проведи, Осподи, реку огненную со всех четырех сторон, от востока до западу и от севера и до лета; и повели, Осподи, тыны и стену каменну запереть и заложить святому апостолу Петру своими златыми ключами и снести их самому Осподу, Иисусу Христу, Сыну Божьему, на престол, под святую ризу его нетленную. И как тех риз видеть никто не может, и так бы никто не мог бы вредить моему стаду: коровам, овцам, егнятам, баранам, быкам, лошадям — разношерстые дикие звери: медведи, медвицы, волки и волчицы, росомахи и росомашихи, змии — не вредили и не прикасались отныне и до веку. Аминь» (Виноградов, 10).

Стоит задаться вопросом, из каких текстовых формул построен данный текст, чтобы убедиться в его известной проблематичности. Ограничивааясь морфологически «сквозными» формулами, мы могли бы сказать, что налицо в данном тексте как будто три формулы: «одноименная» формула «железного тына», формула сравнения и формула перечисления. Но равновелики («однокачественные») ли данные формулы, чтобы их можно было равно приписывать единным показателям текста (ведь в сущности образ «железного тына» уже сравнение; перечисление же органически присуще сравнению как таковому). Неудивительно, что А. А. Потебня считал формулу сравнения основной заговорной формулой,⁵² заочно сводя к ней большинство текстов (и не будучи так уж неправ по существу — хотя бы и ошибаясь формально). В конце концов, «для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя,

⁴⁸ Georges R. A., Dundes A. Toward a structural definition of Riddle // Journal of American Folklore. 1963. N 76. P. 111—118.

⁴⁹ Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932. С. 58. Ср.: Kongas Maranda E. The Logic of Riddles // Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1971.

⁵⁰ «Возможно, что, отгадывая загадки, человек символически проникал в тайны природы, познавал их и этим своим знанием подчинял себе природу» (Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке... С. 123).

⁵¹ Kedem M. Russian Incantations and Magic Spells of Atharvaveda // Slavica Hierosolymitana (Slavic Studies of the Hebrew University). Jerusalem, 1981. Vol. 5—6. P. 63.

⁵² Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 616.

ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (по справедливому замечанию О. Мандельштама⁵³).

Так или иначе, но, не говоря о сложности количественного выделения заговорных формул, проблематичной остается даже их качественная определенность. Что же касается их формального описания, то в целом к заговорным текстам вполне приложим вывод того же Г. И. Мальцева, сделанный им из анализа «многоярусности формульного строения песни» (вывод этот может быть, по-видимому, подкреплен и за счет других фольклорных жанров): «Го, что является формулой на одном уровне (...) может оказаться компонентом формулы более высокого уровня (...) и в этом статусе является вариативной, переменной частью данной формулы высшего уровня, т. е. вариантом. Из этого следует, что феноменарьования оказывается не вне традиции, не вне канона, не нечто противоположное ему (в частности, не отношение *langue parole*, если воспользоваться известной метафорой), но включен в сам канон, в традицию, оказывается фактом ее морфологии... В этой связи получает совершенно конкретное наполнение общий тезис о том, что вариативность есть форма существования фольклорного типа».⁵⁴

Мы убеждены, что, ограничиваясь рамками заговорного текста, «формульность» последнего объяснена быть не может, поскольку принципы, ее организующие, обслуживаются не столько текст, сколько стоящую за текстом внеtekстовую — коммуникативно-, «ритуально»-актуализирующую — реальность.

Заговорные «формулы» предосуществляются клишированностью воспроизведенного их сознания, и именно формальный и содержательный схематизм последнего, на наш взгляд, является основным критерием их «формульной» феноменологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Виноградов	— <i>Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.</i> СПб., 1909.
Ефименко	— <i>Ефименко П. О заклинаниях.</i> Архангельск, 1865.
Забылицин	— <i>Забылицин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия.</i> М., 1880.
Сахаров	— <i>Сахаров И. П. Сказания русского народа.</i> М., 1990.

⁵³ Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967. С. 83. Ср.: Веселовский А. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Журнал Мин. народного просвещения. СПб., 1898. Кн. 3. С. 51 и след.

⁵⁴ Мальцев Г. И. Традиционные формулы... С. 163.

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА

**СМЫСЛ И «БЕССМЫСЛИЦА» СЧИТАЛОК
(К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ)**

Проблема поэтики постоянно оказывается в центре внимания исследований, посвященных изучению жанра считалки.¹ Едва ли не главным «камнем преткновения» в анализе этой проблемы является устойчивое тяготение к так называемым «заумным словам», лишенным логически ясного смысла. Не случайно в классификациях, предлагаемых разными авторами, заумные считалки неизменно выделяются в особую рубрику. С проблемой зауми исследователи связывают решение многих теоретических вопросов, возникающих при изучении этого интересного поэтического явления: генезиса жанра (В. П. Аникин), его функционального характера (Г. С. Виноградов), особенностей психологии детского творчества (М. Н. Мельников). Однако предлагаемые объяснения часто основаны на изоморфном анализе текстов без учета внетекстовых связей, изменение которых резко меняет семантику самого текста.

Пожалуй, наиболее подробно контекст исполнения считалки описан в монографии Г. С. Виноградова. Исследователь относит считалки к так называемым «игровым прелюдиям», которые произносятся «с целью установить роли участников игры и очереди начинать игру».² По мысли Г. С. Виноградова, связь с игрой, этим «устойчивым образованием» в жизни многих поколений детей, «охраняет от забвения словесный элемент игры — прелюдию; тому же способствует малый объем, стихотворный строй и стремительный размер считалок».³ Название, распространенное среди детей, определяется особой ролью числительных в считалочных текстах. Однако «счет», как справедливо отмечает исследователь, приобретает в данном случае вспомогательную функцию. Это счет условный, не подчиненный цели «пересчитать» участников игры (как правило, этого-то никогда и не происходит). Главная функция считалок — «выделить из среды играющих кого-либо для выполнения трудной роли».⁴ Последнее слово в считалке — своего рода жребий, неоспоримость которого признается всеми участниками игры. Таким образом, считалка — своеобразный инструмент детского «обычного права», выработанный многовековой традицией и не утративший своего значения и в наши дни.

Ленинградский психолог М. В. Осорина, анализируя социально-психологические функции жанров детского фольклора, отмечает, что и сегодня считалки способствуют передаче неписанных «правил справедливости», регламентирующих взаимоотношения детей в игровой группе.⁵ Справедливость выбора в сознании играющих детей связывается с непредсказуемостью окончательного результата: никто из участников игры не знает, на ком оборвется прихотливый текст

¹ См., например: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор: Игровые прелюдии. Иркутск, 1930; Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 112—118; Мельников А. Н. Русский детский фольклор. М., 1987. С. 126—148.

² Виноградов Г. С. Детский фольклор // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 172.

³ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 28.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Осорина М. В. Детский фольклор: зачем он нужен? // Знание — сила. 1985. № 4. С. 30.

считалки. Трудная, незавидная роль того, кто водит, воспринимается в контексте «прелюдии» как своего рода «перст судьбы», что отразилось в названии текстов, которые Г. С. Виноградов зафиксировал в Сибири: «У детей и подростков Куйтунского района (...) для этого жанра детского фольклора существует термин-обозначение *гадалка*, а в Барнаульском округе — *ворожитка*.⁶ Эта главная функция считалок, по мысли исследователя, объясняет упорное предпочтение зауми: иррациональный характер выбора ведущего вполне соотносится с таинственными, непонятными словами, напоминающими древние магические заклинания. М. Н. Мельников подвергает сомнению такое объяснение, считая, что «Г. С. Виноградов переоценивал роль зауми, умаляя значение всех остальных словесных элементов, образующих тексты считалок».⁷

В. П. Аникин видит в зауми отголоски древнейших форм «тайного счета»: по мере забвения веры в магию чисел реликты условной иносказательной речи приобрели «форму чистой бессмыслицы», которая «не могла долго жить в фольклоре» и постепенно вытеснялась отдельными словами. «Из этих слов сплеталось какое-то содержание, а вскоре появились и сюжетные положения».⁸ Это движение к сюжету В. П. Аникин определяет как закономерную особенность эволюции жанра. Однако при таком объяснении остается непонятной сохранность заумных считалок в современном репертуаре детского фольклора, а также создание новых текстов, тяготеющих к зауми. Исследователь и сам задается вопросом: «Откуда у детей эта тяга к заумным формам?». Аналогию он справедливо усматривает в «игре слов», «словесных экспериментах», которые описаны в замечательной книге К. И. Чуковского «От двух до пяти».⁹ Однако гипотеза происхождения считалки из табуированного счета оказывается самодостаточной, и ее автор отвергает возникшую аналогию, напоминая читателю о том, что «считалка, как правило, достояние игры того времени, когда прошла пора словесных экспериментов» дошкольников.¹⁰ К этому вопросу В. П. Аникин больше не возвращается. Между тем возраст детей, в среде которых активно бытует считалка, имеет прямое отношение к поставленной проблеме.

Г. С. Виноградов отмечает, что знатоки считалок — чаще всего девочки 10—14 лет.¹¹ Известно, однако, что тексты считалок знают и дети значительно младше этого возраста. М. В. Осорина, говоря о традиционной детской культурной норме игрового поведения, регулятором которого является считалка, пишет: «Между пятью-шестью годами ее перенимают достаточно поверхностно от старших детей. Через год-два ребенок начинает сознавать ее глубинный смысл и с пафосом утверждает справедливость жребия, тщательно следя за соблюдением случайности выбора. Например, удлиняются тексты считалок, чтобы невозмож но было заранее угадать, на кого попадет последнее слово».¹² Таким образом, считалка как необходимый элемент игры входит в сознание ребенка еще в дошкольном возрасте. В это время общение детей характеризуется тем, что они уже тянутся к старшим и одновременно с удовольствием создают игровые группы с маленькими, ибо в такой группе легче самоутвердиться, стать «коноводом», что в переходный период «кризиса семи лет»¹³ особенно важно для ребенка. В связи с этим становится понятным механизм передачи знания текстов считалок детям среднего дошкольного возраста. М. Н. Мельников неоправданно расширяет границы бытования считалок «с раннего детства (3—5 лет) и до вступления в юность»,¹⁴ однако четырехлетние дети с удовольствием декламируют знакомые стихотворные строки. Правда, вряд ли можно назвать эти тексты считалками, ибо,

⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 31.

⁷ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. С. 140.

⁸ Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. С. 116—117.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 34.

¹² Осорина М. В. Детский фольклор: зачем он нужен? С. 30.

¹³ См. об этом: Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 376—385.

¹⁴ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. С. 126.

сохраняя словесную структуру, они у младших детей приобретают совсем другую функцию. Мне пришлось наблюдать блестательное исполнение считалки в ситуации, напоминающей известные страницы книги К. И. Чуковского.

Девочка лет пяти в белом платье, в белых колготках, с огромным бантом на голове вышла из подъезда пятиэтажного дома. По-видимому, вместе с родителями она должна была пойти в гости. Родители замешкались и выпустили дочку на улицу чуть раньше. Оглянувшись, она не увидела своих сверстников, но скучать не стала. Отойдя на несколько шагов от тротуара, девочка начала подпрыгивать, громко выкрикивая слова считалки, которую мы часто записываем от детей школьного возраста:

Сидели два матроса,
Курили папиросы,
Один не докурил,
Собаке подарил.

Произнося последние слова считалки:

Начальник удивился
И в яму провалился, —

девочка с удовольствием садилась со всего маху на утоптанную землю. В дверном проеме показалась мама счастливой прыгуньи, а через секунду веселый речитатив считалки сменился громогласным ревом. Праздник бытия прервался так же мгновенно, как начался.

Этот пример показывает, что считалка задолго до того, как ребенок постигнет таинства коллективной игры, находит надежную опору в потребности детей сопровождать движение ритмически организованным словом. Естественно, что и заумные считалки органично входят в контекст орнаментальных стихотворных экспромтов, талантливо введенных в научный обиход К. И. Чуковским. Однако, поскольку речь идет о генезисе явления, мало указать на аналогию. Необходимо понять истоки самой этой детской потребности создавать бесконечные ритмические созвучия, лишенные логического смысла. К. И. Чуковский видит их в первых звуках младенца, «когда, еще не научась говорить, ребенок восьми или девяти месяцев уже услаждается ритмическим лепетом, многократно повторяя какой-нибудь полюбившийся звук».¹⁵

Однако исследования психолингвистов, посвященные анализу закономерностей развития детской речи, свидетельствуют о том, что «отбор звуков» происходит не «в период детского лепета», когда «ребенок произносит самые разные звуки», а тогда, когда «он вступает в стадию нескольких слов (...) то есть в стадию овладения первыми семантическими значимостями».¹⁶ Ритмически организованные звукосочетания возникают в непосредственном предощущении смысла.

Следующий этап в развитии детской речи и мышления связан с периодом развития, который психологи называют «автономной детской речью». «Ребенок раньше, чем начинает говорить на нашем языке, заставляет нас говорить на своем языке. (...) Переход от безъязычного к языковому периоду развития совершается посредством автономной детской речи».¹⁷ Подводя итоги исследованиям, посвященным этому явлению, Л. С. Выготский выделяет следующие его особенности: во-первых, автономная речь ребенка «моторно, т. е. с артикуляционной, фонетической стороны, не совпадает с нашей речью. Это обычно такие слова, как „пу-фу“, „бо-бо“, обломки наших слов».¹⁸ Во-вторых, «значения автономной речи не совпадают со значением наших слов». В-третьих, ребенок, пользующийся словами собственной речи, уже многое понимает в речи взрослых. Речевые новообразования ребенка соотносятся с языком взрослых и ориентированы на него.

¹⁵ Чуковский К. И. От двух до пяти // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 318.

¹⁶ Якобсон Р. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 106.

¹⁷ Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии. С. 325.

¹⁸ Там же. С. 330.

Наконец, четвертая особенность автономной речи — «активное участие ребенка» в ее создании. Это первый период детского словотворчества, связанный с аффективными переживаниями, придающими словам автономной речи особую экспрессивную окраску.

Повышенная эмоциональность определяется и тем, что «значение слов в автономной детской речи всегда ситуационно, т. е. оно получает свою реализацию, когда вещь, обозначаемая словом, находится перед глазами».¹⁹ В слове ребенка выражается не мысль, а восприятие конкретной ситуации. В соответствии с этим слово в детской речи аналогично «нашим восхищениям, с помощью которых мы передаем аффективную оценку, аффективное отношение, эмоциональную реакцию, волевую тенденцию».²⁰

Эмоциональное содержание автономной детской речи связано также с тем, что реализованная потребность в общении доставляет ребенку огромную радость. В сознании говорящего она связана с ритмической организацией парных слоговых сочетаний, составляющих основу детской речи.²¹ Удовольствие, которое испытывает ребенок от произнесения этих упорядоченных звуков, усиливается и закрепляется благодаря тому, что их повторение способствует пониманию со стороны взрослых и дальнейшему словесному общению.²²

По мере того как на смену автономной приходит нормальная речь, звуковые созвучия первых детских слов не вытесняются из сознания ребенка полностью. По аналогии с первыми словами автономной детской речи создаются новые звукосочетания, приобретающие орнаментальный характер и доставляющие ребенку эстетическое удовольствие.

Таким образом, заумь детских стихотворных импровизаций восходит к семантически значимым словам автономной речи. Однако в процессе дальнейших трансформаций, утрачивая логический смысл, ритмические звукосочетания детских орнаментальных повторов не превращаются в бессмыслицу. На первых порах овладения нормальной речью такие «экзерсисы» выполняют очень важную функцию, оценивая которую К. И. Чуковский пишет: «Трудно придумать более рациональную систему упражнений в фонетике, чем такое упорное, многократное повторение звуковых вариаций».²³

Развитие этих вариаций идет в двух направлениях. С одной стороны, по сравнению с предыдущими повторениями конца первого года происходит явное усложнение звукосочетаний, естественное в процессе овладения языком. К. И. Чуковский цитирует строки своего дневника, в котором он зафиксировал ежедневную декламацию своей двухлетней дочери:

Кунда, мунда, карамунда.
Дунда, бунда, парамун.

Другое направление по своим внутренним механизмам противоположно первому: ребенок облегчает фонетику слов ради благозвучия словосочетания; по свидетельству того же К. И. Чуковского, фраза мальчика: «Эку пiku дядя дал», — в результате многократных повторов превратилась через несколько минут в речитатив:

Экикики диди да!
Экикики диди да!²⁴

В данном случае ребенок освободил свою песню не от смысла, а от затруднительных звуков. Произнести «экикики» легче уже потому, что все три согласные здесь совершенно тождественны. В сущности таковы же и гласные, ибо, если

¹⁹ Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии... С. 334.

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ См. об этом: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 318—319.

²² Ср.: «Слог, фонематическая рамка требуют фонематического содержания; рамка и ее содержание являются двумя взаимосвязанными понятиями» (Якобсон Р. Звуковые законы детского языка... С. 111).

²³ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 317.

²⁴ Там же. С. 325.

фонетически записать это слово, получится, конечно, «икиикики», где одни и те же согласные чередуются с одними и теми же гласными».²⁵

Заумные считалки сохранили следы обоих процессов:

Эни, бени, лики, паки,
Буль, буль, буль,
Каляки, шмаки,
Эус, беус, краснодеус,
Бакс!

Эне, бене, рес,
Фунтер, фунтер, жес.
Эне, бене, ряба,
Фунтер, фунтер, жаба.²⁶

Чрезвычайно важно то, что подобные экспромты связаны с определенным эмоциональным состоянием ребенка. Двухлетняя Мура Чуковская нараспев произносила свое таинственное «заклинание», сидя на чемодане и раскачиваясь. Другие строки, зафиксированные внимательным наблюдателем, рождались в момент экстатического восторга, переживаемого маленькими импровизаторами. Таким образом, заумные словосочетания становятся выражением определенного эмоционального содержания, заразительного и понятного детям. Эти наблюдения совпадают с мыслью Г. С. Виноградова о том, что «у детей их заумные слова в меньшей степени заумны, чем у взрослых: для взрослых с их дискурсивным мышлением часто это — набор звуков, лишенных всякого смысла; для детей, мышление которых целостно, для которых и в мире взаимоотношений между внутренней формой и звуковым образом слова нет разорванности, и заумь — прародина языка — насыщена содержанием и может быть названа заумью только условно, применительно к нашему восприятию взрослых».²⁷

К. И. Чуковский вскрывает внутренние механизмы детского коллективного творчества, когда восторженный экспромт одного ребенка подхватывается «коллективом детей, которые чутко улавливают (...) стиховое звучание и (...) начинают пользоваться им для своей экстатической пляски; вовлекая в нее и поэта».²⁸ Чаще всего такое хоровое исполнение ограничивается определенной ситуацией, возбудившей всеобщий восторг. Однако если участникам радостного хорового действия захочется повторить стихотворные строки, они могут стать произведением детского фольклора.

Со временем заумные стишкы не исчезают из детского обихода, а, наоборот, обогащаются. Одна из возможностей такого обогащения непосредственно связана со считалкой. Г. С. Виноградов и О. И. Капица приводят множество примеров, когда основу зауми в считалках составляют слова иноязычного происхождения. У русских детей это воспринятые на слух и переиначенные слова из латыни, французского, а также грузинского, цыганского, молдавского языков. Возникновение такого текста возможно всюду, где соседствуют люди разных национальностей, а их дети оказываются в одной игровой группе. Иноязычные слова не случайно становятся канвой для кружева заумных детских стишков. Чужой язык воспринимается со стороны через целостное восприятие его звучания. Ухо ребенка оказывается особенно восприимчивым к мелодии иноязычной речи. Ее звуки воспринимаются эмоционально и рождают соответствующие ритмические созвучия. С этой точки зрения представляются интересными свидетельства восприятия русской речи нерусскими детьми.

Жительница Ульяновска Л. И. Ярукова (1924 г. рожд.) по национальности коми. Детство ее прошло в комиязычной среде. Русского языка в ту пору она не знала. Первые детские воспоминания женщины связывает с детской пляской под аккомпанемент трех русских слов, которые выкрикивались в плясовом ритме:

²⁵ Там же.

²⁶ ФА УГПИ (Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического института). Зап. 21.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд.

²⁷ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 72—73.

²⁸ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 332.

«ру-ка-ва, кур-ман (карман?), корзинка!». Значения слов дети не знали и не пытались их узнавать. Поразительно совпадение этого свидетельства с описанием явления, распространенного «на первых стадиях поэтического синкетизма», описанного А. Н. Веселовским: «...поют на слова, которых не понимают: либо это архаизмы, удержаные в памяти благодаря мелодии, либо это слова чужого соседнего языка, переселившиеся по следам напева. (...) На островах Тонга поются песни на языке Натоа, которых туземцы не понимают, то же явление наблюдается в Австралии и северной Америке: мелодия передается со словами от одного смежного племени к другому и переживает понимание текста».²⁹

Таким образом, детская заумь — явление константное, повторяющееся из поколения в поколение и генетически восходящее к первому этапе мышления и развития речи. В контексте этого явления вполне органичным представляется сохранение в детском фольклореrudimentov тайной речи. Аналогию такой консервации находим и в исторической поэтике: «Язык „змеиной песни“ индийцев Passamaquoddi непонятен самим певцам, как слова военной песни ирокезов: его словарь либо архаичен, либо принадлежит к *тайным и условным* (выделено мною. — М. Ч.)».³⁰ Однакоrudimentарные остатки лексики тайной речи в детской зауми — только один из элементов гораздо более сложного процесса, не исчерпывающий его полностью.

Примыкают к считалкам, целиком состоящим из зауми, тексты, в которых лишенные логического смысла звукосочетания перемежаются с отдельными словами родного языка, понятными детям:

Чички — мачички,
Погусти — понесто,
Лебедь горасто,
Чиво, риво,
Два алтына,
Луковка.³¹

Эна, бэна,
Три конторы,
Сахар — махар,
Помидоры.³²

Об аналогичных поэтических формах А. Н. Веселовский пишет: «Преобладание ритмико-мелодического начала в составе древнего синкетизма, уделяя тексту лишь служебную роль, указывает на такую стадию развития языка, когда он еще не владел всеми средствами и эмоциональный элемент в нем был сильнее содержательного, требующего для своего выражения развитого сколько-нибудь синтаксиса, что предполагает, в свою очередь, большую смежность духовных и материальных интересов».³³

В приведенных текстах отдельные слова представляют собой вкрапление в заумь, еще не преображая чисто эмоционального звучания текста и не обогащая его смысловыми оттенками. Но уже следующий тип считалок целиком состоит из понятных слов. Простейший, но чрезвычайно важный для понимания явления в его целостности текст в XIX в. записал Д. Н. Садовников на территории Симбирской губернии:

Краюшечка!
Горбушечка!
Звездочка!³⁴

²⁹ Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 205.

³⁰ Там же.

³¹ ФА УГПИ. Зап. 17.07.1978 И. В. Бобровой в с. Аксаур Инзенского р-на Ульяновской обл. от Тани Киселевой, 1970 г. рожд.

³² Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 150. № 103.

³³ Веселовский А. Н. Три главы... С. 206.

³⁴ Садовников Д. И. Детские песни // Симбирские губернские ведомости. 1874. № 46.

На первый взгляд, восклицательная триада считалки кажется случайным набором слов. Однако организация текста определена его интонацией, которая в записи передана графически и через систему восклицательных знаков. Она подчеркивает завершенность каждой строки, состоящей из одного слова. Это однословные предложения, характерные для начального периода овладения родной речью, в которых, как уже отмечалось, выражается аффективное восприятие конкретной ситуации.³⁵ Считалка, состоящая из трех экспрессивных восклицаний, словно отражает взметнувшийся снизу вверх изумленный взгляд ребенка, перед которым открылся огромный мир от «краюшек» хлеба в руке до звезды в небе. Знакомые бытовые реалии, воспринятые столь эмоционально, приобретают субстанциональный смысл, который характерен для них и в контексте народной культуры.

Мир маленького ребенка — прежде всего вещный мир. Предметность — главное свойство воспринимаемой реальности. А мир вещей в условиях XX столетия стремительно изменяется.³⁶ Ребенок фиксирует сегодняшние реалии жизни, ибо на них прежде всего направлено его внимание. Отсюда — динамичное обновление репертуара считалок, которое известно каждому взрослому человеку, сравнивающему то, что известно ему, с текстами, бытующими в среде сверстников его собственных детей.³⁷

В гараже стоят машины:
«Чайки», «Волги», «Москвичи», —
Выбирай себе ключи.
(Var.: От какой берешь ключи?)³⁸

Эта считалка не могла бы возникнуть во времена «фордов», «эмок» и «линкольнов». В сознании современного ребенка ее реалии настолько естественны, что он иногда путает название реки с названием автомобиля.³⁹

Г. С. Виноградов отмечает скудость употребления прилагательных в считалках. Особенно редки в них качественные прилагательные. При целостном, обобщенном восприятии предмета ребенок отождествляет слово с самим этим предметом или наиболее явным его свойством.⁴⁰ Не случайно в считалках, основу которых составляют однословные предложения, называются предметы, вызывающие прежде всего чувственное их восприятие:

Стакан, лимон,
Вышел вон.

Текст этот бытует самостоятельно, но показательно то, что в дальнейшем его развитии, когда происходит движение от слова к предложению, описывающему ситуацию, в описании реализуется первичное восприятие:

Стакан разбился,
Лимон покатился.⁴¹

Сочетание двух слов в первом двустишии закрепилось благодаря рифме с функционально значимой устойчивой игровой формулой. Эта рифма определила завершенность поэтического микротекста. Однако в следующих двух строках проявилось интуитивное стремление ребенка расшифровать обобщенно-сituативное восприятие, закрепленное первой строкой.

³⁵ Выготский Л. С. Мысль и слово // Выготский Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования. М.; Л., 1934. С. 270.

³⁶ См. об этом: Гринин Д. Ленинградский каталог. Л., 1986.

³⁷ Ср.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 119.

³⁸ ФА УГПИ. Зап. 24.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд.

³⁹ Ср.: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 204.

⁴⁰ Это свойство детского мышления доказано известными опытами Ж. Пиаже, в которых детям предлагалось объяснить, как они понимают название предмета. Во всех случаях дети связывали название с известным им признаком (Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л., 1932. С. 156—162).

⁴¹ ФА УГПИ. Зап. 20.01.1990 Е. Ю. Чернышовой в г. Барыше Ульяновской обл. от Сережи Платонова, 1979 г. рожд.

Считалок такого типа в детском репертуаре не так уж и много. Но в наиболее устойчивых из них проявляется безупречное эстетическое чувство, своеобразное детям:

Царь, царица,
Вор, мокрица,
Куколка, балетница,
Вображуля, сплетница,
Мальчик Буратино,
Девочка Мальвина.⁴²

Варианты последних строк:

Задавуля, сплетница,
Мама — рукодельница,
Дочь ее бездельница.

Каждое слово такой считалки вызывает в памяти реальный, поэтический или игровой контекст, т. е. обладает тем свойством апперцепции, или «сгущения мысли», вне которого нет истинной поэзии.⁴³

Поэтический импульс этой формы получает поистине гениальную реализацию в считалочном репертуаре:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич...

Здесь одним штрихом воссоздается не сказочная ситуация, а целый сюжет, созданный по принципу соединения «синкетических образов». Игровая ситуация обогащает семантику этого «сюжета», и в памяти взрослого человека он обретает значение сложного комплекса переживаний, объединенных общим понятием «детство».

К особому типу следует отнести считалки, в которых текст состоит из предикативных конструкций, рифмующихся с числительными:

Раз, два — поехали по дрова,
Три, четыре — прицепили,
Пять, шесть — бьём шерсть,
Семь, восемь — сено косим,
Девять, десять — деньги весить,
Однинадцать, двенадцать —
Кафтан по рубль двадцать.

Множество вариантов этого текста приводит Г. С. Виноградов.⁴⁴

Словосочетания, сопровождающие числительные, кажутся странными, вырванными из контекста фрагментами, появление которых продиктовано необходимостью найти случайную рифму. Настораживает только устойчивость в повторении аналогических синтаксических единиц. А эта особенность между тем восходит к особому типу детской речи, которую проанализировал и описал Ж. Пиаже.⁴⁵ Особенности эгоцентрической речи ребенка тем и определяются, что по своему характеру она фрагментарна и отрывочна. Развивая идеи Ж. Пиаже, Л. С. Выготский пишет: «Ребенок говорит по поводу того, чем он занят в эту минуту, по поводу того, что он сейчас делает, что находится у него перед глазами. Поэтому он все больше и больше опускает, сокращает, сгущает подлежащее и относящиеся к нему слова. И все больше редуцирует свою речь до одного сказуемого».⁴⁶ Чтобы понять эту речь ребенка, нужно знать, что он в данный момент видит или делает. Для самого ребенка предикативные формы, в которых выражается его восприятие и переживания, идентичны иногда целому эпизоду из его жизни. По мере развития эгоцентрическая речь, как показывают

⁴² Личный архив автора. Зап. 9.08.1983 в г. Волгограде от Марины Демяшенко, 1973 г. рожд.

⁴³ См.: Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 148—149.

⁴⁴ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 148. № 87 а—д.

⁴⁵ Пиаже Ж. Речь и мышление...

⁴⁶ Выготский Л. С. Мысль и слово... С. 307.

данные психологов, не исчезает совсем, а переходит в своеобразные формы внутренней речи, для которой «абсолютная предикативность» является законом.⁴⁷

С точки зрения этих закономерностей детского мышления, странная поэтическая конструкция считалки находит свое объяснение. А текст, на первый взгляд несвязный, превращается в яркую, динамичную и многоголосую картину крестьянского быта:

Раз, два — бьют вола,
Три, четыре — причепили,
Пять, шесть — бьют шерсть,
Семь, восемь — сено косим,
Девять, десять — деньги весят.⁴⁸

Интересна функция числительных в этих считалках. В каждой стихотворной строке они располагаются попарно. Рифмуется с предикативной конструкцией числительное, обозначающее четное число. Известно, что рифмующиеся слова ребенок запоминает быстрее всех других (самые маленькие дети «читают стихи» вслед за взрослым человеком, произнося вслух только рифмы). А если учить, что вторая часть строки, следующая за числительными, для ребенка обладает целостностью поэтического образа, становится понятным, что перед нами — блестящий образец парного счета, построенного с учетом опосредствованного запоминания. Предикативные конструкции считалки, таким образом, приобретают в ее тексте функцию «вспомогательных стимулов-средств»,⁴⁹ облегчающих запоминание счета. Таким образом, детский фольклор создает гибкие механизмы воздействия на память, позволяющие совершенствовать «соответствующие естественной природе памяти способы запоминания».⁵⁰

Следующий тип считалок характеризуется тем, что основу текста в них составляет ситуация, выраженная простейшим предложением. Это — результат завершения процесса, суть которого заключается в том, что «смысловая сторона речи идет в своем развитии от целого к части, а внешняя сторона речи от слова к предложению»:⁵¹

Катится горох по блюду,
Ты води, а я не буду.
У Незнайки под подушкой
Лежит мягкая ватрушка.

Лодочка качается,
Парус поднимается.
Раз, два, три,
Лодочка, лети!⁵²

Эти тексты не требуют никакого объяснения. Они легки для запоминания и особенно охотно используются детьми 6—7 лет, только начинающими играть в прятки. Для считалок данного типа характерна «четкая графичность», о которой, анализируя детские стихи, пишет К. И. Чуковский: «...в каждой строке отчетливый зрительный образ, который словно создан для примитивнейшей графики».⁵³

К считалкам этого типа относятся многочисленные заимствования из фольклора взрослых для детей. Это, как правило, первые строки потешек, пестушек, колыбельных, в поэтике которых удивительным образом сохранилась «двухязычная» природа детской речи переходного периода: одна строка двустишья восхо-

⁴⁷ Там же. С. 301.

⁴⁸ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 148. № 87-а.

⁴⁹ См. об этом: Леонтьев А. Н. Развитие высших форм запоминания // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 41.

⁵⁰ Там же. С. 64.

⁵¹ Выготский Л. С. Мысль и слово. С. 303.

⁵² ФА УГПИ. Ф. 1, оп. 12, п. 97, л. 6, 14, 28.

⁵³ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 360.

дит к зауми, вторая — представляет собой простейшую ситуацию, доступную пониманию ребенка:

Тары — бары — растабары
У Варвары куры стары.

Чики — чики — чикалочки
Едет Ваня на палочке.⁵⁴

По этому образцу дети легко создают свои двустишия:

Цан, цан, цан, цан,
Вышел маленький пацан.

Барба — барба — барбарис,
Две цыганки подрались.

Ляли, ляли, ляли,
Два пупсика гуляли.

Очевидно, что в этих текстах значительно изменяется функция зауми. Они — результат развития элементарного синтаксиса и поэзии иного рода. Об аналогичном процессе в первобытной культуре А. Н. Веселовский пишет: «Когда эта эволюция совершится, восклицание и незначащая фраза, повторяющаяся без разбора и понимания как опора напева, обратятся в нечто более цельное, в действительный текст, эмбрион поэтического; новые синкретические формы вырастут из старых, некоторое время уживаясь с ними, либо их устранивая».⁵⁵

Э. Тейлор предполагает, что припевы европейских народных песен, непонятные современному человеку, восходят к этому же явлению: «Эти припевы, по-видимому, сохранились от тех степеней культуры, на которых находятся австралийские дикари, повторяющие „абанг-абанг“ по несколько раз после каждого стиха, или какое-нибудь общество краснокожих индейцев-охотников, которые наслаждаются хоровым пением „ньях эх ва! ньях эх ва!“» — под аккомпанемент трещоток, вроде употребляемых нашими детьми.⁵⁶

Известны многочисленные припевы такого рода в русских песнях.⁵⁷ Однако, если в песне анализируемая форма двустишия чаще всего встречается в припеве, в детском фольклоре это, как правило, начало текста. Как уже отмечалось, маленький ребенок механически запоминает рифмы в конце строки. С возрастом процесс запоминания больше связывается с началом. Первое слово, первая строка воссоздают в памяти структуру целого. С этим связан эффект восприятия первых строк в поэзии: большинство людей, не обладающих феноменальной памятью, массу стихов помнят только по первым строкам, а песен — по первым строфам. Известна ситуация, когда люди, испытывающие определенное эмоциональное состояние, хотят спеть любимую песню, но конфузливо обрывают ее после первого куплета, ибо не помнят продолжения.

Первая строка считалочной зауми служит своеобразным звуковым сигналом, организующим деятельность памяти.⁵⁸ Непонятные звукосочетания запомина-

⁵⁴ Личный архив автора. Зап. 2.09.1989 в г. Волгограде от Жени Гусевой, 1973 г. рожд.

⁵⁵ Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики... С. 206.

⁵⁶ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 162.

⁵⁷ В 1977 г. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл. была записана песня «Во поле береза стояла», в припевке которой есть строки:

«Чувель, мой чувель, чувель-навель,
вель-вель-вель,
Еще чудо, перво чудо, чудо родина моя»,

а в с. Большая Кондаратъ того же района записана считалка:

Чувель, чувель,
Водилке не верь! (личный архив...).

⁵⁸ Леонтьев А. Н. Развитие высших форм запоминания... С. 35.

ются быстрее в силу того, что ухо отличает их особо среди обычных слов. Кроме того, эти заумные первые строчки считалок служат своеобразным камертоном поэтического ритма всего текста в целом.

Постепенно эстетическая функция зауми в тексте усложняется. Известна структурообразующая функция заумных единоначалий, преобразующих прозаический текст в поэзию. К ним относятся известные «Аты-баты», «Цинцы-бринцы». Исследователи неоднократно подчеркивали эффект звукоподражания в этих считалках, приобретающий сюжетную мотивировку в контексте образной поэтической структуры.

Звукоподражания составляют основу считалок, имитирующих дефекты произношения (например, шепелявость: «шишел-мышел») или недостатки в развитии речи («кокол-мокол» по отношению к ребенку, говорящему «коко» вместо «яйцо», «кады» вместо «когда»). Эти считалки явно восходят к дразнилкам. Не случайно звукоподражание приобретает функцию прозвища и олицетворяется:

Кокол — мокол
Яичко слопал.

Кайчин — драйчин,
Шишел — мышел.
Вон пошел.⁵⁹

Кады — бады,
Налей воды,
Корове пить,
Тебе водить.⁶⁰

Таким образом, заумь становится средством создания комического образа. Ребенок самоутверждается, чувствуя свое превосходство над тем, кто в чем-то уступает ему: «ребенку важнее всего быть о себе высокого мнения. Недаром он с утра до вечера ждет похвал, одобрений и так любит тщеславиться своими превосходными качествами».⁶¹ Однако считалка — не дразнилка, и текст последней не воспроизводится в «игровой прелюдии» механически. Благодаря новому контексту обидный смысл дразнилки нейтрализуется, он не обращен ни к кому конкретно, а потому слова, которые вчера обижали, сегодня создают хорошее настроение. Игровая ситуация усиливает смеховое начало текста, снимая напряжение, вызванное недавними конфликтами и ссорами. Игра не только объединяет, но и уравнивает всех участников. В случае, если обидное слово «выпадает» недавнему обидчику, обиженный смеется вместе со всеми. Но смеется и тот, на ком закончился текст считалки, ибо в этом случае насмешка не задевает самолюбия, а приучает к добродушию и самоиронии:

Первый — бравой,
другой — кудрявой,
третий — вишвой,
четвертый — паршивый,
пятый — проклятый,
шестой — со вшой.⁶²

Таким образом, игра становится своеобразной школой нравственного самовоспитания ребенка, развивая при этом у него чувство юмора.

Завершая разговор о трансформациях зауми в считалках, следует отметить, что постепенно звукоподражания приобретают в тексте сюжетную мотивировку. Этот процесс наглядно иллюстрирует известную мысль А. А. Потебни: «Язык не есть только материал поэзии, как мрамор — ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыть наглядное значение слова».⁶³ Счи-

⁵⁹ ФА УГПИ. Зап. 15.11. 1990 Л. В. Шиленковой в г. Ульяновске от Веры Сидневой, 1981 г. рожд.

⁶⁰ ФА УГПИ. Зап. 27.11. 1990 Е. А. Кобяковой в с. Гулюшево Сурского р-на Ульяновской обл. от Наташи Кобяковой, 1976 г. рожд.

⁶¹ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 289.

⁶² Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 150. № 97.

⁶³ Потебня А. А. Эстетика и поэтика... С. 198.

талка «восстанавливает чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону „заумных слов”, вскрывая их внутреннюю форму»:⁶⁴

Шла по полю балерина,
По-немецки говорила:
«Цан — цан — цан», —
Выходи любой пацан.

Кони, кони, кони,
Сидели на балконе,
Чай пили, ложки били,
По-турецки говорили:
«Чаби — чаляби, чаляби, чаби, чаби».⁶⁵

В этих текстах заумь мастерски используется для создания поэтического образа и передает слуховое восприятие чужой речи. Удивительно тонко передана разница в восприятии русским ребенком звуков европейского и восточного языков.

Приведенные считалки — яркое свидетельство изменений не только в функции зауми, но и в структуре поэтического текста. Он заметно увеличивается в размере; ситуация, едва намеченная в простейших двухстрочных считалках, перерастает в затейливый своеобразный «микросюжет». В нем соединяются несколько мотивов, прихотливо и легко сопрягающихся друг с другом по принципу кумуляции. Иногда это кумулятивные конструкции, в которых логические связи предельно ослаблены, сопряжения определены не внутренним содержанием, а ассоциациями внешнего характера:

Шла по полю витамина,
По-немецки говорила:
«Цан — цан — цан»,
Вышел маленький пацан,
А за этим пацаном
Вышла девочка с кольцом,
А кольцо упало,
Девочка пропала.
Девочка проснулась,
А кольцо вернулось.⁶⁶

Кумуляция этого текста определяется не семантикой мотивов, а мгновенной ассоциацией, вызванной последним в строке рифмующимся словом. Таким образом, единица речи (слово) служит своеобразным толчком к развертыванию и движению мысли (строка).⁶⁷ Однако спонтанно возникающая мысль почти не соотносится с предыдущими и последующими. Ж. Пиаже отмечает, что для детского мышления характерно не наличие причинно-следственных связей, а соположение явлений и предметов.⁶⁸ Само наличие кумулятивных связей в тексте — значительный шаг вперед по сравнению с характерными формами эгоцентрической речи. Однако овладение ими дается ребенку не сразу. На помощь в таких случаях приходят клишированные формулы традиционной народной поэзии (отсюда такая широкая цитация фольклора взрослых). Яркий пример такого перехода — считалка из собрания Г. С. Виноградова:

Раз, два — голова,
Три, четыре — прицепили,
.....
Одиннадцать, двенадцать —
На дворе бранятся.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Личный архив автора. Зап. 14.08.1983 в г. Волгограде от Марины Демяшенко, 1973 г. рожд.

⁶⁶ Там же. Зап. 7.07.1983 С. В. Беленькой в хут. Генераловский Котельниковского р-на Волгоградской обл. от Люды Левшиной, 1978 г. рожд.

⁶⁷ Выготский Л. С. Мысль и слово... С. 198.

⁶⁸ Пиаже Ж. Речь и мышление... С. 144—146. Можно предположить, что аналогичный тип мышления в первобытной культуре стал основой появления кумулятивных сказочных сюжетов. В. Я. Пропп указывал на то, что «принцип кумуляции ощущается нами как реликтовый» (Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 248).

О чём они бранятся?
Грош потеряли,
Копеечку нашли,
Пошли они в лавочку.
Что они купили?
Кому — пуговку литую,
Кому — серьгу золотую,
Кому — красный сарафан.⁶⁹

Вариант:

Кому — клин,
Кому — стан,
Кому — красный сарафан.
А попову сыну —
Рубашонку синю.⁷⁰

Здесь последний мотив считалки, состоящий из числительных и рифмующихся с ними предикативных конструкций, разворачивается в микросюжет, подсказанный народной песней.

В это время творчество ребенка определяется способностью комбинировать известные ему словесно-поэтические формулы в некую новую конструкцию.⁷¹ Большая часть считалок, составляющих устойчивый в течение минувшего столетия репертуар, относится к этому типу. Наряду с элементами фольклора взрослых для детей в таких кумулятивных текстах используются и произведения детского фольклора, главным образом дразнилки:

Туки, туки, точки,
Ехал дед на бочке,
Бочка упала,
Дуне на ногу попала.
Дуня ябедой была,
Часового позвала,
Часовой сказал:
«Дурак!» —
Убрай один кулак.⁷²

В приведенной считалке уже очевидно не механическое соединение мотивов, а некоторое последовательное движение от начала текста к его концу. Это свидетельствует о том, что текст приобретает целостность и завершенность в то время, когда функциональный его характер определяется «игровой прелюдией». Ж. Пиаже отмечает, что «отсутствие порядка является более или менее исключением для детей в возрасте между 7 и 8 годами. Оно является правилом между 6 и 7 годами».⁷³

Но логика считалок — логика поэтическая. Поэтика «перевертышей» всецело определяет характер произведений этого типа. Это действительно «игра ума», о которой пишет К. И. Чуковский: «...ребенок — и в этом вся суть — забавляется обратной координацией вещей лишь тогда, когда правильная координация стала для него вполне очевидной».⁷⁴

Аналогии и параллели к считалкам такого типа нужно искать в многочисленных явлениях смехового фольклора. Причудливый, забавный мир этой детской поэзии, созданный по законам фантазии, изумляет, радует, развивает чувство юмора. В этом поэтическом тигле переплавляются самые разные впечатления детской жизни: игра, любимая книга, кадр телепередачи. И возникает миниатюрный динамичный текст, который может послужить блистательной основой любимой детьми мультипликации:

⁶⁹ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 148, № 87.

⁷⁰ ФА УГПИ. Зап. 24.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд. На территории Ульяновской обл. текст записывался в качестве плясовой и колыбельной песни.

⁷¹ Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967. С. 8.

⁷² ФА УГПИ, см. примеч. 7.

⁷³ Пиаже Ж. Речь и мышление... С. 140.

⁷⁴ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 266.

Дядя Степа — великан
Проглотил подъемный кран,
А потом и говорит:
«У меня живот болит».

Мимо облаков
Летел Олег Попов,
Ему четыре года,
Он ходит в детский сад,
Ему дают компотики
И сладкий виноград.

На носу у Филимона
Вырастало два лимона,
Раз лимон, два лимон,
Ты не веришь — выйди вон!⁷⁵

Эмоциональное содержание определяет еще одну важную функцию считалок: «игровая прелюдия» создает радостное, приподнятое настроение и приучает ребенка находить удовольствие в трудной игровой роли.

До сих пор мы почти не коснулись проблемы, которая в исследованиях, посвященных считалкам, рассматривается как одна из главных: функции чисел в поэтическом тексте. Г. С. Виноградов называет считалки, содержащие названия чисел, «числовками». Исследователь справедливо отмечает преображение счета как внелитературного материала в художественном контексте «игровой прелюдии».

По мысли В. П. Аникина, счет (тайный) — генетическая основа считалки, некий ее архетип, со временем теряющий свой первоначальный смысл и потому переходящий в открытое называние числа («голый» счет). Однако ни в одном исследовании нет ответа на вопрос, почему при очевидной изменчивости, текущести лексического состава во многих текстах и сегодня счет является одним из характерных признаков жанра. Анализ считалок, которые Г. С. Виноградов называет «числовками», обнаруживает интересную закономерность: счет в них может прерываться на любом числе после двух. Текстов со счетом «раз», «два» очень немного. В книге Г. С. Виноградова, например:

Раз, два, не воронь,
Беги, как огонь.

Счет до трех распространен значительно больше. Однако и в том и в другом случае текст чрезвычайно прост, как правило, он не превышает двух строк. Последнее в ряду число рифмуется с концом второй строки:

Раз, два, три,
Поди водить ты.

Раз, два, три,
Это, верно, ты.

Раз, два, три,
Огонь, огонь, пли!

Раз, два, три,
Нос утри.

При счете до четырех текст может усложняться. Вторая строка, которая рифмуется с последним числительным первой, становится основой микросюжета:

Раз, два, три, четыре,
Мы стояли на квартире,
Чай пили, ложкой били,
Три копейки заплатили.

⁷⁵ Личный архив автора. Зап. от Ларисы Плосковой, 1975 г. рожд.

Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили,
Ни читать, ни писать,
Только по полу скакать.

Счет до пяти снова представлен в упрощенных конструкциях:

Раз, два, три, четыре, пять —
Это, верно, ты опять.

Интересна в этом ряду считалка, записанная в 20-е гг. в Ленинграде:

Ведьма села на буфет,
Съела тридцать пять конфет,
Раз, два, три —
Это, верно, ты.
Раз, два, три, четыре, пять —
Это, верно, ты опять.
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, десять,
Черт велел ее повесить.⁷⁶

Это не что иное, как обучение счету. Оно происходит медленно, постепенно. Каждое новое приобретение закрепляется рифмой, паузой и повтором. Простейшие конструкции входят составной частью в более сложные, повторяясь в них вновь и вновь. Таким образом, считалка оказывается своеобразным инструментом самообучения, ориентированным на особенности детской психологии.

Известно, что слова, обозначающие числительные, ребенок слышит очень рано: еще в то время, когда он пользуется автономной речью, родители произносят при обучении ходьбе: «раз-два», «раз-два». В соответствии с этим ребенок и сам, едва научившись говорить, произносит эти слова.⁷⁷ По наблюдениям К. Бюлера, «в свободных играх малюток можно услышать: „раз“, „два“, а затем в пестром беспорядке „четыре, десять“ (...) вероятно, в самом начале это вовсе не названия для выстроенных в ряд вещей, а только сопровождающие феномены, просто сопроводительные выражения для самих актов построения в ряд».⁷⁸ Таким образом, первоначально числительные используются не для обозначения числа, а для обозначения множественности предметов.

Как уже отмечалось, в считалках особенно много текстов, закрепляющих запоминание счета до трех. И это не случайно. Именно это число ассоциируется с ощущением множественности. К. Бюлер приводит интересный пример из области психологии животных: «...говорят, что, если в отсутствие кошки-матери унести из гнезда несколько котят, оставив двух или только одного, она по возвращении сейчас же пускается в поиски за пропавшими; если же, наоборот, три котенка останутся, она не замечает отсутствия остальных и не ищет их».⁷⁹ В некоторых древних культурах число «три», как известно, было первым числом, с которого начинался «числовой ряд».⁸⁰

Выше речь уже шла о парном счете, при котором каждая строка, состоящая из количественных числительных, увеличивается на два счета. Эти ступеньки, по которым поднимается ребенок в запоминании счета, интересно сравнить с данными американского этнографа М. Мид. По ее наблюдениям, в племени арапешей в Новой Гвинее «считают только до двадцати четырех, а после этого говорят: „много“; они считают „один“, „два“, „два и один“; „одна собака“, „одна собака и две“; „одна собака и две и одна“, „две собаки“; после шести собак им это занятие уже надоедает».⁸¹

Таким образом, в считалке заложен механизм опосредованного запомина-

⁷⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 45, № 66, 67, 88.

⁷⁷ Бюлер К. Очертки духовного развития ребенка. М., 1930. С. 126.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 37.

⁸⁰ См. об этом: Мифы народов мира: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 630.

⁸¹ Критерии стадий умственного развития // Развитие ребенка / Пер. с англ. М., 1968. С. 79.

ния, основанный на культурном опыте предшествующих исторических эпох и облегчающий ребенку усвоение этого опыта.⁸²

В понимании анализируемого явления интересна еще одна деталь: если «игровые прелюдии» используют самые разнообразные тексты, составляющие поэтический кругозор ребенка дошкольного возраста, то поэтические формулы известных считалок в раннем возрасте приходят на помощь в запоминании счета:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять.
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить.

(ФА УГПИ)

Таким образом, само название «считалка» точно отражает первоначальную функцию этих текстов, ибо по ним не «пересчитывались», а учились считать. Отголоски этой функции можно обнаружить в самих текстах:

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти,
Раз, два, три, четыре, пять,
Я иду искать.

Современная считалка продолжает эту давнюю традицию, вводя в текст усложненные формы счета:

Пятью пять — двадцать пять,
Вышли в сад погулять,
Пятью шесть — тридцать,
Братец и сестрица,
Пятью семь — тридцать пять,
Стали веточки ломать.
Пятью восемь — сорок,
Подошел к ним сторож:
Пятью девять — сорок пять,
«Если будете ломать, —
Пятью десять — пятьдесят, —
Не пущу вас больше в сад».

(ФА УГПИ, ф. 1, оп. 12.
Т. 27, № 15)

По мере того как считалка попадала в игровой контекст, происходила трансформация составляющих ее словесных компонентов. Счет уже освоен и в контексте «игровой прелюдии» перестает быть самоцелью, приобретя функцию эстетическую, аналогичную зауми считалочных начинов. Не случайно заумь возвращается в тексты «игровых прелюдий» благодаря известным изменениям формы числительных.

Рази, двази, тризи, лизи,
Пята, лата, шуни, муни...
(там же)

Именно в этот период открывается простор для самых разных заимствований: отrudиментов тайной речи до непонятных слов чужого языка. Дети не столько используют остаточные явления древних тайных языков, сколько заново творят их в процессе игры, используя для этой цели самый разнообразный словесный материал.⁸³

В свете проделанного анализа остается открытым вопрос об исторических корнях «игровых прелюдий». Он не может быть решен без учета характера исполнения считалок. Г. С. Виноградов отмечал особый тип произнесения — «скандовки», или речитатива. В момент, когда начинается игра, для ее участников важен не смысл текста, а ритм, в котором он произносится. О нем договариваются непосредственно перед игрой (счет «по словам» или «по слогам»). За правильностью выполнения

⁸² О своеобразии восприятия ребенком числа см.: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 236.

⁸³ Виноградов Г. С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. 1924. № 2. С. 87—112.

этого условия строго следят, так как оно связано с непредсказуемостью результата. Таким образом, каждый ритмически организованный элемент текста играет роль вспомогательного инструмента, применяемого при гаданиях о жребии. Интересен в этом контексте комментарий к считалке:

Арам, жим, жим, жим,
Арамия, мусиз,
Посмотри-ка на меня
И раз, и два, и три, —

записанный в 1983 г. в станице Нагавской Котельниковского района Волгоградской области. «Один из считающихся находится в центре круга. Остальные кружатся вокруг него, выкрикивая считалку. На последнем слове тот, кто оказывается лицом к лицу со стоящим в центре, входит в круг. Оба встают спинами друг к другу и на счет „раз, два, три!“ — поворачиваются друг к другу. Если разворот происходит в разные стороны, то оба выходят и счет продолжается без них».⁸⁴

Тут если и появляется счет, семантика которого определена ситуацией, то это счет произвольный, не зафиксированный заранее в тексте. С этой точки зрения, может быть, наиболее близки жанровому архетипу считалки, имеющие форму загадки-вопроса:

Ехала телега,
Сломалось колесо.
Много ли на починку гвоздей —
Сказывай скорей!

Ехал крестьянин,
Сломалась дуга.
Сколько гвоздей
Нужно туда?

Ехал Ваня из Казани,
Сломал Ваня колесо.
Сколько гвоздей,
Говори поскорей!

(Виноградов, № 105, в, б, г)

Неожиданность вопроса, обращенного к конкретному лицу, и произвольность ответа обеспечивают при последующем пересчете случайность выбора — необходимое условие жеребьевки.⁸⁵ Таким образом, жанр игрового фольклора, который сегодня определяется как считалка, исторически восходит к древнейшим жеребьевкам.⁸⁶

Подводя итоги, можно сказать, что поэтика считалки — своеобразный итог, энциклопедия предшествующего мыслительного и поэтического опыта ребенка. В четких ритмах игры она отбирает, шлифует то, что найдено раньше, преобразуя в поэзию случайные поэтические экспромты и бережно сохраняя перлы народной поэзии, обращенной к детям на протяжении многих столетий. Здесь все идет в дело — образ колыбельной, мотив потешки, дразнилки, любимого стишка, многократно повторенного взрослым во время чтения, собственная удачная импровизация. Эта множественность источников определяет необычайную образную пестроту, переменчивость текстов, передающую многообразие изменяющегося мира, воспринимаемого ребенком. Определенные ступени мышления, которые с развитием, с возрастом преодолевает ребенок, не вытесняются новой ступенью сознания, а сохраняются в трансформированном виде, видоизменяя свою первоначальную функцию.

⁸⁴ Личный архив автора. Запись С. В. Беленькой.

⁸⁵ С этим выводом совпадает и характер пересчета, зафиксированный у детей Курской губернии в начале XX в. и описанный В. П. Аникиным (Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки... С. 114).

⁸⁶ Ср. с этим современную попытку обрести счастье с помощью угаданного числа в многочисленных лотереях.

Ф. М. СЕЛИВАНОВ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА¹

С введением христианства в конце X в. на Русь обильно проникает церковно-религиозная литература. Это были не только книги Священного писания (Ветхий и Новый завет) и сочинения отцов церкви, но и многочисленные произведения неканонического, апокрифического (т. е. не признаваемого официальной церковью, еретического) содержания. Для грамотных людей в Древней Руси почти не существовало книг, не имеющих отношения к религиозным учениям. Поскольку центрами распространения книжности были монастыри и церкви, в них и около них группировались читатели и слушатели сочинений на религиозные темы. Предполагается, что создателями и распространителями христианских легенд и духовных стихов первоначально были люди всех сословий, близкие к церквам и монастырям, паломники по святым местам, называемые каликами перехожими (слово калики только в последние века приобрело значения *нищий, убогий, бродячий слепец*). Калики были в определенной мере профессиональными знатоками духовных стихов, нередко они добывали себе пропитание их исполнением. Наличие профессиональных исполнителей духовных стихов не помешало их распространению в среде религиозного крестьянства и благочестивых горожан. Становясь фольклором, духовные стихи не «забывали» своего книжного происхождения: они жили не только в устном бытovanии, но и размножались в списках, включались в рукописные сборники.

Не ставя целью обзор тем и сюжетов духовных стихов, обратим внимание на некоторые принципиально новые качества, обретенные русским фольклором благодаря духовным стихам.

Набор типовых подвигов героев сказок и историко-героического эпоса, если игнорировать конкретные условия, конечные цели и способы достижения пре-восходства над противником, относительно невелик: победа в борьбе (с оружием или без него), в различных состязаниях и играх, преодоление препятствий на трудном пути. Персонажи духовных стихов входят в народный эпос с неизвестными здесь ранее подвигами — мученичества, аскетизма и смирения.

Герои былин, например, не знали физических страданий, боли. Пригвожденный к стене Михайло Потык воспринимает свое состояние только как невозможность действовать. Заточенные в «погреба глубокие» на 30 лет богатыри (Илья Муромец, Дунай Иванович) не нуждаются после освобождения в какой-либо (психологической или физической) реабилитации — они сразу начинают свои богатырские дела. Сухману Одихмантьевичу достаточно закрыть свою смертельную рану «маковым листочком», чтобы остаться в богатырском состоянии до выяснения его правоты (и смерти).

В духовных стихах, следующих за христианской литературой, первый подвиг

¹ При написании статьи автор в основном опирался на стихи, представленные в следующих сборниках: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1890; Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6; Стихи духовные / Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой. СПб., 1912; Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909; Песни русских сектантов-мистиков / Сборник, составленный Т. С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб., 1912.

мученичества за грехи людей принадлежит самому Иисусу Христу, распятому на кресте. Мучениям за веру в Христа подвергаются Егорий Храбрый, святой младенец Кирик со своей матерью Улитой. Их пилят пилами, рубят топорами, бросают в кипящую смолу... Не каждый выдерживает пытки: Улита в страхе перед следующими мучениями согласна принять «веру идолъскую». Но главные персонажи через все мучения проходят. Едва ли их неуязвимость («Егорью ничего не вредило») равнозначна неуязвимости героев волшебных сказок (которые могут в огне не гореть, в кипятке не свариваться и т. п.), получивших свои способности от чудесных помощников. Герои духовных стихов тоже находятся под покровительством — Всевышнего, но это, как правило, предполагается, а не демонстрируется. Главное — их убежденность в своей вере, обеспечивающая победу духовного над материальным, телесным.

В стихах о загробной жизни и о Страшном суде вечная и неутолимая жажда в геенне огненной, различная степень погруженности в кипящую смолу (в зависимости от характера греховности), подвешенность за ребра или за язык, змеи и ящерицы, крысы и мыши, сосущие и грызущие человека, поджаривание на огне и другие муки — вечный удел умерших грешников. Речь идет обычно об их душах, но изображение адских мук таково, что не возникает сомнений в их телесной природе. Абсолютное преодоление телесного во имя духовного при земной жизни доступно немногим, а, считается, только они совершают подвиг мученичества. Осужденные за земные грехи на вечные муки уже не могут покаяться и не получают ни послабления, ни чьей-либо помощи. Телесная боль, физические муки и страдания, как это ни парадоксально, освоены эпосом при изображении поведения в аду «бестелесных» душ.

Царевич Иоасаф, оставив будущее царствование, презрев все блага своего царского положения, удаляется в «пустыню», ест «гнилую колоду», пьет болотную воду, затыкает уши, чтобы не слышать весеннего лесного шума, закрывает глаза, чтобы не видеть ежегодного обновления природы. Свой подвиг аскетизма он творит ради приобщения к Богу («Я Христа в себе приобряшу...»). Мария Египетская тридцать лет стоит на камне, пишет на нем житие свое «ноготочками», питается травой. Она, прежде великая блудница, совершает покаянный подвиг аскетизма и обретает святость.

Алексей, Божий человек, находится на вершине жизненного благополучия: он сын князя, все блага жизни ему доступны. Но он оставляет все, даже невесту в брачную ночь, чтобы стать нищим и «Богу потрудиться». Могли переодеваться в нищенскую одежду и какое-то время быть нищими герои сказок или былин, но это было лишь внешнее преображение. Алексей преображается полностью: он облачается в нищенские лохмотья, изнуряет свое тело постом и молитвою; княжеские рабы, посланные искать Алексея, не узнают его и подают своему бывшему хозяину милостыню. Много лет стоявший на церковной паперти, заслуживший благорасположение самой Богородицы (на иконе) и посланный ею обратно в родной город (Рим), Алексей, никем не узнанный, поселяется в келье у дома своих родителей. Рабы плевали на келью Алексея, обливали его помоями, но нищий все воспринимал «с благодареньем» и за рабов Богу молился. Переход с высшей ступени социальной иерархии на предельно низкую, все невзгоды нищенского бытия — подвиг смирения и унижения, Богу угодный, людям во спасение. Подвиг подобного типа готовы совершить молодые русские князья Борис и Глеб, умоляя своего старшего брата Святополка не убивать их: они не боятся потерять свои жизни, но рады стать рабами у старшего брата только ради того, чтобы тот не погубил свою душу.

Художественное пространство волшебных сказок замкнуто естественными границами непроходимых лесов и гор, рек и морей, за ними иные миры, недоступные простому смертному. «Наш мир» — это земля рода или племени с центром, в котором живет герой. Пространство расширяется в эпоху формирования народностей, этнической консолидации, отражением которой является герический эпос. Унаследовав некоторые признаки сказочного пространства, эпос по периферии своей территории располагает земли народов, с которыми герой ведут борьбу или в которые они ездят по государственным и личным

надобностям. Как и в сказках, здесь еще нет представления о земле в ее законченности.

География духовных стихов масштабнее географии любого из национальных эпосов. В духовных стихах нашла свое отражение история зарождения и распространения христианства. События христианской истории, начинавшиеся в Иерусалиме, постепенно захватывают Ближний Восток и Средиземноморье. Если иметь в виду русские духовные стихи, то в них в процессе устного бытования происходит некоторое смещение центра событий на Русскую землю.

В духовных стихах нашли образное воплощение средневековые представления о земле — она стоит на семи или на трех китах. Это образ цельной земли, находящейся в центре мироздания, состоящего из трех сфер — небесной, земной и подземной. Обозначив Иерусалим и Голгофу (место распятия Христа и могилы Адама) как пуп земли, духовные стихи пытаются представить мироздание в его пространственной и временной завершенности (во время Страшного суда). Стих о Голубиной книге указывает исходные точки становления всего сущего — природного и творимого человеком: Иордан-река — всем рекам мать, церковь Богородицы в Иерусалиме — всем церквам мать, Псалтырь — всем книгам мать, Иерусалим — всем городам отец и т. д. Возникнув в одном месте, все явления центробежно растекаются в осваиваемом человеком все более широком пространстве. Представляет интерес, что начало разным сферам мироздания положили разные творцы. Все небесные явления идут от Бога: солнце — от очей его, звезды — от риз, месяц — от темечка, ветры — от дыхания; социальная иерархия — от человека (и только опосредованно через Адама, творенье божье, от Бога): цари — от головы Адама, князья и бояре — от груди его, крестьяне — от колен; к творенью подземной сферы Бог никакого отношения не имеет: населяющие ее мифологические существа (единорог-зверь, кит-рыба, страфил-птица) — сами по себе родоначальники всего в этой сфере. Эта картина мироздания, конечно, далека от канонически христианской. В ней нашла отражение средневековая дуалистическая ересь, согласно которой Бог и дьявол равновелики по своим возможностям влияния на жизнь людей (по богословской доктрине, Бог всесилен). А поскольку дьявол ближе к людям (свергнут с небес), он и господствует на земле, — иначе трудно было объяснить те бедствия, которые постоянно обрушивались на народы: войны и погромы, неурожай и голод, эпидемии и вызываемая ими массовая гибель людей.

Само по себе представление о мироздании из трех сфер восходит к сказочно-мифологическому эпосу родового строя. Однако родовая мифология, представляя вертикальное расположение трех сфер, по горизонтали ограничивала мир теми преградами, о которых сказано выше.

Упомянутые и неупомянутые произведения из круга так называемых старших духовных стихов (сложившихся с XI по XIII в.), как уже сказано, возникали на основе готовых сюжетов из христианской канонической и апокрифической литературы. Все же это было собственно народное творчество, синтезирующее готовые схемы, собственное осмысление христианских идей и понятий, трансформирующее их в художественную (композиционно-стилевую, словесно-образную и стихотворно-песенную) ткань национального эпического и лирико-эпического фольклора. Духовные стихи — результат эстетического освоения христианства народом, далеко не адекватного освоению христианского учения в его чистоте и полноте. Мировоззрение, отраженное в духовных стихах, — христианско-языческое, «двоеверное».

В старших духовных стихах повествовалось о событиях и людях далекого прошлого, преимущественно первых веков христианской истории. Герои духовных стихов творили чудеса, совершали подвиги мученичества, аскетизма, уничижения. Все это демонстрировало возможности Бога и человека, действовавшего его именем, страдавшего за веру в него. События, изображенные в духовных стихах, могли иметь значение precedента, что подтвердила древнерусская история в ее христианской интерпретации, давшая сюжеты для сложения новых стихов («Борис и Глеб», «Михаил и Федор Черниговские» и др.). Но и стихи, посвященные древнерусским событиям и лицам, складывались как повествова-

ние о давно минувшем и на основе письменных сказаний. Принципиально новое соотношение времени изображаемых событий и времени повествования о них складывается в старообрядческих духовных стихах.

Старообрядчество как религиозное течение (со множеством ответвлений, «толков») начинает формироваться с 50—60-х гг. XVII в., со времени церковных реформ патриарха Никона. Борьба за истинную православную веру, как ее понимали старообрядцы-раскольники (они же наиболее ревностные хранители всего прежнего репертуара духовных стихов), не принявшие реформ Никона, становится объектом изображения в создаваемых ими духовных стихах (чаще называемых псалмами, в жен. р.). Раскольники сами становятся мучениками, пустынниками, гонимыми, обличителями новых церковных и государственных порядков, бытовых обычаев, а их гонителями и мучителями — ныне появившиеся слуги антихриста, Никон и его последователи, священнослужители и все власть имущие, принявшие церковные реформы («О патриархе Никоне», «О временах антихриста», «О разорении скитов» и др.). Старообрядцы длительное время не имели своей государством признанной церкви, и богослужение приняло у них характер «самообслуживания» в обычных избах и молельных домах при исполнении различных треб (крещение младенцев, причастие и т. п.). Они сочиняли ритуальные тексты и песнопения (псалмы). Возникло иное по сравнению с более ранним и официально существующим состоянию христианской культуры. Она, пусть у относительно небольшой части населения, оставаясь ответвлением христианской культуры, становилась собственно народной и даже противопоставляемой официальной христианской культуре (которая в целом народной не стала).

Обратим внимание еще на одну трансформацию христианского мировоззрения — мистическую, культивируемую в сектантской среде хлыстов и скопцов и нашедшую отражение в их песенном творчестве. С точки зрения этих сектантов, евангельский Христос — лишь одно из воплощений Бога в человеке. Бог не может существовать, не воплощаясь в кого-либо из людей, на земле постоянно есть человек-Христос. Таковыми являли себя вожди сектантских общин. Раз есть Христос, в общине должны быть Богородица, пророки, апостолы. В старших духовных стихах и в христианской литературе Христос как непосредственно действующее лицо выступает лишь в своей земной жизни (от рождения до распятия, воскрешения и вознесения); дальше его контакты с человеком, до второго пришествия и Страшного суда, реализуются через видения и сны. Так же общаются с живыми людьми персонажи, закончившие земную жизнь и обретшие сан святых; иногда общение людей со святыми осуществляется через их иконописные образы. У сектантов-мистиков формула «Бог с нами» доведена до абсурда: Христос и святые живут среди нас, постоянно или с перерывами с ними контактируют. Есть, например, сектантский стих, переработанный из былины об Илье Муромце на Соколе-корабле. По стиху, кормчий на этом корабле сам Иисус Христос, его окружают апостолы и пророки, он ведет разговор о спасении корабля среди «мира лютого, злого и дикого» с Матерью Божьей.² Данная картина — аллегорическое изображение сектантской общины во главе с «Христом», которая часто представлялась в виде корабля, плывущего по бурному морю — житейским невзгодам и при враждебном отношении к ней окружающего населения. Та же община могла быть названа садом, который возделывает садовник Христос. Отказавшись от «греховных» собственно народных песен, сектанты переводили их символику на свои аллегорические понятия. Так, рост, цветение, увядание сада или цветов, указывающие в народных песнях на различные стадии любовных отношений, становились аллегорическим изображением состояния общины; свидание с милым переходило в свидание с «Христом», разговор девушки с матерью преображался в диалог женщины, члена общины, с «Богородицей»; переход через реку с различными осложнениями (символ брака, брачных отношений) указывал на трудности общения человека со своими, «божьими людьми». Заменив традиционные обряды на различного рода общинные «радения», сектанты в сущности отказались от народной куль-

² Песни русских сектантов-мистиков. С. 260—261.

туры и к христианской не приблизились. Попытка выработать свою изолированную культуру привела к ее разрушению, деградации личности и изуверству (явление скопчества).

Не затрагивая сложнейшей темы трансформации христианской культуры в так называемой массовой культуре, обратим внимание на явления, возникшие в результате воздействия профессионального искусства в сфере фольклора. Под влиянием выработанного в литературе нового типа стиха, силлабо-тонического, рифмованного и куплетного, в русском фольклоре сложились частушки и многожанровый комплекс городских народных песен. Сказалось это влияние и на духовных стихах.

Последние в русском фольклоре, вероятно, никогда не были единым жанром. Сюжетно-композиционно и стилистически они оформлялись в устном бытovanии то как былины (стихи о Егории Храбром, о Федоре Тироне), то как баллады (стихи на евангельские сюжеты и др.), то как исторические песни (стихи на темы древнерусской истории, старообрядческие), то как лирические песнопения (старообрядческие и сектантские псалмы и «песнопевцы»). С XIX в., времени формирования новых, близких к литературным, народных песен, начинают слагаться (преимущественно в старообрядческой и сектантской среде) и новые духовные стихи, ориентирующиеся на литературные нормы («О смертной памяти», «Гора Афон», «Умоляла мать родная» и др.).

Таким образом, поскольку все основные песенные жанры русского фольклора имеют жанровые разновидности в виде духовных стихов, то история фольклора без духовных стихов так же неполна, как история русской культуры в целом без истории православной церкви.

А Т ХРОЛЕНКО, М А БОБУНОВА

БЫЛИННОЕ СЛОВО В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Среди разнообразных энциклопедических и лингвистических словарей пока не нашлось места словарю языка фольклора. И не только фольклора русского. Причин, видимо, несколько. Главную мы видим в неадекватном восприятии фольклорного слова. Для одних оно ничем не отличается от аналогичного слова за пределами устного народного творчества, а потому вполне достаточно обычных лингвистических словарей, в которых можно пометой «фольклорн.» или «устно-поэтич.» отметить сравнительно немногочисленные уникумы фольклорной лексики. Для других, специально занимающихся устно-поэтическими текстами, народнопоэтическое слово представляется настолько сложным и специфичным, что сложившаяся лексикографическая практика едва ли в состоянии отразить это своеобразие.

Пока что область лексикографии русского фольклора представлена мечтательными высказываниями филологов, начиная с Ф. И. Буслаева, о желательности словаря, пусть на первый случай и весьма ограниченного, указателей эпитетов, географических названий, персонажей, опорных слов и т. п.

Лингвофольклористическая мысль, однако, на месте не стоит, и уже есть публикации, в которых обсуждается не только вопрос о целесообразности словаря фольклорных текстов, но и проблемы практики — база словаря, характер словарника, структура словарной статьи и др. Это прежде всего статьи и выступления С. Е. Никитиной.¹ Лексикографические представления о фольклорном слове и практические предложения исследовательницы во многом созвучны нашим идеям,² важнейшая из которых — текстовая обусловленность сложной и специфической семантической структуры фольклорного слова.³

Как и С. Е. Никитина, полагаем, что лексикографические усилия на первых порах целесообразно ограничить рамками одного фольклорного жанра, с тем чтобы впоследствии совокупность нескольких жанровых словарей, построенных по единой схеме и методике, в итоге дала бы лексикографический портрет фольклорного слова во всей его полноте, статике и динамике.

Группа курсских лингвофольклористов избрала былину, жанр поэтически и лингвистически весьма определенный, достаточно замкнутый, хорошо изученный филологами различной исследовательской ориентации. Базой словаря определены «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (2-е изд. СПб., 1894). Параллельно лексикографически обрабатывается собрание «Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым» (XVIII в.), а также былинные записи XX в.

Перед лингвофольклористами-лексикографами сразу же встало несколько

¹ Например Никитина С Е Словарь языка фольклора принципы построения и структура // История, культура, этнография и фольклор славянских народов X Международный съезд славистов М, 1988 С 288—300

² Например Хроленко А Т Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика 1977 Л, 1979 С 229—241

³ См. Хроленко А Т Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор Л, 1979 Т 19 С 147—156

трудных вопросов, решить которые можно только в процессе создания словаря. Это проблема объема достоверной выборки, состав словарника, структура словарной статьи, автоматизация трудоемкой работы над словарем и т. д.

Работа ведется в двух направлениях: во-первых, составляется слвоуказатель к былинным текстам, в результате чего уточняется словарик и определяются статистические параметры фольклорного текста, устно-поэтического слова; во-вторых, создаются пробные словарные статьи.

Полагаем, что лексикографическое описание фольклорной лексики должно быть организовано не только в жанровом, но и в лексико-тематическом направлении: когда будет выявлен весь круг слов, входящих, скажем, в лексико-тематическую группу «вода» (вода, река, озеро, море, океан, болото, струя, заводь, волна, ручей, устье; также производные — заморский, морянин, водовозница и т. д.), можно будет установить тезаурусные связи между фольклорными лексемами.

Цель настоящих заметок — на примере одного былинного слова *море*, извлеченного из всех трех томов собрания Гильфердинга, предметно показать, как ведется работа над словарем, как строится словарная статья, какую полезную информацию может извлечь из нее фольклорист. Сверхзадача заметок — утвердиться и утвердить других в мысли, что лексикографическая работа стимулирует исследовательскую активность и способствует возникновению новых идей и решению старых вопросов.

Итак, словарная статья, посвященная концепту «море». Приступаем к обсуждению вопросов, которые неизбежно встают перед лексикографом, размышляющим над тем, какова структура словарной статьи в столь необычном словаре.⁴

Заглавное слово. В нашем случае определение начальной морфологической формы заглавного слова затруднений не вызывает. Именительный падеж единственного числа — *море* — полностью соответствует лексикографической практике. Отличие от литературно-языкового аналога — в фонетике: оба слога в различных контекстах могут быть ударными. Ср.:

— А й по синему *морю* ведь он плавает.

(I, 464, 65)⁵

Отправлялись купцы новгородскии
Торговать за сине *море*.

(I, 8, 4)

Как тут-то он поехал что за славно за сине *морё*.

(I, 342, 228)

Полагаем, что фонетическая гибкость лексики должна быть отражена в словарной статье. Вопрос только в том, следует ли отражать частоту того или иного ударения.

Количество словоупотреблений. В отечественной лексикографической практике статистические сведения резко разведены по типам словарей — отражены в частотных и отсутствуют во всех остальных словарях, если не считать эпизодические пометы типа «редко». Думается, что количественные характеристики в словаре языка фольклора будут весьма целесообразны. Возникает вопрос, что считать. Можно за единицу счета взять отдельное словоупотребление. Например, во фрагменте:

По край *моря*, *моря* синяго,
По край *моря* ай веряжского,

.....

Там стояла да хоромина некрытая —

(II, 588, 1)

⁴ О первой попытке такого обсуждения на материале лексемы «ворота» см.: Хроленко А. Т. В поисках оптимальной статьи словаря языка русского фольклора // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания. Тамбов, 1991. Ч. 3. С. 126—128.

⁵ Римская цифра обозначает том «Онежских былин», первая арабская цифра — страницу, вторая — номер стиха, с которого начинается иллюстрация.

три словоупотребления лексемы *море*, а всего в трех томах их 360. Можно учитывать только целые фрагменты былинного текста, в которых использована описываемая лексема, вне зависимости от числа ее употреблений. В трех томах «Онежских былин» фрагментов с лексемой *море* мы насчитали 198. Можно за единицу счета взять предикативные структуры, формально равные одному простому предложению. Во фрагменте:

А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться Садку мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори —

(I, 554, 435)

две из трех предикативных конструкций используют лексему *море*. В этом случае повтор лексемы в пределах такой конструкции, равной обычно стиху, считается как одно словоупотребление. Видимо, подсчет всех словоупотреблений предпочтительнее, ибо, повторяясь в одном узком контексте, лексема обнаруживает разные сочетательные и иные возможности.

Толкование слова. На первый взгляд кажется, что подавляющее большинство лексем в словаре фольклора толкования не потребует, ибо в традиционных устно-поэтических текстах удерживаются в основном слова широко употребительные, общеизвестные. И в нашем случае вроде бы нет необходимости приводить толкование, совпадающее с дефиницией словаря литературного языка: 1. Часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа,⁶ или с определением словаря Даля: «скопление соленогорьких вод в обширных впадинах, раздолах земной поверхности».⁷ Море и есть море. Однако не все так просто. Лексемы устно-поэтической речи обозначают объекты, свойства и действия особого фольклорного мира, а потому они требуют толкования с точки зрения этого мира, менталитета сказителей и носителей произведений устного народного творчества.

Обратимся к наблюдениям, выводам, мыслям этнографов,ialectологов, собирателей и знатоков русского устного народного творчества: «Море — символ неизвестности и погибели»;⁸ «В народных русских заговорах „оcean-море“ означает небо...»;⁹ «До синя моря вези нас — всё будем день и ночь новые песни петь, — объявили в вологодской деревне Каксур, где всякое „синё морё“ издавна и непоколебимо считается концом света, т. е. местом весьма отдаленным»;¹⁰ «...,море” в общеславянском обозначало не только море в нашем понимании, а и озеро, болотистое озеро, болото».¹¹

Замечено, что в «Слове о полку Игореве», близком к восточнославянской фольклорной традиции, слово *море* упоминается 13 раз. Не всегда ясно, «море» ли это, или «озеро» (в XII в. крупные озера могли называться морями). Анализ всех контекстов приводит к выводу: «Образ „моря“ тесно связан с символикой Света и Тьмы: море сначала порождает стихийные силы, закрывающие свет, а затем, способствуя бегству Игоря, помогает возвращению света».¹²

Проанализированные нами былинные контексты довольно убедительно свидетельствуют, что *море* — это ‘граница, отделяющая Русь от чего-то враждебного’. Море противопоставляется русскому, славянскому, христианскому миру. Ср.:

Убил он три орла он три орловища,
А не тех убил, которые летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синим морям.

(II, 549, 11)

⁶ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1983. Т. 2. С. 299.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1979. Т. 2. С. 346.

⁸ См.: Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб., 1905. Т. 5. С. 539.

⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 1. С. 121.

¹⁰ Колпакова Н. П. Песни и люди. Л.: Наука, 1977. С. 85.

¹¹ Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 129.

¹² Горский А. А. «Море» в «Слове о полку Игореве» // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 3. С. 76.

Из текста другого кижского сказителя:

Убил три орла, три орловица;
Не тех, которы летают на святой Русе,
Которы летают над синем морем.

(II, 488, 12)

Перед составителем встает нелегкий вопрос, как представить данную часть словарной статьи, — сконструировать ли некую интегральную дефиницию, включив все известные составителю мнения о семантике того или иного былинного слова и тем самым взяв на себя полную ответственность за достоверность толкования лексемы другими исследователями, или дать мнения с указанием авторства. Решение этого нелегкого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что толкование семантики того или иного фольклорного слова не связывается с жанром.

Избранный же нами жанровый подход к лексикографическому описанию устно-поэтической лексики требует предельной корректности в толковании значения и смысла слова. Нельзя выводы, сделанные из наблюдений над сказочными или заговорными текстами, обобщать и переносить на тексты другого жанра. И в то же время при изучении, скажем, былинного слова нельзя не учитывать весь объем фольклорных, этимологических, диалектных и других этнолингвистических знаний. Фольклорные жанры специфичны, но они и связаны друг с другом различными, подчас плохо еще изученными синхронными и диахронными связями. Многое прояснилось бы, если бы лексикографическая работа над словом *море* одновременно велась на материале всех жанров, а также других видов народного и средневекового русского искусства.

Морфологические варианты заглавного слова. Лексема *море* выступает в двух вариантах. Основной — *море*. Другой вариант — *морюшко* — представлен всего семью примерами, напомним, на 198 фрагментов с 360 словоупотреблениями, в которых зафиксирована лексема *море*. Настойчиво напрашивается вывод, что столь незначительное число словоупотреблений с уменьшительно-ласкальным суффиксом обусловлено в целом негативной коннотацией, присущей русскому фольклорному слову *море*, о чем говорилось выше. И это на фоне сравнительно слабой потенции рассматриваемой лексемы к морфологическому варьированию. Обращение ко всем семи контекстам, где употреблено *морюшко*, надежной базы для достоверных выводов об условиях появления деминутива не дает: «Торговали за морюшком» (I, 8, 4); «Подъехал к морюшку, где насмотрел две лебедушки» (II, 147, 13); «Две лебедушки-девушки улетели за морюшко» (II, 148, 35); «Сине морюшко сколыбается» (II, 277, 22); «Казань устьем выпадает в морюшко Черное» (II, 386, 6), аналогично: (III, 104, 7); «...бежать сине морюшко на околь» (II, 691, 4). Видимо, прав Ю. Абызов, переводчик латышских дайн на русский язык, утверждавший, что в русском песенном фольклоре формы существительных с уменьшительными суффиксами — явление более окказиональное, экспромтное, вариативное, тогда как в латышском — это инвариант.¹³ И тем не менее лексикограф обязан не только специально отметить все морфологические варианты заглавного слова, но и привести их количество. Одна цифра — просто цифра, совокупность их — уже статистика. Статистика в лингвофольклористике полезна. Известны интересные попытки составить, например, шкалу грамматических и тематических предпочтений суффиксов.¹⁴ Мы сознательно придерживаемся мнения, что создаваемый словарь должен содержать в себе максимум информации, обеспечивающей базу исследований, темы которых филологическая наука еще пока даже и не сформулировала.

Словообразовательные связи. Лексема *море* входит в ряд однокоренных слов:

¹³ См.: Абызов Ю. «Исполинские малютки...» (Заметки переводчика) // Слово в нашей речи. Рига, 1985. Вып. 5. С. 83.

¹⁴ См.: Червинский П. П. Словообразовательные и лексико-синтаксические типы языковых единиц в народной песне // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы. Общественные науки. 1987. № 3. С. 116.

прилагательные — *морской*, *заморский*, *поморский*; существительные — *заморяне*, *моренин*, *моренушка*. Наличие такого ряда, во-первых, — основа для более глубокого проникновения в семантику описываемых слов, во-вторых, — основание для формирования сетки тезаурусного описания каждого из входящих в ряд слова.

Изофункциональные слова. Исследуя семантическую структуру фольклорного слова, мы пришли к выводу о том, что слово, и прежде всего слово часто употребляемое, опорное, в устно-поэтическом тексте существенно расширяет свой смысловой объем, совмещая видовое и родовое. Поскольку семантика каждого слова, входящего в одну лексико-тематическую группу, включает в себя в порядке расширения одно и то же родовое обозначение, поскольку слова этой группы становятся своеобразными синонимами, не будучи таковыми за пределами фольклорных текстов.¹⁵ В силу особого текстового синонимизма слова одной лексико-тематической группы замещают друг друга, не разрушая в конкретных текстах сложившихся синтагматических и парадигматических связей. Такие слова можно назвать изофункциональными. Для *моря* изофункциональными могут быть существительные *река*, *озеро*, которые называют преграду между своим и чужим мирами. Полагаем, что и такая форма связи слов на уровне функционирования должна быть отражена в словаре языка фольклора как специфическое и достаточно устойчивое свойство устно-поэтического слова и текста. Небольшую часть изофункциональных слов можно назвать и до составления словаря, однако всю совокупность их можно представить только в итоге работы над словарем, когда будут определены все важнейшие связи слов каждой лексико-тематической группы.

Синтагматические связи заглавного слова. Лексикографическое описание синтагматических связей существительного ведется в трех направлениях: связи с прилагательными, существительными и глаголами.

Постоянные эпитеты и эпизодические определения. Лексема *море* без атрибута отмечена в 37 случаях. Во всех остальных случаях *море* сопровождается определением.

Учитывая разнообразие числа и порядка следования определений, описание ведем с учетом следующих типов атрибуции: 1) атрибутивная пара (*сине море*); 2) атрибутивный ряд (*синее славное море*); 3) атрибутивная пара с наращением (*синее море черное*).

Сине море — самая частотная атрибутивная формула (116 примеров). Другие пары единичны: *Дунайское* (3), *Чёрное* (2), *глубокое* (2), *широкое* (1).

В былинах широко распространен атрибутивный ряд *славное сине море* (22). Преобладают краткие формы прилагательных, хотя используются и полные. Случай инверсии эпитетов (*синее славное море*) единичен. Примеры других атрибутивных рядов — *тихое Дунайское синее море* (1), *синё русское море* (1), *синее дунайское море* (3), *синее варяжское море* (4).

Среди атрибутивных пар с наращением нет сколько-нибудь частотных структур: *славное море персидское* (1), *славное море Каспийское* (3), *сине море соловое* (3), *сине море черное* (2), *черное море турецкое* (возможно: *турецкое море черное*) (4), *синее море турецкое* (1), *синее море глубокое* (1).

К атрибутивным парам с наращением близки пары с эпитетом в постпозиции по отношению к определяемому существительному. Имеем в виду случаи типа *море каримское* (1), *море Каспийское* (1), *море турецкое* (2). Поскольку существительное *море* в подавляющем большинстве случаев определяется препозитивными эпитетами, среди которых доминирует прилагательное *сине*, поскольку наличие любого постпозитивного эпитета, кроме прилагательного *сине*, вызывает ощущение наличия нулевого препозитивного атрибута: Ø *море каримское* (*каспийское*, *турецкое*) (Ø — знак нулевого языкового объекта).

Второй эпитет после прилагательного *сине* — прилагательное качественное (*славное*, *солоное*, *глубокое*) — реже, прилагательное относительное, называющее географический объект (*Каспийское*), — чаще. Географическая адекват-

¹⁵ См.: Хроленко А. Т. 1) Семантика фольклорного слова / Деп. ИИИОН РАН № 43826 1.02.91; 2) Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 147—156.

ность лексем *персидский*, *варяжский*, *турецкий* и т. п. весьма сомнительна. В специальной литературе на примере существительного *Дунай* и производного от него прилагательного убедительно показана размытость семантики слов из репертуара географических наименований.¹⁶ Совершенно не обязательно, что *море чёрное* это *Чёрное море* (Понт Эвксинский). Достаточно проследить по былинам, куда впадает Волга. Она впадает и в Каспийское море (III, 222, 10), и в море Каримское (III, 222, 1), и в море Черное (III, 228, 14).

Во всех «морских» «географических» определениях наличествует сема ‘враждебный’. Поэтому важно не то, что конкретно обозначает второй, «географический», эпитет, важно, что он усиливает и по-своему конкретизирует идею ‘враждебность, смертельная опасность’, которая в неявном виде представлена в лексеме *сине(е)*. Известно, что в цветовой символике русской древности печаль символизировалась синим цветом, поэтому вино, поднесенное во сне Ярославу в «Слове о полку Игореве», — синее.¹⁷ Можно полагать, что эта «печальная» символика синего цвета — явление сугубо национальное, ибо, скажем, у монголов синий цвет — символ верности, вечности, постоянства, поскольку синее ассоциируется с небом.¹⁸

Наличие нескольких «географических» определений при общности части их семантики позволяет былинному певцу строить фантастические маршруты дальних и опасных плаваний:

Поезд держал из *Чернаго*,
Из *Черна моря* во *Бело море*,
Из *Бела моря* во *Свирийское*,
Из *Свирийского моря* во *Китайское*,
Из *Китайского моря* в *Окиян-море*.

(II, 437, 50)

При этом в ряду «географических» определений возникает своеобразная иерархия степени отдаленности. Причем определения могут одновременно относиться к одному и тому же морю:

По морю морю морю *синему*,
По тому по морю по *Веряйскому*,
По тому по морю по *Дунайскому*,
Из-за того ли острова Кодольского
Бежит побежит тридцать кораблей.

(III, 51, 1)

В свое время Ф. И. Буслаев мечтал: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным».¹⁹ Думается, что наш словарь языка русского фольклора позволит осуществить идею замечательного русского филолога.

Атрибут-существительное. Отмечено всего одно существительное, вступающее в синтагматические отношения с лексемой *море*. Это слово (*о*)*киян*:

А как ведь проснулся Садке купец богатый новгородский
А *й в Окиян-мори* да на самом дни.

(I, 555, 450)

— Подошла бы ты ко славному к *Киян-морю*,
— Бросила бы ты да этот камешок в *Киян-море*,
— В *Окиян-море* глубокое.

(II, 79, 179)

¹⁶ См.: Балашов Д. М. «Дунай» // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 95—114; Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

¹⁷ Ср. с иным объяснением словосочетания *синее вино*: Абаев В. И. Ратерга I. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 40—41.

¹⁸ См.: Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. С. 162.

¹⁹ Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941. С. 183.

«Словарь русского языка XI—XVIII вв.» фиксирует: «Море окиян — огромное водное пространство, океан (чаще о Северном Ледовитом океане)».²⁰ Зная о тотальной тенденции к семантическому расширению и превращению денотативного значения в оценочное, можно предположить, что *(о)киян*, как и *дунайский* — знак большого, далекого и опасного моря.

Синтагматические связи с глаголом во многом зависят от того, какую синтаксическую функцию выполняет существительное — является ли субъектом, объектом или обстоятельством. Преобладает функция обстоятельства, что оправдано самой семантикой лексемы. Поскольку часть словарной статьи, посвященная синтагматическим связям существительного с глаголом, достаточно объемна, возникает вопрос о способе словарного представления этих связей. Алфавитный порядок глаголов с предлогами едва ли применим. Считаем целесообразным группировать глаголы по признаку семантической близости. В случае с существительным *море* просматривается несколько таких групп.

Море — субъект (подлежащее): вскулыбаться (1), всколыбаться (5), колыбаться (1), сколебаться (3), сколубаться (1).

Море — объект (дополнение): бежать м. (5), (с)петь м. (10), сказать м. (4), играть от м. (1).

Море — обстоятельство: быть (Ø) на м. (9), за м. (3), из-за м. (6), у м. (2), ко м. (1), в м. (1), мало в м. (2).

Выйти (впадать — о реке) (1), выбежать ('впадать' о реке) (1), выпасть (то же) (4), дать устье в м. (1).²¹

Бросить в м. (4), кинуть в м. (4), отпустить в м. (1), отпустить ('опустить') в м. (1), броситься в м. (1), спустить в м. (5), спуститься в м. (2), выбрать в м. (1), взять в м. (1), идти в м. (2), ложиться в м. (1), метать в м. (1), положить доску на м. (1), спустить на м. (4), тонуть в м. (1), отправиться в м. (1).

Лежать в м. (4), жениться в м. (5), сказать в м. (1), гинуть в м. (1), оставить в м. (1), плясать в м., платить в м. (1), оставаться на м. (1), проснуться в м. (1), повырвать струны в м. (1), пойти пир в м. (1), принять смерть в м. (1), требовать в м. (4), ходить щукой в м. (1), врезать (врезвить) в м. (4), поминать в м. (1).

Послать к м. (1), отпустить ко м. (1), отметить на м. (1), идти ко м. (1), пойти к м. (1), прийти к м. (1), полететь к м. (1), подойти к м. (1), сходить к м. (4), выехать на м. (5), вывести детей на м. (1), уехать ко м. (1), сходиться на м. (1), поездить к м. (1), (по)ехать к м. (3), приехать к м. (2), подъехать к м. (1).

Стоять на м. (2), стоять у м. (1), стоять по край м. (1), жить по край м. (1), сидеть на м. (1), скакать около м. (1), поехать о м. (1), снести край м. (1).

Повынести из м. (1), достать со м. (1), достать от м. (4), ломать на м. (2), глядеть во м. (2), разрушиться в м. (1), устояться на м. (1).

Выехать среди м. (1), выплыть по м. (1), бежать по м. (1), плавать по м. (6), бродить по м. (1), летать по м. (3), летать над м. (1), плавать на м. (1), побежать по м. (1), встретить среди м. (1), гореть на м. (1), делать нечего на м. (1), ездить по м. (1), скакать по м. (1), призатемниться среди м. (2), пойти завеять по м. (1), понести по м. (1), разбить на м. (1), разметаться на м. (1).

Отправиться за м. (1), (по)ехать за м. (8), съездить за м. (1), уехать за м. (2), (у)летать за м. (2), пойти за м. (1), жить за м. (2), быть за м. (1), закатиться за м. (1).

Сватать(ся) за м. (3), отдать замуж за м. (2), выдать за м. (4).

Торговать за м. (1), купить за м. (1).

Держать путь из м. в м. (1).

Наехать из-за м. (4), приехать из-за м. (1), выйти из-за м. (1), налететь из-за м. (1), вылететь из-за м. (1), (по)ехать из-за м. (2), налететь из м. (1), прилететь из м. (1).

Не во всех случаях можно легко определить, к глаголу или существительному синтагматически притягивается описываемая лексема. Например: «Есть морян-

²⁰ См.: Словарь русского языка XI—XVIII вв. М.: Наука, 1982. Вып. 9. С. 263.

²¹ Перед нами ряд из четырех синонимов с общей семой 'впадать' (о реке).

ка из-за синя моря» (III, 294, 29). Разграничение несогласованных определений и обстоятельств при предикативе, выраженным бытийным глаголом, — традиционный предмет научного и методического спора в русистике.

Характерно также, что нет устойчивых, многократно повторяющихся словосочетаний существительного *море* с каким-либо одним глаголом. Частотность большинства словосочетаний равна единице.

Как видим, сочетания описываемого существительного с глаголами достаточно отчетливо рисуют былинную картину мира, тот его фрагмент, где «расположено» море. Ни разу лексема *море* не выступила в функции обращения. Причиной тому, как нам представляется, имплицитно присутствующая отрицательная коннотация, свойственная этому существительному.

Ассоциативные связи. Помимо тесных — в пределах одного стиха (одной предикативной конструкции) — синтагматических связей в фольклорных текстах актуальна и другая связь — связь, объединяющая лексемы одной и той же части речи, функционирующие в смежных стихах и изоморфные в грамматическом отношении. В свое время, описывая эту специфическую форму тяготения слов в народно-песенном тексте, мы предложили назвать ее ассоциативным рядом.²² Ассоциативный ряд (AP) включает в себя два и более слов одной части речи и весьма часто одного лексико-тематического поля, расположенных в смежных стихах. Само терминологическое обозначение «ассоциативный ряд» не очень удачно из-за полисемантичности слова *ассоциация*. Да и последующий анализ показал, что рассматриваемая связь шире, нежели объединение слов только одного лексико-тематического ряда. А. Н. Сабынин, описывая данные конструкции в русских былинах, по нашему совету использовал термин «дискретно-ритмическая конструкция» (ДРК).²³ Впрочем, едва ли следует отказываться и от термина «ассоциативный ряд».

Полагаем, что в лексикографическом описании указание на AP (ДРК), элементом которых является представляемая лексема, весьма целесообразно, ибо в этом случае хорошо видна текстообразующая роль каждого устно-поэтического слова. Картотека лексемы *море* дает примеры нескольких рядов, среди которых есть и единичные, и повторяющиеся. Наиболее частотны два двухэлементных ряда — *море/поле* и *море/люди*:

Не тот орёл, кой по полям летат,
А тот орёл, кой по морям летат.

(III, 222, 29)

Старину спою синему морю на тыйшину,
Добрым людям на послушанье.

(I, 288, 736)

Первая ДРК *море/поле* универсальна, поскольку используется во фрагментах различного содержания.²⁴

Единичны двухэлементные ДРК типа *море/заводъ* (3), *остров/море* (1), *Русь/море* (2), *море/камень* (1), *река/море* (1), *море/куст* (1), *горы/море* (2).

Нередки в былинных текстах ДРК с тремя и четырьмя элементами. Все они встречаются во фрагментах с описанием пространственной ориентировки персонажа.

Шукой рыбью ходить Вольгъ во синих морях,
Птицей соколом летать Вольгъ под ёболовкъ,
Волком и рыскать во чистых полях —

(II, 5, 7)

²² См.: Хроленко А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 3—12. С. Е. Никитина называет это явление «ассоциативным комплексом». См.: Никитина С. Е. Словарь языка фольклора. С. 298.

²³ См.: Сабынин А. Н. Основные виды дискретно-ритмических конструкций в текстах русских былин: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

²⁴ О семантике ДРК *поле/море* см.: Хроленко А. Т. Чистое поле, синее море // Русская речь. 1986. № 4. С. 108—113.

мир трех стихий — воды, воздуха и земли.

А й конь ведь реки-озера перескакивал,
А й ён мхи болота промеж ног пущал,
А й как сини моря тыи кругом бежал —
(Ш, 128—129, 72)

путь стремительного движения богатыря.

Вариативность трех- и четырехэлементных ДРК в сравнении с двухэлементными гораздо выше, и потому устойчиво повторяющихся конструкций мы здесь не найдем, хотя приведенные выше примеры не единичны. Полагаем, что в словарной статье фольклорной лексемы следует отмечать только устойчивые ДРК типа *поле/море*.

Фразеология в структуре словаря. Лингвистические словари в обязательном порядке фиксируют и фразеологизмы, в которых функционирует описываемое слово. Думается, что словарь языка фольклора не должен быть исключением. Однако и здесь проявляется своеобразие устно-поэтической лексемы, которая может входить и во фразеологизм в узком и общепринятом смысле этого термина (идиому), и в так называемый поэтический фразеологизм. В своей монографии мы пытались доказать наличие в фольклорных текстах трех типов устойчивых структур, в совокупности и составляющих поэтическую фразеологию. Это: 1) биномы (*чисто поле*, *гуси-лебеди*, *ковыль-трава*, *грусть-тоска*), 2) ассоциативные ряды, или ДРК, 3) блоки.²⁵

Для лексемы *море* характерны такие поэтические фразеологизмы, как бином *сине море*, ассоциативный ряд *поле/море* и блок типа:

Тут век про Добрыню старину поют:
А синему морю да на тишину,
А вам добрыим-тым людям на послушанье.
(П, 453, 334)

Дополнительная информация. Считаем целесообразным завершить словарную статью дополнительной информацией: 1) исследования, в которых описывается или характеризуется данная лексема; 2) пометы о региональном характере слова; 3) принадлежность идиолекту определенного певца. Само собой разумеется, что эта дополнительная информация будет присутствовать далеко не во всех словарных статьях по причинам как объективным (общераспространенность слова), так и субъективным (лексика фольклора описана выборочно и в значительной мере поверхностно). Выявление пластов региональной лексики в фольклорных текстах («фольклорные диалекты») и описание идиолектов выдающихся носителей фольклора — это задача будущего нашей лингвофольклористики.

Можно надеяться, что успех, а равно и неуспех предприятия по созданию словаря языка русского фольклора непременно активизирует интерес лингвистов и фольклористов к народнопоэтической лексикологии и лексикографии, ибо в центре внимания исследователей предстанет народное слово со всеми его языковыми, текстовыми и ментальными связями.

²⁵ См.: Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.

Д. Ж. БЕЙЛИ

ТРИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ РАЗМЕРА

По сравнению с другими областями русской фольклористики стихосложение народных песен изучено мало. Между тем исследование только такой его стороны, как песенная ритмика, дает возможность понять, как создается устная поэзия и какую роль стиховые размеры играют в образовании песенных жанров. Кроме того, знание ритмической структуры песен может облегчить задачи текстологии народной поэзии. Наконец, путем сравнения метрики русского народного стиха и других славянских языков можно показать сходства и различия в народных традициях.

Разногласия во взглядах на народный стих¹ начинаются с тех самых пор, как Тредиаковский в 1735 г. заявил, что его реформа русского силлабического стиха опирается на хорейический стих в народных песнях.² Музыкovedы занимаются по большей части лирическим стихом и соотношением между напевом и словесным текстом;³ стиховеды сосредоточивают свое внимание на эпическом стихе.⁴ Естественно, их выводы не совпадают. Некоторые музыкovedы считают основой ритмической организации многих лирических песен силлабический стих; по мнению стиховедов, изосиллабизм (равносложность) в русской народной поэзии исчез очень рано и размер былины — это разностопный хорей или акцентный стих с определенным числом главных ударений в строке, но с переменным числом слогов между ними.

Напомню наиболее авторитетные и смелые гипотезы о происхождении и исторической эволюции русского народного стихосложения. Н. С. Трубецкой впервые выдвинул идею, что древнерусский эпический стих состоял из десяти слогов и делился цезурой на полустишия в 4 + 6 слогов наподобие сербо-хорватского десетераца, но эта форма была разрушена потерей слабых еров в XII в.; именно эта потеря привела к развитию акцентного стиха.⁵ Расширяя гипотезу Трубецкого, Роман Якобсон предположил, что дактилическое окончание в русском эпическом стихе является инновацией, что эпический стих приобрел при этом добавочный одиннадцатый слог и что до разрушения силлабизма эпическим размером был 5-стопный хорей.⁶

¹ Обзор теорий о русском народном стихе см.: *Bailey James. The Metrical Invariant in a Russian Lyric Folk Song // Russian Verse Theory. Columbus; Ohio, 1989. S. 23—56; Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952. С. 17—135.*

² Тредиаковский В. К Новому и краткому способу к сложению российских стихов... // Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 383—384.

³ См.: Бачин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха // Фольклор 1981: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 94—139; Руднева А. В. Ритмика стиха и напева в русской народной песне // Изв. на Института за музика, Българска академия на науките. 1969. Т. 13. С. 303—334.

⁴ Срезневский И. И. Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен // Изв. второго отделения АН. 1860—1861. Т. 9. № 5. С. 345—366; Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины // Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 352—358; Jakobson R. Slavic Epic Verse // Selected Writings. The Hague, 1966. Т. 4. С. 414—463; Тарановски К. (рец.). Роман Jakobson. «Studies in Comparative Slavic Metrics» // Прилози за кн ижевност, језик, историју и фолклор. 1954. Т. 20, вып. 3—4. С. 350—360.

⁵ Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины. С. 356—358.

⁶ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 434—444.

Просодические принципы и ритмические характеристики русского литературного стихосложения изучены гораздо лучше,⁷ чем народного стиха. Изучение литературного стихосложения стало возможным благодаря применению так называемого «русского метода», основанного на учете фонетических и просодических особенностей русского языка. Сначала предлагается точное описание того, как поэты пользуются своим языком, чтобы создать ритмику стихов, а затем на основе статистических подсчетов выводится просодическая теория. Этот объективный метод изучения русского стихосложения применялся мало к анализу народного стиха.

В настоящей статье предлагается краткое изложение книги автора «Три русских лирических народно-песенных размера»,⁸ в которой пересматриваются существующие теории народного стиха, делается попытка заполнить несколько пробелов в изучении народного стихосложения и предлагается методология для анализа словесного ритма лирических народных песен. В первой главе обсуждаются проблемы изучения народного стиха, во второй главе — термины и методология, в третьей главе освещаются особенности народно-песенной акцентуации, а в четвертой — народно-песенного силлабизма (слоговые сокращения и удлинения, которые употребляют певцы, чтобы слагать равносложные строки). Пятая, шестая и седьмая главы основные: они посвящены ритмическому разбору стиха 5 + 5 слов, 4-стопного хорея с дактилическим окончанием и одного типа 2-ударного акцентного стиха с дактилическим окончанием; в восьмой главе предлагается типология всех народных размеров с дактилическим окончанием. В девятой главе даются выводы и предлагаются темы для будущего исследования. В книге имеются четыре приложения, словарь народно-песенной акцентуации и библиографии справочников, исследовательских публикаций (свыше 800) и сборников народных песен (500).

Глава первая. Введение. Здесь дана попытка объяснить один из центральных вопросов русского народного стиха — почему в нем так часто встречается неравносложность, тогда как в народном стихе других славянских языков обычно соблюдается равносложность. Для пробного исследования были выбраны три размера со схожей ритмической структурой: два типа равносложных размеров и один тип акцентного стиха. В каждом из них 3-й слог от начала и 3-й слог от конца постоянно ударяется: х х ъ... ъ х х.⁹ Эти три размера состоят из двусложного «анапестического» начала и двусложного «дактилического» окончания, но они отличаются друг от друга числом слогов в интервале между двумя главными ударениями. В 9-сложном 4-стопном хорее с дактилическим окончанием (Х4д) строки равносложны, но не имеют цезуры; в 10-сложном размере 5 + 5 строки также равносложны, но имеют цезуру, разделяющую строку на два 5-сложных полустишия; в 2-ударном акцентном стихе с дактилическим окончанием (А2д) число слогов в интервале варьируется от 2 до 6. Для анализа песен, сложенных в форме 5 + 5 и 2-ударном стихе, были рассмотрены все жанры, для анализа песен в 4-стопном хорее — только свадебные песни. Приводим ритм этих трех размеров и количество изученных песен и строк:

X4д	ххххххххх	9 слогов (431 песня, 9593 строки)
5 + 5	ххххх! ххххх	10 слогов (318 песен, 6074 строки)
A2д	ххх...ххх	8—12 слогов (292 песни, 6309 строк)

При анализе народного стиха приходится учитывать по крайней мере восемь важных моментов, отражающих специфику народной поэзии. Во-первых, народные песни существуют в вариантах и устойчивого текста не имеют, тогда как литературные стихотворения обычно обладают устойчивым текстом. Во-вторых, в самом языке народной поэзии имеются традиционные черты, отличающиеся

⁷ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.

⁸ Bailey James. Three Russian Lyric Folk Song Meters. Columbus; Ohio, 1993.

⁹ В обозначении ритма х — слог, ъ — главное, или фразовое, ударение, ּ — слабое, или словесное, ударение, ! — цезура.

от современного литературного языка; поэтому необходимо произвести подробное предварительное исследование акцентных и слоговых вариантов в народной поэзии. В-третьих, необходимо помнить, что требования к записыванию и редактированию народных песен с XVIII в. и до наших дней сильно менялись.¹⁰ Многие собиратели и редакторы сознательно или бессознательно приспособливали язык народной поэзии к нормам литературного языка, искажая словесный текст песен. Только постепенно собиратели поняли, что необходимо записывать словесные тексты во время музыкального исполнения, а не в устном пересказе, разрушающем ритм.¹¹ В-четвертых, из-за того что напев лирических песен может вызвать разного рода вербальные повторения, приходится решать сложный вопрос о том, что именно представляет собой «словесный текст» для анализа. В-пятых, необходимо принимать во внимание жанр песен ввиду несомненных связей между некоторыми жанрами и некоторыми формами стиха. В-шестых, для исследования народного стихосложения требуется полидисциплинарный подход, предполагающий знакомство с основными работами по музыковедению, фольклорной текстологии, фольклорным жанрам, истории фольклористики, языку народных песен, истории акцентуации русского языка, морфологии, диалектологии и стиховедению. В-седьмых, желательно, чтобы изучаемые песни были записаны от разных певцов, разными собирателями, в разных областях и в разное время. Только таким образом станет возможным избежать явлений, типичных только для одной группы исполнителей, одной местности или отдельного собирателя. В-восьмых, необходимо обращать внимание на то, что один и тот же термин может определяться по-разному стиховедами и музыковедами. Например, тонический стих для стиховедов означает акцентный стих с переменным числом слогов между главными ударениями, для музыковедов же — равносложную строку с постоянными ударениями на специфических слогах. Термин цезура для стиховедов относится к постоянному словоразделу внутри строки, для музыковедов — к кадансу или паузе в конце музыкальных фраз, периодов или строф.

Каждый, кто перелистывал сборники русских народных песен, знает, что число слогов в строке может широко меняться даже в записях одной и той же песни. Следовательно, не существует точной границы между равносложными и разносложными словесными текстами. Это, конечно, осложняет выбор песен определенной стиховой формы. Та же сложность встречается и в анализе литературного стиха. При составлении метрических справочников к стихотворениям русских поэтов не меньше 75 % всех строк в данном произведении должно соответствовать одному размеру, чтобы подтвердить его наличие.¹² В отношении народных песен было применено несколько более строгое требование: одному равносложному размеру должно соответствовать не меньше 80 % всех строк. Такие требования принимают в расчет «естественные» ошибки певцов при исполнении устной поэзии и возможные ошибки собирателей, редакторов и наборщиков. Анализ многочисленных словесных текстов обнаружил в русских народных песнях существование трех общих типов стиха: 1) равносложные метры (например, форма 5 + 5); 2) акцентный стих; 3) безразмерный стих, отличающийся только повторением строк, без определенного числа главных ударений и слогов. Эти три типа стиха встречаются в сборниках рядом, что является одной из самых больших загадок в вопросах эволюции народного стихосложения.

Глава вторая. Ритмические характеристики трех русских лирических народных метров. Здесь рассматриваются песни каждого из трех метров, что позволяет дать основные понятия «русского метода». Главную трудность представляет акцентуация, отличающаяся от литературных норм. В публикациях народных песен не существует общего требования к обозначению ударений. Как правило, собиратели отмечают только нелитературные ударения, предполагая у всех дру-

¹⁰ Путинов Б. Н. Вопросы текстологии произведений русского фольклора // Издание классической литературы. М., 1963. С. 17—58.

¹¹ Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957. С. 255—267.

¹² Русское стихосложение XIX в. / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 8.

гих слов литературное ударение. Часто и они отмечаются только спорадически или не отмечаются совсем; только в сборниках, дающих нелитературные ударения подробно и последовательно, можно получить верную информацию об акцентуации народного стиха и можно понять, что акцентуация представляет собой неотъемлемую часть поэтического языка народных песен и что словесное ударение выполняет важную роль в создании словесного ритма. Для настоящего исследования из публикаций народных песен было отобрано свыше 80 000 примеров с обозначенными ударениями.

Начиная с Востокова¹³ ученые отмечали особую акцентуацию народной поэзии. Всякий, кто хоть немного знаком с народными песнями, привык к таким вариантам, как *дёвица*, *молодец*, *свётица*, *рдный* или *сахárный*. В отношении традиционных фраз, таких как *ко белу шатру*, *ясна сóкола* и *мать сырá земля*, давно учитывается, что единое главное ударение падает на средний слог и что все другие слова атонируются и становятся проклитиками или энклитиками. Также считается, что в таких фразах, как *во чисто поле*, единое главное ударение появляется на окончании краткого прилагательного, причем следующее существительное теряет свое ударение и становится энклитикой.¹⁴ На самом же деле в собраниях с последовательно отмеченными нелитературными ударениями слова в подобных фразах звучат так: *ко белу шатру*, *ясна сóкола* и *мать сырá земля*. В словосочетаниях типа *во чисто полё* ударение существительного обычно перемещается к концу, а типа *кдня доброго* к началу. В таких фразах более сильное, фразовое (или синтагматическое), ударение появляется на среднем слоге, а более слабое, словесное, ударение на других слогах. Наличие тысячи отмеченных ударений в отобранных примерах показывает, что «теория клитик» не подтверждается на материале народно-песенной акцентуации.¹⁵

С первого взгляда может показаться, что варианты словесных ударений в народной поэзии появляются хаотически. Однако в песнях с хорошо ощущимым метром видно, что певцы обычно выбирают именно те варианты ударений, которые согласуются с размером. В этом нет ничего необычного: литературные поэты, сочиняя стихотворения в каком-нибудь метре, соблюдают тот же самый принцип.¹⁶ Выбор подходящих ударений показывает, как ритмическая функция влияет на сложение песни.

На примере свадебной песни из собрания Гуляева (с. 45) можно проследить, как, согласно «русскому методу», выбираются вариантные ударения:

Семенá ли, мои сéмена,	х х х х х х х х
Семенá мой сахárные!	х х х х х х х х
Вáс немнóго было сéяно —	х х х х х х х х
Уж кák мнóго уродíлся,	х х х х х х х х
5 Трý раздóлья, трý ширóкие!	х х х х х х х х
Тý косá ли, моя кóсона́ка!	х х х х х х х х
Кák досéлевा-то, кóсона́ку,	х х х х х х х х
Заплётáла рóдна мáтушка,	х х х х х х х х
Чтó мелkýм онá, мелkóшенько.	х х х х х х х х
10 А тепérь моё русý косú	х х х х х х х х
Расплетáют ёе нáдво;	х х х х х х х х
Обвивáют вkrút буйnóй главы;	х х х х х х х х
Надевáют схýму чёрную!	х х х х х х х х
Мнé не снýть её, не сбрóсити,	х х х х х х х х
15 Чтó от млáдости до стáрости,	х х х х х х х х
До седóго, бéла вóлоса.	х х х х х х х х
Кák досéле схýма чёрная	х х х х х х х х

¹³ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. СПб., 1817.

¹⁴ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 415; Штокмар М. П. Исследования... С. 239—291.

¹⁵ Для примера фонетической записи см.: Кастрев А. Ю., Марченко Ю. И., Саппок К. Музыкально-поэтические жанры севера России. СПб., 1991.

¹⁶ Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.

По дворам она валася,	x x x x x x x x x
По подлакочью таскалася;	x x x x x x x x x
20 А теперъ-то схима чёрная	x x x x x x x x x
Она мнё-то пригодилася,	x x x x x x x x x
На мою, буйнү голбушку!	x x x x x x x x x

Все строки состоят из девяти слогов, в каждой строке есть дактилическое окончание, и из 75 слов 55 (73.3 %) имеют литературное ударение. Гуляев отметил ударения еще у семи слов: *моя сёмена* (строка 1), *сахарные* (2), *русу косу* (10), *буиной* (12), *буину* (22); у слов *досёлева* (7) и *подлакочью* (19) — диалектное ударение; народно-поэтические частицы *что* и *как* имеют ударения в пяти строках (4, 7, 9, 15, 17).¹⁷ В виду того что почти все ударения появляются на нечетных слогах, можно заключить, что ритм здесь — 4-стопный хорей с дактилическим окончанием, т. е. стиховая форма, в которой метрические ударения падают на нечетные слоги. Хотя сначала может показаться, что ударения шести многосложных слов отклоняются от ритмической модели, но для этих слов в народной поэзии имеются варианты ударения, которые могут выбираться так, чтобы они падали на нечетные слоги: *моя косонька* (6), *рёдна матушка* (8), *мелким мелкобашенъко* (9), *её* (11) и *она* (21).

После установления акцентуации можно начать анализ ритма. Стока делится на три части:¹⁸ анакруза, или слоги до первого икта (метрического ударения); основа, или слоги от первого икта до последнего икта; и клаузула, или слоги после последнего икта. Метры определяются числом слогов в интервалах между иктами: в двухсложных метрах есть постоянный односложный интервал (ямб и хорей) и в трехсложных метрах есть постоянный двухсложный интервал между иктами (дактиль, амфибрахий, анапест). В хорее, например, нечетные слоги образуют сильные места, или икты, а четные слоги образуют слабые места. В русских двухсложных метрах происходит взаимодействие абстрактного метра (метрической модели) и конкретного ритма (распределения ударений так, как они действительно существуют в стихотворении). Насколько ритмические черты соответствуют метрической схеме, показывают подсчеты. Понятия константа (всегда) и тенденция (часто) указывают на встречаемость элементов метра в ритме.

В табл. 1 отражено количество ударений на каждом слоге строки в свадебной песне из собрания Гуляева и даются их проценты с учетом всех строк. Почти все ударения (72 из 75, или 96.0 %) появляются на нечетных слогах; два исключения касаются ударений, встречающихся на последнем слоге дактилического окончания (в строках 10 и 12); единственное ударение на четном слоге возможно на частице *как* (4). Большинство ударений встречается на нечетных слогах, и поэтому можно заключить, что нечетные слоги образуют сильные места, четные — слабые. Такое чередование обычно ударных нечетных слогов и обычно безударных четных слогов соответствует принятому определению хореического стиха. На 3-м и 7-м слогах (2-й и 4-й икты) стоит ударение во всех строках (константы), 1-й и 5-й слоги (1-й и 3-й икты) несут ударение часто (50.0 и 77.3 % — тенденции), четные слоги почти все безударные (от 0.0 до 4.6 %). Четные икты несут ударение чаще, нечетные реже: это явление называется акцентной диссимилиацией и представляет собой один из просодических законов как литературного, так и народного русского стихосложения.¹⁹ Таким образом, статистический анализ показывает, что ударения в этой песне распределяются не случайно, а согласно определенной ритмической структуре, которая типична и для литературного 4-стопного хорея.

¹⁷ Когда слушаешь записи и изучаешь фонетические транскрипции песен, создается именно такое впечатление.

¹⁸ Подробнее см.: Тарановски К. Руски двodelни ритмови. Београд, 1953. Ч. 1—2.

¹⁹ Там же. С. 333—351.

Таблица 1

Распределение ударений в 4-стопном хорее

Икты	I		II		III		IV		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Слоги	11	1	22	0	17	0	22	0	2
Всего									
ударений									
Процент	50,0	4,6	100,0	0,0	77,3	0,0	100,0	0,0	9,1

При анализе ритма необходимо обращать внимание и на возможность цезуры. Известна гипотеза, что 9-сложник делится на полустишия в 3 + 6 или 5 + 4 слогов (Банин, с. 75). В табл. 2 отмечено, сколько раз словораздел появляется перед каждым слогом в записи Гуляева. Подсчеты показывают, что постоянного словораздела здесь нет и, следовательно, нет цезуры (кстати, цезуры нет и в литературном 4-стопном хорее).²⁰

Таблица 2

Расположение словоразделов в 4-стопном хорее

Перед слогами	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего случаев	9	1	6	13	10	10	2	0
Процент	40,9	4,6	27,3	59,1	45,5	45,5	9,1	0,0

Третья глава. Акцентуация в языке народных песен. В конце XIX и начале XX в диалектологи записывали народные песни как примеры диалектной речи. Только постепенно осознавалось, что диалект и язык относящихся к нему фольклорных произведений не тождественны.²¹ В связи с этим встал вопрос, выражается ли язык фольклора в диалекте исполнителей полностью,²² или он представляет собой «наддиалектное образование», которое распространяется за пределы данного региона.²³ Мы подчеркиваем, что язык народных песен подчиняется также поэтической и ритмической функциям, что не свойственно разговорной речи певцов. В результате возможны некоторые общие заключения о связи диалекта и соответствующего ему фольклора. Различия встречаются в фонетике, морфологии, синтаксисе и в лексике, причем наименьшие отклонения в фонетике и наибольшие — в лексике. Специалисты по другим славянским традициям пришли к подобным же выводам.²⁴

Ф. Е. Корш писал, что «без предварительных сведений об ударениях трудно приняться и за исследование самих размеров».²⁵ За исключением З. М. Петеневой, написавшей исследование об акцентуации в былинах,²⁶ этим предметом занимались стиховеды. Исследование акцентуации помогает подтвердить мысль, что язык фольклора представляет собой отчетливую подсистему русского языка. Для аналитика словесный текст песни неполон без маркирования всех «нелитературных» ударений.

Каждый читатель сборников с обозначенными ударениями привыкает к переменным ударениям слов в отдельной строке или в смежных строках. Хотя может показаться, что ударения в нижеследующих примерах случайны, на самом деле они все находятся на нечетных слогах и поэтому помогают создать «правильные» хореические строки. Такие примеры показывают, как выбор вариантов ударений в народных песнях может быть мотивирован ритмически.

²⁰ Там же С 354—356, табл. 1

²¹ Hošek Ignac O poměru jazyka písni narodních k mísinímu nářečí // Rozpravy České akademie pro vědy, Slovesnost a umění v Praze 1897 Т 3 Вып 4 С 21—22

²² Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М., Л., 1963 С 17

²³ Артеменко Е. В. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977 С 23

²⁴ Bartmisiński Jerzy O języku folkloru Wrocław, 1973

²⁵ Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении // Сб. Отд. рус. яз. и словесности 1901 Т 67, № 8 С 49

²⁶ Петенева З. М. Язык и стиль русских былин. Львов, 1985

Выбирал коня да коня лучшего...

(Григорьев, т. 1, с. 31)

Тут худая та женя, да жена умная...

(Гильфердинг, т. 1, с. 157)

Ничего ты, поле, не породило,
Породило част ракитов куст...

(Листопадов, т. 2, с. 290)

Согоняет со синя моря,
С синя моря, с бела камешка...

(Маслов, с. 464)

Мы приводим примеры ударений, отмеченных в собраниях с середины XVIII в. до наших дней почти для всех частей речи. Большинство цитат дается в традиционных словосочетаниях, чтобы показать, как выбор ударений большей частью зависит от ритмического контекста. С точки зрения современного литературного языка акцентуация в народных песнях может быть разделена на следующие шесть категорий: литературное, просторечное, диалектное, архаичное, народнопоэтическое и искусственное ударение. Хотя «искусственная категория» может показаться сомнительной, но Тарановский, например, утверждает, что искусственные ударения, сделанные единственно для приспособления слова к размеру, представляют собой самое обычное явление в народных песнях всех славянских языков.²⁷

Глава четвертая. Равносложность в народных песнях. Хотя русские народные песни с равносложными строками встречаются нечасто, можно найти достаточно примеров, в которых певцы обнаруживают тонкое чутье к силлабизму, используя разнообразные элементы языка народной поэзии для создания песен с более или менее равным числом слов в строке.

Когда в каком-либо языке имеются силлабические варианты, поэты свободно ими пользуются, чтобы соблюсти равносложность строк. Например, русские поэты могут выбрать одну форму из следующих пар: частицы бы/б, ли/ль и же/ж; союзы или/иль и чтобы/чтоб; возвратная частица -ся/-сь после гласного; окончания женского рода единственного числа -ю/о-ой; и окончания -иे/-ье для некоторых существительных. Народные певцы также осознают урегулированность силлабизма в песнях и действуют как поэты, только круг фонетических вариантов, имеющихся в разговорной речи²⁸ и в диалектах,²⁹ гораздо шире: вид'ли = видели (Соколов, с. 474), 'що = еще (Григорьев, т. 1, с. 277), од'яло = одеяло (Астахова, т. 1, с. 437), пер'менить = переменить (Прокунин, с. 72), просиж'вала = просиживала (Прокунин, с. 10), стор'ну = сторону (Астахова, т. 1, с. 493). Само собой разумеется, если словесные тексты не записаны точно или если они правятся по литературным нормам, ритмический анализ становится затруднительным. Так, при изучении силлабизма в народной поэзии неизбежно поднимаются вопросы текстологии.³⁰

Частое отсутствие изосиллабизма в словесном тексте русских народных песен возможно приписать, по крайней мере частично, влиянию протяжной песни. И. И. Земцовский подчеркивает, что протяжная песня представляет собой не жанр, а музыкальную форму: многие лирические песни могут исполняться как протяжные песни и один и тот же словесный текст может петься тем или иным образом.³¹ В протяжной песне целая музыкальная фраза может основываться на одном слоге и напев разбивает словесный текст на своеобразные фрагменты вставлением частиц, междометий, повторением слов и словообрывов; из-за этого

²⁷ Тарановски К. (рец.). М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения // Южнославянский филолог. 1955—1956. Т. 21. С. 353.

²⁸ Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973. С. 38—86.

²⁹ Русская диалектология / Отв. ред. Н. А. Мещерский. М., 1972. С. 110—113, 167, 170—178, 193—198.

³⁰ Путилов Б. Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 1. С. 109—113.

³¹ Земцовский И. И. Русская протяжная песня. Л., 1967. С. 5—9, 41—44.

исчезает равносложность. Отрывок из одной лирической песни покажет, как протяжная песня влияет на словесный текст. Песня, имеющая зачин «Из-за лесу, лесу темного», повествует о молодой замужней женщине, которая хочет вернуться к родителям. В большинстве вариантов основной размер ее — 4-стопный хорей с дактилическим окончанием, но некоторые варианты были записаны как протяжные песни.³² Приведем начальные строки варианта протяжной песни, в которой повторяются все строки, кроме первой и последней:

Ай, из-за лесу-ту, да из-за те лесу... ой, ли темного,
Уж да из-за садичка, ой, саду зсле... ой, зеленого,
Из-за садичка, уж саду ли зеле... зеленого,
Уж да по... подымалася ту... ой, да туча те... ой, да темная,
Подымалася ту... ой, да туча те... ой, да темная...

(Колпакова, № 46)

А. А. Банин предлагает метод для выделения совместных черт музыкального и словесного ритмов на основе гипотезы, что во всех вариантах лирической песни имеется «слогоритмический инвариант».³³ Он выделяет четыре уровня в ритмической организации песни: 1) музыкальный ритм; 2) слоговой ритм словесного текста; 3) обобщенный слоговой ритм строфы без частиц, междометий, повторных слов и словообразований и 4) обобщенный слоговой ритм словесного текста без повторения строк, вызывающегося музыкальной строфой. Первые два уровня отражают напев и словесный текст лирики, поющеся как протяжная песня, но последние два уровня представляют собой глубинную ритмическую структуру. Четвертый уровень составляет ритмический инвариант, присущий всем вариантам.

Третий уровень у Банина может иллюстрироваться исключением всех несущественных элементов в словесном ритме той же песни; четвертый уровень приобретается исключением повторения всех строк, порождающих музыкальной строфой. После того как эта процедура проводится, оказывается, что словесный ритм соответствует большей частью 4-стопному хорею с дактилическим окончанием. Приведем словесный отрывок, отражающий третий уровень, по Банину; ритмический анализ дает четвертый уровень:

Из-за лёсу, лёсу тёмного, Из-за сáдичка зелёного, Из-за садичка зеленого, Подымáлась тúча тёмная, Подымалась тucha темная...	x x ́ x x ́ x x x x x ́ x x x x ́ x x x x ́ x x x x ́ x x x x ́ x x ́ x x x x x ́ x x x x ́ x x
--	---

Свадебная лирическая песня, взятая из собрания Гуляева, может показать, как певцы выбирают языковые варианты, чтобы урегулировать число слогов в строке. В частности, это относится к «наполнительным частицам», представляющим собой важную стилистическую окраску устной поэзии. Хотя частицы ли (строки 1, 6), уж (4), как (4, 17), что (9, 15) и -то (20, 21) не обязательны, певцы легко могут их включить, чтобы создать 9-сложные строки. Подобным образом исполнители могут вставить полную форму возвратного -ся после гласного, чтобы сохранить дактилическое окончание (4, 18, 19, 21). В некоторых случаях певцы используют силлабические варианты, как, например, доселева (7) вместо доселе (17) или вокруг (12) вместо вокруг, чтобы соблюсти равносложность строк. Кроме того, они могут выбрать полногласные или неполногласные варианты некоторых слов: в записи Гуляева встречаются формы главы (12) наряду с формами головушку (22) и младости (15) вместо молодости, которая разрушила бы 9-сложную строку. Краткие и полные формы прилагательных сочетаются в строке 16 — «до седого, бела волоса»; литературное инфинитивное окончание -ть или архаичное -ти в строке 14 — «мне не снять ее, не сброси-

³² Bailey James. The Metrical Invariant...

³³ Банин А. А. Об одном аналитическом методе музыкальной фольклористики // Музыкальная фольклористика. М., 1978. Т. 2. С. 117—157.

ти»; исходная форма слова и более длинная производная в строке 6 — «ты коса- ли, моя косонька».

Такие места открывают изобилие силлабических вариантов в языке народных песен и обнаруживают, как певцы, овладевшие устной поэзией, могут искусно использовать языковые возможности, чтобы соблюсти равносложность в любой песне. Записи Гуляева свидетельствуют, что силлабизм не целиком чужд русской традиции. Следовательно, гипотеза Трубецкого о разрушении равносложности после потери слабых еров нуждается в пересмотре.

Глава пятая. Народный песенный размер $5 + 5$. Форма $5 + 5$ восходит к славянскому лирическому стилю, обладающему цезурой и состоящему из двух симметричных полустиший в $4 + 4$, $5 + 5$ или $6 + 6$ слов. Некоторые ученые считают, что форма $5 + 5$ является эпическим стихом,³⁴ но другие относят его к общеславянскому лирическому стилю.³⁵ Якобсон и Тарановский также замечают, что цезура была потеряна в русском эпическом стихе.³⁶

Вопреки тому, что, судя по печатным текстам, народные лирические песни нестроичны, напев может создавать строфы с помощью повторений разного рода.³⁷ Самыми распространенными типами являются повторения всех строк (АА, ББ, ВВ...)³⁸ или всех строк, кроме первой и последней (АБ, БВ, ВГ...). Лирические песни в размере $5 + 5$ также могут образовывать двустишиные строфы, в которых вторая строка состоит из начального полустишья, содержащего бессмысленные слоги (ой ли, ой люли), и из последнего полустишья, повторяющего второе полустишие предыдущей строки (аб, пб, вг, пг...). Включение таких повторений и припевов в анализ увеличило бы число строк резко, и поэтому как основной словесный текст для разбора ритма употребляется чистый текстуальный аналог, т. е. текст без повторений и припевов. Б. М. Доброзвольский оправдывает такой подход, указывая, что одна и та же песня может исполняться с такими повторениями или без них.³⁹ Еще одна проблема возникает, когда собиратели в печати делят строки на 5-сложные сегменты. В виду того что такие «полустроки» обычно появляются парами и встречаются только в 49 из 318 песен, было решено считать, что строки всегда состоят из десяти слогов.

В табл. 3 приводится процент ударности каждого слога во всех песнях нашего размера. Получается отчетливая картина ритмической структуры — 3-й и 8-й слоги представляют собой константные ударения, крайние слоги полустиший (слоги 1, 5, 6, 10) имеют ударение (от 25.7 до 51.4 %), остальные — редко. Уникальный ритм размера $5 + 5$ создается взаимодействием константных фразовых ударений на среднем слоге полустиший и факультативными словесными ударениями на крайних слогах. Словораздел перед шестым слогом соблюдается в 97.3 % всех строк; это показывает, что русские певцы создают цезуру в лирическом стиле, хотя они не используют ее в повествовательном стиле.

Нами выделяется несколько общих жанровых признаков⁴⁰ для песен в размере $5 + 5$. Игровые и хороводные песни, свадебные (большей частью причитания и величальные песни) и любовные песни составляют большинство (от 19 до 25 %); исторические, тюремные и солдатские песни и баллады встречаются реже (от 4 до 7 %). За исключением свадебных песен, обрядовые и календарные песни отмечены редко — в отличие от других славянских традиций, в которых обрядовые песни представлены широко в этом размере.⁴¹ Три единичных при-

³⁴ См., например: Гошовский В. У истоков народной музыки славян. М., 1971. С. 115—117.

³⁵ Horálek Karel. Studie o slovanské lidové poesii. Прага, 1962. С. 154—191; Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 452—455; Тарановский К. Roman Jakobson; Vodňák V. Arhaicni slovanski peterec-desetere v slovenski ljudski pesmi // Slovenski etnograf. 1959. Т. 12. С. 181—202.

³⁶ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 444; Тарановский К. Roman Jakobson. С. 354.

³⁷ Кулаковский Л. В. Песни: ее язык, структура, судьбы. М., 1962. С. 248—272.

³⁸ Большие буквы означают строку, малые — полустроки и «пр.» — припев.

³⁹ Доброзвольский Б. М. Цепная строфика русских народных песен // Русский фольклор. Л., 1966. Т. 10. С. 241—242.

⁴⁰ О жанрах см.: Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962; Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность. М., 1976. С. 46—82.

⁴¹ Vodňák V. Arhaicni slovanski peterec-deseterec. S. 201; Земцовский И. И. По следам веснянки. Л., 1987. С. 73—74, 110—112.

Таблица 3

Расположение ударений в песнях метрического размера 5+5

Слоги	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Процент	51.3	7.0	100.0	2.4	51.4	45.5	3.4	100.0	0.4	25.7

мера былин обнаружены в казачьих песнях, исполняющихся хором и представляющих собой лирические песни.⁴² Таким образом, как и в других славянских языках, русский вариант размера 5 + 5 в сущности является лирическим, а не эпическим.

Согласно исследованию Водушека, в других славянских традициях константное ударение в каждом полустишии размера 5 + 5 обычно падает на четвертый и девятый слоги (х х х х | х х х х х),⁴³ а не на третий и восьмой, как в русской версии (х х х х х | х х х х х). Хотя эти две стиховые формы исходят из общеславянского прототипа, их ритмические структуры в новое время, по-видимому, отличаются друг от друга. Принятие в расчет только силлабизма может привести к неправильному заключению: стиховые формы с одинаковым числом слогов на самом деле могут выявить совсем разные ритмические структуры в зависимости от места ударений. Становится очевидной необходимость сравнительного исследования русского народного стихосложения со славянской метрикой.

Глава шестая. Свадебные песни в четырехстопном хорее с дактилическим окончанием. До сих пор большинство ученых не принимают утверждения Тредиаковского, что он открыл источник хореической реформы литературного силлабического стиха в народных песнях. Такое положение, вероятно, можно приписать новаторскому и все еще влиятельному «Опыту» Востокова об акцентном стихе в народной поэзии.⁴⁴ Уже в 1817 г. Самсонов, выражая господствующее до тех пор мнение, писал: «...нет ни одной старинной песни, тем менее сказки, в которой бы все стихи состояли из равного числа слогов и имели на определенных местах ударения».⁴⁵ Среди тех немногих, кто не разделял такой взгляд, был Гильфердинг (т. 1, с. 66—67), указывавший, что основной размер былины — 5-и 6-стопный хорей; позже Якобсон, Тарановский и автор этой статьи отмечали хореические стихи в былинах и в похоронных причитаниях.⁴⁶ В конечном итоге, не термины сами по себе («хорей» или «анапест») имеют существенное значение, а ритмические структуры и схемы, встречающиеся в стихах многих языков.

Изучение 4-стопного хорея было ограничено свадебными песнями, потому что это один из самых распространенных размеров в русских народных песнях. Здесь имеются некоторые отличия от песен в размере 5 + 5. Припев не употребляется, строки не делятся в печатном тексте, и в длинных севернорусских свадебных причитаниях не встречается строфа, потому что стих и напев соответствуют друг другу, образуя так называемую строчную форму. Все остальные типы повторений в строфах одинаковы.

Мы учитывали шесть различных жанров свадебных песен: величальные, корильные, лирические, плясовые, причитания и церемониальные песни.⁴⁷ В 4-стопном хорее половина песен представляет собой причитания (50 %), около четверти в свадебных лирических песнях (27 %), некоторые величальные песни (10 %) и только изредка остальные типы. Связь между некоторыми размерами

⁴² Коргузлов В. В. Структуры сказительской речи в русском эпосе // Русский фольклор. 1966. Т. 10. С. 128.

⁴³ Vodušek V. Arhaicní slovanski peterec—deseterec. S. 187.

⁴⁴ Штокмар М. П. Исследования... С. 17—135.

⁴⁵ Самсонов Д. Краткое рассуждение о русском стихосложении // Вестник Европы. 1817, август. Т. 94, № 15—16. С. 250.

⁴⁶ Bailey James. 1) The Metrical Invariant...; 2) The Metrical Typology of Russian Narrative Folk Meters. American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Columbus; Ohio, 1978. Т. 1. S. 82—103; Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 429—444; Тарановски К. (рец.). М. П. Штокмар. Исследования... С. 357—359.

⁴⁷ См., например: Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы. Л., 1973. С. 241—264; Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М., 1978. С. 6—126.

и отдельными свадебными жанрами, по-видимому, подтверждает схожие выводы, которые делает С. Анашкина в своем исследовании напевов и стиховых форм в свадебных песнях, записанных в одной области Донца.⁴⁸

Чтобы сравнить народный 4-стопный хорей с литературным, в табл. 4 дается распределение ударений в свадебных песнях и в поэме Карамзина «Илья Муромец» (1794),⁴⁹ — той, о которой Карамзин пишет: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами». В общем Карамзину удалось воспроизвести ритмику этого народного размера: и в литературном, и народном стихе здесь перед нами хорей (в нечетных слогах — тенденция к ударности, в четных — к безударности), и в нем есть акцентная диссимиляция (нечетные икты под ударением реже, а четные икты — чаще). В литературном и народно-песенном 4-стопном хорее обычно встречается именно такая двухчленная ритмическая структура. Поэты и певцы «слушают» ритм русской речи подобным образом; и те и другие ощущают основную просодическую особенность русского языка — ударение.

Таблица 4

Сравнение народного и литературного 4-стопного хорея

Икты	I		II		III		IV		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Слоги	46.0	5.4	100	5.2	50.6	2.1	100	0.2	9.9
Свадеб. песни, %	53.1	2.9	97.1	2.1	47.1	0.8	100	0.2	23.4
Карамзин, %									

Хореи уже были найдены в былинах, балладах, похоронных причитаниях и лирических песнях⁵⁰ — изучение свадебных песен дает возможность выделить хорей в еще одном жанре народной поэзии. Накопилось достаточно сведений для того, чтобы подтвердить наличие хореических размеров в русском народном стихе в целом, как давно указывал Тредиаковский.

Девяностосложный размер редок в славянском народном стихе. Карел Горалек в своих работах о сравнительной славянской метрике вовсе не обращает внимания на этот стих.⁵¹ Жарко Ружич нашел единичные примеры в сербо-хорватских лирических песнях.⁵² При этом строка обычно имеет цезуру и делится на полустишия, содержащие 4 + 5 или 5 + 4 слогов. Вероятно, можно заключить, что 4-стопный хорей с дактилическим окончанием представляет собой русское новшество в славянском народном стихосложении.

Глава седьмая. Двухударный акцентный стих с дактилическим окончанием. Востоков, утверждая, что в повествовательном стихе три главных ударения, а в лирическом — два, отчетливо соотносит жанры с размерами. Однако в лирических песнях он выделяет также переходную форму, в которой число главных ударений колеблется от двух до трех.⁵³ Впоследствии композитор и критик П. П. Сокальский изобрел термин «вольный размер» для описания лирических песен, сложенных в 2-ударном акцентном стихе.⁵⁴ Он указывает, что строки песен в размере 5 + 5 легко расширяются и преобразуются в акцентный стих вставлением наполнительных слов.

Чтобы разобраться в типологии акцентного стиха, вводится понятие базовый метр как средство решить, какие именно песни могут быть примерами разных типов акцентного стиха. Базовый метр зависит от типа строки, встречающейся наиболее часто в данной песне; так, от 40 до 80 % строк должно совпасть, например, с размером 5 + 5, для того чтобы его можно было назвать базовым метром. Такой подход может показать ритмическую эволюцию в народном

⁴⁸ Анашкина С. Свадебная обрядность донецких казаков // Сб. трудов Гос. муз.-пед. ин-та им. Гнесиных. 1976. Вып. 29. С. 113—136.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 149—161.

⁵⁰ Bailey James. 1) The Metrical Invariant...; 2) The Metrical Typology...; Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 429—444; Тарановски К. (рец.). Roman Jakobson.

⁵¹ Horálek Karel. Studie. S. 126—246.

⁵² Ружич Жарко. Над загнётком стиха. Нови Сад, 1986. С. 20—39.

⁵³ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. С. 105—108, 139—141.

⁵⁴ Сокальский П. П. Русская народная музыка. Харьков, 1888. С. 236—269.

стихосложении: как от расширения одного равносложного размера возникает определенный тип акцентного стиха и как появляются варианты песни в равносложном размере и в акцентном стихе.

Песни в 2-ударном акцентном стихе выявляют те же самые типы повторений строфы, припевов и деления строк на полустишия, которые встречаются в размере 5 + 5. Анализ производится для того, чтобы выявить ритмическое разнообразие 2-ударного стиха и показать, что этот стих имеет некоторое сходство со стихами других размеров. Большинство строк 2-ударного стиха совпадает с размером 5 + 5 (61 %), но остальные содержат от 8 слогов (2-стопный анапест — Ан2д) до 12 слогов (3-ударный акцентный стих — А3д). Жанровые признаки близки песням в размере 5 + 5. Свадебные, любовные и солдатские песни находятся в большинстве (от 17 до 24 %); баллады же, как и плясовые, разбойничье и исторические песни, встречаются менее часто (каждая по 8 %); календарные песни редки; обнаружилась одна былина (Пальчиков, № 37, песня 1). Таким образом, 2-ударный акцентный стих с базовым размером 5 + 5 также является лирическим стихом.

Начальные строки из трех вариантов одной плясовой песни могут проиллюстрировать, как произведение, первоначально сложенное, вероятно, в размере 5 + 5, преобразуется в 2-ударный акцентный стих путем расширения середины строки. Первый вариант сочинен в размере 5 + 5, второй сложен в 2-ударном акцентном стихе с базовым размером 5 + 5 и третий представляет собой переходную форму Востокова, колеблющуюся между 2-м и 3-м главными ударениями в строке. В обозначении ритма первое число относится к слогам в анакрузе, второе число — к слогам в интервале между двумя главными ударениями, показанными тире, третье число — к слогам в окончании; знак «/» указывает фразировку; совпадающие типы размеров даются в скобках.

Прокунин, № 40 — размер 5 + 5

Я вечёр млада / во пирú была,	2-4-2 (5 + 5)
Во пирú была / во бесéдушке;	2-4-2 (5 + 5)
Я не мёд пила — / сладку вóдочку,	2-4-2 (5 + 5)
И не рюмочкой / не стакáнчиком...	2-4-2 (5 + 5)

Лаговский, т. 1, № 119 — 2-ударный акцентный стих

Я вечёр, молода, / во пирú была,	2-5-2 (Ан3д)
Во пирú была / младéнька, / во бесéдушке.	2-7-2 (Хбд)
Я не мёд пила / и не поливицо,	2-4-2 (5 + 5)
Я не кóфе-чай / пилá, / сладку вóдочку...	2-6-2 (А3д)

В. Попов, № 46 — переходная форма⁵⁵

Я вечёр, молода, / во пирú была,,	2-5-2 (Ан3д)
Во пирú была / пирóчке, / во бесéдушке.	2-7-2 (Хбд)
Я быlá молода, / у милá дружка.	2-5-2 (Ан3д)
Я не чай пила, / не вóдку, / не чай кóушала...	2-7-2 (Хбд)

Глава восьмая. Типология народных размеров с дактилическим окончанием. Цель этой главы — достигнуть лучшего понимания трех изучаемых размеров в контексте всех русских народных размеров с дактилическим окончанием. Метрическая типология дает возможность точнее выяснить связь между равносложными размерами и акцентным стихом, яснее выделить жанровые ассоциации лирического и эпического стиха и пересмотреть главные теории о народном стихосложении. Для анализа всех других размеров было выбрано по 500 строк. Общие требования были соблюдены, чтобы найти подходящие словесные тексты для каждого равносложного размера и для каждого типа акцентного стиха. Несколько баллад, исторических песен, небылиц, былин и одно похоронное причитание были использованы, чтобы охватить повествовательный стих как можно полнее.

⁵⁵ Строки в вариантах Лаговского и Попова разделены в печати; в песне Попова все полустроки повторяются.

Типология обнаруживает три общих типа стиха с дактилическим окончанием. Во-первых, встречается шесть равносложных размеров: 3-стопный хорей (7 слогов), 2-стопный анапест (8), 4-стопный хорей (9), форма 5 + 5 (10), 5-стопный хорей (11) и 6-стопный хорей (13). Во-вторых, по базовому метру имеются восемь типов 2-ударного или 3-ударного стиха. В-третьих, есть три типа стиха в былинах: 3-ударный акцентный стих, вольные хореи, в которых число стоп колеблется от четырех до восьми, и безразмерный стих. Более короткие стихи (от 7 до 10 слогов) связываются с лирическими жанрами; более длинные стихи (от 11 до 13 слогов) относятся главным образом к повествовательным жанрам. Цезура употребляется в некоторых типах лирического стиха, но отсутствует в повествовательном стихе. В общем, подтверждаются жанровые различия, выделенные Востоковым, между 2-ударным лирическим стихом и 3-ударным повествовательным стихом.

На основе этой метрической типологии можно сделать несколько заключений о происхождении и историческом развитии русского народного стихосложения. Во-первых, народные песни богаты вариантами, хорошие певцы могут регулировать силлабизм в лирических песнях; поэтому кажется, что при потере слабых еров в языке исполнители очень легко могли бы восстановить в песнях равносложные строки. Объяснение разрушения силлабизма в эпическом стихе, предложенное Трубецким,⁵⁶ годится для устойчивого литературного текста, но не для переменного народно-песенного. Следовательно, надо будет искать другое объяснение потери равносложности в русской фольклорной традиции.

Во-вторых, равносложные размеры гораздо лучше сохраняются в лирических песнях, чем в былинах. В эпическом стихе 5-стопный хорей крайне редко встречается в чистой форме, и 6-стопный хорей употребляется большей частью в похоронных причитаниях.⁵⁷ Былины сложены другими типами стихов, которые имеют большие силлабические колебания и, по-видимому, уже потеряли равносложность до того, как их начали записывать во второй половине XVIII в. Стиховеды, сосредоточившись на более «престижном» эпическом стихе, внесли значительный вклад в изучение сравнительной славянской народной метрики, но такой «перекос» интереса привел к ошибочному предположению, что русское народное стихосложение потеряло равносложность везде и полностью. Музыковедам удалось выделить многие равносложные стиховые формы в лирических песнях, но они занимаются большей частью «силлабо-ритмическим анализом» и обращают мало внимания на роль словесного ударения в ритме языкового текста.⁵⁸

В-третьих, 5-стопный хорей с дактилическим окончанием представляет собой редчайший размер в русских народных песнях. Даже образцово разобранная Якобсоном песня Кривополеновой «Вавило и скоморохи», где большинство строк сложено в 5-стопном хорее, имеет женское, а не обычное для былин дактилическое окончание.⁵⁹ Разбор свыше тысячи былин обнаружил только один бесспорный пример, в котором по крайней мере 80 % строк совпадает с 5-стопным хореем с дактилическим окончанием — небылица, состоящая из 32 строк (Астахова, т. 2, № 220). Дальнейшие поиски могут открыть и другие песни, но можно уже предположить, что в русской традиции этот размер явное исключение.

В-четвертых, исторически акцентный стих является вторичной формацией, происходящей от частичного распада равносложных размеров, а от дальнейшего разложения акцентного стиха мог образоваться безразмерный стих. Действительно, каждая песня, сложенная определенным равносложным размером, может в то же время существовать в вариантах, сложенных в акцентном стихе. В каждом типе акцентного стиха средняя строка длиннее, чем его исходный базовый метр. Трубецкой, Якобсон и Тарановский первые указали,⁶⁰ что строки в

⁵⁶ Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины. С. 356—358.

⁵⁷ Jakobson R. Slavic Epic Verse. С. 429—433; Тарановски К. Руски двodelni ritmovi. С. 369.

⁵⁸ Банин А. А. Об одном аналитическом методе...; Руднева А. В. Ритмика стиха...

⁵⁹ Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilbler // Selected Writings. The Hague, 1966. T. 4. S. 19—37.

⁶⁰ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 434—444; Тарановски К. Roman Jakobson. С. 353—355; Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины.

русских народных размерах, как в эпических, так и в лирических, исторически испытывают постепенное расширение.

Пятый вывод гораздо гипотетичнее. Отчего русские народные песни часто утрачивают изосиллабизм, тогда как песни в других славянских языках его широко сохраняют?⁶¹ То, что изосиллабизм большей частью имеется в украинских и белорусских лирических песнях, подсказывает, что причиной должно быть внеязыковое явление, возникшее в русской традиции после разделения восточнославянских языков в XIV в. Таким явлением можно считать протяжную песню, потому что она, по мнению Земцовского, представляет собой русскую инновацию, не встречается в других славянских традициях, появляется в Московской Руси после XIV—XV вв. и как музыкальная форма фрагментирует словесный текст и разрушает силлабизм.⁶²

Известно уже, какие плодотворные результаты дали сравнительные исследования славянского языкоznания, фольклористики, музикоzедения, этнографии и метрики. Кажется, настала пора обратить внимание и на то, как русский народный стих отклоняется от народного стиха других славянских языков. Например, русские песни сохраняют архаичную форму 5 + 5, но ее конкретная ритмическая структура отличается от таковых в других славянских языках. 4-стопный хорей с дактилическим окончанием является одним из самых распространенных русских народных размеров, но редко встречается в других славянских традициях. Десетерац является основным метром в сербо-хорватском эпосе, но равноценный 5-стопный хорей — редчайший размер в былинах. Другие главные особенности русского народного стихосложения — это отсутствие цезуры в повествовательном стихе, соблюдение цезуры в некоторых лирических стихах, дактилическое окончание во многих традиционных песнях, сосуществование равносложных размеров, акцентного стиха и безразмерного стиха и частая потеря изосиллабизма.

Глава девятая. Заключение. В этой главе суммируются результаты исследования, высказываются методологические и теоретические соображения, делаются замечания о соотношении языкового и музыкального ритмов и предлагается ряд тем для будущего изучения.

В песнях с хорошо выдержаным размером целесообразно анализировать словесный и музыкальный ритмы по отдельности и лишь потом сравнивать их и выяснить, чем они отличаются или как совпадают. Конечно, изучать словесный ритм без напева невозможно, но сперва каждый ритм должен быть изучен по присущим ему особенностям. Среди 1041 песни, исследованной в трех размерах, напев был приложен только для 190 — следовательно, один на каждые пять песен. То, что одни и те же ритмические характеристики проявляются в словесных текстах, опубликованных как с напевом, так и без такового, показывает, что напев не абсолютно необходим для разбора языкового ритма. Если словесный текст будет записан во время пения, он отразит взаимодействие словесного и музыкального ритмов.

Был проведен маленький эксперимент, чтобы решить, какой ритм, музыкальный или словесный, проявляет больше разнообразия. Были выбраны восемь вариантов свадебной лирической песни «Из-за лесу, лесу темного», опубликованных с напевом. В трех песнях появляется тождественный слогонотный ритм, но в остальных пяти встречаются разные слогонотные ритмы. Становится очевидным, что музыкальный ритм гораздо разнообразнее, чем словесный, который достаточно однообразен из-за константных ударений на третьем и седьмом слогах. Из такого анализа возможно сделать предварительный вывод, что один и тот же языковой размер может сосуществовать с разными музыкальными ритмами.⁶³

⁶¹ См.: *Franičević Marin*. О неким problemima našega rima. Zagreb, 1957; *Furmanik Stanisław*. O wierszu polskiej pieśni ludowej // Z. Zagadnień Wiersyfikacji Polskiej. Warszawa, 1956. C. 93—133; *Horálek Karel*. Studie. C. 126—246; *Jakobson R.* Slavic Epic Verse; *Taranovski K.* Roman Jakobson.

⁶² Земцовский И. И. Русская протяжная песня. С. 5—20.

⁶³ Один и тот же ритм появляется в трех песнях: *Банин*, № 17; *Жекулина*, № 360; *Пальчиков*, № 85. В пяти вариантах развиваются пять разнообразных типов ритма: *Банин*, № 41; *Гиппиус*, с. 85; *Истомин*, с. 98—99, № 12; *Котикова*, № 112; *Лапин*, № 39.

Остается много невыясненного в области русских народных размеров, их ритмической структуры, метрической типологии, жанровых признаков, в их соотношении с музыкальным ритмом. Предложенные методы могут указать путь к дальнейшему изучению народного стихосложения.

Думается, что нам удалось рассеять некоторые необоснованные мнения о народном стихе — такие как «теория о клитиках», гипотеза об акцентном стихе как единственной форме народной метрики или утверждение, будто литературные и народные размеры не имеют ничего общего между собой. Наконец, остается надеяться, что материалы и выводы, представленные в проведенном исследовании, будут стимулировать более глубокое признание и понимание устной поэзии, мастерства народных певцов, их тонкого чутья к ритмам русской речи и их владения традиционным народнопоэтическим языком, заметно отличающимся как от разговорной речи, так и от литературного языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Астахова	— Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938—1951. Т. 1—2.
Банин	— Банин А. А., Вадакария А. П., Жекулина В. И. Свадебные песни Новгородской области. Л., 1974.
Гильфердинг	— Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М.; Л., 1949—1951. 4-е изд. Т. 1—3.
Гиппиус	— Гиппиус Е. В., Эвалд З. В. Народные песни Вологодской области. Л., 1938.
Григорьев	— Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1.
Гуляев	— Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90, отд. 3. С. 1—142.
Жекулина	— Жекулина В. И., Коргузолов В. В., Лобанов М. А., Митрофанова В. В. Традиционный фольклор Новгородской области. Л., 1979.
Истомин	— Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа. СПб., 1899.
Колпакова	— Колпакова Н. П., Соколов Ф. В., Добровольский Б. М. Песни Печоры. М.; Л., 1963.
Котикова	— Котикова Н. Народные песни Псковской области. М., 1966.
Лаговский	— Лаговский Ф. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний. Череповец, 1877. Вып. 1.
Лапин	— Лапин В. А. Музикально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1970—1980 гг. Л., 1987. Вып. 1.
Листопадов	— Листопадов А. Песни донских казаков. М., 1950. Т. 2.
Маслов	— Маслов А. Л. Песни с Поволжья // Труды Музыкально-этнографической комиссии. 1906. Т. 1. С. 453—474.
Пальчиков	— Пальчиков Н. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии. СПб., 1888.
Попов	— Попов Василий. Народные песни, собранные в Чердынском районе Пермской губернии. М., 1880.
Прокунин	— Прокунин В. Русские народные песни. М., 1928.
Соколов	— Соколов Ю. М. Онежские былины / Подгот. текстов, ст. и comment. В. Чичерова. М., 1948.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕСЕН, ПОСВЯЩЕННЫХ
ГРОЗНОМУ ЦАРЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ**

Раскрыв первый том академического свода русских исторических песен¹ или антологический однотомник в серии «Библиотека поэта»,² или какую-нибудь из предшествовавших ему антологий исторической песни, читатель обнаруживает поразительный факт: за превосходной песней «Щелкан», посвященной восстанию в Твери против ордынского баскака Чолхана в 1327 г., сразу же следует песня «Взятие Казани», где речь идет о походе к этому городу войск Ивана IV в 1552 г. — Ни одной исторической песни за 225 лет! — При том что последующий отрезок времени такой же протяженности отмечен 230 песнями (т. е. в среднем по одной песне на каждый год), из которых 29 песен относятся еще к событиям последующих 47 лет того же XVI в.

Давно выявив это странное обстоятельство, фольклористы по-разному объясняли его. Последняя точка зрения главную причину усматривает не в забвении, а в медленной эволюции способов отображения истории песенным эпосом после монголо-татарского нашествия: «Господствующими формами историко-песенного фольклора долгое еще время продолжали оставаться былинный эпос и семейно-бытовая баллада».³ Это общее заключение трудно иллюстрировать: песню о Щелкане можно назвать балладой, но едва ли — семейно-бытовой. Странно, что нет семейно-бытовых баллад, связанных с какими-нибудь известными нам конкретными историческими фактами всего XV столетия и первой половины XVI в., тогда как баллада «Щелкан» выделяется именно очевидной связью с вполне определенным событием, которое хорошо известно по летописям. В XV в. случались не только собственно политические, но и связанные с ними семейно-бытовые коллизии государственного масштаба; общественный резонанс их оказывался немалым, получал отображение в летописях и других письменных памятниках того времени. Особенно это относится к периоду после победы на Куликовом поле, а еще более — к эпохе, последовавшей за уничтожением ордынского ига и прежней феодальной раздробленности Руси в последней четверти XV столетия. Странным и в сущности не объясненным остается то обстоятельство, что «стабилизацию и начало расцвета исторической песни»⁴ исследователям приходится относить к периоду правления Ивана IV, причем большинство исторических песен XVI в. оказывается в той или иной степени посвящено именно этой исторической фигуре, трактуемой в самих песнях по преимуществу позитивно.

О противоречивой личности Ивана IV написано немало. Но данными исторической науки трудно объяснить фольклорный образ Грозного царя Ивана В-

¹ См.: Исторические песни XIII—XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960 (в серии «Памятники русского фольклора»). Далее сокращенно: ИП 1 с указанием страницы или номера песни.

² См.: Русская историческая песня / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987.

³ Емельянов Л. И. Исторические песни // Русская историческая песня. С. 21.

⁴ Там же. С. 23.

сильевича. В исторических песнях (не только в них, но и в исторических сказках, и в большинстве исторических преданий) превалируют черты справедливого царя, вызвавшего народные симпатии, иногда — даже восхищение, несмотря на весьма крутой нрав и даже жестокость некоторых поступков. Объяснить народнопоэтический образ Грозного царя только известной народным массам реальной деятельностью Ивана IV невозможно, если не отступать от исторической объективности.⁵

В фольклоре немало случаев эволюции поэтического образа, вызванной соотнесенностью его не с одним, а с двумя (иногда — и более чем двумя) историческими прототипами. Наиболее известный пример — образ былинного князя Владимира. Давно выявлена приуроченность одной группы былин «Владимира цикла» к эпохе киевского князя Владимира Святого, другой — к эпохе его правнука, киевского князя Владимира Мономаха; установлено, что ряд черт былинного главы Русской земли обусловлен не только реальными ситуациями Киевской Руси: в некоторых былинах достаточно отчетливо проступают отзвуки отношений между властителем и подданными Руси Московской. Обратившись к историческим песням XVI—XIX вв., можно указать немало сюжетов, возникших по одному историческому поводу, но позже приспособленных к иному, более или менее похожему историческому факту. Образ центрального героя песни мог испытывать аналогичную метаморфозу — даже если вовсе не совпадали имена исторических прототипов, но было некоторое сходство самих исторических портретов. Особенно много подобных случаев в произведениях (не только песенных), посвященных Петру Великому и Ивану Грозному.

Вернувшись к песням, где речь идет о Грозном царе Иване Васильевиче, зададимся вопросом: какому историческому деятелю они вначале были посвящены?

Такой вопрос, насколько мне известно, в фольклористике не ставился. Исследователи имели, как казалось, вполне достаточно причин полагать, что в этих произведениях всюду изначально подразумевался Иван IV. Хорошо известно, что он, в отличие от своих предшественников, в 16-летнем возрасте по собственной инициативе воспринял титул царя — в обстановке, подчеркивавшей чрезвычайное государственное значение этого события. Широко известно прозвание, закрепившееся именно за ним впоследствии и обязанное его жестокости.

Но это — только впоследствии. Н. М. Карамзин писал об Иване IV: народ «отвергнул или забыл название *Мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доныне именует его только *Грозным*, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну». ⁶ Дед Ивана IV — Иван III Васильевич, по выражению Н. М. Карамзина, «принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов»; при нем «Россия как держава независимая величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних». ⁷ Именно Ивану III «первому дали в России имя *Грозного*, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых послушников».⁸

Поясняя, почему именно Ивана III называли «Грозным» его современники и их ближайшие потомки, Н. М. Карамзин писал, что «твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию» и, хотя Иван III не был «тираном, подобно своему внуку, Иоанну Василиевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силу разу-

⁵ В 1930—1950-х гг. по хорошо известным ныне причинам превалировали положительные, порой даже апологетические характеристики его как прогрессивного борца против реакционного боярства — с весьма односторонней трактовкой репрессий, от которых страдали фактически одинаково все социальные слои русского народа. В фольклористических работах того времени встречаются тенденции объяснить положительное отношение к Ивану Грозному тем, что народ будто бы видел в нем защитника от феодалов-угнетателей.

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 279—280.

⁷ Там же. Кн. 2. Т. 6. Стб. 210, 213.

⁸ Там же. Стб. 215.

ма».⁹ Прозвание «Грозный» правомерно закрепилось в народном сознании сначала за Иваном III, а не за внуком его, чья склонность к мучительству была причиной не только уже монаршего «грозы», но и злодейств, не обусловленных государственной необходимостью.

Имеет смысл обратиться непосредственно к источникам, на которые опирался Карамзин. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., в своем сочинении, изданном впервые в 1549 г., не применял эпитет «Грозный» к Ивану IV, но пользовался этим термином, описывая крутой нрав Ивана III.¹⁰ Петрей, посетивший Московское государство трижды — в 1607, 1609 и 1611 гг., когда впечатления от деяний, которыми ознаменовалось правление Ивана IV, весьма свежи были еще в памяти русских собеседников любознательного иностранца, — и описавший историю России до начала XVII в., — ни разу не употребил эпитет «Грозный» по отношению к Ивану IV, повествуя об этом царствовании. Но, описывая правление Ивана III, Петрей всякий раз называет именно его «Иван Васильевич Грозный» или просто «Иван Грозный».¹¹

Карамзин ссыпался на принадлежавшую ему рукопись «Летописца Латухинского», где об Иване III сказано: «Сей бо вел(икий) кн(язь) Иоанн, именуемый Тимофей Грозный».¹² (Родившийся в день памяти апостола Тимофея Иван III, согласно тогдашнему обычаю, прозвывался Иоанном-Тимофеем).

В русской историографии первой четверти XVIII в. еще сохранялась эта традиция. А. И. Манкиев, автор известного «Ядра Российской истории», написанного в 1715 г. и опубликованного впервые в 1770 г., так говорит об Иване III: «Иоанн Василиевич, великий князь Московский, Василия Темного сын, во святом крещении именован Тимофей, прозванием Грозный, по смерти отца своего принял Московский престол в году от Р. Х. 1462».¹³ Здесь же далее, в рассказе о походе Ермака в Сибирь, читаем: «Дошли после того до селильбы господ Строгоновых, которых праотец при деде сего государя великому князю Московскому Иоанне Васильевичом Грозне, во время теснения от московских войск Великого Новагорода, от страха со всем своим домом ушед оттуда в зыряны, си есть Пермь великую, на верховье реки Камы, там поселился».¹⁴ В главе, посвященной правлению Ивана IV, последний ни разу не назван Грозным.

Второй крупнейший наш историк С. М. Соловьев был солидарен с приведенным заключением Карамзина и высказывал некоторые дополнительные соображения на основе более широкого привлечения источников — Грозным прозван был уже Иван III, «потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повинования и строго карающим за ослушание», — писал С. М. Соловьев и продолжал: «...по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе».¹⁵ Хотя Соловьев не занимался специально песнями, о которых сейчас идет речь, для их понимания небесполезна другая мысль его. По мнению Соловьева, «Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным».¹⁶

Сходно обстоит дело в отношении царского титула: с неменьшим основанием его использовал уже Иван III. Хотя он не был провозглашен царем в начале своего долгого правления, право на такой титул Иван III, по тогдашним представлениям, действительно приобрел в результате важнейших государственных

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 68. Ср. в оригинале: *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Francofurti, 1600. P. 8.*

¹¹ См.: Петрей де Ерлезунда П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 108—111. В оригинале: *Iwan Vasiliwitz Grotzdyn (Petrejum de Erlesunda P. Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Muschikow. Lipsiae, 1620. S. 165).*

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6, примеч. 588.

¹³ [Манкиев А. И.] Ядро российской истории. М., 1784. С. 166.

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 704.

деяний. Среди них на первых местах — прекращение зависимости русского народа и государства от Орды, ликвидация главных остатков феодальной раздробленности в результате присоединения Тверского княжества и Новгородской республики, подчинение Казанского ханства, разорявшего русскую землю опустошительными набегами, женитьба на Софии Палеолог — наследнице кесарей православной Византийской империи, прекратившей существование за несколько лет до вступления на престол Ивана III. При нем была отстроена Москва, создан первый Судебник и осуществлено немало других полезных дел эпохального значения. Н. М. Карамзин не без оснований писал: «Россия Олегова, Владимира, Ярославова погибла в нашествие монголов; Россия нынешняя образована Иоанном».¹⁷

Документировано, что в 80-х гг. XV в. Иван III «стал усвоять себе» царский титул — в смысле «государя по праву наследства, независимо от какой либо земной власти после падения татарского ига, властью своею никому, кроме Бога, не обязанного».¹⁸ Так, грамота, посланная в Крым в 1484 г., начинается словами: «Божию милостию, великий осподарь Русские земли, велики князь Иван Васильевич, царь всея Руси, Володимерьски и Московски, и Новгородски, и Псковски, и Югорьски, и Вятски, и Пермьски и иных». Аналогично начало грамоты, отправленной туда же в 1487 г., но в титуле добавлено «и Тферски»¹⁹ — в связи с тем, что Тверское княжество было подчинено Иваном III в 1485 г. Грамота, врученная в 1498 г. послами Ивана III бургомистру Любека, начинается полным титулом того времени: «Иоанн, Божию милостию великий государь, царь всея Русии, Володимерский, и Московский, и Новогородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных»;²⁰ титулование «Болгарским» имеет в виду подчиненное к тому времени Казанское ханство, занимавшее земли древней Волжской Болгарии.

Годом официального принятия царского титула впоследствии был признан 1497.²¹ В этом году появилась грамота, к которой привещена большая печать, где, как подчеркивал С. М. Соловьев, «впервые видим изображение двуглавого коронованного орла с распростертыми крыльями» на одной стороне, а на другой — «изображение всадника, попирающего дракона и копьем прободавшего ему горло», с надписью по окружности: «Иоанн, Божию милостию господарь всея Руси».²²

Не только сам Иван III титуловался царем всея Руси в официальных документах и в переписке с зарубежными адресатами: они, в свою очередь, обращались к нему, титуляя его иногда даже императором.²³ Но для оценки произведений фольклорных важнее, конечно, что новое титулование усвоено было самими подданными Ивана III. На этот счет нет никаких сомнений. Царем и самодержцем Иван III не раз назван в летописях. Вот, например, известие о постройке Грановитой палаты в Кремле в 1491 г.: «Того же лета, августа, Божию милостью зделана бысть полата на Москве большая на площади повелением великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца, царя и государя всея Русии и великого князя Владимирьского и Ноугородского, Московского и Пьсковского, и Тферского, и Югорского, и Вятского и Болгарского, и иных, в 30-е лето государства его, а мастера Марко да Петр

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. Стб. 216.

¹⁸ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 273.

¹⁹ Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 41, 71.

²⁰ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. Стб. 87.

²¹ Дата отобразилась в оформлении государственного знамени Российской империи: «Государственное знамя России изготавливалось из золотистой ткани (...) на андреевских лентах знамени были указаны годы: 862 (основание государства), 988 (крещение Руси), 1497 (принятие царского титула) и 1721 (приятие императорского титула)» (Гребельский П. Х., Мирвис А. Б. Дом Романовых. 2-е изд. СПб., 1992. С. 243; изображение знамени с этими датами — на с. 242). Государственное знамя было освящено в Оружейной палате в присутствии императора и членов царствующего дома (см.: Церковный вестник. 1883. № 20. С. 13).

²² Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 146.

²³ См., например: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 145; Хорошкович А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XIV—начала XVI в. М., 1980. С. 102—117.

Антонеи».²⁴ В письмах сановных лиц находятся обращения к Ивану III как «царю всея Руси и великому князю». Митрополит Симон в послании к первичам называл Ивана III царем и самодержцем.²⁵

Однако наибольший резонанс должны были иметь публичные церемонии, становившиеся достоянием, как бы мы теперь сказали, особенно широкой гласности. К числу их относится обряд венчания царским наследником, впервые примененный Иваном III, сначала к своему внуку Дмитрию Ивановичу, а позднее к своему сыну от Софии Палеолог Василию Ивановичу. Сохранились официальные документы, описывающие венчание Дмитрия (1498 г.). В Успенском соборе Кремля при большом стечении народа проходил исполненный подчеркнутой значительности церемониал; митрополит, во главе высших иерархов церкви, так обращался к сидящему на возвышении Ивану III: «Божиею милостью радуися и здравствуи преславныи царю Иване великии князь всея Руси самодержец, и своим внуком с великим князем Дмитреем Ивановичем всея Русии, на многа лета».²⁶

Очевидно, что фольклорные произведения, где речь идет о «Грозном царе Иване Васильевиче», могут в принципе подразумевать как Ивана III, так и Ивана IV. Не всегда можно определить — кого именно, ибо порой только в самих исторических песнях или преданиях дошли сведения об исходных фактах; в истории обоих царствований, известной по документам, встречаются однотипные события. Нередко образ царя в песне и характеристика его деяний — явно результат наслаждения впечатлений о временах Ивана IV на припоминания о правлении Ивана III.

Пересмотр «устоявшихся», но, как оказалось, неоправданных соотнесений всего исторического фольклора об Иване Грозном с одной только фигурой Ивана IV совершенно необходим. Дело здесь не только в отношении народа к исторической роли и личным качествам его деда, но и в вопросе о том, способно ли было устное поэтическое творчество реагировать на исторические события ранее царствования Ивана IV.

Не обращаясь здесь к имеющимся данным относительно исторических песен, предшествовавших времени Ивана III, попытаемся уточнить и отчасти исправить традиционные представления о датировках и генезисе некоторых песен именно об Иване Грозном. Для этого необходимо обратиться к их реальному историческому фону.

Ивану III довелось преодолевать немалые препятствия во внешнеполитических делах, но, пожалуй, еще больше было трудностей в политике внутренней. К числу их принадлежали династические интриги, соперничество будущих наследников его престола. Острые столкновения, иногда с трагическим исходом, в самой монаршей семье — это, казалось бы, наиболее подходящие сюжеты для тех именно семейно-бытовых баллад, которые, согласно приведенному выше суждению, особенно характерны для XIII—XV столетий (при том, однако, что примеры ограничивались пока немногочисленными песнями о татарском полоне, ни с какими определенными событиями именно этого времени достаточно убедительно не соотносимыми, ибо исторические явления подобного рода имели место вплоть до второй половины XVIII в.).

От первой жены — тверской княжны Марии Борисовны — у Ивана III родился в 1458 г. сын Иван, прозванный Молодым. После смерти Марии второй женой стала София (Зоя) Фоминична Палеолог — племянница последнего императора Византии. Первенец ее, Василий, родился в 1479 г. Со временем при дворе разгорелась подспудная вражда сторонников Софии и Василия со сторонниками Ивана Молодого. В 1490 г. Иван Молодой умер в результате неудачного

²⁴ Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей (далее сокращенно: ПСРЛ). М., Л., 1959. Т. 26. С. 286.

²⁵ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 145—146.

²⁶ Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 331. Ср.: Чин венчания на великое княжение всея России (...) Дмитрия Иоанновича // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 29 (текст здесь аналогичен приведенному).

лечения его врачом, которого привезли из Италии родственники Софии Палеолог.²⁷

Как справедливо писал С. М. Каштанов, «второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследия между ним и сыном Софии. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого еще при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол».²⁸

Существует в единственной пока давней записи песня «Иван Грозный молится о сыне», зафиксированная А. А. Догадиным у астраханских казаков.²⁹

Скорее всего, здесь имеется в виду именно гибель царевича Ивана Молодого и оплакивание его Иваном III — в традиционных формулах народной притчи описана «кручинушка безыходна царская»:

«Эх да, как угасла свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

(ИП 1, с. 454)

Отношение к произошедшему царя и присутствующих в церкви бояр противоположно:

Уж он молится наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да, позадь-то его все бояре-князья
Они остановились.
Как промеж-то себя ухмыльнулися,
Князья усмехнулися.

Царь оглядывает их гневно:

«И чему-то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны?
Эх да, иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?»

Имя царя в песне не названо, как и имя умершего царевича. Без реальных оснований записавший эту песню собиратель, а затем — исследователи связывали ее со смертью другого царевича Ивана, убитого отцом, — Иваном IV в семейной ссоре в 1581 г.³⁰ С такой трактовкой не согласился Б. Н. Путилов: признав вслед за В. К. Соколовой песню вполне законченным самостоятельным произведением, он не говорит о существовании какой-либо исторической основы (ИП 1, с. 664).

На наш взгляд, она достаточно очевидна. Для придворной партии Софии Палеолог смерть царевича Ивана Молодого действительно должна была явиться причиной радости. Напротив, по поводу смерти Ивана Ивановича в 1581 г. радоваться было некому: единственным наследником престола тогда оставался малоспособный Федор, родившийся от той же жены, что и убитый отцом Иван.

Бессспорно, самое интересное и самое значительное из произведений, посвя-

²⁷ В летописях читаем, что прибывший из Рима с русскими послами брат Софии «приведоша с собою к великому князю лекарь Мистро Леона жидовина из Венеции»; Иван Молодой «болел камчугом в ногах, ходил, и видев лекарь жидовин Мистр Леон похвалялся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: яз излечю сына твоего великого князя Ивана от той болезни» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 37, 239). Иван Молодой скоро умер. На 40-й день после его смерти Иван III казнил лекаря.

²⁸ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 35.

²⁹ Как предполагала В. К. Соколова, эта песня послужила источником широко бытовавшей среди казаков песни «Царь у заутрени», записи которой осуществлялись еще в 1945 г. См.: Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960. С. 56.

³⁰ См., например: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 295; Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 56—57. Они справедливо отмечали текстовую перекличку с некоторыми вариантами песни «Гнев Ивана Грозного на сына». Но если Миллер усматривал здесь переделанный осколок ее, то Соколова, на мой взгляд, более права, усматривая, напротив, один из источников песни о гневе Грозного в песне, посвященной оплакиванию сына.

щенных Грозному царю Ивану Васильевичу, это записанная повсеместно, но в основном на Русском Севере, бывшем когда-то землями Великого Новгорода, песня «Гнев Ивана Грозного на сына». Она опубликована в 1960 г. в 61 варианте, общее число записей значительно больше.³¹

Песня изучалась много раз, почти все исследователи считали ее поэтическим отзвуком упомянутого уже убийства царевича Ивана Ивановича царем Иваном IV в 1581 г. Таково было мнение еще Ореста Миллера,³² позже — Всеволода Миллера.³³ С. К. Шамбинаго путем довольно сложного построения пришел к выводу о логичной, по его мнению, трансформации народнопоэтического отклика на убийство Ивана, при которой песня оставила его в живых, заменив при этом Федором.³⁴ В разных вариациях подобную точку зрения высказывали затем М. Н. Сперанский,³⁵ Ю. М. Соколов,³⁶ В. И. Чичеров,³⁷ А. М. Астахова,³⁸ В. К. Соколова³⁹ и др. Л. И. Емельянов, в принципе согласившись с мнением большинства предшественников, выставил аргументом то обстоятельство, что в XVIII в. появилась песня о царевиче Алексее, основанная на переделке песни «Гнев Ивана Грозного на сына», хотя Алексей был не спасен, как в песне, а казнен.⁴⁰

Не согласились с традиционной трактовкой В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Первый из них считал, что песня создана еще при жизни царевича Ивана, но после разгрома в 1570 г. Новгорода Иваном IV.⁴¹ Сходна точка зрения Б. Н. Путилова.⁴² Оба исследователя, как и В. К. Соколова, подробно эту песню рассматривая, говорят о двух главных ее версиях — с двумя сыновьями и с одним сыном. Первичной последнюю считала В. К. Соколова, первую — В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов.

Следует здесь напомнить основное содержание песни. Гнев царя на сына связан с подозрениями в измене, которая гнездится в самом царском дворце. В версии с двумя царевичами один из них интригует против другого. Царь сгоряча хочет казнить сына-изменника, но благодаря одному из бояр казнь отменяется, вместо царевича нередко казнят другого человека. Спаситель царевича выговаривает у царя право иметь убежище, где нельзя никого казнить. Группа вариантов, записанных в бывшей Новгородской земле, связывает конфликт с массовыми казнями Ивана IV в Новгороде в 1570 г., активным участником которых в реальной истории был царевич Иван Иванович: он доносит отцу на второго царевича, Федора, будто бы уклонившегося от участия в репрессиях и даже помогавшего новгородцам избегать их. Федора царь за это хочет казнить. В версии с одним царевичем последний обвиняется в измене, суть которой обычно неясна, иногда он как бы заподозрен в намерении захватить власть, чаще «вины» его состоит в том, что он перечит отцу, когда тот утверждает на пиру, что вывел измену в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Записанные варианты не фиксируют угрозу царевичу Ивану: ей подвергается либо Федор, либо царевич с другим именем. Иногда имя царевича в песне не названо. Но ни в одном варианте угроза не реализуется — царевич всегда остается жив.

В. Я. Пропп довольно логично, но без какой-либо опоры на источники пред-

³¹ См.: Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 49. Позже записан еще ряд вариантов.

³² См.: Миллер О. Исторические песни // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880. Т. 1. С. 126.

³³ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 295.

³⁴ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 299.

³⁵ См.: Русская устная словесность. Т. 2. Былины и исторические песни / Под ред., с вводными ст. и примеч. М. Сперанского. М., 1919. С. 357.

³⁶ См.: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938. С. 267.

³⁷ См.: Чичеров В. И. Об этапах развития русского исторического эпоса // Историко-литературный сборник. М., 1947. С. 54—56.

³⁸ См.: Северные исторические песни / Подгот. текста, ст. и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947. С. 56.

³⁹ См.: Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 56.

⁴⁰ См.: Русская историческая песня. С. 466.

⁴¹ См.: Пропп В. Я. Песнь о гневе Грозного на сына // Вестник Лен. гос. ун-та. 1958. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 100—101.

⁴² См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 203—205.

полагал наличие у этой песни реальной основы. Отметив, что Федор «отличался кротостью и религиозностью», В. Я. Пропп заключает: «...нет ничего невероятного в том, что он способствовал спасению как бояр, так и простых людей, обретенных на расправу, как об этом поется в песне, и что он противодействовал и во всяком случае не сочувствовал новгородской расправе (...). Поэтому вполне можно стать на точку зрения доверия к повествованию песни: после новгородских событий Федор оказался на подозрении и над ним нависла угроза. Вряд ли приказ о казни действительно уже имелся и был дан на пиру и в тот же миг начал осуществляться, как об этом наивно повествует песня, но несомненно, что угроза суда над царевичем была весьма реальна. Вполне исторически правдоподобно, что в этом деле Иван, всегда поддерживавший отца, выступал против Федора и что спасителем выступил близкий царю Никита Романович».43

Б. Н. Путилов обратил внимание на то, что в 1570 г., когда состоялся новгородский поход Ивана IV, Федору было только 13 лет, но есть свидетельство очевидца, что однажды Федор отказался присутствовать при массовой казни. Отослав к книге П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины», Б. Н. Путилов пишет: «Среди множества дел, которые велись в это время в Москве, особый интерес представляет для нас дело Афанасия Вяземского. Ему ставилась в вину попытка предупредить новгородцев о готовящемся на них походе. Вяземский был подвергнут пыткам, „торговой“ казни и сослан. В том же году он умер».

Итак, заключает автор, «народная песня, приписав царевичу государственную измену, лишь по-своему откликнулась на московские события 1570 года».44 При этом Б. Н. Путилов отказался видеть в основе повествования какой-либо реальный факт. Он расценивает песню о гневе Ивана Грозного на сына как «произведение с вполне вымыщенным сюжетом» (ИП 1, с. 655).

С этим не согласился историк опричнины Р. Г. Скрынников: «В действительности содержание песни было далеко не вымыщенным», — пишет Р. Г. Скрынников и поясняет, что «с точки зрения исторической достоверности внимания заслуживает краткая редакция песни», ибо «в основе ее лежали реальные факты».45 Он обращает внимание в этой связи на вариант ИП 1, № 221, где фигурирует один царевич (имя его тут не названо) и говорится, что конфликт между царем и сыном, которого поддержал Никита Романович (Захарьин), произошел после похода на Новгород и Псков, когда царь решил вывести измену в Москве; местом несостоявшейся казни царевича названа Поганая лужа, царь угрожает боярам сварить их в котле. Р. Г. Скрынников напоминает, что «именно на Поганой луже были казнены после новгородского погрома „канцлер“ Висковатый и другие московские „изменники“, причем одного из них — «Н. Фуникова — опричники сварили живьем».46 Но самое существенное в том, что именно в это время (в 1570 г.) «раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником», которому симпатизировала часть влиятельных бояр (Р. Г. Скрынников опирается на свидетельство Шлихтинга), причем раздор этот «получил широкую огласку в земщине».47 Р. Г. Скрынников не располагает какими-либо указаниями источников на намерение казнить царевича Ивана или на обвинение его в измене, но характеризует общую обстановку: «„Новгородское дело“ повлекло за собой розыск о „московской измене“. Опричники готовились учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. Перспектива повторения в Москве новгородских событий пугала руководителей земчины, которые, конечно, никак не могли сочувствовать новым сумасбродным замыслам Грозного. Очень возможно, что Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника,

⁴³ Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына. С. 101.

⁴⁴ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. С. 204, 205. Можно внести одно уточнение на основе более поздней работы: донос на Вяземского, о котором сообщал Шлихтинг, был, очевидно, ложным, во всяком случае — не доказанным. Раньше Вяземского погиб сам доносчик — см.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 443—444.

⁴⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 431.

⁴⁶ Там же. С. 432.

⁴⁷ Там же. С. 431.

чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору».⁴⁸

Таким образом, существуют три различные исторические идентификации: 1) засвидетельствованный источником XVI в. конфликт между Иваном IV и его старшим сыном Иваном после новгородского похода 1570 г. (и сопутствовавшие этому конфликту исторические обстоятельства);⁴⁹ 2) предполагаемый гнев Ивана IV на 13-летнего сына Федора за возможное его сочувствие новгородцам и предполагаемая солидарность при этом царя и его старшего сына; 3) засвидетельствованный источниками факт нанесения Иваном IV смертельной раны старшему сыну Ивану в 1581 г. во время их ссоры из-за жены Ивана Ивановича. Полагаем, что последняя идентификация должна быть совершенно оставлена ввиду слишком больших ее расхождений с содержанием песни. Вторая идентификация, в наибольшей мере отвечающая содержанию большинства вариантов, особенно записанных в Новгородской земле и обладающих часто высоким художественным совершенством, источниками не подтверждена и даже в некоторой степени им противостоит. Первая идентификация исторически правомерна и должна быть принята. Она позволяет объяснить появление этого краткого варианта, с которым соотнесена, и в несколько меньшей степени ряда других вариантов. Однако если иметь в виду весь комплекс существующих записей, то эта идентификация оставляет вне возможного исторического объяснения не только детали, по-видимому вымыщленные, но и значительный комплекс исторических реалий, трудно сопоставимых вообще с правлением Ивана IV.

Есть варианты песни о гневе Ивана Грозного на сына, зacin которых связывает с его именем строительство каменного города:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозны царь...

(ИП 1, № 222, с. 360)

Стоящий доныне московский Кремль построен при Иване III: стены и башни были возведены в 1485—1495 гг. При нем же построены Грановитая палата (1487—1491 гг.), Успенский и Благовещенский соборы Кремля (1475—1479 и 1484—1489 гг.). При Иване IV строительства подобного масштаба не производилось. Упомянутый зacin целесообразно рассмотреть до конца. Возьмем другой вариант.

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной царь,
Что Грозной царь Иван сударь Васильевич.
Как он ходил под Казань-город,
Под Казань-город и под Астрахань,
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя с царицею;
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новагорода...

(ИП 1, № 221, с. 358)

В этом зacinе только упоминание Астрахани указывает на привнесение, обвязанное именно правлению Ивана IV. Остальное, хотя и соотносимо с событиями обоих царствований, в гораздо большей мере характеризует эпоху Ивана III.

Казань сдалась почти без боя войскам Ивана III в 1487 г. после непродолжительной трехнедельной осады. Напротив, Ивану IV пришлось стоять под этим городом в два раза дольше, при непрерывных чрезвычайно ожесточенных боевых действиях, и даже взрывать городскую стену.⁵⁰ Казанский царь Алегам после его добровольной сдачи был вместе с царицей сослан Иваном III в заточение в Вологду.⁵¹ Что касается выведения измены из Пскова и Новгорода, то Иван IV обвинял в измене (по-видимому, неосновательно) только новгородцев; поэтому

⁴⁸ Там же. С. 430.

⁴⁹ Такая идентификация до появления названного труда Р. Г. Скрынникова давалась коротко при комментировании мной этой песни в популярном издании (см.: Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986. С. 572; 2-е изд.: М., 1991. С. 685).

⁵⁰ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 466—473.

⁵¹ См.: там же. С. 71. Судьба казанской царской четы при Иване IV была аналогична.

его приезд в Псков после жесточайшего разгрома Новгорода оказался для псковичей почти бескровным. Зато у Ивана III были не раз крупные недоразумения со строптивыми псковичами.⁵² В 1469 г. обнаружилось, что в Пскове были изменники, тайно помогавшие немцам в войне против соотечественников. Псковских изменников казнили.⁵³ Измена ряда новгородских бояр Ивану III — факт достаточно известный: они тайно возобновили сношения с польским королем после того, как присягнули Ивану III. Это вызвало казнь изменников и выселения многих людей из Новгорода.⁵⁴

Из зачина, таким образом, следует, что песня слагалась об Иване III, а позже испытала воздействие реалий царствования Ивана IV.

Многие варианты песни начинаются по-былинному — с описания пира и похвальбы его участников. В центре внимания здесь похвальба самого царя Ивана Васильевича. Она, в частности, такова:

Есть и мне, царю, теперь похвастати:
Я повынес царенье из Царяграда,
Царскую порфириу на себя надел,
Царский костьль себе в руки взял...

(ИП 1, № 208, с. 317)

А й повынес я царенье из Царяграда...
(ИП 1, № 211, с. 328)⁵⁵

Иногда об этом говорится в ином зacinе при характеристике царя Ивана: «А й повнес он царенье из Царяграда» (ИП 1, № 211, с. 327). Вполне очевидно, что подобные утверждения соотносятся с восприятием идейного наследия византийских императоров Иваном III, женившимся на Софии Палеолог и перенесшим византийский герб в Москву (получившую при его сыне в тогдашней публицистике наименование «третьего Рима»).

Этот важный мотив не имеет исторических соответствий в царствовании Ивана IV: он не «выносил царенье» из Царяграда.

Соотносимый с песней о гневе Ивана Грозного на сына раздор между сыном и отцом в правление Ивана IV не имел ни династических причин, ни значительных последствий для царевича Ивана Ивановича. Мы знаем об этом конфликте только по сравнительно краткому упоминанию в одном из свидетельств иностранцев, писавших по личным впечатлениям о Московии времени Ивана IV.

Несомненно, что своим первоначальным появлением сюжет песни о гневе царя на сына обязан гораздо более значительным событиям, происходившим около семидесяти лет раньше и знаменовавшим собой достаточно трагичный династический кризис.

Следует обратить внимание на имена главных персонажей. Среди вариантов песни есть такие, где речь идет о царевиче Василии Ивановиче. Уже одно это указывает на XV столетие: у Ивана IV был сын Василий, но он умер грудным младенцем. У Ивана III имя Василий носил старший сын от Софии Палеолог, объявленный наследником престола после смерти Ивана Молодого и участвовавший затем в острой политической борьбе со своим конкурентом.

Есть варианты, в которых гнев царя Ивана Васильевича обращен на царевича Дмитрия Ивановича. Иван IV имел двух сыновей с таким именем, но первый

⁵² См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 36—41.

⁵³ См.: там же. С. 127—128.

⁵⁴ См.: там же. С. 32—34.

⁵⁵ Если в одних случаях царь похваляется: «Повынес я порфириу царскую из Царяграда» (ИП 1, № 206, с. 311), «Из Царяграда взял порфириу я» (ИП 1, № 254, с. 435), то в других можно наблюдать процесс искаjение: «Достал я перфилушку из Царяграда» (ИП 1, № 215, с. 340), «Вывез Перфила из Царяграда» (ИП 1, № 223, с. 361), и наконец: «Вывел Перфила из Новагорода» (ИП 1, № 251, с. 430). В последнем случае перед нами, очевидно, уже не только искаjение, но и переосмысление. Вариант записан в Ардатовском уезде Нижегородской губернии. Именно туда было выселено большое число новгородцев Иваном III в 1489 г. А десятью годами ранее были взяты и вывезены из Новгорода игравший там важнейшую политическую роль архиепископ Феофил (он был заключен под стражу в Чудове монастыре); был схвачен купеческий староста Панфильев; вместе с Марфой Борецкой и другими он был вывезен в Москву (см.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 32—33).

из них умер в младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца. Среди сыновей Ивана III был один Дмитрий, достигший при его жизни 14-летнего возраста, но не успевший себя проявить в политической жизни. Зато исключительно важная роль в ней принадлежала тогда другому Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана III, сыну Ивана Молодого. Он был торжественно коронован наследником престола в 1498 г. — после опалы на объявленного наследником до того Василия Ивановича. Но спустя несколько лет Дмитрий Иванович сам подвергся опале, а наследником престола вновь стал Василий Иванович. Эти проявления весьма напряженной борьбы двух партий при дворе достаточно подробно отражены в источниках и достаточно определено соотносятся с содержанием песни: оба царевича побывали под стражей, по крайней мере над одним из них нависала смертельная угроза; хотя до казни наследника престола дело не дошло, смерть постигла близких царевичу людей, причем выдвигалось обвинение в государственной измене.

Большинство вариантов песни имеет насложения не только реалий правления Ивана IV (имена царевичей Федора и Ивана, боярина Никиты Романовича, опричника Малюты Скуратова, казанского царя, захваченного Иваном IV, упоминания Астрахани, жестоких деяний в Новгороде и др.), но и следы позднейшей деформации самого сюжета, о причинах чего речь пойдет далее. Сейчас мы по возможности отвлекаемся от них, обращаясь к соотнесению сюжетной основы песни с ее исходной исторической основой.

Официальная Никоновская летопись сообщает, что в 1497 г. «по диаволю действу и наваждению и лихих людей совету всполелся князь великий Иван Васильевичъ на сына своего на князя Василья да и на свою жену на великую княгиню Софию, да в той въспалке велел казнити детей боярских (дается перечисление их. — С. А.), казниша их на леду, главы их ссекоша, декабря в 27 день».⁵⁶

Как выясняется путем сопоставления с другими летописями, последовательность событий была такова: сначала Иван III предъявил митрополиту и высшим иерархам церкви свои обвинения против сына и жены, затем принужден был покаяться перед освященным собором, признав себя виноватым в смерти родного брата Андрея (заточенного им в тюрьму в 1491 г. и умершего там в 1493 г.). После этого были казнены ближайшие сторонники Василия Ивановича — участники заговора.⁵⁷

Об аресте царевича Василия Ивановича существует более ясное свидетельство неофициальных летописей. «В лето 7006 декабря восполелся князь великий Иван Васильевич всея Русии на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы»; мотивировалось это причастностью царевича к заговору, организаторы которого друг друга «тайно к целованию приведоша», узнав, что «князь великий хочет пожаловать великим княжением Володимерским и Московским внука своего, князя Дмитрея Ивановича». Как выяснилось, Василий находился в центре этого заговора, а заговорщики побуждали его «отъехати» от отца, хотели при этом «казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда учинити».⁵⁸

Воспоследовала суровая казнь главных заговорщиков: четверым, включая князя Ивана Палецкого, отсекли головы, а наказание двух других, более, очевидно, виноватых, было ужесточено отсечением конечностей.⁵⁹

Современные исследователи довольно единодушно оценивают политическую ситуацию, в какой оказался тогда царевич Василий: в 1497 г. «жизнь его и Софии Палеолог почти висела на волоске».⁶⁰ Но у Василия Ивановича нашелся

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 246. Непосредственно за этим текстом идет известие о поставлении Иваном III на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича. (Аналогичный текст есть и в более ранних летописях).

⁵⁷ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 292—303.

⁵⁸ Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 279. Ср.: Список Дубровского // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 530.

⁵⁹ Там же. С. 531.

⁶⁰ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 111. Мать царевича, как оказалось, имела сношения с ворожеями, имевшими при себе зелья. Вспомнив, очевидно, загадочную смерть Ивана Молодого, Иван III стал после этого соблюдать меры предосторожности в отношении супруги.

спаситель в лице митрополита. Вместе с другими церковными иерархами он оказал сильнейшее давление на Ивана III. Царю пришлось просить прощения «о своем брате, князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил». Митрополит, архиепископ и епископы «едва простиша ѿ и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправити перед Богом».⁶¹

Мнение недавних исследователей сводится к тому, что «смерть Андрея — событие четырехлетней давности — послужила лишь предлогом для разговора об опальном Василии, чья участь внушала митрополиту серьезные опасения и, возможно, была даже близка участи Андрея», и что есть основания говорить «о церковном соборе, спасшем жизнь Софье и Василию».⁶²

В песне спасителем царевича оказывается не митрополит, а боярин Никита Романович — персонаж, в фольклоре весьма популярный, всегда играющий положительную роль и в других произведениях. Его одноименный исторический прототип (родной брат рано умершей первой жены Ивана IV Анастасии, известной благотворным влиянием на характер мужа) был отцом патриарха Филарета и дедом царя Михаила Федоровича Романова. При Иване IV он не запятнал себя участием в его жестокостях. Поддержка, которую, как предполагает Р. Г. Скрынников, Никита Романович оказывал царевичу Ивану Ивановичу при его раздоре с отцом, вероятно, и послужила причиной того, что со временем именно этому персонажу стала принадлежать в песне роль спасителя от смертельной угрозы царевича, первым прототипом которого был Василий Иванович.

Существенно еще одно историческое обстоятельство, параллель которому обнаруживается в очень многих записях песни. После избавления царевича от смерти царь хочет наградить спасителя, тот отвечает:

Мне не надо городов с пригородками,
Мне не надо сел да с приселками,
Мне не надо ни золата, ни серебра, ни скатна жемчуга,
Только дай мне Никитину вотчину:
Кто уйдет в Никитину вотчину,
Того и Бог простит.

(ИП 1, № 202, с. 297)

Такой финал, как правило, присутствует в наиболее развернутых вариантах, причем повсюду «Никитина вотчина» трактуется как убежище, избавляющее от наказания. Исследователи песни реального исторического объяснения этому устойчивому ее мотиву не предложили. Между тем аналогичный исторический факт был выявлен при изучении обстоятельств царской опалы на Василия Ивановича.

Анализ совокупности летописных известий в сопоставлении с актовыми материалами привел исследователя этих вопросов С. М. Каштанова к такому заключению: «Очевидно, церковники сумели выговорить для Василия определенные гарантии и право убежища».⁶³ Привлеченные С. М. Каштановым источники позволили конкретизировать этот вывод: речь шла, очевидно, о сохранении за Василием Ивановичем «относительной свободы и княжеской роли на какой-то очень узкой территории в одной из Замосковских волостей»; по-видимому, это была «волость „Шерна-городок”, где находилась церковь Николы в Пружах».⁶⁴ Погост Пружки являлся, очевидно, «митрополичьим владением», и сама церковь Николы «была митрополичьей».⁶⁵

Поскольку Никита Романович в песне «заместил» игравшего в реальной истории аналогичную роль митрополита, митрополичье владение, ставшее убежищем для опального Василия Ивановича, «заместило» в песне «Никитиной вотчиной», которая в ходе эволюции песни и размыивания исторических реалий постепенно превратилась в убежище для всякого, кто подлежал наказанию.

⁶¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 214.

⁶² Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 100.

⁶³ Там же. С. 100—101.

⁶⁴ Там же. С. 98.

⁶⁵ Там же. С. 101. В 1498 г. Василий Иванович подарил этой церкви пергаменное Евангелие и землю «на кормление»; в этом году он фактически не имел уже титула великого князя всея Руси, в сохранившемся позднем списке его дарственной записи этот титул указан ошибочно.

Песня о гневе Грозного царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича была, как можно полагать, первым произведением на этот сюжет. Но за ней последовали другие, относившиеся уже к категории песен-переделок. Взаимодействуя в ходе устного бытования, похожие по содержанию песни сосредоточивались на более запомнившихся впоследствии именах и исторических реалиях, что привело в итоге к тому их разнобою, какой наблюдается в комплексе разнородных по происхождению вариантов, суммарно обозначаемых как «Песня о гневе Ивана Грозного на сына».

Имя царевича Василия Ивановича удержалось только в двух из известных нам вариантов. Текст, записанный А. Ф. Гильфердингом на Выгозере от Ф. Н. Никитина (ИП 1, № 204), как можно полагать, отобразил не столько исходную песню, сколько первую переделку ее, ибо здесь Василий — не объект царского гнева, а доноситель на второго царевича (названного в песне не Дмитрием, а Федором), этот второй царевич и оказывается под угрозой смерти, но спасен Никитой Романовичем, после чего говорится об упомянутой уже Никитиной вотчине. Перед нами отображение второй фазы династического конфликта (когда страдающим лицом оказался Дмитрий), затемненное воздействием первичной песни, откуда перешел финал и некоторые другие детали (помимо тех, какие обязаны уже эпохе Ивана IV). Начало песни контаминировано: она открывается описанием нашествия вражеского нахальщика, против которого посыпает своих сыновей с войском царь Иван Васильевич (и имеет текстуально шероховатый переход к основному сюжету, в результате чего остается неясной сущность «измены» второго царевича, о которой доносит отцу Василий Иванович).

Более существенно контаминирован вариант ИП 1, № 259, исполненный А. В. Маркову в Зимней Золотице В. И. Чекалевым. Основная часть текста не посвящена гневу царя на сына: это песня о смерти царицы Анастасии Романовны, переходящая в песню о Кострюке; такая контаминация, где соединение двух сюжетов логично и художественно оправдано, бытowała на Севере самостоятельно: она представлена текстами ИП 1, № 265—266, записанными ранее в Архангельской губернии.

Сама же песня о гневе Грозного царя на сына присутствует здесь тремя фрагментами, которые резко вклиниваются в остальной текст. Строки 19—40, составляющие первый фрагмент и начинающиеся описанием пира, довольно неуместно следуют за описанием смерти царицы:

А представилась царица та благоверная.
Ише сбрав тут царь-от пир навесели.

Почти столь же малооправданно второе включение: в строках 55 и 56 Грозный царь сожалеет, что погубил (как он думает) царевича Василия Ивановича, раскаявшись перед тем, что, вопреки наказу благочестивой умершей жены, взял замуж «Марьюшку Верблюковну». Закончив сюжет о Кострюке известием о гибели упомянутой сестры его и о радости царя по данному поводу, песня опять резко переходит к печали его из-за смерти сына, после чего следует в кратком виде финал песни о гневе на царевича (строки 82—97). Перед нами, собственно, даже не контаминация, а почти механический монтаж двух песен (первая из которых — контаминация оправданная), монтаж, вызванный, может быть, только тем, что вторая песня, известная певцу в короткой редакции, имела некоторую, хотя и слабую, тематическую перекличку с первой. Но как раз малоискусность и малооправданность соединения имеет тот положительный эффект, что позволяет с большой долей вероятности выделить весь или почти весь текст не сохранившейся в отдельном виде краткой редакции песни о гневе царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича. Привожу текст по изданию собирателя ввиду некоторых упрощений переиздания в ИП 1. Это, как уже указывалось, стихи 19—40, 55—56, 82—91:⁶⁶

⁶⁶ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 528—530 (№ 106).

Ишие собрал тут царь-от пир навесели;
 Ишие сам говорил-то да таковы речи:
 «Уж я вывёл-то изменушку из Киева;
 Привезу я ведь правдушку из чиста поля».
 Ишие было у царя-то да цядо милое,
 Ишие мило-то ведь чадышко одинакое
 Ишие на имя Васильюшко Ивановичъ;
 Ишие б роду Васильюшку было двадцать лет.
 Говорил-то Васильюшко таковы речи:
 «Ты Грэзён ты наш царь Иван Васильёвицъ!
 Уж ты вывёл ведь правдушку из Киева;
 Привезёшь ты изменушку из чиста поля».
 Розъсердился Грэзён царь Иван Васильёвицъ
 На своего на чадышка на милого;
 Приказал отвезти его в чисто поле
 Да отсеки (ч) и его ведь как буйну голову,
 Принести-то его голову на торёлочки.
 Отвели-то Васильюшка во чисто поле,
 Штобы не видал Грэзэн царь Иван Васильёвицъ.
 Они прибрали поганого татарина,
 Што такой же ведь есть — Васильюшко сын Ивановичъ,
 Да отсекли у Васильюшка⁶⁷ буйну голову.

Пожалел тогда своего-та чада милого
 Ишие на имя Васильюшка Иванова.

Ишие сам он говорил-то таковы речи:
 «Охте-те-мни-чки-то мне тошнёхонько!
 Уходил я своего-то чада милого
 Ишие на имя Васильюшка Ивановичъ!»
 Привели к ёму Васильюшка Иванова,
 Ишие сами говорили да таковы речи:
 «Ты Грэзён ты наш Иван Васильёвицъ!
 Мы отсекли у татарина буйну голову,
 Принесли тогда к тебе-ка на торелочки;
 Пожалели мы Васильюшка Иванова».

Упоминание Киева, конечно, весьма поздняя замена. Но близко к истине указание на возраст царевича: Василий Иванович, родившийся в 1479 г., опале и аресту подвергся в 1497 г.

Под 1502 г. в летописи читаем: «Тое же весны князь великий, апреля 11, в понедельник, положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его матерь на великую княгиню Елену; и от того дни не велел их поминати в октеньях и литиах, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы. Тое же весны, апреля 14, в четверток, на память преподобного отца нашего Мартина папы Римского, князь великий Иван Васильевич всея Русии пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и всея Руси самодержцем, по благословению Симона митрополита всея Руси».⁶⁸

Победа Василия Ивановича в династической борьбе, как объяснял ее Герберштейн, явилась результатом интриг Софии Палеолог: «Говорят, — писал он, — Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое. рассказывают, что, между прочим, она убедила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на его место Гавриила (т. е. Василия — согласно его второму имени. — С. А.). По настоянию жены князь заключил Димитрия в тюрьму и держал его там».⁶⁹

Окончательный выбор Ивана III между двумя кандидатами на его престол имел более серьезные основания, как справедливо считают исследовавшие этот вопрос историки. Но необходимость считаться с женой, вероятно, тоже сыграла некоторую роль. Дмитрий был выпущен из заключения только после ее смерти.

⁶⁷ Т. е. татарина, похожего на Васильюшка. (Примечание собирателя).

⁶⁸ Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 48.

⁶⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66.

Незадолго до ареста царевича Дмитрия был казнен за измену князь Семен Ряполовский и пострижен в монахи князья Патрикеевы. С. М. Соловьев заключал, что эта измена состояла в действиях «против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука», ибо так можно истолковать некоторые данные источников, а «за опалою Патрикеевых и Ряполовского последовала опала Елены и Дмитрия, торжество Софии и Василия».⁷⁰ Мнения позднейших историков разошлись относительно причастности или непричастности Ряполовского и Патрикеевых к династической борьбе, участия или неучастия в интригах против Василия и Софии.⁷¹ Но для циркулировавших в народе слухов вполне естественно было соотносить одну акцию с другой — по аналогии с явной связью между более ранней опалой на Василия и казнью его сторонников.

Таким образом, сюжет, в котором царевич подвергается гневу отца и оказывается под угрозой, но остается жив, а другой человек вместо него казнен, стал подходящей основой и для песни о гневе Грозного царя Ивана Васильевича на царевича Дмитрия Ивановича. Эта песня, явившаяся переделкой предыдущей, отобразилась в несколько большем числе текстов.

В варианте ИП 1, № 236, который записан в Шенкурском уезде А. Харитоновым, царский гнев направлен на Дмитрия; царевич оказывается спасен благодаря тому, что вместо него казнен конюх Никиты Романовича.⁷² Здесь нет доноса на Дмитрия Ивановича, что существенно отличает этот текст от варианта ИП 1, № 200 (записан в 1938 г. Е. П. Родиной от Ф. А. Конашкова). В данном случае развернутое повествование известного сказителя былин следует той версии сюжета, где царевич — жертва доноса со стороны его родного брата. Но имя последнего здесь — Федор, а не Василий, что объясняется, очевидно, косвенным влиянием той неисторичной версии, где жертвой оказывается именно Федор Иванович. Спасение царевича Дмитрия Ивановича у Ф. И. Конашкова не связано с казнью другого лица: оно результат того, что Никита Романович казнит самого палача Малюту Скуратова.

След первоначальной песни можно усмотреть в варианте ИП 1, № 209 (сохранился в рукописи сказителя А. И. Касьянова): здесь, напротив, Дмитрий Иванович оказывается доносителем на брата (но имя последнего — не Василий, а Федор). Есть еще упоминание Дмитрия Ивановича в числе трех царевичей — безотносительно к описанному здесь гневу царя на Федора Ивановича (вариант ИП 1, № 202 записан В. Ф. Хотьковским в Петрозаводском уезде от М. А. Фроловой).

В подобных случаях конкретные генетические соотношения записанных вариантов с двумя первыми песнями, конечно, гипотетичны, но само имя царевича Дмитрия Ивановича указывает на связь с песней, отобразившейся достаточно определенно в вариантах ИП 1, № 236 и ИП 1, № 200, а исторической своей основой имеющей события 1502 г.

Еще одним ее отображением следует признать вариант не опубликованный, но в некоторых отношениях любопытный. Это старая запись, выполненная еще Е. Фаворским в Нижегородской губернии. По какой-то досадной случайности данный текст (в отличие от соседствующей с ним записи песни о Шереметеве) не попал в число давно изданных и переизданных записей Е. Фаворского. Он находится в фонде академика И. И. Срезневского, где снабжен пометой: «Старинные великорусские песни, записанные священником Е. Фаворским в селе Павлове». Привожу полный текст песни по рукописи.⁷³

⁷⁰ Соловьев С. М. История России... Ч. 3. С. 63.

⁷¹ Ср., например: Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 102—115; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 160—177 (этот автор считает, что причиной событий явились факторы международной политики).

⁷² Аналогичный текст был записан там же Кузьмищевым (см.: ИП 1, с. 661).

⁷³ Архив Российской академии наук, Петербургское отделение, ф. 216, оп. 4, ед. хр. 245, л. 1—2. Сокращения раскрыты в угловых скобках, знаки препинания несколько дополнены и частично изменены.

Во матушке во Москве стояла полатушка гарновитая,
 Железом покрытая, гвоздями убитая полуженными,
 Во этой полатушке стоят столики дубовые,
 На них скатерти розосланы шелковые,
 А стулики стоят кленовые.
 За этими столиками сидят князья, бояря,
 Сидят, пьют, едят, проклажаются,
 Ничем царю не похвалятся.
 Грозный царь Ив(ан) Васильевич сам выхваляется:
 «Брал я Казань, брал я Астрахань,
 А мелкие города мимоходом шел,
 Не мог я вывести изменушку из города Обского, из-за Обского».
 Возговорит речь Димитрий Иванович:
 «Уж ты тягинка родимой мой,
 Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы! —
 «Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на-имя?» —
 «Тягинка, эта изменушка подле тебя сидит,
 Пьёт, едят с одной вы с ней ложечки,
 Одно светлая платьица носите».
 Грозный царь распальяется,
 Выбегает на красён крылец,
 И кричал своим громким голосом:
 «Если при мне слуги верные — палахи грозные?
 Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:
 Снесли бы ему буйнú голову по самыя могучи плечи,
 Взоткали бы её на вострый штык,
 Принесли бы её пред очи, очи царских».
 Догадался тут старшой боярин Иван Романыч,
 Выбегал на красен крылец,
 И кричит своим громким голосом:
 «Если при мне слуги верные?
 Седлали бы мне ретивá коня».
 Едет Иван Романыч по матушке по Москве
 И кричит громким голосом своим:
 «Если таковы люди — царски семяна заменить,
 Себе царства небесного получить?»
 Выискался детинушка — калашный сын:
 «Хочу царски семяна заменить,
 Хочу царства небесного себе получить».
 Повели же его на место лобное — на кровавое,
 И снесли ему буйнú голову по самыя могучи плечи,
 И взоткнули ее на вострый штык,
 И принесли её перед очи, очи царских.
 Не мог он вытерпеть, его ударило.
 Приказал в большой колокол звонить
 По всей матушке каменной Москве,
 Всем боярам в чёрном платье итти Богу молиться:
 «Погасла у меня воску ярова свеча,
 Не стала у меня Димитрия Иваныча!»
 Нарядился в светлая платьица Иван Романыч —
 Распальяется на него грозный царь Ив(ан) Васильич:
 «Али ты царю — мне насмехаешься,
 Али ты не знаешь, что в жыве царевича не стала?
 Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
 Отsekли бы ему буйнú голову по самыя могучи плечи
 И взоткнули бы ее на вострый штык,
 И принесли бы ее перед очи, очи царских». —
 «Батюшка грозный царь Ив(ан) Васильевич!
 Дай ты мне Богу помолиться,
 Дай ты Св(ятых) Тайн причаститися!»
 Поехал старшой боярин Ив(ан) Романыч,
 Везет он к царю Димитрея царевича.
 Увидел грозный царь Иван Васильич
 С старшим боярином Димитрея царевича.
 Возговорит царь Иван Васильевич
 Старшому боярину Ивану Романычу:
 «Старшой боярин Иван Романыч!
 Умел ты царски семена блости,
 Чем мне тебя дарить и жаловать?
 Али селами, аль деревнями, али красными подселками?» —
 «Не дари меня ни селами, ни деревнями,
 Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурлятиным».
 Старшой боярин Иван Романович

Схватил Малютычку Скурляткина:
 «Малютычка Скурляткин сын,
 Не за свой ты кус хватаешся,
 Скоро этим кусом ты подавишся».

Особенность публикуемого варианта в том, что выручает царевича из беды не Никита Романович, как в других текстах, а Иван Романович. Возможно, что мы имеем здесь дело с наложением одного имени и отчества на другое (совершенно таким же образом, как в песне о смерти царицы, рассматриваемой нами далее). Князь Иван Юрьевич Патрикеев, упомянутый выше, избежал казни вместе со своим братом, но оказался в монастыре. В песне «старшой боярин Иван Романыч», скваченный по царскому приказу и едва не казненный, отпущен по его просьбе «Богу помолитися» и «Святых Тайн причаститися». Но финал варианта испытал воздействие позднейшей версии — воздействие, однако, не мотивированное предшествующим текстом, ибо о Малюте Скурлатове в связи с угрозой казнить царевича в этом тексте не говорится.

Рассмотренные варианты достаточно явно указывают на существование двух песен (или, если угодно, — двух версий одной песни), отозвавшихся на исторические факты 1497 г. и 1502 г. — опалу Ивана III на Василия Ивановича, затем — на Дмитрия Ивановича.

Третья песня, возникшая в связи с конфликтом между Иваном IV и его старшим сыном Иваном Ивановичем в 1570 г., представляла собой переделку одной из предшествующих песен на этот сюжет. Она создана была, вероятно, в Москве, где отправные политические обстоятельства могли быть достаточно известны по циркулировавшим в народе слухам.

Но эволюция сюжета созданием третьей песни, по-видимому, не завершилась. Весьма значительная часть вариантов, записанных на Новгородском Севере, свидетельствует еще об одной переработке и заставляет вспомнить приведенное выше суждение В. Я. Проппа. Каких-либо свидетельств источников относительно опалы на царевича Федора в связи с новгородским походом Ивана IV не существует, и сам такой факт маловероятен, учитывая тогдашний возраст Федора. Но царевич был известен кротким характером, вполне проявившимся после смерти Ивана IV, когда Федор стал царем. Вероятно, это и послужило поводом для создания впоследствии еще одной версии сюжета — версии, в своей основе вымышленной, но отобразившей воспоминания новгородцев, оставшихся в живых после погрома 1570 г., в котором активное участие принимал тогдашний наследник престола царевич Иван Иванович. Побудительным толчком к созданию новой песни могло послужить упоминание в песне предшествующей о том, что измена выведена в Новгороде. Мотив расправы с новгородцами получил развитие в новой песне, где царевич Иван обращается к отцу:

Ай, прегрозный сударь царь Иван Васильевич,
 Ай, родитель наш же батюшко!
 Ты то ехал уличкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрьмам садил;
 Я-то ехал уличкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрьмам садил;
 А середочки да ехал Федор да Иванович,

 Наперед же он указы да пороссыпал,
 Чтобы малыи да поразбегались,
 Чтобы старыи да растуляиси.

(ИП 1, № 211, с. 328)

Должно было пройти известное время, чтобы вокруг фигуры царевича Федора, точнее — песенного его образа, сконцентрировались воспоминания об обвинениях, выдвигавшихся в адрес некоторых соучастников злодеяний Ивана IV, и о зловещей роли Малюты Скурлатова, противопоставленные воспоминаниям о Никите Романовиче и сестре его царице Анастасии. Вновь созданная песня

использовала наследие трех предшествовавших, но, в свою очередь, повлияла на них и со временем почти вытеснила из устного репертуара их неосложненные этим влиянием первоначальные редакции.

Песню «Смерть царицы» исследователи, начиная с В. Ф. Миллера, не без оснований соотносят с кончиной царицы Анастасии — первой жены Ивана IV, хотя имя это ни в одном варианте не фигурирует.⁷⁴ Есть запись, где упомянута Настасья царевна, плачущая у ног матери (ИП 1, № 263, с. 457). Обрисованный в этом тексте характер умирающей, скорее всего, указывает именно на царицу Анастасию, имя которой, вероятно, при искаjении текста стало именем ее дочери (ни у Ивана IV, ни у Ивана III среди дочерей не было Анастасии). Но в тех вариантах, где имя царицы фигурирует, она названа Софьей Романовной (ИП 1, № 265 и 266).

Среди жен Ивана IV не было Софьи. Перед нами, очевидно, контаминация реального имени Софии Фоминичны и реального имени Анастасии Романовны. А это заставляет полагать, что предшественницей известной нам песни была песня, посвященная смерти второй жены Ивана III: она скончалась раньше его, в 1503 г.

Песня рисует картину прощания с умирающей:

В головах сидят два царевича,
В ногах сидят млады две царевны,
Супротив стоит сам грозен царь.

(ИП 1, № 265, с. 459)

При кончине царицы Анастасии могли присутствовать царевичи, но не царевны: все три дочери ее умерли во младенчестве, раньше, чем их мать.

В песне царица Софья обращается к мужу, грозному царю Ивану Васильевичу:

Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев;
Когда будут они в полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых земель.
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж.

(ИП 1, № 265, с. 459)⁷⁵

Когда умирала царица София, три ее старших сына уже были «в полном разуме» (им было от 21 до 24 лет) и песня их не могла иметь в виду; но приведенный текст реально мог относиться к двум юным дочерям Софии (третья умерла раньше матери) и к двум ее младшим сыновьям: Андрею в то время было 12 лет, а Семену — 16.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что песня, которая дошла до нас, основывалась на переделке более ранней песни о смерти царицы Софии.

Есть несколько песен, посвященных смерти царя Ивана Васильевича. Большая часть их не поддается доказуемой идентификации вследствие отсутствия примет, определенно соотносящих произведение именно с Иваном III или с Иваном IV. К тому же в этих песнях порой существенную роль играют затрудняющие их датировку позднейшие привнесения, связанные с церковным расколом и нововведениями в армии при Петре I.

Но есть песня, опубликованная в трех вариантах (один из которых контаминирован), вполне отчетливо связанная своим возникновением с кончиной Ивана III.

⁷⁴ Записи ИП 1, № 263 и 264 произведены А. В. Марковым в Нижней Зимней Золотнице от А. М. Крюковой и Г. Л. Крюкова. Контаминированные с песней о Кострюке варианты ИП 1, № 265 и 266 записаны С. В. Максимовым в Архангельской губернии. Дополнительно осложненную контаминацией этого типа представляет собой рассмотренный выше текст ИП 1, № 259.

⁷⁵ Короче в варианте ИП 1, № 264, с. 458:

До своих ты малых деточек будь ты милостив,
А до двух-то все младых царевицей.

Как выше упоминалось, Иван III в 1487 г. организовал успешный поход к Казани. В результате была устранена опасность постоянных набегов оттуда на русские земли, приносивших разорение, гибель и плен не только русским жителям Среднего Поволжья. Казанским ханом стал покорный вассал Ивана III. Но в конце его жизни, пользуясь болезнью русского монарха, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла Ивана III в разгаре приготовлений к новому походу на Казань. Это обстоятельство и запечатлела песня, вариант которой А. А. Догадин записал у астраханских казаков. Текст оканчивается обращением к умершему:

Ты восстань, восстань,
Ты наш православный царь (...)
Царь Иван Васильевич,
Ты наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою силушку (...)
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет (...)
Как под тот-то славный
Казань, Казань город.

(ИП 1, № 282, с. 475)⁷⁶

Достаточно очевидно, что эта песня не могла быть сложена в 1584 г. по случаю смерти Ивана IV, как полагал ее первый публикатор: Иван IV умер через тридцать с лишним лет после того, как прекратились походы под Казань, которая в 1552 г. окончательно вошла в состав Русского государства.

Но состоявшийся уже после смерти Ивана III в 1506 г. большой поход против Казани не был успешным. Воеводы Василия III были разбиты вследствие собственной небрежности, часть войска оказалась в плену у татар.⁷⁷ Это вызвало переделку окончания песни:

Эх, ты восстань-ко, восстань,
Грозный царь Иван Ва...
Царь Иван Васильевич. (2)
Эх да, твоя силушка
Эх и в полону сто...
Эх и в полону стоит. (2)
Эх да, под неверною
Эх и все под неве...
Эх да, все под скверною! (2)

(ИП 1, № 283, с. 476)

Вариант записан Ф. М. Истоминым в Поволжье, в Симбирской губернии. Там же зафиксирован третий вариант, представляющий собой, как справедливо отметил в комментарии Б. Н. Путилов, «контаминацию двух сюжетов: „Часовой плачет у гроба Ивана Грозного“ и „Взятие Казани“» (ИП 1, с. 670). Вторая песня полностью присоединена к первой, которая в этом варианте оканчивается выражением недовольства нерадивостью воевод:

Царь Иван Васильевич!
Погляди-ка ты на свою силу:
Твоя силушка утомлённая,
Утомлённая, некормлённая,
Твой любимый полк во поход пошел,
Во поход пошел под Казань-город.

(ИП 1, № 284, с. 477)

Упоминание Казани побудило далее присоединить песню, повествующую о взятии ее через 46 лет.

Существенно, что один из вариантов записан в среде казаков. Традиционное представление о появлении русского казачества только в XVI столетии (или на рубеже XV

⁷⁶ При цитировании отточиями обозначены опущенные мной повторы.

⁷⁷ См., например: Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 51; Софийская вторая летопись // Там же. С. 245; Список Дубровского. С. 536.

и XVI вв.) ошибочно. Уже при Василии II рязанские казаки помогли москвичам одержать победу над татарами вблизи Переяславля Рязанского, как об этом сообщает Никоновская летопись под 1444 годом.⁷⁸ Упоминание в варианте ИП 1, № 282 «молодого казака», который стоит у гроба Ивана III, может быть не позднейшим привнесением, а исторической реалией. Дело в том, что Иван III, как это видно из летописей, держал казацкое войско в самой Москве и оттуда посыпал казаков в походы против Казанского ханства. Таков был поход под командованием воеводы Ивана Руно в 1468 г.: в Никоновской летописи, например, читаем, что Иван III «послал на Каму воевати мест Казанских с Москвы к Галичу Руна с казакы»;⁷⁹ к казакам присоединились воеводы из Галича и других мест, разоряемых казанцами. Одержав победу в бою с ними, ратники Ивана Руна благополучно вернулись в Москву. Под его же руководством в следующем году было проведено успешное нападение на саму Казань и освобождение томившихся там русских плениников.

Неудивительно, что образ Ивана III запечатился в казацком фольклоре в связи с военными действиями против Казани. Хотя астраханских казаков еще не было до присоединения Астраханского ханства к России при Иване IV, это, конечно, не означает, что в их среде не могла бытовать песня, посвященная оплакиванию Ивана III: достаточно вспомнить упомянутую вначале песню о Щелкане, которая записана не в Тверской губернии, а в Олонецкой и на Урале.

Как видим, фольклорный образ Ивана Грозного перестает быть загадочным после соотнесения с двумя его историческими прототипами. Хотя содержание некоторых произведений, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу, несомненно обязано только событиям правления Ивана IV (например — песни о Кострюке), сам образ центрального их персонажа уже сформировался в основных своих чертах в предыдущем столетии, обобщив народное восприятие его деда Ивана III. Эпоха Ивана IV несколько ужесточила этот образ, кое-где прибавила ему противоречивости, но не поколебала в главном: царь Иван Васильевич в фольклоре остался по преимуществу персонажем положительным. Исключение составила относительно небольшая часть репертуара, обязанная жертвам репрессий: таковы несколько новгородских преданий, рисующих царя мнительным истязателем,⁸⁰ — это фольклор об Иване IV «в чистом виде», отобразивший впечатления очевидцев, не осложненные отблеском позитивных припомнаний об Иване III, повлиявших даже на новгородскую обработку песен о гневе Ивана Грозного на сына. В этом комплексе разнородных вариантов жестокость главного персонажа как бы уравновешивается его раскаянием, а несправедливость в итоге оказывается исправленной.

⁷⁸ См.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 62.

⁷⁹ Там же. С. 119.

⁸⁰ См., например: Якушкин П. И. Путевые письма // Якушкин П. И. Сочинения / Сост., вступ. ст. и comment. З. И. Власовой. М., 1986. С. 94—95.

А. О. АМЕЛЬКИН

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКОВЕНИЯ ПЕСНИ ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ

Одной из спорных проблем современной фольклористики является вопрос о времени возникновения жанра исторической песни. Чтобы решить его, нужно определить время создания каждого произведения этого жанра. Особый интерес представляет датировка песни об Авдотье Рязаночке, считающейся одним из ранних памятников историко-песенного фольклора.

Среди исследователей существует несколько мнений о времени ее создания. Наиболее распространенной является точка зрения Б. Н. Путилова: песня сложилась самое позднее в начале XVI в. и является откликом на разорение Рязани Батыем.¹ Ему пытались возражать, однако развернутой аргументации никто из оппонентов не приводил. Сложность приурочивания песни к тому или иному событию не позволила Л. И. Емельянову отнести ее к разряду исторических, так как, по его мнению, она не связана с конкретным фактом русско-татарских отношений.² Однако, кажется, для такого вывода нет оснований. В настоящий момент большинство ученых относит песню об Авдотье Рязаночке к событиям 1237 г. Эта точка зрения, обоснованная Б. Н. Путиловым, закреплена в учебных пособиях, академических изданиях и популярных работах по русскому фольклору.³

Доказательства ее сводятся к следующему: так как Казань после своего вхождения в состав Русского государства в 1552 г. никаким иноземным нашествиям не подвергалась, то, очевидно, она заменила в песне другой город; в русском фольклоре существует пара Рязань—Казань, и, скорее всего, другим городом была как раз Рязань, на что указывают прозвище героини (Рязаночка) и эпитеты «старая», «подлесная», более привычные в сочетании с названием Рязань. Рязань же первой приняла на себя удар полчищ Батыя — следовательно, первоначально она и была в песне об Авдотье Рязаночке на месте Казани.⁴

Нетрудно заметить, что все доказательство сводится к прозвищу героини, а оценка исторических событий опирается на обобщенную картину прошлого. К тому же такая аргументация ставит целый ряд новых вопросов. Например, отчего меняется наиболее устойчивый элемент фольклорного произведения — имя? Отчего, утратившись в тексте песни, оно сохраняется в прозвище героини? Отчего Казань заменяет в повествовании Рязань, в то время как сам автор гипотезы отмечает, что в условно-эпическом плане чаще упоминается более известная русскому населению Рязань, а с Казанью связаны вполне определенные сюжеты? Откуда появляется имя главного противника Авдотьи? Каким путем в песню попали более поздние исторические реалии? Перечень этих вопросов может быть продолжен.

Сомнительной кажется попытка связать песню с событиями 1237 г., так как

¹ Путилов Б. Н. Песня об Авдотье Рязаночке: (К истории Рязанского песенного цикла) // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163.

² Емельянов Л. И. Исторические песни // Русские исторические песни. Л., 1987. С. 19—21.

³ Игнатов В. И. Русские исторические песни: Хрестоматия. М., 1970. С. 9; Исторические песни XIII—XVI вв. /Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 47—52; Калугин В. И. Струны рокотаху...: Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 266—268.

⁴ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. Л., 1960. С. 54—74.

столица Рязанского княжества подвергалась разорению и в 1382, и в 1472 гг., а татарские набеги на эти земли продолжались вплоть до XVII в.⁵

Возможно, уверенность исследователей в столь ранней датировке песни подкреплялась гипотезой о существовании рязанского песенного цикла XIII в.⁶ Однако литературные памятники, сохранившие, по мнению ее сторонников, отголоски произведений такого цикла (*Повести о Николе Заразском, Житие Петра и Февронии*), относятся к концу 20-х—40-х гг. XVI в.⁷ и, следовательно, не могут быть использованы для подтверждения датировки песни эпохой монголо-татарского ига.

В то же время ни исторические реалии, ни сюжет песни не позволяют говорить о том, что в ее основе лежат события разорения Рязани Батыем. При этом следует отметить устойчивый характер ее текста. Песня известна в трех записях, сделанных в районе Кенозера в 1860-х—1920-х гг. Помимо типичных фольклорных мотивов дальнего странствия, преодоления трех преград, состязания в мудрости при помощи загадок все три версии этой довольно редкой песни имеют ряд общих черт, характерных только для нее. Едиными оказываются место действия, главные герои и их имена, увод полона, его социальный состав, возвращение людей в результате переговоров и восстановление города «по-старому».⁸ Несмотря на то что центральный эпизод песни (получение в результате правильно сделанного выбора большей награды, чем первоначально было обещано) и основная его идея (предпочтение братских отношений всем иным видам родственных отношений) неоднократно встречаются в фольклоре разных народов, подобное оформление сюжета говорит о конкретно-историческом его приурочении, а не об обобщенной ситуации.

При этом он не похож на реальные события Батыева разгрома: царь Бахмет выводит полон, Батый же захватывает земли, налагает дань; город Казань, согласно песне, восстанавливается, Рязань же погибает в огне нашествия, а столица княжества и ее имя переносятся на Переяславль-Рязанский; Бахмет, судя по имени, — мусульманин, Батый — язычник. Все эти сопоставления не позволяют говорить о том, что песня об Авдотье Рязаночке имеет в виду события 1237 г.

В истории русско-татарских отношений можно выделить два больших этапа, первый из которых связан с борьбой за подчинение Руси и существованием монголо-татарского ига, а второй — с обороной независимого Русского государства от ханств и орд, образовавшихся на месте Золотой Орды. Пока Русь находилась в зависимости от ордынцев, их походы были направлены на укрепление власти над завоеванной территорией. Для второго же периода более характерны набеги, когда захватчики спешат взять все, что они в состоянии унести, а остальное — уничтожить. Яркая картина таких набегов рисуется общерусскими летописными сводами и краткими летописцами, житием Павла Обнорского и чудесами Зосимы и Савватия Соловецких, публицистической Казанской историей и беспристрастными жалованными грамотами. В это время многие села оказались «пусты, от казанской войны люди побиты, а иные в полон поиманы, а дворов нет и пашни не пашут», «клети и дворы, и деревни сожгли казанские люди, а христиан в полон вывели, а иных высекли, да и животину и имущество взяли, а мелкую животину высекли». Войдя в дом, татары «начинали собирать каждый топоры и ножи и прочее все, что из железа и меди. И из дверей чеки и пробои вырывали, и все домашнее имущество собрали и вынесли вон. Отходя, зажгли, окоянные, дворы». Люди убегали, «не взяв с собой ничего, кроме одежды, которую на себе носили». Пойманых ждала страшная участь. Монастырского крестьянина Ивана татары «начали сечь мечами своими, щею ему перерубили мало что не всю и внутренности его пронзили мечами своими, насквозь

⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

⁶ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. Л., 1960.

⁷ Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV—первой половины XVI в. Дис.... канд. ист. наук. М., 1992. С. 84—101.

⁸ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 47—52.

прокалывая, и бросили его нагого на снег».⁹ Пленных насильственно пытались привлечь к мусульманству, что вело, по представлениям того времени, не только к невозможности возвращения на родину, но и к погибели души. Только за первую половину XVI в. было совершено 42 крымских и 40 казанских походов,¹⁰ а в первой половине XVII в. в плен было уведено до 200 000 человек.¹¹ В условиях запустения многих русских городов завоевания монголо-татар могли показаться в первой половине XVI в. более безобидными, чем позднейшие набеги крымцев и казанцев. «И было тогда беды за многие годы от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел как молнией стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили; когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь, и посекали как сады русских людей».¹² Рубежом между двумя эпохами стал конец XV—начало XVI в.

К этому же времени относится и начало внешнеполитической активности в Восточной Европе турок, повелителем которых назван царь Бахмет.¹³

Само имя этого царя восходит к тюркской форме имени Махмет, Мухаммет, Магомет. Возможно, Бахмет является адаптацией словосочетания «бай» (богатый) и «ахмет» (похвальный). Трансформация звука М в Б встречается и в других русских словах, заимствованных из татарского или какого-либо иного тюркского языка (например: мусульманин — басурманин¹⁴). Имя Магомед в форме Бохмить встречается еще в «Повести временных лет» под 986 г.¹⁵ Оно становится очень популярным среди турецкой, крымской, казанской, шемаханская и ногайской знати именно на рубеже XV—XVI вв. Из почти 30 случаев упоминания этого имени и производных от него в Никоновской летописи лишь три принадлежат людям, жившим в XIII—XIV вв.: упомянутому под 1284—1285 г. баскаку в Курском княжестве, послу, направленному в 1352 г. в Тверь, и правителю Казани второй половины XIV в.¹⁶

Имя города также может дать некоторую подсказку при определении времени создания песни. События разворачиваются в «Старой Казани-городе подлесной». По мнению Б. Н. Путилова, это заставляет вспомнить о Старой Рязани, разоренной полчищами Батыя. Однако специально занимавшийся вопросами географии в эпосе М. М. Плисецкий, хотя и приводил примеры замены названий географических объектов, подчеркивал необычайную устойчивость топонимов в былинах.¹⁷ Поэтому встречающийся во всех трех записях песни топоним может свидетельствовать о первоначальном присутствии в ней именно Старой Казани. Возможно, что эпитет «старая» использован в песне не как часть топонима, а с целью подчеркнуть древность города, его старшинство и значение в ряду других городов. Б. Н. Путилов не прав, считая, что этот эпитет находится в привычном сочетании только с именем Рязани. Не менее известна и Старая Казань, основанная в середине XIII в., ставшая центром княжества в конце XIII в. и утратившая свое значение в первой трети XV в.¹⁸ Тогда же в связи с основанием современной Казани городище стало называться Старая Казань. Таким образом, можно использовать эти топонимы для датировки песни.

⁹ Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 118—124.

¹⁰ Каргалов В. В. На степной границе. С. 149; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 54.

¹¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 436, 442.

¹² Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 364—365.

¹³ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.

¹⁴ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 68—69; Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 100—101.

¹⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 73.

¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. Ч. 2. С. 13—14, 17, 91—92.

¹⁷ Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 166—192.

¹⁸ Добродомов И. Г., Кучкин В. А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI—XVI вв. М., 1989. С. 430—479.

Для современников Батыева нашествия ни Казань, ни Рязань не были «старыми». Лишь с возникновением новых городов с такими же именами за ними мог утвердиться этот эпитет. Древняя Рязань так и не смогла оправиться от удара, нанесенного монголо-татарами, и около 1301 г. столица Рязанского княжества была перенесена в Переяславль-Рязанский. Однако на него не сразу перешло название Рязань, и еще в XVII в. город упоминается под своим прежним именем. Но уже в конце XIV в. в списке русских городов дальних и ближних упомянута Старая Рязань.¹⁹ Таким образом, даже если принять предположение о том, что в песне первоначально присутствовала Рязань, время ее сложения не может быть отнесено к XIII в. Если же согласиться с тем, что в тексте с самого начала была Казань, то создание ее произошло не ранее XV в.

Несколько странным кажется наименование Казани русским городом до времени ее окончательного подчинения Московскому царству в 1552 г., вывод из него русского полона, а также указание в одной из записей песни, что Бахмет турецкий, разоряя город, «воевал... землю российскую». Однако в истории Казани был период с момента ее взятия Иваном III в 1487 г. до утверждения на казанском престоле Сахиб-Гирея — брата крымского хана в 1521 г., когда этот город находился в зависимости от великих русских князей, что отразилось в титулатуре Ивана III: «Великий князь Иван Васильевич, государь и самодержец, царь и государь всея Русии и великий князь Владимирский, и Наугородцкий, и Московский, и Пъсковский, и Тферской, и Югорский, и Вятцкий, и Болгарский, и иных».²⁰ Появление в этом титуле княжества Болгарского обозначает подчинение Ивану III Казанского ханства, поскольку оно существовало на землях, ранее входивших в состав Волжской Болгарии, и в русской исторической мысли XVI в. часто выражались идеи преемственности между этими двумя государствами. В спорах с крымской стороной русские дипломаты упорно отстаивали как традиционное право великого князя ставить на казанский престол хана по своей воле.²¹ Русские купцы «жили в Казани, надеясь, как на своего, на казанского царя».²²

Именно на середину этого периода и приходится событие, с которым, как кажется, возможно связать песню об Авдотье Рязаночке. Это разгром посольства Михаила Кляпика в Казани в 1505 г. Не отмеченное в большинстве современных учебников, оно оставило большой след в общественном сознании XVI в., нашло отражение в нескольких десятках летописных сводов и кратких летописцах, а также исторических песнях. Это событие произвело большое впечатление потому, что одновременно с послом в Казани находился русский торг и «было много людей изо всех городов Московского государства, а такова крестьянская кровь не бывала как и Казань стала».²³

Царь казанский, поставленный великим князем на место своего брата Аблетима (Абдул-Летфа), в 1502 г. расправился со сторонниками своего сюзерена, «на великого князя гнев держа». В 1505 г. он решил воспользоваться династийным кризисом и прислал Ивану III князя городового Шайнсифа с грамотой о неких делах. Холмогорская летопись уточняет характер этих дел. Казанский царь писал: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Василем Ивановичем...» Пользуясь случаем, он спешил выйти из зависимого положения, отказываясь признать нового наслед-

¹⁹ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95.

²⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286.

²¹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 252.

²² Казанская история. С. 330—331.

²³ События излагаются по: ПСРЛ. Т. 12. С. 259; Т. 23. С. 179; Т. 26. С. 297; Т. 28. С. 388; Т. 30. С. 124; Т. 31. С. 259; Т. 33. С. 134; Т. 37. С. 52, 99, 173; Иоасафовская летопись. М.; Л., 1957. С. 147; Казанская история. С. 330—333; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 233; Вычегодско-Вымская (Мисайлово-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257—271; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 68—69, 75—78.

ника. «А яз... не рек ся быти за великим князем Василем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хочу», — гласила грамота. Обеспокоенный этой претензией на самостоятельность, Иван III «по своему крепкому слову» направил в Казань посольство Михаила Кляпика с наказом, «чтобы он тем речам всем не потокал». Вместе с послом в городе оказалось множество русских купцов. 24 июня на праздник рождества Иоанна Предтечи по приказу казанского царя Михаил Кляпик был арестован, а купцы частью перебиты, частью проданы в рабство в Ногай и в Астрахань; товары конфискованы. «А которые люди убежали на Волгу, а тех побила черемиса на дороже, а иных в избу насажав да зожжли и много зла сотворили Руси». Те немногие, «бегли кои», вернулись домой «нагими душой и телом». Всего в тот день пострадало «в Казани много гостей русских», более 15 000. Эти события произвели большое впечатление на современников и стали прообразом картины разорения русского города в песне.

Во всех ее вариантах подчеркивается, что массовый увод в полон русских людей ударил прежде всего по социальной верхушке общества. В одной из записей этой песни указывается, что царь Бахмет в Казани «князей-бояр всех вырубил, да и княгинь-боярыней в полон побрал», а в двух других Авдотья Рязаночка, прося за своих родственников, подчеркивает свое положение: «Я в Казани-то была женка не последняя! Не последняя я была женка, первая», «Не последняя ведь была женка — первая».²⁴ С другой стороны, нигде не говорится о присутствии в городе государя. Во время же разгрома посольства удар пришелся по находившимся в его составе представителям феодального и купеческого сословий, а отсутствие великого князя в зависимом, но автономном и враждебном ханстве вполне естественно.

Разгромом посольства руководил казанский хан Мухаммед-Эмин, который и является прообразом песенного царя Бахмета. То, что он назван турецким царем, имеет несколько объяснений. Во-первых, сами законы жанра требуют, чтобы враг, разоряющий русский город, прибывал извне. Во-вторых, в этом оказывается влияние образа Магмед-салтана, царя турецкого из повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., членов Ивана Пересветова и т. д. В-третьих, с 1524 г. Казань признала себя юртом турецкого султана.

Заставы из больших рек, диких зверей и разбойников, которые царь Бахмет оставил на пути героини, напоминают ту обстановку, которая сложилась в степях в первой половине XVI в. после крушения Большой Орды. Перечисленные преграды отделяют пленников от дома. И в этом судьба купцов, торговавших в Казани, оказывается схожей с ситуацией в песне. Они были «проданы в Орду», сосланы «в Астрахань и в Ногай», а один из участников посольства — Иван Брюхо Верещагин, сын Блеклого — оказался в далеком Чегодае. Характерно, что районы высылки захваченных в Казани русских людей отделялись от России степями с нестабильной и тревожной обстановкой.

Находится прототип и для Авдотьи Рязаночки — дочь великого князя Ивана III Евдокия, имеющая прямое отношение к событиям в Казани. После начала конфликта в Москву прибывает брат Мухамет-Эмина, царевич Куйдакул, который, приняв крещение под именем Петра, женится на Евдокии. В условиях обострившихся отношений с Казанью московское правительство выдвигает Петра в качестве претендента на казанский престол. Возможно, именно он принял участие в ответном походе на Казань, и не случайно казанцы преследовали именно ту часть войска, при которой находился царевич. Правда, А. А. Зимин считает, что в походе принимал участие один из касимовских царевичей, а преследование его отрядов объясняется отступлением остальной части войска по Волге на судах. Брак с Евдокией сыграл столь большую роль, что некоторое время бездетный Василий III собирался передать по своей смерти престол своему шурину.²⁵

Поход русского войска на Казань закончился неудачей, однако, понимая временный характер своих успехов и опасаясь нового претендента на престол, Мухамет-Эмин был челом великому князю Василию III. Дальнейшие перегово-

²⁴ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 48—52.

²⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 298.

ры привели к возвращению уцелевших участников посольства на родину. Мирный характер возвращения полона подчеркивается и в песне. Не случайно в песне отсутствует описание каких-либо приключений при преодолении препятствий Авдотьей Рязаночкой и отмечается возвращение полона в результате переговоров героини с Бахметом турецким.

Но образ Авдотьи собираетельный. В ней узнаются черты и других современниц Евдокии: ее сестры, великой княгини Анны Рязанской, свидетельницы антитатарского «чуда» 1521 г., Евдокии Коломянки, ведуньи при дворе великого князя, носившей прозвище Рязаночка.

Неожиданно находит подтверждение и свидетельство песни об убиении брата царя Бахмета во время разорения Казани, известное по одной из версий.²⁶ После разгрома русского посольства Мухамет-Эмин предпринял поход против Нижнего Новгорода, что вполне могло быть воспринято как продолжение казанского разгрома. Однако, простояв два дня под его стенами, казанцы отступили, «ничто же не успев». Одна из легенд, сохраненная Казанской историей, приписывает это меткому выстрелу из пушки, поразившему в грудь ногайского мурзу — шурина Мухамед-Эмина. Вспыхнувшая после этого распра между казанцами и ногайцами заставила татар снять осаду. Впоследствии эта легенда сохранялась в нижегородском крае и зафиксирована в XIX в. в устном предании, в котором ногайский мурза заменен ногайским ханом, а место, где стоял его шатер, определяется воздвигнутой позже церковью Ильи Пророка.²⁷

Сведения о восстановлении Казани позволяют уточнить время создания песни, которая могла сложиться после возрождения в ней русского торга в 1507 г. и до перенесения его в Нижний Новгород в 1522 г.

Таким образом, в песне отражены события, связанные с разгромом посольства Михаила Клятика в Казани в 1505 г. Это был первый удар такой мощности в почти покоренном городе, положивший начало полуторавековой ожесточенной борьбе с казанскими набегами, оставил глубокий след в общественном сознании России XVI в. Народная историческая мысль превратила разорение русского торга и посольства в завоевание города, а брак Петра и Евдокии — в главную причину успеха в переговорах о возвращении пленников.

Интересен взгляд на врага, представленный в этой песне. Бахмет турецкий в ней выступает как страшная разрушительная сила. Однако в песне нет гротескного изображения противника как неокультуренной стихии. Рудимент такого взгляда проявляется лишь в способности Бахмета повелевать стихиями и зверями. Его индивидуальность подчеркнута на протяжении всей песни: он действует как царь, а не как часть подчиненной ему стихии, он обладает мудростью, по достоинству оценивая ответ героини, он в состоянии испытывать родственные чувства, рыдая над погибшим братом. Такой взгляд характерен для XVI в., когда в литературеочно утвердился образ грозного, но мудрого иноземного, чаще всего татарского или турецкого, царя.

Таким образом, можно сделать вывод, что песня об Авдотье Рязаночке сложилась в первой четверти XVI в. Об этом говорит не только то событие, с которым связывается ее создание, но и образы героев, характер их взаимоотношений.

²⁶ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 48.

²⁷ Казанская история. С. 332—335.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Е. П. ГЛАДКИХ

К. Д. КАВЕЛИН В ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) известен в первую очередь как историк, философ и один из лидеров либерального движения, сыгравших важную роль в подготовке крестьянской реформы. Деятельность его как фольклориста остается малоизученной и не оцененной по достоинству.¹ Сделать это представляется тем более важным, что Кавелин в конце 30-х—начале 50-х гг. XIX в. стоял у «колыбели» фольклористики, не только занимаясь сбором фольклорно-этнографического материала, но и предложив свою теорию его интерпретации, впоследствии получившую название «историко-юридической» школы.

Для того чтобы понять причины, побудившие Кавелина обратиться к этой области исследований, нужно вспомнить о решающем повороте в области гуманитарных знаний, происходившем в 30—40-х гг. Это время стало переломным моментом в изучении русской истории и народности: происходит творческое усвоение идей западноевропейской философской и исторической мысли, что было важнейшим условием, необходимым для дальнейшего развития отечественных гуманитарных наук. До этого момента характерной чертой трудов исторических и этнографических был исключительно сбор фактов и изложение их без научного анализа, в то время как в зарубежной, особенно немецкой, науке уже развивались новые отрасли знания с новой методологией, выработанной на основе творческого осмысления философских идей Гердера, Канта, Гегеля и Шеллинга. Это давало возможность по-новому взглянуть на накопленный к тому времени фактический материал и дать ему научную интерпретацию. Была создана историческая школа в историографии, развивалось сравнительное языкознание, изучались мифология и этнография. В этой связи важно подчеркнуть приоритет историографии и ее влияние на становление этнографии и фольклористики как самостоятельных дисциплин. Именно она выработала и предложила новую прогрессивную методологию исследования, которая содержала в себе сравнительно-критический метод, анализ и синтез в их органическом сочетании.

В России следили за развитием немецкой философии с чрезвычайным вниманием. Воздействие западных идей было плодотворным, так как они соответствовали внутренним потребностям отечественной науки и придавали ее эволюции дополнительные импульсы. В 30—40-х гг. гегелевские идеи пропагандировались в литературных и публицистических произведениях, в лекциях профессоров университетов, в трудах исследователей, обсуждались в общественно-литературных салонах. Не одно поколение университетских студентов с жаждостью впитывало новые философские идеи, и это послужило решающим моментом в формировании взглядов целого ряда замечательных ученых — воспитанников Московского университета, использовавших их в различных научных отраслях.

¹ Некоторые аспекты деятельности Кавелина как этнографа и фольклориста затрагивали в своих работах: Кулишер М. И. Кавелин и русская этнография // Вестник Европы. 1885. Кн. 8. С. 657—665; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2; Баландин А. И., Ухов П. Д. К. Д. Кавелин // Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968. С. 559; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.

В этой связи необходимо отметить два важных момента в биографии ученого: студенческие годы Кавелина пришлись именно на эту «золотую пору» Московского университета, на юридическом факультете которого он обучался с 1835 по 1839 г., а также то, что главная область его научных интересов в то время — история права, где он явился одним из основателей «государственной» школы. В 1843 г. он защищает диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях», с 1844 по 1848 г. преподает историю русского законодательства в Московском университете, а в 1847 г. публикует свой знаменитый труд «Взгляд на юридический быт древней России», ставший манифестом нового направления историографии.

Кавелин — фольклорист и этнограф не может рассматриваться отдельно от Кавелина-историка, так как именно в трудах, посвященных древнерусскому праву, он разрабатывает научную систему, сложившуюся под влиянием идей таких западноевропейских ученых, как Гегель и Шеллинг (философия), Эйхгорн и Савиньи (право), Нибур и К. О. Миллер (история). Последние, как известно, были создателями «аналитико-критического» метода, согласно которому для верного понимания прошлого необходимо обращение ко всем памятникам и документам, обрисовывающим жизнь нации с разных сторон; нужна критическая оценка и разработка этого материала, а затем, следующим этапом после анализа фактов, — восстановление между ними связи путем синтеза. Два основных положения «исторической» школы — исчерпывающее знание фактов, генетическая связь и преемственность между явлениями прошлого. Так, создавая новую историческую теорию, Кавелин обращает внимание на значение кровного начала родового быта, ставит в связь с ними государственные отношения, рассматривает их борьбу и победу последних. Это приводит к появлению известной схемы «государственной» школы «семья—род—племя—государство». Скрытые пружины исторического развития объяснялись Кавелиным исходя из основных форм быта; от них, по его мнению, брало свое начало создание государства.

Интерес к прошлому России направляет внимание исследователя к этнографии, к современной народной жизни, сохранившей в поверьях, обрядах и обычаях остатки древности. Второй причиной обращения Кавелина к области фольклора и этнографии было его увлечение славянофильскими идеями. Это было связано с посещением салона Авдотьи Петровны Елагиной и знакомством с ее сыновьями, А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и другими, чьи идеи оказали на него большое влияние. Даже много лет спустя в своих работах мемуарного характера Кавелин отмечает посещение салона Елагиной как важный фактор, определивший его судьбу. Он пишет, что в «золотые дни студенчества» эта среда оказала на него благотворное влияние и «ей он обязан направлением всей своей последующей жизни и лучшими воспоминаниями».² Другом этой семьи и постоянным гостем Авдотьи Петровны Кавелин, вероятно, становится с 1835 г., после поступления в университет, хотя можно предположить, что знакомство состоялось раньше, так как с хозяйкой дома через В. А. Жуковского был знаком его отец Дмитрий Александрович.

Со второй половины 30-х — в начале 40-х гг. Кавелин становится страстным поклонником славянофильства. Особенно ярко его настроение характеризуют письма к Д. А. Валуеву, написанные в 1842 г., когда он по настоянию родителей должен был покинуть Москву и уехать в столицу на службу. В письме от 25 июня есть такие строки: «Вообще все вы, мои бесценные москвичи, сделались для меня теперь в миллион раз дороже и милее с тех пор, как... судьба забросила меня на безжизненную, жалкую полурусскую, полузаморскую почву».³ Эти послания молодого Кавелина необычайно искренни и эмоциональны. Их основные идеи: неразрывная связь православия и славянского мира, великое назна-

² Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 139.

³ Письма К. Д. Кавелина к Д. А. Валуеву // Русский архив. 1900. № 4. С. 576.

чение России в деле «очищения святой вечной истины», смысл которой затемнен западными религиозными течениями, противопоставление Запада и российского народа, по мысли Кавелина, особо одаренного Богом, в том числе и особым историческим путем. Вспоминая людей, близких ему, в том числе Свербеева и Хомякова, он заверяет Валуева, что петербургское общество, в умах которого идеи западников нашли благоприятную почву, не поколеблет его убеждений и он навсегда останется «москвичом». Надо отметить, что увлечение его славянофильством не было продолжительным, хотя и сыграло важную роль в становлении взглядов исследователя. Позже Кавелина привлекли идеи западников, и в дальнейшем он пытается обнаружить точки соприкосновения между этими направлениями современной ему общественной мысли, стремится найти между ними компромисс и создать сплав из идей, предлагаемых западниками и славянофилами, учесть все, по его мнению, рациональное, что в них содержалось. С западниками Кавелина сближала высокая оценка роли петровских реформ, а также взгляд на становление государства, которое, как он считал, определялось развитием его общественных и юридических институтов. Вероятно, из-за этого стремления найти «золотую середину» Кавелина до конца жизни называли полузападником, полуславянофилом, но, хотя он и пережил увлечение идеями И. Киреевского и Хомякова, ему всегда была близка мысль об особенности, непохожести склада русской жизни на западноевропейскую, о неповторимости исторического пути отечества, что, по его мнению, всегда было связано с общим началом русского деревенского уклада.

Увлечение идеями славянофилов, особенно в такой важный период жизни Кавелина, как учеба в университете, оказало сильнейшее влияние на его взгляды. Во-первых, это выразилось в идее о самобытности народа, о неповторимости его пути развития, что впоследствии оригинально преломилось в споре со сторонниками теории заимствования, а также в признании им особой роли христианских доктрин в становлении нации. Во-вторых, это увлечение предоставило ему возможность проявить себя в качестве собирателя фольклорно-этнографического материала. Важно отметить, что среди множества идей, привлекавших Кавелина в славянофильстве, одной из самых притягательных для него как для историка была та, что, по мнению славянофилов, при изучении российской истории наряду с традиционными историческими документами использовался и фольклорный материал. Такой необычный, новый подход к подбору исторических источников открывал перед наукой небывалые возможности. Вероятно, поэтому в письме от 1 сентября 1836 г. сестре Софье в реестре взятых книг значатся «Слово о полку Игореве» и «Древние российские стихотворения».

Все эти причины приводят к тому, что Кавелин становится одним из самых активных корреспондентов П. В. Киреевского. На протяжении нескольких лет он был одним из его помощников, записывая сам и привлекая к сбору фольклорных материалов других лиц. Судя по архивным источникам, фольклорные записи он начинает делать с 1836 г. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 56, ед. хр. 651, п. 45б) хранится неопубликованное письмо К. Д. Кавелина П. В. Киреевскому, которое показывает степень его увлеченности сбором фольклорного материала.

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Петру Васильевичу Киреевскому
В собственном доме на Остоженке

Милостивый Государь
Петр Васильевич!

Посылаю Вам свадебный обряд в Нижегородской губернии, списанный слово в слово, без малейших перемен, с изустного рассказа крестьянина, который на днях приехал оттуда. Кроме того, Вы найдете тут несколько песен; мне было бы стыдно послать их к Вам, если бы они не казались мне важными в отношении языка. Народность в языке совершенно слажена и следов ее не осталось. Кроме

того, тут есть две присказки, или побасенки. Если он вспомнит еще что, то не замедлю доставить Вам их в исправности.

С истинным сердечным уважением и совершенной преданностью честь имею пребыть ваш покорный слуга К. Кавелин.

В предисловии к «Русским народным песням» П. В. Киреевский среди материалов, положенных в основу собрания, отмечает доставленные Кавелиным песни Нижегородские и Тульские.⁴ Его записи упоминаются и в известной описи М. Н. Сперанского.⁵

Материалы, составляющие коллекцию Кавелина в собрании Киреевского, хранятся в различных московских архивах: РГАЛИ, ОПИ ГИМА и Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (РГБ). Собрание очень объемно и рассредоточено по различным фондам, что создает определенные трудности при его описании. Поэтому при атрибуции текстов учитывалось множество моментов, которые излагаются ниже.

1) Помета о месте записи:

— Московская губерния, Подольский уезд, село Дятлово. Это место записи свадебного обряда, сделанной Кавелиным в 1836 г. В РГБ хранится черновой текст с пометой «1836 года ноября 23-го. Собрал студент Юридического факультета 2-го курса Константин Кавелин».

— Тульская губерния, Белевский уезд, сельцо Иваново. Песни из этой местности упоминает П. В. Киреевский, а в фонде Ф. Глинки в РГАЛИ находится небольшая самодельная, спицкая нитками тетрадь, содержащая 26 текстов песен. Она заполнена Кавелиным и разделена на две части. На титульном листе помета «Песни, записанные в сельце Иванове, Тульской Губернии, Белевского у. 1839», вторая часть той же тетради озаглавлена «Тульской Губернии, Белевского уезда в сельце Сныхово» (ф. 141, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1 и 14 соответственно). Сельцо Иваново являлось собственностью семьи Кавелиных, и Константин Дмитриевич часто его посещал.

— Тульская губерния, Белевский уезд, село Сныхово, расположеннное рядом с Иваново, которое находилось в его приходе. Как пишет племянник исследователя Д. А. Корсаков, Кавелин, гостя в Иванове, любил по вечерам в саду слушать колокольный звон из соседнего села Сныхово, а в письме его к Корсакову от 4 декабря 1870 г. говорится следующее: «Я был тронут чуть-чуть не до слез тем, что мужики нашего деревенского прихода в Сныхове... выбрали меня единогласно в председатели церковного попечительства».⁶ Как можно предположить, Кавелины могли быть совладельцами села Сныхово. Об этом свидетельствуют два документа: список купчих, относящихся к этому селу, хранящийся среди бумаг К. Д. Кавелина в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 119, оп. 2, ед. хр. 4, л. 59), а также письмо Д. А. Кавелина к А. А. Елагину по поводу размежевания земель этого села среди совладельцев (РГБ, ф. 99, картон 24, ед. хр. 36).

— Нижегородская губерния, Княгининский уезд, деревня Сунеево. О песнях нижегородских мы знаем как из письма Кавелина, так и из Предисловия П. В. Киреевского. Название этого населенного пункта зафиксировано в архивах семьи Кавелиных. Среди хозяйственных распоряжений Д. А. Кавелина в письмах 30-х гг. есть упоминание об этой деревне, что свидетельствует о принадлежности ее этой семье. В указателе к беловым копиям в РГБ эта деревня упоминается с именем Кавелина, но с ошибочным написанием уезда — «Кинешенского» и «Кинешемского». Сами тексты песен находятся в том же хранилище (ф. 125, п. 50). Там на л. 83, предваряя несколько песен, записанных рукой Кавелина, есть помета о том, что эти тексты из Сунеево.

⁴ Киреевский П. В. Предисловие // Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1-я. Русские народные стихи. М., 1848. С. I—VIII.

⁵ Сперанский М. Н. Предисловие // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1918. Вып. 2.

⁶ Корсаков Д. А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний. IX. Из семейной переписки, с 1868 по 1872 г. // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С. 477.

— Тульская губерния, Белевский уезд, деревня Зеново. Деревня была расположена неподалеку от Иванова и Сныхова по тому же Лихвинскому тракту. Если судить по письму К. Д. Кавелина к В. Елагину из Иваново, то можно предположить, что он записывал там песни в 1840 г.:

Милый друг Елагин!

Давно собирался я писать к тебе, но обыкновенная моя лень не позволила мне взяться за перо. — С удовольствием прочёл я в газете твое имя между товарищами, выпущенными в нынешнем году из Университета, и выпущенными со славою. Но об этом нечего и говорить — мог ли иначе выйти Елагин? Целое лето поджидал я от тебя письма; но видно, брат, мы оба страдаем одною болезнью.

Лето не прошло для меня без пользы. Я довольно примерно занимался, особенно Русским правом. В октябре думаю непременно держать экзамен. Надобно решиться и положить конец этой полупустой, полувольной жизни.

Недавно открыл я, что по соседству от нас поются старинные песни. Ты можешь себе представить, что я не мог пропустить такого благоприятного случая, и собранные песни посылаю Петру Васильевичу, которому они наверно понравятся и будут полезны. С собою привезу гораздо больше...

Только очень, очень жалко, что не дала судьба провести этого лета с Вами. Я строил воздушные замки об этом, как нам будет весело. По крайней мере утешаюсь тем, что теперь недолго нам быть розно. Через месяц времени я опять увижуся с Вами.

Поцелуй за меня ручку у Авдотии Петровны и скажи, что я не пишу к ней по обещанию потому, что решительно нечего писать; голова пуста и жизнь так однообразна, что не знаешь как день кончится. Поклонись от меня Марье Васильевне и Петру Васильевичу и всем вашим. Вспоминай обо мне по временам, когда нечего делать. Я тебя часто, очень часто вспоминаю; может быть, я и в этом случае egoист, как и во всем. Прощай, Елагин. Остаюсь твой друг и товарищ

К. Кавелин... (РГБ, фонд Елагиных, п. 6, № 85, л. 1—2).

— Калужская губерния, Козельский уезд, деревня Бурнашево. Бурнашево издавна принадлежало дворянскому роду Кавелиных: оно было куплено дьяком Иваном Кавелиным в царствование Алексея Михайловича. В этой деревне был крещен отец собирателя, Дмитрий Александрович. Копии песен, записанных там, хранятся в РГБ (ф. 125, п. 44), о них с именем собирателя упоминается и в указателе к песням (п. 62, ед. хр. 1, л. 286, 347).

— Калужская губерния, Боровской уезд, сельцо Богоявление. Богоявление находилось среди владений Кавелиных. По данным РГИА, дедушке собирателя, штаб-ротмистру Александру Александровичу, в этой деревне принадлежало 8 душ крестьян. Среди документов этого дворянского рода, хранящихся в ИРЛИ, есть хозяйствственные распоряжения, касающиеся Богоявления (ф. 119, оп. 2, ед. хр. 12, л. 3, 4 об.; ед. хр. 4, л. 10, 31 и др.). Материалы, записанные в этом сельце, находятся в ОПИ ГИМа (ф. 56) с пометой «1839 г.» и в РГБ (ф. 125, п. 50).

— Московская губерния, Верейский уезд, деревня Клин. Записи в деревне Клин, по-видимому, были выполнены кем-то по просьбе Кавелина, так как в РГБ (ф. 125, п. 44) на листках с текстами песен этой местности есть помета «Кавелин», а в п. 8 «Кавелину». Часть песен, судя по почерку, записана малограмотным корреспондентом. Их нумерация частично совпадает с описью Сперанского.

2) При атрибуции принимались во внимание пометы как самого собирателя о том, что записи сделаны им, так и тех, кто работал впоследствии над изданием песен, — П. И. Якушкина и П. А. Бессонова; помещенная на копии до или после песни фамилия «Кавелин».

3) Нередко на листах с записями стоит помета «Кавелину», причем, как правило, эти тексты записаны малограмотными корреспондентами, вероятно, крестьянами или дворовыми по поручению собирателя. Так, например, на одном из черновиков есть зачеркнутая помета «Иван Яковлев» (РГБ, ф. 125, п. 44, л. 1116).

4) При атрибуции также обращалось внимание на косвенные свидетельства — упоминание в текстах имени и отчества собирателя. Оно встречается в четырех из 22 песен из деревни Зиково (искаж. Зеново) Тульской губернии Белевского уезда, например:

«Константин Дмитриевич,
Не ходи по бережку,
Не ступай на камушек,
Не проломи сахьян сапог...»⁷

⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, М., 1911. Вып. 1. С. 116.

или

«А кто у нас не женат,
А кто у нас холостой»
Константин-свет не женат,
Дмитриевич холостой»⁸

Эти четыре песни можно считать своеобразным биографическим источником, так как в 1840 г., когда они были записаны, Кавелин был не женат (он женился в 1845 г. на А. Ф. Корш).

5) При атрибуции учитывались и данные, содержащиеся в эпистолярном наследии собирателя: письмах периода 1835—1844 гг. Так, в послании мужу сестры А. Л. Корсакову в 1842 г. Кавелин шутливо возражает на предположение, что в сердце у него, вероятно, поселилась «зазноба, зазнобушка, зазнобчатая». «Могу Вас смело уверить, что ничего подобного еще нет», — прибавляет он. В этом письме первая строка — цитата из песни, записанной им в Зеново в 1840 г.⁹

6) При атрибуции учитывался почерк самого Кавелина и его постоянных корреспондентов.

Необходимо заметить, что как собиратель Кавелин был очень аккуратен и добросовестен: в большей части записей сохранены языковые особенности, встречаются пометы о месте записи; даются пояснения о порядке пения песен, например, что две песни поются одна за другую вслед; о манере исполнения — «Не поется, а говорится»; иногда он поясняет незнакомые слова, например, «„Чапцы” — украшение из лент и бисера» (РГАЛИ, ф. 141, оп. 2, ед. хр. 16, л. 3 об.—4).

Судя по приведенным выше фактам, можно допустить, что коллекция Кавелина сложилась в период с 1836 по 1840 г. до его отъезда в Петербург после окончания университета. Данных о том, что он осуществлял сбор фольклорно-этнографического материала позже, не обнаружено. Около ста текстов было опубликовано в книгах: «Песни, собранные П. В. Киреевским. Старая серия (М., 1860—1871); «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия (М., 1911—1929); К. П. Глухарев «Материалы для истории города Боровска и его уезда» (Боровск, 1913. Т. 1); «Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова» (М., 1861—1864. Вып. 1—4); «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского» (М., 1968). Повторная публикация с учетом материалов последнего сборника предпринималась только однажды в 1986 г., когда 53 песни из коллекции Кавелина были напечатаны в «Собрании народных песен П. В. Киреевского», изданном В. И. Калугиным в Туле.

Эта коллекция в собрании Киреевского представляет собой не только обширный и разнообразный в географическом плане материал, характеризующий песенную традицию различных российских губерний, она интересна и в жанровом отношении. При этом необходимо заметить, что нередко и сам собиратель и его корреспонденты делают попытку определить жанр, о чем можно судить по пометам такого рода: «протяжная», «круговая», «холопская», «плясальная-самодерга», «свадебная», «романс» и др. В этой коллекции — записи свадебных обрядов, любовная и свадебная лирика, баллады, сказки, скоморошины, песни бурлацкие, разбойничьи, солдатские и исторические, духовные стихи. Ценность ее в том, что она представляет собой великолепный образчик фольклорных записей конца тридцатых—начала сороковых годов прошлого века и по праву занимает достойное место в знаменитом собрании П. В. Киреевского. При этом она содержит еще немало неопубликованных текстов, представляющих несомненный интерес для исследования.

В силу многих внешних обстоятельств в начале сороковых годов деятельность Кавелина как корреспондента Киреевского прерывается. После окончания уни-

⁸ Там же

⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. 2 ч. 2 с. 10

верситета он через некоторое время уезжает в Петербург, где служит в Министерстве юстиции с 1842 по 1843 г. Защитив диссертацию на степень магистра гражданского законодательства, с 1844 по 1848 г. Кавелин преподает в Московском университете историю права, а в 1848 г., переехав в столицу, начинает службу в Министерстве внутренних дел. В том же году он становится действительным членом императорского Русского географического общества (РГО), в этнографическом отделении которого активно сотрудничает до середины 50-х гг. Этот год — начало нового периода деятельности Кавелина как фольклориста и этнографа.

Будучи одним из самых активных членов отделения этнографии, Кавелин ведет работу в нескольких направлениях: это, с одной стороны, участие в обработке поступающих в РГО материалов из различных губерний (по программе, составленной в 1847 г. Н. И. Надеждина); одновременно он, хорошо зная фольклор как собиратель-практик, пишет ряд работ, в которых формулирует основные положения новой теории интерпретации фольклора — «юридической» школы.

Что касается первого направления его деятельности, то оно связано с редактированием «Этнографических сборников», издаваемых отделением на основе присыпаемых материалов. Первая книга вышла в Петербурге в 1853 г. под редакцией Н. И. Надеждина и Кавелина. Согласно плану, в этом выпуске помещались целиком лучшие этнографические описания. Первые четыре главы редактировал председатель Отделения этнографии Надеждин, последние семь — Кавелин, «вызвавшийся помочь... в приготовлении материалов» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 9). После отпечатывания десяти листов сборника Надеждин извещает совет Общества о том, что «в настоящее время по умножению других моих занятий, не предвидя возможности довести это издание до совершенного окончания с желаемою скоростью, я упросил К. Д. Кавелина, независимо от составления второго выпуска Сборника, которым он занимается весьма деятельно, принять в свое полное заведование... печатание первого выпуска, вполне уверенный, что эти труды будут выполнены им к совершенному удовольствию Общества, на пользу науки» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 9).

Второй выпуск вышел в свет в 1854 г., и его появление — целиком заслуга Кавелина. Для того чтобы обеспечить его издание, им был проделан гигантский труд и как организатора, и как составителя. Совет Общества по настоянию Кавелина одобрил новый подход к подбору материалов: вместо составления общего свода данных по всей России было признано более рациональным составление частных сводов по губерниям, так как среди присланных статей данные по различным местностям России распределялись неравномерно и естественно было в первую очередь обработать сведения по тем губерниям, которые были описаны наиболее полно. Присланные в РГО данные подбирались таким образом, чтобы они давали всестороннюю картину быта отдельной губернии. Так, например, по его предложению шесть статей второго сборника были соединены в одну, посвященную быту белорусского крестьянина.

Работа по организации издания сборника была трудной по нескольким причинам. Во-первых, работа редактора требовала выполнения множества административных функций, таких как приглашение цензора, ведение расходной документации и др. Во-вторых, трудности были связаны с особым характером второго выпуска, который должен был состоять из свода этнографических сведений, когда редактору из множества рукописей было необходимо извлечь и расположить в логической последовательности огромное количество фактов. Зная об этом, сам Надеждин, обращаясь в совет РГО, отмечал, что «г-ну Кавелину предстоит работа крайне обширная и вместе чрезвычайно дробная и кропотливая» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 8 об.), ввиду этого предлагая назначить оплату за такой труд.

Насколько сильно увлечен был Кавелин в то время фольклорно-этнографической наукой, свидетельствует не только то, что он предлагает Надеждину свою помочь в издании первого выпуска, но и одновременно полностью готовит к печати второй. В то же самое время Кавелин редактирует Этнографический

отдел в «Вестнике ИРГО», сложив с себя эту обязанность только в 1854 г., будучи очень занят, работая в канцелярии Комитета министров и в Учебном комитете при Штабе военно-учебных заведений. Самым показательным в этом отношении фактом является его доклад, прочитанный на общем собрании Общества и упомянутый ввиду его значимости в годовом отчете РГО за 1850 г. Название доклада говорит само за себя: «Некоторые извлечения из собираемых в И. Р. Г. Обществе этнографических материалов о России, с заметками об их многосторонней занимательности и пользе для науки».¹⁰ О значении этнографических материалов Кавелин говорил так: «Дополняя и поясняя друг друга, они, в совокупности, представляют картину быта... довольно подробную... Таким образом, они дают возможность проследить историческую нить и последовательность в развитии языка, понятий, обычаев и верований».¹¹

Этот доклад был одной из его теоретических работ из области фольклористики конца 40-х—начала 50-х гг., в которых он сформулировал основные положения «юридической» школы. Важно отметить в этой связи, что к созданию своей теории интерпретации фольклора Кавелин был уже подготовлен всем ходом своей предшествующей работы, пройдя последовательно все этапы от собирателя и корреспондента Киреевского, редактирования этнографических сборников до написания теоретических работ, которые, по словам А. Н. Пыпина, были одними из «замечательнейших трудов в... этнографической литературе», где он «впервые научным образом осветил историческое значение русского народного быта».¹²

Программным сочинением Кавелина явилась рецензия на книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (СПб., 1848), которая вызвала интерес как новая обширная публикация фольклорно-этнографического материала. Это достоинство книги Кавелин отмечает в начале статьи, а полемику начинает, критикуя составителя за неверный подход к интерпретации, подчеркивая, что автору неизвестны «самые простые законы исторической критики».¹³ Таким образом, исследователь указывает на основной метод, который считает наиболее подходящим при анализе такого материала.

Кроме рецензии на книгу Терещенко известна и другая работа Кавелина полемического характера. Это публикация 1851 г. «О ведуне и ведьме» по поводу статьи г. Афанасьева в альманахе «Комета». Обоих авторов он упрекает в отсутствии ясной, определенной концепции при интерпретации материала, указывая, что невозможно погружаться в прошлое и объяснять фольклорные явления, имеющие языческие корни, без общего метода в качестве путеводной нити. О нем исследователь рассуждает в статье «Несколько слов о приметах» (1850 г.), проводя аналогию между историей и этнографией, замечая, что «исторические эпохи, деятелей мы не судим же с точки зрения современных нам понятий и требований, а переносимся в их время, подводим их под мерило, которое дает нам их эпоха. Так же должно поступать и в отношении к преданиям, поверьям, памятникам, которые только тогда и делаются понятными, когда станем рассматривать их в связи с теми историческими данными, посреди которых они образовались, имели значение и смысл».¹⁴ Здесь он предлагает выработанный немецкой исторической школой принцип «объективного прагматизма», именуемый в современной науке методом историзма. Все этнографические данные, по мнению Кавелина, несут в себе черты разнородных элементов и принимали свой современный вид постепенно, на протяжении веков, испытывая при этом разнообразные влияния. Все они представляют пеструю картину, объединяя с хронологической точки зрения разные начала. Поэтому он считает необходимым «разобрать их по эпохам, к которым они относятся, по элементам, под влиянием которых они образовались, и потом, с помощью способов, на которые указывает историческая критика, восстановить... внутреннюю связь этих эпох и последо-

¹⁰ Географические известия. 1850. Ч. 3. С. 323—507.

¹¹ Там же. С. 324.

¹² Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 26.

¹³ Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. Стб. 6.

¹⁴ Там же. Стб. 190.

вательность преемственного влияния этих элементов. По примеру геологии критика должна найти ключ к этим ископаемым исчезнувшего исторического мира».¹⁵ Все это было основным постулатом нового подхода к интерпретации фольклора, предложенного Кавелиным.

При этом исследователь отмечает трудность осуществления такого анализа, так как позднейшие влияния, вызванные изменениями исторических условий, влекут за собой изменение быта и как следствие — первоначального смысла поверья или обычая. Современное народное толкование часто ошибочно, старое значение обряда забывается, и он получает более рационалистическое объяснение. Возникает разрыв между первоначальным смыслом и современным пониманием фольклорного явления, а это, в свою очередь, способно видоизменить и сам факт, так как форма легко меняется под влиянием другого содержания. Это обстоятельство важно иметь в виду при изучении народного быта. Для того чтобы разрешить это противоречие, Кавелин предлагает следующий выход: путеводной нитью при изучении этнографии должно быть буквальное истолкование обряда или обычая, обращение к факту, непосредственному, прямому смыслу. Это, по его мнению, проливает свет на хронологию, позволяет проследить последовательность изменения быта и причины таких перемен; при таком подходе древность предстает в виде живой красочной картины.

Отстаивая такую точку зрения, Кавелин вступает в полемику не только с Терещенко, но и с Афанасьевым, одним из самых ярких представителей мифологической школы. Так, например, в рецензии на статью последнего «О ведуне и ведьме» Кавелин спорит с автором, который объясняет поверья о доении ведьмами коров древними мифами. Афанасьев утверждает, что так как в индийской религии корова — олицетворение божества, то в русском поверье это отражение мифа, в котором ведьмы, т. е. древние жрицы, молитвами и жертвоприношениями вызывают благорасположение светлых божеств, владычествующих на небе. «Зачем, — спрашивает Кавелин, — не осмотрелся он около себя поближе, по тому правилу, что русское поверье правильнее объяснить русским бытом?»¹⁶ Поясняя свою мысль, он приводит данные земледельческого календаря Э. Рудольфа и делает вывод, что определенные времена года, когда, по поверьям, ведьмы доят коров, — это только важные моменты годичной жизни этого животного (например, крестьяне особенно боятся доения ведьмами коров в июне, когда те дают много молока). Кавелин творчески применяет аналитико-критический метод исторической школы, предполагающий, что в основе любого исследования прошлого должно лежать изучение фактов в их совокупности. Общая картина древности восстанавливается путем воссоздания разрушенной анализом связи и с учетом органической преемственности явлений.

Предлагая такой подход, Кавелин формулирует и основные принципы методики исследования фольклорно-этнографического материала. Во-первых, метод аналогии, который применялся исторической школой при анализе прошлого народов, стоявших на одной ступени развития. Так, рецензируя книгу Терещенко, он приводит примеры из римского права. Во-вторых, Кавелин привлекает документальные свидетельства: обращается к Стоглаву, летописям, другим историческим документам. В-третьих, исследователь нередко подкрепляет свои рассуждения лексическим материалом. Так, в докладе, сделанном в РГО, при объяснении смысла одного свадебного обряда, он говорит о том, что ответ на вопрос о его значении могут дать местные словари, приводя в качестве разъяснения лексический материал польского языка. В-четвертых, для Кавелина важны и современные археологические данные. Например, возражая Терещенко, который написал о сторожевом назначении древних курганов, он указывает на то, что, по современным сведениям, это могильники. В-пятых, исследователь в статье «О приметах» пишет о необходимости использования данных естественных наук и учета психологии.

Поясняя предложенные методы, Кавелин сравнивает работу этнографа с

¹⁵ Там же. Стб. 33—34.

¹⁶ Там же. Стб. 198.

исследованиями естествоиспытателя, разнимающего органическое тело на элементы, который, для того чтобы составить верное знание об этом теле, должен учитывать свойство и стадиальность химических процессов, создающих его. По его мнению, один из недостатков современных ему фольклорно-этнографических исследований — обращение авторов преимущественно к анализу, на стадии которого они часто и останавливаются. Завершать его, как считает Кавелин, должен синтез. При этом важно отметить, что, предлагая такую методику как последовательно сменяющие друг друга анализ и синтез фактов, он ограничивает сферу ее применения. Кавелин полагает, что она действенна и находит свое приложение, как правило, при объяснении явлений «семейного, домашнего, общественного и юридического быта»,¹⁷ но редко — при анализе мифологии, которая должна быть подвергнута «особой критике, основанной на законах развития и изменения религиозных верований у младенческого народа».¹⁸

Исследователь оговаривает особый подход к явлениям религиозным потому, что рассматривает процесс образования преданий по аналогии с развитием человека. В этом он выступает последователем Гердера, проводившим параллель между историей общества и жизнью человека. Кавелин полагает, что в глубокой древности, задолго до возникновения обычая, был период безраздельного господства факта, за которым ничего не было, и в это время человек не находил образа для своих представлений о природных явлениях, а только слепо им покорялся. За этим периодом в жизни каждого народа наступает другая эпоха — «сознательности», когда первобытные верования утрачивают живой, естественный смысл и служат материалом для выражения философских понятий. Так образуется система мифов, к которым историческая, фактическая основа не дает ключа. Но не все народы, по его мнению, подобно индийцам, арабам и римлянам, прошли эти два этапа. Поэтому главной ошибкой мифологов, а именно Афанасьева, Кавелин считает их подход к верованиям славян с меркой, которая предполагает наличие развитой мифологической системы. Славянский мир не успел пройти вторую и третью ступени развития: не создал божеств, имеющих видимый образ, и не сделал их (уже на высшей ступени) воплощением нравственных, философских и политических идей. Он полагал, что причина этого — в победе христианства над язычеством на Руси. По мнению Кавелина, современные исторические и археологические данные не дают основания предположить, что верования древних славян развились до такой высокой ступени, как создание развитой систематизированной «философской» мифологии, изображения богов и оформления полного языческого богослужения. Так, Афанасьев в статье «О ведуне и ведьме» связывает полеты ведьм и колдунов дважды в год на шабаш на Лысую гору с языческими праздниками Коляды и Купалы, полагая, что они сопровождались богослужениями и жертвоприношениями. Соглашаясь с первым утверждением, Кавелин отрицает второе, указывая, что на этой стадии развития язычества у славян игрища не имели богослужебного характера. Афанасьева и мифологов он упрекает в нежелании уяснить постепенность эволюции язычества на Руси и за подход к нему с общей меркой, приложимой только к верованиям более высокой ступени развития. В этом Кавелин выступает последователем Гердера, новым в философской доктрине которого было признание исторического и национального своеобразия развития народов, сформулировавшим своеобразную концепцию синтеза общего исторического процесса и самостоятельного развития национальных культур.

Выступая с этих позиций, Кавелин полемизирует и со школой заимствования, утверждая, что «народ, как органическое существо... имеющее свой язык, свою физиономию, не мог все заимствовать у других: что-нибудь же было у него свое, природное».¹⁹ Методологию этой школы он называет «парадоксом» и «ложной мыслью», когда только по одному внешнему сходству

¹⁷ Там же. Стб. 50.

¹⁸ Там же. Стб. 51.

¹⁹ Там же. Стб. 41.

обычаев отечественные явления народного быта считаются заимствованными. Главную ошибку сторонников этой теории интерпретации фольклора исследователь видит в их неумении рассматривать этнографические явления как части народной культуры, включенные в ее систему, во взаимосвязи с другими. Он полагает, что если заимствование не доказано, то обычай надо считать исконным. При этом необходимо учитывать постепенность изменения народной жизни. Кавелин сравнивает народную культуру с живым организмом, усваивающим различные элементы и превращающим их «в свою плоть и кровь», подобно пище и питью. При этом народ на все смотрит с точки зрения, которая обусловлена его историей и особенностями развития, «историческим возрастом» в данный момент. Кавелин не отрицает возможности заимствования, но считает, что оно происходит без потери национального своеобразия, так как чуждые элементы становятся частью народной жизни, вводятся в круг понятий, таким образом обогащая культуру.

В своих работах Кавелин большое внимание уделял славянскому язычеству. С его особыми чертами он связывал неповторимость русского быта, который, по его мнению, нельзя объяснить из общих начал и законов. В рецензии на книгу Терещенко он пишет, что многие особенности быта русского народа определили два противоположных элемента, которые находились в длительном противостоянии: язычество и православное христианство. В основе этой борьбы, подчеркивал Кавелин, лежала не столько противоположность их как религий, сколько то, что обе предполагали совершенно разный «общественный и гражданский быт».²⁰ Если православие поддерживало государственное устройство, то язычество существовало в тесной связи с началами кровного родства, родового быта, только позже эти отношения развились в «миры» — первые договорные общины, зародыш государственно-политических отношений.

Следы родового быта Кавелин ищет в обычаях русской свадьбы. В их эволюции он прослеживает отражение древнего гражданского и общественного устройства: от отдельных враждебных родов (чему соответствовал, например, обычай похищения невесты), к их союзу, договорным, мирным отношениям (покупка невесты, затем — дача за неё приданого). Обряды, носящие на себе слабые следы такого развития, сохранились, хотя и потеряли свой первоначальный смысл. Поэтому русскую свадьбу исследователь считал важным источником для познания частного и общественного быта древних славян.

Народные праздники, приметы и демонологию Кавелин рассматривал как богатый источник для изучения языческих верований. Так, например, по его мнению, обряды весенне-летних праздников носят двойственный характер: «обожание живительных... сил природы и поклонение злым духам».²¹ Первые он отмечает в традициях Красной Горки, Семика, Троицына дня, Купалы, второе — в обрядах русальной недели. Эту мысль Кавелин высказывает и в рецензии на книгу Терещенко, и в небольшой неопубликованной статье «Заметки об обрядах и поверьях в различных местностях России, связанные с временами года» (РГБ, ф. 548, к. 2, ед. хр. 34), которая представляет собой комментарии к «Народному дневнику» и «Народным праздникам и обычаям» из второго тома книги Сахарова «Сказания русского народа». В последней работе исследователь, например, рассматривая поверья о водяном, пытается охарактеризовать его как духа воды и ее воплощение. Приводя обычай окликания родителей на могилах в апреле, он, полемизируя с Сахаровым, пробует воссоздать древние верования о том, что мертвые, «перешедшие только в другой ряд жизни, удалившись с земли, возвращаются... с весною, когда прилетают другие духи...» (л. 7 об.).

Таким образом, в нескольких работах, созданных в период с 1848 по 1852 г., Кавелин сформулировал основные положения «историко-юридической» школы отечественной фольклористики, которая предложила новый интересный подход к интерпретации фольклорно-этнографического материала. В его основе были

²⁰ Там же. Стб. 59.

²¹ Там же. Стб. 95.

философия Гегеля, аналитико-критический метод, предложенный исторической школой и апробированный Кавелиным в работах, посвященных истории русского права. Созданию новой теории предшествовал длительный период изучения Кавелиным фольклорных явлений как корреспондента П. В. Киреевского и члена Географического общества. Все это дает основание рассматривать деятельность Кавелина как фольклориста и этнографа в одном ряду с наиболее выдающимися представителями этих научных отраслей середины XIX в.

Ю Д ЛЕВИН

ВИЛЬЯМ РОЛЬСТОН И РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР¹

Одним из важнейших посредников между английским и русским литературным миром во второй половине XIX в. был Вильям Рольстон (полное имя и даты жизни: William Ralston Sheden Ralston — 4 IV 1828—6 VIII 1889), неутомимый популяризатор русской литературы и фольклора в Англии.² Сын английского купца, обогатившегося в Индии, он получил высшее образование в Тринити-Колледже Кембриджского университета, который он окончил в 1850 г. со званием бакалавра гуманитарных наук (*Bachelor of Arts*). Первоначально он предполагал заняться адвокатской деятельностью. Но неудачный судебный процесс, затеянный его отцом и приведший в итоге к разорению семейства, заставил его искать постоянного заработка, и в 1853 г. он поступил в библиотеку Британского музея в Лондоне, где прослужил до 1875 г., сочетая библиотечные труды с литературными занятиями. В 1860 г. он получил звание магистра гуманитарных наук (*Master of Arts*), а в 1862 г. был принят в адвокатское сословие, однако адвокатурой никогда не занимался.

По-видимому, служба в богатейшем книгохранилище Великобритании способствовала возникновению у Рольстона интереса к русской культуре. Когда он поступил в Британский музей, в библиотеке музея как раз началась ревизия и переустройство каталога. Наибольшие затруднения для сотрудников музея в этом отношении представлял славянский отдел, особенно русская его часть, поскольку русский язык изучали в Англии тогда очень мало. Это обстоятельство и возбудило интерес Рольстона, который стал заниматься русским языком самоучкою, заставляя себя первоначально заучивать наизусть целые страницы анг-

¹ Настоящая статья составлена на основании книги Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев СПб., 1994 (с приложением писем Рольстона к русским корреспондентам)

² Обобщенный краткий очерк русских литературных связей Рольстона был сделан академиком М. П. Алексеевым в иллестерской лекции, прочитанной в Институте Тейлора при Оксфордском университете 30 мая 1963 г. *Alexeuev M. P. William Ralston and Russian writers of the later nineteenth century // Oxford Slavonic papers* 1964 Vol 11 P. 83—93. К сожалению, остается неопубликованной докторская диссертация немецкого исследователя Lauter Werner Die Bedeutung von W. R. S. Ralston als Vermittler russischer Literatur nach England Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde der Hohen Philosophischen Fakultät der Philipps-Universität zu Marburg 1962 131 S (далее в ссылках Lauter Ознакомиться с этой диссертацией любезно помогла нам д-р Герда Ахингер, которой выражаем искреннюю благодарность). Библиография печатных трудов Рольстона *Waddington Patrick A bibliography of the writings of W. R. S. Ralston // New Zealand Slavonic journal* 1980 No 1 P. 1—15 См. также словарные статьи *Dictionary of national biography* London, 1896 Vol 47 P. 224—225, *Gubernatis A de Dictionnaire international des écrivains du jour* Florence, 1891 P. 1653, *Boase Frederic Modern English biography, containing many thousands concise memoirs of persons who have died since the year 1850* Truro, 1901 Vol 3 Col. 21—22 Русские биографические и некрологические заметки Межов В. И. В. Р. С. Ральстон // Пчела 1875 28 сентября Т 1 № 37 С 444—445. Новости и Биржевая газета 1889 3 (15) августа № 211 С 3 (Иностранная летопись), Новое время 1889 12 (24) августа № 4832 (Среди газет и журналов), Журнал Министерства народного просвещения 1890 Ч 267 № 2 Современная летопись С 89—90, Исторический вестник 1890 Т 39 № 1 С 215—216, Энциклопедический словарь / Изд. Ф. В. Брокгауз, И. А. Ефрон СПб., 1899 Т 26 С 241—242, Краткая литературная энциклопедия М., 1971 Т 6 Стб 349 (подпись А. Б. Гиленсон)

ло-русского словаря.³ Такие его занятия поощрялись библиотечным начальством, а когда в 1869 г. умер хранитель книжного фонда музея Томас Уотс, полиглот, любитель славянских языков и литератор, положивший начало славянскому отделу библиотеки, Рольстону было поручено комплектование собрания славянских книг.⁴ Этим, однако, судя по его письмам к русским корреспондентам, он мог заниматься сравнительно недолго, и последующие его труды, связанные с русской культурой, с начала 1870-х гг. продолжались в основном уже вне музея.

Самоотверженное изучение русского языка, весьма мало в его время ценимого на Британских островах, побуждало Рольстона неоднократно выступать в печати с защитой этого языка и утверждением ценности созданных на нем художественных творений. Так, в конце 1870-х гг. в предисловии к новой грамматике русского языка с приложенным самоучителем он, подчеркивая значение книги, добавлял: «Я буду, конечно, рад, если обнаружу, что она служит своей цели и помогает читателям, испытывающим разумный интерес к языку, на котором говорит народ в сорок миллионов, языку богатому, благозвучному и ясному, являющемуся ключом к сильной молодой литературе, чей голос, я уверен, будет далеко услышан. Чем больше будет в Англии людей, изучающих русский язык, тем больше англичан освободится от необычайного невежества по части всего русского, которое теперь так широко распространено».⁵

Увлечение Рольстона русским языком и литературой закономерно вызвало в нем интерес к русскому народному творчеству. И показательно, что первым его трудом о русской литературе была статья 1866 г. об А. В. Кольцове — поэте, который ввел в русскую поэзию образы и чувства людей из народа. Опираясь на статью Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова», Рольстон изложил биографию поэта и привел четыре его стихотворения в английском переводе: «Пора любви», «Молитва», «Две жизни» и «Первая любовь».⁶

Следующая статья Рольстона о русской литературе, появившаяся спустя около двух лет, была посвящена творчеству А. Н. Островского.⁷ Разобрав ряд пьес драматурга, он писал в заключении: «...достоинство русской драмы состоит отнюдь не в замысловатых сюжетах (...). Сюжет постепенно развивается сам собою по ходу пьесы с простотою, характерной для младенческой поры искусства, такой, какая отличает драматические произведения Индии или Китая. Сцены, представленные художником, лишены сложной композиции, и они следуют одна за другой подобно картинам в панораме. Но как изображение русской жизни и быта они не лишены интереса».⁸

В 1874 г. Рольстон опубликовал статью «Русские идиллии» (под словом *idyll* он подразумевал стихотворение на деревенскую тему вообще), содержавшую помимо новых переводов из Кольцова («Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Сяду я за стол», «Не шуми ты, рожь») также перевод трех стихотворений Никитина («Упрямый отец», «Бурлак», «Зимняя ночь в деревне»).⁹

Еще больший интерес представляет появившаяся спустя два года под тем же заглавием новая статья Рольстона, посвященная на этот раз Н. А. Некрасову, который был здесь показан как «главный представитель негодящей школы», «поэт истинно оригинальный, энергичный и выразительный, превосходно владеющий языком, что дает ему возможность скрывать совершенное искусство под внешностью непринужденной простоты». В статье приведены полностью или в отрывках прозаические переводы основных, с точки зрения автора, «деревенских» стихотворений Некрасова («Деревенские новости», «В деревне», «Забытая деревня», «В дороге», «Тройка», «Крестьянские дети», «Размышления у пар-

³ Dictionary of national biography. Vol. 47. P. 225.

⁴ См.: *Esdaile Arundel. The British Museum library: A short history and survey*. London, 1942. P. 365.

⁵ How to learn Russian: A manual for students of Russian / By Henry Riola, teacher of the Russian language. With a preface by W. R. S. Ralston, M. A. London, 1878. P. III—IV.

⁶ Ralston W. R. S. A Russian poet // Fortnightly review. 1866. September 15. Vol. 6, No 33. P. 272—288.

⁷ Sochineniya A. N. Ostrovskago. (The Works of A. N. Ostrovsky)... // Edinburgh review. 1868. July. Vol. 128, No 261. P. 158—190.

⁸ Ibid. P. 190.

⁹ Ralston W. R. S. Russian idylls // Contemporaty review. 1874. April. Vol. 23. P. 734—745.

дного подъезда», «Вино», «Несжатая полоса»), а также наиболее «фольклорной» его поэмы «Мороз, Красный нос», ярко рисующей картины русской сельской жизни.¹⁰

Но главным историко-литературным трудом Рольстона была его книга о Крылове, над созданием которой он работал несколько лет. Книга вышла в свет в конце 1868 г. (на титульном листе значится: 1869)¹¹ и затем трижды переиздавалась (в 1869, 1871 и 1883 гг.). Она открывается биографическим очерком баснописца, составленным на основании русских работ, после чего в первом издании следовали английские прозаические переводы 93 басен; в третьем издании число переведенных басен достигло 148.

В Крылове-баснописце Рольстона привлекла близость его поэзии к народному творчеству, яркое отражение в ней жизни и быта русского народа. Он так и писал, излагая в предисловии свой взгляд на предпринятый им труд: «Картины русского быта, представленные словами басен, совершенно понятны всякому, кто возьмет на себя труд изучить их, и они дадут иностранцу значительно более верное понятие о русских нравах и обычаях, чем самые яркие изображения, какие фантазия подскажет живописцу, не так основательно знакомому с предметом. Например, из басен „Два мужика“, „Крестьянин в беде“, „Три мужика“, „Крестьянин и работник“ и некоторых других того же рода можно почертнуть множество сведений о житье-бытье простого народа в России, этих многих миллионов наших собратьев-европейцев, о которых мы, однако же, знаем значительно меньше, чем о китайцах или американских индейцах. Еще интереснее заключающиеся в некоторых из них протесты против угнетения и лихоимства, так долго господствовавших в России, против того, что сильный попирал слабого, а богатый высасывал соки из бедного (...). Такие басни никогда не утратят полностью привлекательности, даже в том случае, когда они лишены своих украшений и облечены в чуждую им прозаическую одежду».¹²

Книга Рольстона встретила доброжелательный прием и вызвала положительные печатные отклики и в Англии, и в России. Но основные его интересы были направлены на изучение и популяризацию русского фольклора.

Вполне закономерно, что Рольстон стремился попасть в страну, чья жизнь и культура и особенно народное творчество так интересовали его. Но на этом пути возникали труднопреодолимые препятствия: занятость службою в Британском музее, которую он не мог оставить, недостаточная материальная обеспеченность, слабость здоровья. Поначалу Рольстон старался установить знакомства с русскими посетителями Британского музея, которые и сами стремились к такому знакомству. П. Д. Боборыкин, например, описывая в одной из своих лондонских корреспонденций 1867 г. Британский музей, отмечал: «Если у вас есть знакомый, который представит вас одному из библиотекарей, вы спасены!.. На мою долю выпал самый благодетельный и приятный экземпляр, *мистер Рольстон*, с большою любовью занимающийся русским языком и литературою. Он собирается зимою в Россию, а теперь сидит над русскими книгами и журналами».¹³

Действительно, в следующем году состоялась первая поездка Рольстона в Россию. Сперва он приехал в Петербург, где был встречен радушно и свел знакомство с русскими учеными-филологами: академиком Я. К. Гротом, который помог ему в окончательной отделке книги о Крылове и подарил ряд книг о русском фольклоре, академиком И. И. Срезневским, востоковедом В. В. Григорьевым, фольклористом О. Ф. Миллером. Поездка была непродолжительной, тем не менее Рольстону удалось съездить в Москву и даже в Воронеж — на поклонение могиле Кольцова.¹⁴

Несравненно более успешной и плодотворной была вторая поездка Роль-

¹⁰ Ibid. 1876. April. Vol. 27. P. 746—763.

¹¹ Krylof and his fables / By W. R. S. Ralston, M. A. Of the British Museum. London, 1869.

¹² Ibid. P. VIII—IX.

¹³ Миролюбов Авенир (Боборыкин П. Д.). Из Лондона // Русский инвалид. 1867. 23 августа. № 232. С. 3.

¹⁴ См.: Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 216.

стона в Россию, осуществленная при поддержке и деятельном участии И. С. Тургенева, с которым у него завязалась переписка еще в 1866 г., после того как Рольстон послал ему свою статью о Кольцове. Переписка постепенно приобрела дружественный характер в связи с тем, что в последующие годы Рольстон трудился над английским переводом «Дворянского гнезда», озаглавленным с согласия Тургенева «Liza» и изданным летом 1869 г. с кратким посвящением «автору его другом-переводчиком». Личное их знакомство состоялось в марте 1869 г., по-видимому, в Париже, куда Тургенев приезжал на несколько дней из Германии, где жил в то время. После этого Тургенев усиленно приглашал Рольстона поехать с ним в Россию в его имение. 19 февраля 1870 г. Рольстон писал Я. К. Гроту: «Надеюсь попасть в Россию в мае. Г-н Тургенев пригласил меня поехать с ним в Орел, если он отправится туда, и побывать у него в деревне некоторое время. Это даст мне прекрасную возможность познакомиться с „простонародьем“, не зная которого, я не смогу написать хорошую книгу о фольклоре. А на обратном пути через Москву и Петербург я надеюсь познакомиться еще с некоторыми русскими писателями, занимавшимися этим вопросом, а также возобновить знакомство с теми, кого я встречал в прошлом году». И дальше: «Моя главная цель будет состоять в том, чтобы досконально изучить быт русской деревни».¹⁵

Получив отпуск в Британском музее, Рольстон в двадцатых числах мая 1870 г. поехал вместе с Тургеневым в Петербург, где они пробыли несколько дней, после чего 28 мая уехали в Москву, а 2 июня были уже в имении Тургенева Спасском-Лутовинове.¹⁶ Здесь Тургенев прилагал все усилия, чтобы помочь Рольстону познакомиться с разными сторонами русской сельской жизни. 12 июня, по приглашению Тургенева, Спасское посетил А. А. Фет. «Я, — рассказывал он в своих воспоминаниях, — приехал 12-го к мировому съезду и очень был удивлен, увидавши Тургенева на скамьях, предназначенных для публики. Нетрудно было догадаться, что сидящий рядом с ним средних лет мужчина — англичанин Рольстон, которого, показывая ему всякого рода диковинки, Иван Сергеевич привел и на мировой съезд».¹⁷ 14 июня Тургеневправлял специально устроенный для Рольстона сельский праздник, о чем сообщал тот же Фет (на празднике, впрочем, не присутствовавший),¹⁸ а Я. П. Полонский передал рассказ самого Тургенева о впечатлениях английского гостя от этого праздника: «Когда у меня в Спасском гостили английский писатель Рольстон, — говорил Тургенев, — он, слушая эти горластые песни и видя этих баб, работающих, пляшущих и дующих водку, заключил, что в России запаса физических сил в народе — непочатый край».¹⁹

Тот же Полонский сохранил и другой анекдотический рассказ Тургенева, косвенно свидетельствующий о том, с каким упорством Рольстон использовал представившуюся ему возможность для сбора необходимых сведений о жизни и быте русской деревни: «С Рольстоном мы ходили по избам, где он рассматривал каждый предмет и записывал у себя в книжечке его название; крестьяне вообразили, что он делает им перепись и хочет их переманить к себе, в Англию; долго они ждали, когда же их туда перевезут, и не вытерпели, пришли ко мне толпой, да и говорят: а когда же это мы в Англию-то перекочуем? Барин, что приезжал за нами, нам очень полюбился — должно быть, добрый; мы за ним охотно, со всей нашей душой, куда хошь...».²⁰

Интересна оценка, которую впоследствии дал путешествиям Рольстона в Россию известный французский славист Луи Леже в статье «Английские писатели и Россия», в которой он сравнивал английские сочинения 1870-х гг. о

¹⁵ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137 (Я. К. Грот), оп. 3, ед. хр. 793, л. 11—12 (здесь и ниже английские письма Рольстона цитируются в русском переводе).

¹⁶ См. письмо Тургенева к А. М. Жемчужникову от 5 (17) июня 1870 г. (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1964. Письма. Т. 8. С. 239—240).

¹⁷ Фет А. Мои воспоминания: (1848—1889). М., 1890. Ч. 2. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 217.

¹⁹ Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 389.

²⁰ Там же.

России. «Г-н Рольстон, — писал он, — посетил Россию не для того, чтобы набраться впечатлений, как г. Диксон, или устроить свои дела, как г. Бэри, но для того, чтобы наблюдать народные нравы, угадать предания, изучить все те примитивные обряды и простодушные песни, которые именуются у англичан folklore, словом, еще не имеющим эквивалента в нашем языке».²¹

Возвратившись в Англию, Рольстон почти на два года засел за обработку собранных им материалов, долго не решаясь приступить к публикации своего труда. 1 апреля 1871 г. он писал Гроту: «С тех пор как я был в России в прошлом году, я отдавал все свободное время, каким мог располагать, изучению сказок, былин, песен и т. д. И я почти уже закончил черновой набросок этих жанров русской народной литературы. Однако прежде чем отдать его в печать, я еще раз внимательно пройдусь по нему и сделаю добавления, собранные из разных книг, которые намерен прочесть в летнее время (...). Я хочу сделать свою книгу как можно лучше; конечно, с русской точки зрения это будет лишь жалкая попытка, но я надеюсь, что мои русские критики смогут увидеть, что я сделал все, что мог, и не выказал ни небрежности, ни лености».²² Основная цель Рольстона состояла в том, чтобы возможно полнее ознакомить англичан с богатством русского народного творчества и достижениями русской фольклористики, ибо, подчеркивал он в том же письме: «В настоящее время Англия совершенно невежественна в отношении того, что сделано в России по вопросу о ее народной литературе».²³

Работа шла медленно: служба в Британском музее отнимала весь день, оставляя лишь короткий вечерний досуг; не хватало русских книг, недостаточными казались собственные познания. Неуверенный в себе и постоянно во всем сомневающийся, Рольстон усиленно переписывался с русскими учеными, с которыми успел познакомиться в своих поездках. Я. К. Грота, с кем у него установились наиболее приятельские отношения, он буквально забрасывал всякого рода библиографическими запросами; писал он также всем, от кого мог ожидать помощи и содействия: И. И. Срезневскому, А. Ф. Гильфердингу, О. Ф. Миллеру, Ф. И. Буслаеву и др. Сохранилось любопытное письмо Тургенева к Рольстону в ответ на его очередной запрос. Читая в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым», описание свадебного обряда, Рольстон наткнулся на слово «брюдга», поставившее его в тупик, которое он напрасно искал во всех словарях. Тургенев, к кому он обратился за разрешением загадки, тоже не смог ему помочь. «Слово „bruyudgi“ совершенно ново для меня, — писал Тургенев 11 января 1872 г. — Как оно пишется по-русски? Это, должно быть, провинциализм».²⁴ В конце концов Рольстон все же доискался его смысла; оказалось, что слово это существует в провинциальных северных наречиях в значении «сватать от невесты», и точное английское объяснение его в итоге попало в книгу.

Рольстон буквально обложился русскими изданиями, вчитываясь в них до последней запятой. Желая сосредоточиться, он уезжал из Лондона в маленький глухой приморский городок, чтобы там, на свободе, вдали от городского шума, лучше обдумать свои переводы и рассуждения, и мучился над каждым словом. Когда, например, ему необходимо было перевести эпитет «ненаглядный», он, для того чтобы быть вполне точным, перевел его сложным составным оборотом: «never-enough-to-be-gazed-on».

Он собрал лучшие русские пособия и основательно их проштудировал: «Песни» собраний П. Н. Рыбникова (В 2 ч. М., 1861—1862) и П. В. Киреевского (Вып. 1—10. М., 1861—1874), «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (В 3 ч. СПб., 1836—1837) и «Русские простонародные праздники» И. М. Снегирева (Вып. 1—4. М., 1837—1839), «Быт русского народа» А. В. Терещенко (В 7 ч. СПб., 1848), недавно опубликованные «Русские народные песни», собранные

²¹ Léger Louis. Les écrivains anglais et la Russie // Léger, Louis. Le Monde Slave: Études politiques et littéraires. 2-me éd. Paris, 1897. P. 259. Герберт Бэри (Barry) — английский журналист, написавший фельетонные книги о путешествии в Россию: «Russia in 1870» (1871), «Ivan at home; or Pictures of Russian life» (1871). Ср.: Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 244.

²² Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 16.

²³ Там же, л. 17.

²⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 204 (оригинал по-английски).

П. В. Шейном (М., 1870), сборник «Калики перехожие» П. А. Бессонова (В 2 ч. М., 1861—1864), книги О. Ф. Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности» (СПб., 1863) и «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869), труды Ф. И. Буслаева и множество других книг, статей и рецензий не сходили с его рабочего стола. Весьма существенным пособием, которым пользовался Рольстон, явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (В 4 т. М., 1863—1866). Позднее, откликаясь на известие о смерти лексикографа, Рольстон назвал его словарь «бесценным» (*invaluable*) и указывал, что «для всех, кто хочет изучать народную литературу России, он абсолютно необходим».²⁵

В особенности же важным оказались для Рольстона книги А. Н. Афанасьева. О «Народных русских легендах» (Лондон, 1859), запрещенных в России цензурой, он написал обстоятельную статью еще в 1869 г.²⁶ А в 1870 г., проезжая через Москву в Спасское, он навестил Афанасьева. Через год с небольшим, узнав о его смерти, Рольстон тотчас же опубликовал статью об этом замечательном русском ученом. В статье он подробно характеризовал важнейшие труды Афанасьева — «Народные русские сказки» (М., 1855—1863. Вып. 8), «Поэтические воззрения славян на природу» (В 3 т. М., 1865—1869) — и вспоминал, что третий том этого последнего труда был подарен ему самим автором в Москве: «Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже, можно сказать, пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всею ее обстановкою была именно в том роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самою личностью своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менес».²⁷

Восторженный отзыв, который Рольстон дал не только собранию сказок Афанасьева, но и его многолетнему теоретическому труду — «Поэтические воззрения славян на природу», подчеркивает лишний раз, что он обязан им более, чем каким-либо другим книгам о русском фольклоре. В самом деле, в известном смысле неудачей Рольстона было то, что в своих работах о русском фольклоре он примкнул к «мифологической школе», отжившей уже тогда свой век в русской науке, и не сумел как следует разобраться в тех новых методологических задачах, которые в этой науке не только назревали, но и формулировались все определеннее и чаще.²⁸ Он не оценил по достоинству появившихся в то время статей А. Н. Веселовского, не разобрался как следует и в споре, возникшем по поводу статей В. В. Стасова «Происхождение русских былин», хотя и очень интересовался разгоревшейся вокруг них полемикой и даже вступил в переписку как с самим Стасовым, так и с некоторыми из его оппонентов.

В общем задача, поставленная Рольстоном перед собою, оказалась для него непосильной: новых теоретических вопросов, связанных с русским фольклором, его работы не поднимали, не отразили актуальной научной проблематики. Но зато они оказались весьма важными в другом отношении: Рольстон познакомил Европу с богатством русского народного творчества и ввел в европейский научный оборот огромное количество новых материалов, до него совершенно недо-

²⁵ Athenaeum. 1872. October 19. № 2347. P. 499.

²⁶ Ralston W. R. S. Russian popular legends // Fortnightly review. 1869. April 1. New ser. Vol. 5, № 28. P. 377—406.

²⁷ Ralston W. R. S. Aleksandr Afanasief // Academy. 1871. November 1. Vol. 2, № 35. P. 491 (цитируется перевод П. А. Ефремова: Русская старина. 1872. Т. 5, № 5. С. 789).

²⁸ См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 47—84 (гл. 2. «Русская мифологическая школа»).

ступных для западных ученых. С этой стороны его заслуга была неоспоримой, и в этом смысле А. Н. Веселовский был вполне прав, когда отмечал в своей полемической статье против западных мифологов, что книга Рольстона о русской народной поэзии была «откровением для европейской науки».²⁹

Весною 1871 г. в журнале «The Academy» появилась анонимная заметка, написанная, судя по всему, самим Рольстоном, где сообщалось о его работе «над книгой, которая, по-видимому, окажется весьма интересной, — о народной литературе России». Указывались русские издания, использованные автором в его труде.³⁰ Заметка позволяет заключить, что первоначально Рольстон задумал одну книгу в трех частях, посвященных народным песням, эпическим поэмам (т. е. былинам) и прозаическим повествованиям (т. е. сказкам).

В дальнейшем, однако, по мере того как в ходе работы объем исследования расширялся, Рольстон решил выпустить три отдельных книги, и в следующем 1872 г. вышла первая из них — «Песни русского народа, характеризующие славянскую мифологию и русскую общественную жизнь».³¹ Наибольшее число переведенных Рольстоном песен относится к числу обрядовых. Разделив их на три разряда — песни праздничные, свадебные и погребальные, — Рольстон подробно рассматривал каждый разряд в отдельной главе. При этом он рассказывал об обычаях, описывал самые обряды и даже упоминал о видоизменениях обрядов в разных местностях. Особая глава посвящена колдовству.

Переводы Рольстона отличаются замечательной точностью и почти безошибочны. Переводя строка в строку, он сумел тем не менее сохранить поэтический характер текста, для чего, между прочим, употреблял английские народные обороты и выражения. К числу совершенно безупречных относятся переводы таких песен, как «Ты дуброва моя, дубровушка» и «Красна девица по садику гуляла».

Показательно, что при своих весьма скромных средствах Рольстон напечатал книгу малым тиражом (всего 500 экземпляров) на собственный счет, для того «чтобы выполнить работу достойным образом», как он сам признавался Гроту, и, следовательно, не быть в зависимости от требований издателя. Книга и вовсе не должна была принести материальных выгод, если принять во внимание, что более половины экземпляров было разослано разным лицам, учреждениям и органам печати. «Русское сочувствие — вот чего я жду, как главной награды», — писал он Гроту в том же письме.³²

Первой откликнулась на книгу английская печать: профессор Рассель Мартин — в «The Saturday review», историк первобытной культуры Э. Б. Тейлор — в «The Speciator», анонимный рецензент — в близком Рольстону «The Athenaeum» — дали самые лестные отзывы. В «The Athenaeum» говорилось: «Мы внимательно прочли этот том с большим удовлетворением; автор работал над ним честно и с усердием, что очень его рекомендует». Мартин, со своей стороны, замечал: «Этот труд не нуждается в оправданиях: он великолепно выполнен весь целиком». «Pall Mall gazette» назвала книгу путеводителем по «природным способностям, нравственным качествам, нравам и обычаям русского крестьянства» (*genius, morality, manners and customs of the Russian peasantry*). Вслед за английскими откликнулись журналы американские, немецкие, французские, голландские, итальянские. Феликс Либрехт напечатал весьма похвальную статью в «Goettingische gelehrte Anzeigen»; Анджело де Гу-

²⁹ Веселовский А. Сравнительная мифология и ее метод // Вестник Европы. 1873. Кн. 10. С. 642; Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 88; см.: там же. С. 222, 338. Впрочем, к самостоятельным фольклористическим изысканиям Рольстона Веселовский относился довольно сурово; узнав, что тот просит Л. Н. Майкова прислать ему его «Великорусские заклинания» (СПб., 1869), Веселовский писал Майкову: «Интересно будет посмотреть, много ли он поймет в Вашей книге; во всяком случае, когда его книга выйдет, и Вам и мне представляется хороший случай для статьи. Надо же разоблачить этого господина, утешающего английскую публику сравнением комедий Островского с индийскими драмами и тому подобным вздором» (ИРЛИ, ф. 166, ед. хр. 317/5, л. 133—133 об.; письмо не датировано).

³⁰ Academy. 1871. April 1. Vol. 2, No 21. P. 192—193.

³¹ Ralston W. R. S. The songs of the Russian people, as illustrative of Slavonic mythology and Russian social life. London, 1872. XVI, 439 р.

³² Письмо от 18 марта 1872 г. (Петербург. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 739, л. 22).

бернатис — в итальянском «*Rivista Europea*».³³ Французский славист Луи Леже заканчивал свой упомянутый выше обзор указанием, что он не удивится, если узнает, что книги Рольстона переведены в Петербурге или Москве.³⁴

Часть своей задачи Рольстон мог считать выполненной: творчеством русского народа он заинтересовал ученый мир Европы; более широкий круг читателей он надеялся привлечь вторым изданием книги (вышедшем, кстати сказать, через два месяца после первого). С волнением и надеждой ждал он теперь отзывов из России, куда послал 22 экземпляра книги с сопроводительными письмами, в которых подробно рассказывал о своих трудах и дальнейших замыслах.

По получении книги Тургенев, стремившийся сделать труды Рольстона известными в России, писал В. В. Стасову 1 (13) марта 1872 г.: «На днях Вы получите книгу нашего доброго Ральстона „The Songs of the Russian people“. Составлена она очень добросовестно, по источникам, — и мы, русские, обязаны всячески поощрить этот труд. Ничего подобного ни на одном европейском языке еще не являлось — и Ральстон стоит того, чтобы такой компетентный судья, как Вы, погладил его по головке. И он Вам за это спасибо скажет, и Ваш покорный слуга». В тот же день о необходимости дать печатную оценку книги Рольстона Тургенев писал и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Труд, как Вы увидите, весьма почтенный — и нам, россиянам, следует его поощрить».³⁵

В «Вестнике Европы» действительно вскоре появился отзыв, но не Стасова, как предполагалось первоначально, а А. Н. Пыпина. «Автор дает верную и довольно законченную картину целого отдела русского народного преданья, которое он изучал со вниманием и с очевидной любовью к делу», — писал Пыпин. «Русская литература может выразить почтенному английскому писателю только сочувствие к его добросовестному изучению, трудности которого его не устрашили, и к тому дружелюбному чувству, с каким он обращается в своем изучении к русскому народу. Высказывая, со своей стороны, это сочувствие, от всей души желаем дальнейшим трудам автора полного успеха».³⁶

Впрочем, в том же журнале появились и критические замечания о книге Рольстона. Н. И. Костомаров в статье о великорусской народной поэзии уделил «несколько слов» ей и, соглашаясь в целом с оценкой Пыпина, добавлял, однако, несколько соображений, ограничивающих ее значение как научного труда. «Книга г. Рольстона, — писал он, — в которой добросовестный и сведущий автор знакомит свою публику как с русскими песнями, так еще более с исследованиями русских ученых, написанными об этих песнях, преимущественно же о мифологической стороне их содержания, не произносит своих собственных приговоров по разным вопросам, касающимся этого обширного предмета, и почти не высказывает своих взглядов, а потому его книга не имеет значения собственно для нас и не может подвинуть вперед нашей науки (...). Английский исследователь руководствуется трудами наших ученых и заносит в свою книгу немало такого, что не выдержало бы критики, если бы подвергнуть ей эти труды».³⁷ В частности, Костомаров осуждал некритическое использование Рольстоном труда А. В. Терещенко «Быт русского народа».

Вполне благожелательные рецензии на книгу Рольстона были напечатаны в

³³ См.: *Athenaeum*, 1872. March 16. No 2316. P. 329—330; *Saturday review*. 1872. April 6. Vol. 33. P. 441—443; *Spectator*. 1872. April 6; *Pall Mail gazette*. 1872. May 15; *North American review*. 1872. July; *Westminster review*. 1873. New ser. Vol. 43. P. 272—273; *Academy*. 1873. September 15. Vol. 4, No 80. P. 341—346; *Literarisches Centralblatt für Deutschland*. 1872. Juli 27. No 30. S. 806—807; *Goettingische gelehrte Anzeigen*. 1872. Pt. 24. S. 957; *Allgemeine Zeitung*. 1872. Juni 12; *Rivista Europea*. 1872. April; *Theologisch Tijdschrift*. 1872. Juli. Этот перечень и приведенные выше цитаты заимствованы из издательского объявления о выходе второго издания «*The songs of the Russian people*» с пополнением некоторых сведений по: Lauter. S. 127.

³⁴ *Leger Louis. Les écrivains anglais et la Russie*. P. 261. Высокую оценку работ Рольстона по русскому фольклору в иностранной печати см. также: *Wollner Wilhelm. Untersuchungen über die Volkspeik der Grossrussen*. Leipzig, 1879. S. 17; *Hardy A. L. Anglisti spisovatelé o slovenských otazcach // Slovanský sborník*. Praha, 1884. S. 141—142.

³⁵ *Tургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 231—232.*

³⁶ П. (Пыпин А. Н.). Песни русского народа в английской литературе // *Вестник Европы*. 1872. Кн. 4. С. 921—922 (вся статья — с. 919—922).

³⁷ Костомаров Н. Великорусская народная поэзия // *Вестник Европы*. 1872. Кн. 6. С. 586—587.

«Беседе», «Русском вестнике» и ряде газет.³⁸ Рольстон не мог пожаловаться на невнимание к нему русской прессы. Кроме того, он несомненно получил также ряд письменных откликов из России в ответ на эту книгу, щедро разосланную всем, от кого он мог ожидать доброго слова и поощрения своей деятельности. Теперь его задача казалась ему выполненной в полной мере, и он тотчас же принялся за продолжение своего труда; успех делал его неутомимым.

В разных английских журналах начала 1870-х гг. можно найти немало статей Рольстона по русскому фольклору. В 1871 г. он опубликовал свою лекцию «О русском фольклоре», прочитанную в Королевской ассоциации (Royal Institution) 5 мая;³⁹ в 1872 г. — статью по поводу только что вышедших «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова;⁴⁰ в 1873 г. — обзор посмертно изданной книги А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины»⁴¹ и т. д.

Но главной его заботой было издание русских народных сказок, в переводе и с пояснениями, — второй его книги о фольклоре, явившейся за «Песнями» в следующем же году.⁴² Эта книга содержит прекрасные переводы 51 русской сказки, выбранной из сборников А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, А. А. Эрленвейна и П. П. Чубинского; между сказками помещены в изобилии толкования и подстрочные примечания со ссылками на богатую литературу сравнительного изучения сказок и преданий различных народов. Но, как и первая книга, это не только ученый труд; она предназначена прежде всего к тому, чтобы дать западноевропейскому читателю правильное представление о русском народе.

Оканчивая первую книгу «Песни», Рольстон писал о русском народе: «Полагаю, что об этом народе я не сообщил здесь неблагоприятного понятия. Характер моего труда часто давал мне повод говорить о его слабостях, подробно останавливаться на его суевериях. Но не по этим слабым сторонам, до некоторой степени общим всему человечеству, должны мы судить о сельском населении, которое всегда отличалось любовью к родне, уважением к старости, сочувствием к несчастью, которое в течение веков, даже под гнетом недавно лишь уничтоженной системы рабства, сохранило такое сильное чувство верности, такую горячую любовь к своей родине».⁴³ В «Русских народных сказках» — та же симпатия к русскому народу, то же стремление объективно оценить его достоинства и недостатки. «Я буду удовлетворен, — говорит Рольстон на последней странице своего труда, — если эта книга окажется полезна для любителей народной литературы. Но мне будет еще приятнее, когда посредством этой книги читатели вообще заинтересуются сказками русского народа, а через эти сказки — бытом тех самых русских крестьян и крестьянок, которые любят их сказывать, и русских детей, которые любят их слушать. Однажды вечером, в первую мою поездку в Россию, поезд, на котором я ехал, задержан был на несколько часов на станции между Петербургом и Москвой. Покуда исправляли локомотив, пассажиры гуляли по линии, между кучками крестьянских детей, которые собирались поглядеть на них. В первый раз удалось мне тут видеть близко русских крестьянских детей, и я был удивлен, когда заметил, до какой степени походили они на английских детей и чертами и выражением лиц».⁴⁴

Откликаясь на выход «Русских народных сказок», рецензент журнала «The Athenaeum» отмечал, что «г. Рольстон вновь явился перед британской публикой

³⁸ Беседа. 1872. Кн. 5. Новые книги. С. 105—107, 111—116; С. *(Кирпичников А. И.)*. О русских песнях: Книга английского писателя // Русский вестник. 1872. Т. 99, № 5. С. 344—350; Рольстон о поэзии и мифологии русского народа // Московские ведомости. 1872. 15 апреля. № 95. С. 4; Владимиров Л. «The songs of the Russian people...» // С.-Петербургские ведомости. 1871. 15 (27) декабря. № 345. С. 1; Библиография // Там же. 1872. 31 марта (12) апреля. № 89. С. 2.

³⁹ Ralston W. R. S. On Russian folk-lore // Proceedings of the Royal Institution of Great Britain. London, 1871. Vol. 6. P. 326—333 (об этой лекции см.: Русский архив. 1872. № 3—4. Стб. 771—772).

⁴⁰ Academy. 1872. December 1. Vol. 3, № 61. P. 443—444.

⁴¹ Saturday review. 1873. November 8. P. 610—611; November 29. P. 704—705. Ср.: Русский архив. 1874. Кн. 1, № 2. Стб. 0532. См. также анонимную статью Рольстона об изданиях русских пословиц: Quarterly review. 1875. October. Vol. 139, № 278. P. 493—525.

⁴² Ralston W. R. S. Russian folk-tales. London, 1873. XVI, 382 p.

⁴³ Ralston W. R. S. The songs of the Russian people. P. 434.

⁴⁴ Ralston W. R. S. Russian folk-tales. P. 377—378 (цитируется перевод: Русский архив. 1874. Кн. 1, № 2. Стб. 0520; вся заметка — стб. 0519—0521).

в своей знакомой уже роли толкователя русского фольклора». И далее: «При нынешнем состоянии наших познаний о русском фольклоре книги г. Рольстона являются для нас, англичан, образцовыми». В то же время рецензент выражал надежду, что Рольстон выступит с еще более значительными трудами по своему предмету.⁴⁵

Новая книга Рольстона, посвященная русскому народному творчеству, вызвала, конечно, одобрительные отклики в России. Весьма сочувенную рецензию поместил в «Вестнике Европы» его приятель, московский профессор международного права, а в то время директор Демидовского лицея в Ярославле, М. Н. Капустин.⁴⁶ Рецензии печатались и в ряде русских газет,⁴⁷ а позднее в «Московских ведомостях» появилась специальная статья «Г-н Ральстон о народной сказочной поэзии».⁴⁸

Оба своих фольклористических труда Рольстон рассыпал знакомым литераторам, деятелям искусства и ученым не только в Англии и России, но и в других странах.⁴⁹ Круг его литературных знакомств был довольно широк, но он не забывал также и лиц, хотя и не знакомых ему лично, но чем-нибудь примечательных, которых, как он полагал, могли заинтересовать его издания. Американский поэт Лонгфелло, известный своей тягой к европейскому культурному миру и своими широкими фольклористическими интересами, показывал посетившему его в 1877 г. русскому этнографу Ю. В. Арсеньеву экземпляры сочинений, присланных авторами ему в дар; среди них были «известные книги англичанина Ральстона о русских народных песнях и сказках».⁵⁰

Показательно, что русские сказки в английском переводе Рольстона были вскоре переведены на французский язык и изданы в Париже.⁵¹ К некоторым вопросам, затронутым в его книге, Рольстон возвращался и позднее.⁵² В то же время пропаганда в Англии русского народного творчества через печать казалась Рольстону недостаточной, поэтому он охотно выступал с лекциями в разных городах, перед различными аудиториями. Выше уже упоминалась его лекция «О русском фольклоре», которую он прочел в Королевской ассоциации в Лондоне; в ней он рассказывал о народных поверьях, праздниках и песнях. С такою же лекцией он выступил затем перед студенческой аудиторией в Оксфорде. В. Лайтер в своем исследовании установил, что Рольстон систематически читал лекции с 1870 по 1887 г. не только в Оксфорде и Лондоне, но и в других городах; в последние годы жизни в его лекциях появилась и такая тема, как «Русская деревенская жизнь».⁵³ «При мне, — вспоминал о Рольстоне сын Я. К. Грота К. Я. Грот, посетивший Лондон в 1885 г., — он знакомил английскую публику и молодежь с русским сказочным миром. Большая зала была переполнена слушателями, как взрослыми, так и детьми, в которых живая речь и юмористические выходки талантливого рассказчика вызывали беспрестанно веселый смех и шумные одобрения». «Главная заслуга его, — отмечал тот же очевидец, — конечно, состоит в том, что он своими специальными трудами познакомил своих соотечественников с красотами и богатствами русского народного поэтического творчества».⁵⁴

⁴⁵ Athenaeum 1873 June 28 № 2383 P 815—816

⁴⁶ Капустин М Russian Folk-tales by W R S Ralston London, 1873 Русские народные сказки В Рольстона // Вестник Европы 1873 Кн 8 С 820—822

⁴⁷ См Голос 1873 26 июня (8 июля) № 175 С 2, С -Петербургские ведомости 1873 10 (22) июля № 187 С 1—2 (библиографическая заметка В С), Московские ведомости 1874 3 января № 2 С 5 (библиографическая заметка А), Одесский вестник 1874 26 апреля № 92 С 3, Русские ведомости 1874 9 апреля № 73 С 3

⁴⁸ Московские ведомости 1876 17 декабря № 324 С 4

⁴⁹ Так, например, В. Лайтер обнаружил экземпляр «Russian folk-tales» с дарственной надписью Рольстона немецкому ориенталисту Рейнгольду Росту (см. Lauter S 12)

⁵⁰ Арсеньев Юрий Воспоминание о Лонгфелло // Московские ведомости 1882 17 марта № 76 С 5

⁵¹ Contes populaires de la Russie, recueillis par M. Ralston, et traduits avec son autorisation par Loys Bruere Paris, 1874

⁵² См. Ralston W R S Notes on folk-tales // Folk-lore record 1878 Vol 1 P 71—98, эти заметки вышли затем отдельной брошюрой (London, 1878)

⁵³ См. Lauter S 116—118

⁵⁴ Грот К Я Лондонские заметки Славянские рукописи Британского музея Славистика в Англии Варшава, 1887 С 22

Написав и издав две из трех задуманных им книг о русском народном творчестве, Рольстон закономерно принял за третью, которую намеревался посвятить былинам. Впрочем, материалы для нее он собирал, еще работая над первыми двумя, как можно судить по сохранившемуся его письму к А. Ф. Гильфердингу от 12 февраля 1872 г., т. е. написанному тогда, когда он завершал книгу о песнях. В этом письме он просил Гильфердинга прислать ему корректурные листы публикуемой в «Вестнике Европы» статьи «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», в которой русский ученый подводил итог предпринятого им сбора материалов у местных сказителей.⁵⁵

Вообще о работе Рольстона над книгой о русских былинах, так и не завершенной и потому не изданной, можно судить лишь по упоминаниям в сохранившихся его письмах. Так, 29 мая 1874 г. он писал сыну П. А. Вяземского, Павлу Петровичу, библиографу и историку литературы, с которым у него установилась переписка: «К несчастью, почти шесть месяцев я не имел возможности заняться своей работой над былинами, но я надеюсь вернуться к ней в следующем месяце и выпустить книгу в следующем году. У меня, полагаю, есть уже как раз такое количество материала, с каким я смогу управиться. Трудность состоит в том, как его изложить, чтобы сделать интересным для английских читателей».⁵⁶

Однако эта уверенность, что он располагает достаточным материалом, со временем рассеялась. Возникла потребность самому услышать русских сказителей. В 1875 г. Рольстон оставил службу в Британском музее и смог уже свободно ездить в Россию. Эта поездка состоялась в мае 1876 г. За три дня до отъезда в письме к Я. К. Гроту от 10 мая Рольстон замечал: «Если это будет возможно, я бы очень хотел совершив поездку в район Онежского озера, где еще поются былины. Ибо я еще не совсем оставил надежду написать книгу на эту тему, несмотря на книгу г. Рамбо.⁵⁷ Если бы Гильфердинг был еще жив, он помог бы мне в этом».⁵⁸

Но поездка эта не удалась. Рольстон выехал из Англии 13 мая, но через несколько дней по приезде в Петербург заболел ревматизмом «под влиянием невской воды» и 3 июня н. ст., полубольной, отправился обратно в Англию.⁵⁹

Шли годы, а Рольстону так и не удавалось писать книгу о русских былинах. Плохое состояние здоровья, материальная необеспеченность, заставлявшая его поденно работать над темами, более выгодными в денежном отношении, чем те, к которым влекли его давние склонности, — все это постоянно мешало осуществлению его замысла. Но мечта не оставляла его. Он надеялся, что удастся поехать в Россию и хотя бы устроиться гувернером в каком-либо семействе или преподавателем английского языка, например в Дерптском университете, и, улучив время, ознакомиться со сказителями былин. В 1884 г. осуществление мечты казалось ему реальным. 3 февраля он писал Гроту: «Итак, я предполагаю снова приняться за давно заброшенную работу о былинах, которую начал лет семь тому назад. Для того, чтобы написать ее как следует, я предполагаю в мае поехать в Россию и пробыть там столько времени, сколько смогу. Я надеюсь прибыть в Петербург как только станет снег. Оттуда я хотел бы совершить поездку в Олонецкую губернию, чтобы увидеть край, где живут люди, сохраняющие былины, и познакомиться с некоторыми „рапсодами“, которые поют их».⁶⁰ А 24 февраля он сообщал своему другу А. Ф. Онегину, находившемуся в Париже: «Когда я попаду в Петербург, я надеюсь найти там кого-нибудь, кто захочет предпринять небольшую экскурсию в страну былин, чтобы я смог посмотреть Заонежский край и его обитателей и познакомиться лично с Рябининым и компанией. Это придаст больше сведений моей предполагаемой книге о былинах, а я действительно надеюсь написать ее».⁶¹

⁵⁵ См.: ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1203, л. 2—3.

⁵⁶ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 4488, л. 5.

⁵⁷ Имеется в виду кн.: *Rambaud Alfred. La Russie épique: Étude sur les chansons héroïques de la Russie, traduites ou analysées pour la première fois*. Paris, 1876.

⁵⁸ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 43 об.

⁵⁹ См. его письма к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 19/31 мая и 21 мая / 2 июня 1876 г. (ИРЛИ, 24998/CLXX6.51).

⁶⁰ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 46—47.

⁶¹ ИРЛИ, 29065/CCVII б. 25, л. 42а—426.

Но и эти надежды Рольстону осуществить не удалось. Тем не менее его историко-литературные, а затем и фольклористические труды получили почетное признание в России. Еще 22 мая 1872 г. он был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.⁶² А в конце его жизни, 29 декабря 1885 г., по инициативе Я. К. Грота, его избрали членом-корреспондентом Российской императорской Академии наук по Отделению языка и словесности.⁶³ Получив извещение об этом, Рольстон писал 1 февраля 1886 г. непременному секретарю Академии академику К. С. Веселовскому: «Спешу просить вас, сэр, оказать мне любезность передать Императорской Академии Наук изъявление моей глубокой благодарности за честь, которой я так удостоен, и за высокое поощрение, оказанное таким образом моим скромным попыткам заставить своих соотечественников оценить как должно достоинства языка и литературы России».⁶⁴

Членом-корреспондентом Академии наук Рольстон состоял четыре года. Кончина его была отмечена в речи Л. Н. Майкова, прочитанной в торжественном заседании Академии наук 29 декабря 1889 г.; в ней, объясняя мотивы, руководившие Академией при избрании Рольстона, Майков говорил: «Рольстон высоко ценил проявления самобытности русского духа в произведениях нашей словесности: поэтому-то он с особенным увлечением отдавался изучению произведений русского народного творчества; правда, в этой области он не стремился быть строго научным исследователем, но, представляя переводы русских былин, песен и сказок, он знакомил с ними западных читателей, и в этом труде, требовавшем усердия и любви к делу, заключается его важнейшая заслуга в сфере международных литературных связей. Наша Академия не могла не оценить этой заслуги; избрание его в число наших членов-корреспондентов он считал для себя великою честью».⁶⁵

Так в нашей науке была сформулирована итоговая оценка деятельности Рольстона по ознакомлению Запада с русским народным творчеством.

⁶² См.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: 1811—1911. М., 1911. С. 240—241; Общество любителей российской словесности при Московском университете: Историческая записка и материалы за столет. 1811—1911. М., 1911. Приложения. С. 48.

⁶³ Записки императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 52. С. 47; Модзалевский Б. Л. Список членов императорской Академии наук: 1725—1907. СПб., 1908. С. 263.

⁶⁴ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 591, л. 8.

⁶⁵ Майков Л. Н. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1889 год // Записки императорской Академии наук. 1890. Т. 63, кн. 1. С. 64; Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 267. Февраль. Современная летопись. С. 90.

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. И. МАРЧЕНКО, Л. И. ПЕТРОВА

БАЛЛАДНЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКО-БЕЛООРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Художественная стилистика баллады отличается исключительной сложностью. Несмотря на то что она активно изучается филологами,¹ есть необходимость ввести в изучение этого жанра важный компонент, связанный с формой произнесения балладного текста, — музыкальное начало, которое может пролить свет на многие спорные вопросы, возникающие вокруг баллады и родственных ей форм устного народного творчества.

Разнообразие поэтических и музыкальных воплощений какого-либо балладного сюжета вызвано частными переменами условий его исторического бытования. Решающими факторами, влияющими на облик фольклорного произведения, оказывается среда, в которой это произведение распространяется, его целевое назначение. Их изменение влечет за собой обязательное переосмысление исходной формы, приведение ее в соответствие с новыми художественными стандартами.

В песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья балладные сюжеты рассредоточены по многим жанрам поющегося фольклора. Помимо баллад как таковых они встречаются в песнях календарного и свадебного обрядов, в лирических и хороводных песнях. Некоторые сюжеты, связанные с христианской легендарной тематикой, получили распространение в традиции внецерковного религиозного пения, в том числе во время поста или на похоронах.

Народная баллада распространена у русских, украинцев и белорусов во всем многообразии свойственных ей музыкальных форм. При сравнительном изучении культур трех братских народов место баллады явно среди ключевых жанров поющегося фольклора. Однако в русской музыкальной фольклористике она играет скромную роль. Чаще всего интерес к балладе возникает лишь тогда, когда требуется расширить или дополнить представления о стилистике былинного эпоса.

Именно так проблема решается в музыкальной антологии русского эпоса.² Ее части, посвященные балладе, состоят главным образом из севернорусских образцов.³ Некоторые сюжеты включены в раздел «Казачьи былины и былинные песни».⁴ Это полностью оправдано общим замыслом работы: распространенные на севере и юге России напевы старших баллад согласуются с музыкальной стилистикой русского героического эпоса, но они не могут быть единственными репрезентантами жанра в целом.

По-иному сложилась ситуация в украинской фольклористике. Украинская эпика располагает своим весьма значительным и не менее уникальным, чем русская былина, жанром — «думами». Однако это не снижает интереса к изучению музыкальных особенностей баллады. В вышедшей сравнительно недавно на русском языке монографии С. И. Грицы⁵ баллада рассматривается на широком фоне национальной эпики в тесной связи с другими жанрами, что позволяет автору с высокой точностью определить границы ее художественно-стилевого диапазона. В упомянутой монографии и в некоторых других работах С. И. Грицы проводится мысль, созвучная идее экологии культуры, предложенной Д. С. Лихачевым. По ее мнению, изучение фольклорного произведения в тесной связи с изучением условий его бытования в конкретной среде (этнической, национальной, социальной) находится в прямой зависимости от психологии народного творчества, от исторических детерминант художественного мышления.⁶

Работы С. И. Грицы важны и тем, что в них улавливается стремление освоить применяемый филологами, но пока еще новый для музыковедов эволюционный подход при анализе эпических образцов народного творчества.⁷

¹ Укажем на некоторые этапные работы: Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Вступит. ст. Н. П. Андреева. М., 1936; Народные баллады / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963; Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966; Смирнов Ю. И.: 1) Славянские эпические традиции. М., 1974; 2) Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.

² Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский и В. В. Коргузолов. М., 1981.

³ Там же. С. 425—433, 444—485.

⁴ Там же. С. 387—389, 407—408, 415—416.

⁵ Грица С. И. Украинская песенная эпика. М., 1990.

⁶ См., например: Грица С. И. Образ и среда в фольклоре // Фольклор: Песенное наследие. М., 1991. С. 18—22.

⁷ Подробнее см.: Смирнов Ю. И. Восстановление общеславянского эпического репертуара // IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов (доклады советской делегации). М., 1983. С. 241—256.

Из музикоискусственных трудов, непосредственно связанных с характеристикой песенного материала сопредельных районов России, Украины и Белоруссии, особого внимания заслуживает монография белорусского фольклориста В. И. Елатова «Песни восточнославянской общности».⁸ Это первая работа, в которой предпринимается попытка анализа фольклорных традиций трех народов в районах их постоянных контактов.

Монография выдержана в стиле музыкально-теоретического исследования с привлечением необходимых исторических данных и сведений о характере бытования и распространения песен. Однако подчеркнуто музикоискусственная направленность исследования несколько снижает его чисто фольклористические достоинства.

Баллада у В. И. Елатова представлена поздними формами, да и то — лишь постольку, поскольку она может прояснить особенности внутриканового подразделения местной необрядовой лирики.⁹

Такой подход представляется нам неудовлетворительным. Именно старшая баллада, распространенная в районах русско-белорусско-украинского пограничья (или, по крайней мере, бытавшая там до недавнего времени), должна была стать предметом первоочередного внимания собирателя и исследователя.

На то есть несколько очень серьезных причин. Во-первых, старшая баллада, как никакая другая поющаяся форма повествовательного фольклора, одинаково типична не только для русских, украинцев и белорусов, но и для всей «восточнославянской общности». Во-вторых, это наиболее древняя разновидность в украинской и белорусской песенной эпике, сохранившая свою жанровую определенность до настоящего времени (былина, например, эту определенность явно утратила). В-третьих, именно старшая баллада, обладающая до известной степени качествами литературного произведения, соотносится со сферой сказительского искусства.¹⁰

Последнее подчеркнем особенно, поскольку сказительское искусство чаще всего выполняет роль центрального объекта при сравнительно-типологических исследованиях фольклора разных народов.

Иными словами, совершенство поэтического содержания в совокупности с исключительной представительностью музыкальной формы выдвигают старшую балладу на особое место среди основных представителей песенного фольклора русско-белорусско-украинского пограничья. В отношении же проблем, поставленной в монографии В. И. Елатова, — тем более. Поэтому позиция автора, исключившего ее из своего поля зрения, вызывает вопрос и недоумение.

Из работ белорусских фольклористов высокой оценки заслуживают два выпуска «Песен белорусского Полесья» З. Я. Можейко.¹¹ В связи с интересующей нас проблемой особенно важен выпуск второй, где баллада представлена на фоне местной необрядовой лирики.

Вслед за З. В. Эвалдом автор указывает на два различных музыкальных стиля, которые отличают напевы песен с балладными сюжетами. Первый, стадиально более ранний, выражается в музыкальных формах напевной декламации. Типовые напевы приближаются по складу музыкальной речитации к былинным и наиболее типичны для старших баллад.

Второй, более поздний по времени возникновения, связан с преобладанием собственно музыкального начала, на что указывают такие качества, как индивидуализация напева (за каждым поэтическим текстом закрепляются один, либо несколько самостоятельных напевов), развитое многоголосие. Это характеризует мужскую социальную лирику, песни чумацкие, бурлацкие, исторические и др., среди которых — немало с балладными сюжетами.¹²

Особый интерес представляют опубликованные З. Я. Можейко контрастные музыкальные версии баллады «Муж-разбойник» (вып. 2, № 89, 90), варианты напева баллады «Сестра и братья-разбойники» (вып. 1, № 123; вып. 2, № 36), а напевы стихов «О Лазаре» (вып. 2, № 34), «О явлении Божьей Матери» (вып. 2, № 32), по-видимому, следуют признать уникальными.

Судя по материалам З. Я. Можейко, характер распространения балладных сюжетов в традиции Полесья почти такой же, как и в районах русско-белорусско-украинского пограничья. Сходны и формы музыкального воплощения этих сюжетов.

Настоящая работа ставит своей целью продолжение публикации баллад и песен с балладными сюжетами, записанных экспедициями Института русской литературы в районах русско-белорусско-украинского пограничья.¹³ Ее главная задача — представление основных музыкально-поэтических форм местной повествовательной традиции.

Соотношение музыкального и поэтического содержания в балладах и балладных песнях — один из наиболее сложных, а потому практически не решенных вопросов фольклористики. Уместно будет подчеркнуть, что баллада как жанр музыкального фольклора так и не получила необходимого теоретического освещения. Отчасти это вызвано тем, что основная масса песен с балладными сюжетами рассредоточена по филологическим собраниям, которые не содержат музыкальных материалов, либо содержат их в количестве явно недостаточном для исследования музыкальной стилистики традиции. Отчасти связано это с несколько предвзятыми взглядами музикоискусственников, априорно отказывающихся балладе в праве на типологическую самостоятельность.

Несмотря на кажущуюся пестроту материалов, представленных в настоящей публикации, особенно

⁸ Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. Минск, 1977. Из белорусских работ см. также: Мухаринская Л. С., Якименко Т. С. К изучению музыкальной типологии народных баллад // Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 111—121.

⁹ Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. С. 46—78, 224—237.

¹⁰ Подробнее см.: Эвалд З. В. Песни белорусского Полесья. М., 1979. С. 37.

¹¹ Можейко З. Я. 1) Песни белорусского Полесья: Вып. 1. М., 1983; 2) То же: Вып. 2. М., 1984.

¹² Можейко З. Я. Песни белорусского Полесья. Вып. 2. С. 5.

¹³ Начало см.: Марченко Ю. И., Петрова Л. И. 1) Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205—255; 2) То же // Там же. СПб., 1995. Т. 28. С. 290—348.

с точки зрения взаимосвязи музыкальной и поэтической формы, определенная логика в них все-таки улавливается. Так, сюжеты старших баллад могут объединяться общим напевом (ср. № 1, 17); один и тот же сюжет «притягивает» к себе типологически родственные напевы индивидуальной и групповой сказительской традиции (ср. № 1, 2). С другой стороны, напевы, закрепленные за одним или родственными сюжетами, соотносятся как контрастные музыкальные редакции (ср. № 2—4), нередко связанные с индивидуальной и хоровой формой исполнения (ср. 17, 18).

Типовые напевы баллад встречаются в сюжетных лирических песнях (ср. № 2—4 и 26). Часто их мелодические версии оказываются связующими звенями между двумя разновидностями музыкально-повествовательной культуры (ср. № 1, 17 и 25).

Для сказительской традиции сопредельных районов России, Украины и Белоруссии наиболее принципиальны сложные стиховые напевы, содержащие стих с повтором второго полустиха (№ 2—4, 26, 34), либо строфические композиции, основанные на простейшем музыкально-сintаксическом параллелизме (№ 1, 17, 25). Первые, как нам представляется, связаны с групповой сказительской традицией, последние чаще всего встречаются в традиции индивидуального пения.

Некоторые напевы обнаруживают ритмо-сintаксические параллели с нарративными напевами русского эпоса (№ 33),¹⁴ либо с типовыми напевами белорусского лиро-эпического репертуара (№ 30, 31).¹⁵

Важнейшее качество музыкальных форм, направленных на произнесенные слова, выражается в их ритмической композиции. Ритмические формы напевов классических баллад согласуются с системой русского музыкального эпоса. Эта система, основанная на разграничении напевов по четным, нечетным и смешанным метрам (т. е. по целым и полуторным единицам музыкального времени, приходящимся на каждую пару слоговых нот), убедительно представлена в музыкальной антологии Б. М. Доброльского и В. В. Коргузалова.¹⁶ Она же существенна и для типовых напевов баллад, включенных в настоящую публикацию (ср.: № 1, 2, 30; 7, 8, 12; 11, 15, 16).

Диапазон музыкальных форм, которые закрепляются за одним сюжетом, может быть очень широким — от типовых нарративных напевов (№ 7—9) до индивидуализированного лирического распева (№ 5). При этом возможны редакции, связанные с традицией ансамблевого исполнения баллады, сохраняющие структурную связь с напевно-декламационными формами (ср. № 6, 7).

Среди публикуемых материалов наиболее контрастны четыре музыкальные версии баллады «Волкнянка». С одной стороны, это напев,ственный классическим белорусским балладам (№ 20), с другой — напевная декламация импровизационного характера, но явно согласующаяся с канонами местного музыкально-повествовательного стиля (№ 21). Третий напев типичен для лирических песен позднего происхождения (№ 22), наконец, четвертый представляет собой полностью переосмысленный напев хороводной песни (№ 23). Баллада приурочена ко времени летних полевых работ и определяется исполнителями как «живая песня». Под воздействием нового целевого назначения мелодия напева получает новую условно-жанровую окраску, благодаря которой связь с первоначальным музыкальным источником на слух практически не воспринимается и обнаруживается лишь аналитическим путем.

Одна из существенных черт баллады в районах русско-белорусско-украинского пограничья — ее тесная связь с лирическим жанром. Это выражается и в том, что напевы баллад часто встречаются в лирических песнях, и в том, что сюжет баллады обладает способностью получать музыкальные воплощения в развитых формах лирического распева. Однако ранние музыкальные редакции баллад и лирических песен должны были серьезно различаться и связывались, по-видимому, с двумя контрастными традициями повествовательной культуры.

Баллада как произведение устного эпического творчества предполагала такое исполнение, при котором кто-то (один или группа лиц) сказывает (поет), а кто-то слушает. В этих условиях напев представлял собой музыкальную форму, направленную на произнесение слова.¹⁷ Для лирики существенным являлся факт совместного пения, где преобладало музыкальное начало, а литературные качества произведения отступали на второй план.

Эволюционные процессы в фольклоре восточного Полесья были направлены, вероятно, на сближение двух контрастных форм музыкально-повествовательной культуры, особенно в традиции женского одиночного пения. Исходя из изучения современной народно-песенной практики, укажем на широко распространенный обычай пения для себя — во время одиночных полевых работ и в часы досуга. Причем основной репертуар составляют баллады и лирические песни, нередко объединенные общими напевами. Это обстоятельство явилось одной из причин (и, думается, не последней) типологического сближения баллады с необрядовой лирикой и приводило к образованию художественных форм, отличающихся интегрирующими свойствами.

Все же некоторые общие признаки, по которым можно распознать балладные напевы или напевы, генетически с ними связанные, привести можно. Это цезурированные композиции, представляющие собой либо сложный мелостих (стих с повтором второго полустиха), либо мелострофу. В основе напевов — ритмо-сintаксическое тождество музыкальных фраз, а в мелодике преобладает принцип соответствия одного слова одному звуку (т. е. преобладают слоговые ноты).

Для лирических песен наиболее типично цепное строение. Его важнейшим структурным элементом является выделенный запев. Мелострофа объединяет контрастные музыкальные фразы (эффект контра-

¹⁴ Ср.: Былины: Русский музыкальный эпос. С. 522 — напев, записанный Н. А. Римским-Корсаковым с голоса Т. И. Филиппова.

¹⁵ См.: 1) Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты... // Русский фольклор. Т. 27. № 11. С. 239; 2) То же // Там же. Т. 28. № 5, 7. С. 320. Ср.: Можейко З. Я. Песни белорусского Полесья. Вып. 2. № 27—29. С. 41—44.

¹⁶ Былины: Русский музыкальный эпос. С. 27—28.

¹⁷ Подробнее см.: Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 131—132.

астности музыкальной формы значительно усилен по сравнению с напевами баллад), велика роль внутристового распева.

В песенной культуре пограничных районов России, Украины и Белоруссии среди баллад и лирических песен распространены напевы, в которых улавливаются смешанные типологические признаки, восходящие как к нарративным формам, так и к лирическому распеву. В первую очередь это отличает мелодии, связанные с традицией женского пения во время весенне-летних полевых работ. Однако среди них не встречаются музыкальные структуры, качественно отличные от напевной декламации и лирического распева (ср. № 10, 13, 14, 19, 24, 27, 28, 29, 32).

Уместно предположить, что параллельное бытование и своеобразное переплетение баллады с необрядовой лирикой вызвало к жизни процессы образования нового жанра местного песенного фольклора, которые, однако, не получили логического завершения.

Баллады с религиозной тематикой — важная и практически не изученная сфера местной повествовательной культуры. Она возникает при соединении поздних форм внецерковного религиозного пения (по определению исполнителей — «псалмья», что соответствует известной форме духовной лирики) с сюжетами христианских легенд. Многие из сюжетов распространяются письменным путем через так называемые «стиховники» с заметным влиянием виршевой поэзии («Алексей — человек Божий», «Вдова и Бог», «Расставание души с телом» и др.).

В настоящую публикацию включен наиболее колоритный образец, восходящий к апокрифическим песням-притчам. Но обе редакции (солнечная и ансамблевая — № 35, 36), опираются на традицию канта-псалмов, которая определяет музыкальную стилистику духовной лирики на территории Украины, Белоруссии и сопредельных с ними районов России. Важно, что в эту сферу в качестве «поминальных стихов» попадают и сюжеты классических баллад.¹⁸

Особая группа песен может быть охарактеризована как календарно-балладная. Такие песни возникают при взаимодействии напевов-формул календарного обряда с сюжетом классической баллады. По мелодике они входят в одну из главных сфер обрядового фольклора, по поэтике принадлежат к эпическому роду. Наиболее яркий образец — весенняя загукальная песня (по музыкальной стилистике) с сюжетом баллады (вероятно, исторической) «Девушка-воин» (№ 37).

В целом же для традиции восточного Полесья наиболее типичны календарно-хороводные песни с балладными сюжетами. Их анализ показывает, что основные качества поэтики, объединяющие тексты, связаны с мотивами отчуждения, убийства, оплакивания, похорон. Ф. А. Рубцов возводил эти мотивы к поминальным обычаям, во многом определяющим эмоциональное наполнение весенне-летней календарной обрядности.¹⁹

Материалы, записанные в районах восточного Полесья, согласуются с гипотезой Ф. А. Рубцова. Календарно-хороводные песни, в которых присутствуют упомянутые мотивы, наиболее типичны для двух условно погребальных обрядов (обряд «похорон стрелы» и обряд «проводов русалки» — см. № 38—43 и comment. к ним).²⁰ Эти обряды объединяются и общими текстами (например, песня «Стрела» — № 41 — 43). Один из сюжетов, характерный для песен сигнально-организующей функции в обряде «похорон стрелы», получает распространение в поминальных стихах Смоленшины.²¹ Тем самым устанавливается связь между современными музыкально-поэтическими формами реальной и условной похоронной обрядности.

В Мглинском районе Брянской области в 1991 г. экспедицией ИРЛИ были зафиксированы сведения об обычаях водить хороводы на Радунцу непосредственно на кладбище (д. Калиновский поселок Цинковского с/с), записаны некоторые из таких хороводов. Их напевы типологически соотносятся с напевами обряда «похорон стрелы».

Таким образом, возникает системная связь музыкально-поэтических форм условной и реальной похоронной (поминальной) обрядности с календарно-хороводной культурой. Это не только подтверждает мысль, высказанную Ф. А. Рубцовым, но позволяет ставить вопрос о происхождении календарно-хороводной традиции восточного Полесья и от обрядов поминования умерших в том числе (т. е. от обрядов, непосредственно восходящих к культуре предков).²²

Думается, целенаправленный поиск хороводных песен, содержащих мотивы отчуждения, убийства, оплакивания и похорон, с их последующей систематизацией, мог бы способствовать решению этой проблемы. Одновременно прояснились бы и некоторые вопросы, связанные с эволюцией баллады. Мы не исключаем того, что баллада как законченное сюжетное повествование подчеркнуто трагической направленности оказалась способной заменять первичные обрядовые тексты сходного эмоционального наполнения (а может быть — и содержания) в общем процессе эволюции обрядов поминования от изначальных магических до современных художественно обобщенных форм.

¹⁸ Из собрания Фонограммариива Пушкинского Дома: Песни смоленского Поднепровья. М 20 46433 009. Мелодия, 1985. № 13.

¹⁹ Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 119.

²⁰ О типологической связи обрядов см.: Гусев В. Е. Славянский обряд проводов весны // X Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов (доклады советской делегации). М., 1988. С. 196—208.

²¹ Ср.: Марченко Ю. И. Песенный репертуар обряда «похорон стрелы» // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. № 4, 19, 32, 35. С. 163, 168, 171, 172; Из собрания Фонограммариива Пушкинского Дома: Песни смоленского Поднепровья... № 13.

²² Мы далеки от той мысли, чтобы возводить местную хороводную культуру только к поминальным обрядам. Художественно обобщенные формы условной похоронной обрядности складывались под сильным воздействием этнографии, поэтики и музыки аграрного цикла. Наименее естественной выглядит связь понятий «хоровод» и «похороны», которую мы в силу необходимости должны подчеркнуть.

1. Вдова и сыновья-корабельщики (Войтовичи)

Маладая удава сем лет без мужа жыла,
 Сем лет без мужа жыла, двух купчыкаў любила.
 Двух купчыкаў любила, двух сыночкаў радила,
 Двух сыночкаў радила, Иваньюшу ѹ Василя.

5 Иваньюшу ѹ Василя ѹ китаячку спавила,
 й китаячку спавила, ѹ Дунай-рэчку занесла.
 — «А ты, тихеньки Дунай, калышы майх сыноў,
 Калышы майх сыноў да семнадцати гадоў».

На семнадцатый год па [й]шла ѹдоўка па ваду,

10 Па [й]шла ѹдоўка па ваду и к тихаму Дунаю.
 Стала ѹдоўка ваду братъ, к ёй карабель падплывать,
 Што ѹ у том жа ѹ карабцы два праўдалых молайцы.
 Адин сяди[ть] ѹ чардаке, держыть стёран¹ па раке,
 Други сядить у насу, чэша русу валаса.

15 — «Маладая удава, ти пайдёш ты за меня?» —
 «А сама ж я ни пайду, за вас дочку сваю аддам».
 У хатачцы змаўляли, (й)у цэркаўцы венчали,
 У цэркаўцы венчали, (й)у каморы спать клали.

Палажыушки яны спать, стали ѹ друг друга пытать:

20 «А ты, милая мая, ну якога ж ты рода?»
 — «А я роду Вайтоўна, па батюшку — Йванаўна.
 А ты, миленьки ты мой, ну якога роду сам?»
 — «А я роду Вайтович, па батюшку — Йванавич».

Сами собой вазнали — сястру з братам звенчали.

25 Бог дай, мати прапала — сястру з братам змаўляла,
 Бог дай, папы прапали — сястру з братам звенчали.
 Бог дай, сваты прапали — сястру з братам спать клали.
 — «Пойдам жа мы, братка, ѹ лес, скинимся ж мы травою.
 Ты, братачка, — синий цвет, я, сястрыца, — жоўтый цвет,

30 Я, сястрыца, — жоўтый цвет, пустим славу на ўвесь свет.
 Прайдуть дёўки ѹ лес гулять, будут травачку зрывать,
 Будут травачку зрывать, сястру з братам паминать:
 „Ета тая травица, што братачка ѹ сястрыца!
 А братачка — синий цвет, а сястрыца — жоўтый цвет.

35 А сястрыца — жоўтый цвет...” Пустим славу на ўвесь свет.
 Прайдуть дёўки ѹ лес гулять, будут травачку зрывать,
 Будут травачку зрывать, сястру з братам спаминить».

2. Вдова и сыновья-корабельщики

А што ж ета за вер(ы)ба, што бяз корыня расла,
 Ох(ы), што бяз корыня расла?
 А што ж ета за ўдава сем год бяз мужа жыла,
 Эй(и), сем год бяз мужа жыла?

5 Сем год бяз мужа жыла, двух сыночкаў радила,
 Эх(ы), двух сыночкаў радила.
 Двух сыночкаў радила, сама именя дала,
 Ох(ы), сама именя дала.
 Сама именя дала — Иваньюшу ѹ Василя,

10 Ох(ы), Иваньюшу, Василя.
 Иваньюшу ѹ Василя ѹ Дунай-рэчку й атнесла,
 Ох(ы), ѹ Дунай-рэчку й атнесла.
 й Дунай-рэчку й атнесла, й у карабель пасадила,

¹ Стёран — руль, киль (по объяснению исполнителя).

- Ой(и), й у карабель пасади[ла].
 15 У карабель атнесла, тры славечки сказала,
 Ой(и), тры славечки сказала.
 — «Ты, карабель, карабел(и), калышы маих дятей,
 Ой(и), калышы маих дятей.
 Калышы маих дятей да семнадцати лятей,
 20 Ох(ы), да семнадцати лятей».
 У васемнадцатам гаду пашла ўдоўка па ваду,
 Ох(ы), пашла ўдоўка па ваду.
 Стала ўдоўка ваду брат(и) — стаў карабель прыплывать,
 Ох(ы), стаў карабел(и) прыплывать.
 25 Стая карабель прыплыват(и), стая удовушку пытать,
 Ох(ы), стая у вдовушки пытать.
 — «Ох ты, ўдоўка, й удава, ти пойдеш ты за меня,
 Ох(ы), ти пойдеш ты за меня?
 Ти пойдеш ты за меня, за Иванюшу-Василя,
 30 Ох(ы), за Иванюшу-Василя?»
 — «За Иванюшу сама пайду, за Василья доч аддам,
 Ох(ы), за Василья доч аддам!»

3. Вдова и сыновья-корабельщики

- Як у нашам у сяле палучылась навина,
 Ой, да палучылась навина.
 Нарадила удава Иванюшу [й] Василя,
 Вот да Иванюшу й Василя.
 5 Иванюшу й Василя па базару насила,
 Ой, да па базару насила.
 У лавачку с(ы)тутила, китаячку купила,
 Вот да китаячку купила.
 Китаячку купила, на Дунай-рэчку [а]тнесла,
 10 Ой, да на Дунай-рэчку [а]тнесла.
 На Дунай-рэчку [а]тнесла, ў карабель палажыла,
 Ой, да ў карабель палажыла.
 — «Карабель мой, карабел(и), калышы маих дятей,
 Ой, да калышы маих дятей.
 15 Калышы маих(ы) дятей да [сем]надцати лятей,
 Ой, да да семнадцати лятей».
 А в семнадцатам(ы) гаду паш(ы)ла Катя па ваду,
 Ой, да пашла Катя па ваду.
 Адин(ы) сядит(и) у насу, чэшыт(и) русаю касу,
 20 Ой, да чэшыт(и) русаю касу.
 Д(ы)ругий сядит(и) у пяте, машыт(и) вяслом па ваде,
 О[й], да п(ы)равит(и) вяслом па ваде.

4. Казак и шинкарка

- Выезжала пахвала с(ы) города са М(ы)глина,
 Ой, с(ы) города с(ы) М(ы)глина.
 Станавилась пахвала ли пачтовага д(ы)вара,
 Ой, ли пачтовага двара.
 5 Ли пачтовага д(ы)вара шын(ы)карачка й(и) малада,
 Ой, шынкарачка малада.
 — «Шын(ы)карачка малада, павер(и) мёду и вина,
 Ой, паверь мёду и вина».
 — «Верю, верю, ты мой пан(ы), за твой зеленай жупан,

10 Ой, за твой зеленай(и) жупан.
 За твой зеленай жупан(ы) за тябе дочырь аддам,
 Ой, за тябе дочырь аддам».
 Мы ехали пад(ы) вянец(ы), ня моўвили ни славец,
 Ой, ня моўвили ни славец.
 15 Прыйехали с-пад венца, прамоўвили два слайца,
 Ой, прамоўвили два слайца.
 «Ой ты, милен(и)кай ты мой(и), с адкул(и) родам жа ты сам,
 Ой, с адкул(и) родам(ы) жа ты сам?»
 — «Из Киява, папович, па батюшку — Пятрович,
 20 Ой, па батюшку — Пятрович.
 Ой ты, милая мая, с адкул(и) родам(ы) ты сама,
 Ой, с адкул(и) родам(ы) ты сама?»
 — «А с Киява, папоўна, па батюшку — Пятроўна,
 Ой, па батюшку — Пятроўна».
 25 — «Ой, ти Бог жа нас стярёг(ы), што брат с сястрой спати ня лёг,
 Ой, што брат с сястрой спати ня лёг.
 Иди, сястра, гарою, а я, братец, другою,
 Ой, да я, братец, другою.
 А ты, сястра, жоўтый цвет, а я, братец, синен(и)кай,
 30 Ой, да я, братец, синен(и)кай,
 А ты, сястра, каряшком, а я, братец(ы), вер(и)хушком,
 Ой, да я, братец, вер(и)хушком.
 А хто будя траву рвать, брата с сястрой паминать,
 Ой, брата с сястрой паминать».¹

5. Сын прогоняет мать из дома

Гоман, гоман да й на вулицы,
 А пайдём, братцы, паслушаем(ы).
 Пайдём, братцы, мы паслушаем:
 Ай, сынок мати из двара в(ы)ганяя.
 5 — «А иди, иди, мая мамачка,
 А ка мне приехали гости любыя.
 Прыйехали гости любыя,
 Ай, мае жаны братцы родныя».
 Па[й]шла, па[й]шла мая мамачка,
 10 Да й па[й]шла з двара, заплакаўши.
 Па[й]шла мати да заплакаўши,
 Да шумить, шумить лес-дуб(ы)ровачка.
 Шумить, шумить лес-дубровачка,
 А стогня, стог(ы)ня дарожачка.
 15 Шумить, шумить да дарожачка,
 Да едя за мамачкай пагонячка.
 — «Вярнись, вярнись, мая мамачка,
 А ў мяне ў дварэ тры нищаствайки.
 Ў мяне ў дварэ тры нищаствайки:
 20 А первая нищаствія — жана в(ы)мярла.
 Первая нищаствія — жана в(ы)мярла,
 А другоая нищаствія — ў мяне коник прапаў...»²

¹ Последнюю строфи исполнители вспомнили при повторе окончания баллады. После нее были исполнены две предшествующие, но в обратном порядке.

² При пересказе исполнительница вспомнила последнюю строфи:

Другоая горя — конь ў стане стаіть,
 Трэцяя горя — сын на лаўцы ляжыть.

6. Сын прогоняет мать из дома

Шум(ы)на, шумна да на вулицы,
 Як сын(ы) матку й(и) да далоў гонить.
 Как сын(ы) матку да далов(ы) гонит(и):
 «Далов(ы), далоў, мая мамачка.

5 Далов(ы), далов(ы), мая мамачка,
 А ўжо ж(ы) ты м(ы)не й(и) надакучыла.
 А ўжо ж(ы) ты м(ы)не й(и) надакучыла,
 Дятей маих да й памучыла.
 Дятей(и) маих(ы) всех памучыла!»

10 Пайшла матка й(и) да заплакаўши.
 Па[й]шла ж(ы) матка да й заплакаўши,
 Шумит(и)-гудить да дубровушка.
 Шумит(и)-гудит(и) да дубровушка,
 Ой, сын(ы) матку й(и) да даганяеть.

15 Ой, сын(ы) матку да даганяеть:
 «Вярнися, вяр(ы)нись, мая мамачка.
 Вярнися, вярнися, мая мамачка,
 Ў маём(ы) дварэ да несчастей(и)ка.
 Ў маём(ы) дварэ да несчастейка:

20 Вароный(и) конь да й на стайне ўпаў.
 Вароный(и) конь да на стайне ўпаў,
 Жана мая да й сбясилася.
 Жана мо... мая й да сбясилася,
 Дети мае да й у блуд па[й]шли».

7. Сын прогоняет мать из дома

Ой, сын матку далов(ы) гонить:
 «Далов(ы), далов(ы), мая мамачка.
 Далоў, далоў, мая мамачка,
 (й)А ўжо ж ты мне надаскучыла.

5 (й)А ўжо ж ты мне надаскучыла,
 Дятей(и) маих(ы) да памучыла.
 Дятей(и) маих да памучыла,
 Жена мая да с ума сы[й]шла.
 Жена мая да с ума сы[й]шла,

10 Детки мае ўси ў блуд(ы) па[й]шли.
 Детки мае ўси ў блуд(ы) па[й]шли!»
 Па[й]шла матка, зап(ы)лакаўши.
 Па[й]шла матка, зап(ы)лакаўши,
 Галовачку ды павесиўши.

15 Стагнить, стогнит(и) дарожач(ы)ка,
 Шумить, шумить да дубровачка.
 Ай, сын матку даганяить
 И ў ножачки ёй упадаить.
 (й)А ў ножачки ёй упадаить:

20 «Вярнися, вярнися, мая мамачка!
 Вярнись, вярнися, мая мамачка,
 Ў маём(ы) дваре да нисчастейка.
 Ў маём дваре да нисчастейка —
 Сын большой [мой] да на лаўки лёг.

25 Сын(ы) большой мой да на лаўки лёг,
 Конь вараный(и) да на стай(и)ни ўпаў».

8. Сын прогоняет мать из дома

А гоман(ы), гоман на вулицы...
 А гоман(ы), гоман на вулицы,
 Там сын(ы) матку з двара гонить:
 «А иди з двара, мая мамычка,
 5 А иди з двара, мая родныя,
 А ужо ж ты м(ы)не надаела.
 А жану маю из(ы)нурила...
 А жану маю из(ы)нурила,
 Маих детачык пазамучыла!»
 10 Па[й]шла з двара мая мамачка,
 А па[й]шла з двара мая родныя,
 Пра[й]шла поля и д(ы)ругоя.
 А стогнить, стог(ы) нить дарожычка...
 А стогнит(и), стогнить дарожычка,
 15 А шумит(и), шумить дубровычка.
 А сын матку даганяить...
 А сын(ы) матку даганяить:
 «А вярнись, вярнись, мая мамачка!
 А ўжэ ў мяне беда ў дваре...
 20 А ўжэ ж ў мяне беда ў дваре —
 Кон(и) вароный(и) на стайни упаў!»

9. Сын прогоняет мать из дома

Ой, яки тяпер свет настаў,
 Што сын(ы) мамачку из(ы) двара прагнаў.
 Из двара прагнаў...
 Идеть мамачка ўсё ж(ы) рыдаючи.
 5 Идеть мамачка ўсё ж(ы) рыдаючи,
 Свайго сыначуку прак(ы)линаючи.
 Свайго сыначуку прак(ы)линаючи:
 «Штоб(ы) табе, сынок, Бог доли ня даў.
 Штоб(ы) табе, сынок, Бог доли ня даў,
 10 Як ты мамачку из(ы) двара прагнаў!
 Як ты мамачку из(ы) двара прагнаў...»
 Шумит(и)-грымит(и) лес(ы)-дубровачка.
 Шумит(и)-грымить лес(ы)-дубровачка,
 Ай, за мамачкай(и) ўслед(ы) пагоначка.
 15 Ай, за мамачкай ўслед(ы) пагоначка:
 «Вярнис(и), вярнис(и), мая мамачка!
 Вярнис(и), вярнись, мая мамачка,
 У нашам(ы) дварэ нящасця стала.
 У нашам дварэ нящасця стала —
 20 Кон(и) вароны ў нас на стаян(ы)ку ўпаў.
 Кон(и) вароны ў нас на стаян(ы)ку ўпаў,
 Жана молада дитя прыспала».

10. Мать прогоняет сына из дома

А ў нядельку рана па ранен(и)ку,
 Ой(и), (й)а што й мать сын(ы)ку, сынку, а [я]на праклинала.
 Ой, што й(и) мать сын(ы)ку, сына праклинала,
 Ой(и), што й пракляўши яго, далоў з двара гнала.
 5 Што й прак(ы)ляўши яго, далоў з двара гнала:

«Ох(ы), што й иди, сын(ы)ку, иди далоў з двара.
 Што иди ж(ы), сын(ы)ку, иди далоў з двара,
 Ох(ы), невазлюбленая твая жена ў доме.
 Невазлюбленая твая жена ў доме,
 10 Ох(ы), непаслушныя твае дробны дет(ы)ки.
 Непаслушныя твае дробны детки!»
 — «Ох(ы), (й)ох ты, мая мать, сам я добря знаю!
 Ох, ты ж(ы) мать, мая мать, сам я добря знаю,
 Ох(ы), варанога каня сам я себе маю...»¹

11. Волки разрывают падчерицу

Як(ы) была у Ганнуси ни мать — мачыха,
 Пасылала Ганнусю и туды-сюды.
 И туды-сюды, с(ы) паўноч вады,
 Як па[й]шла Ганнуся ни зираючи.
 5 Ни зираючи, ни г(ы)ледаючи,
 Думала Ганнуся, што лясы шумяць.
 Аж(ы) за Ганнусей три ваўки бегатъ,
 А ўзяли Ганнусю да й пад пашачки.
 Павяли Ганнусю у балотиша,
 10 И ў балотища, на калодища.
 Як стали ж(ы) Ганнусю да й дялитиси,
 Каму ручачка, каму ножачка.
 Стараму ваўку — ўся галовачка.
 — «Ай, сядь-ка ж ты, воран(ы) на мае груди.
 15 Ай, напийсь-ка, воран(ы), да й мае криви,
 Ай(и), ляти-ка, воран, к майму батюшку.
 Ай, сядь-ка ж ты, воран(ы), пад(ы) вышня вакно,
 Паслухай-ка, воран, ти плачут(и) па мне».

¹ Приводим более полный вариант, записанный от тех же исполнителей (ЭР Бр. — 1989, 20-01):

А в нядел(и)ку рана па ранен(и)ку,
 Ох(ы), (й)а што й мать сын(ы)ку, сынку праклинала.
 Ой, што й мать сын(ы)ку ой [я]на праклинала,
 Ох(ы), што й пракляўши яго, далоў з двара гнала:
 5 Пракляўши яго, далоў з двара гнала:
 «Ох(ы), што й иди, сын(ы)ку, иди далоў з двара.
 Иди ж(а), сын(ы)ку, иди далоў з двара,
 Ох(ы), невазлюбленая твая жана ў доме.
 Неваз(ы)люб(ы)леная твая жана ў доме,
 10 Ох(ы), непаслушныя твае дробны дет(а)ки.
 Непаслушныя твае дробны дет(а)ки!»
 — «Ох(ы), (й)а што й мать мая, мать, сам я добря знаю!
 Ох, ты ж(ы) мать мая, мать, сам я добря знаю,
 Ох(ы), варанога каня сам я себе маю.
 15 Варанога каня сам я себе маю,
 Ох(а), што й с(ы) вечара й аўса засыпаю.
 Што й с(ы) вечара аўса засыпаю,
 Ой(и), што й с(ы) поўначы коника сед(ы)лаю.
 Што й с(ы) поўначы коника сед(ы)лаю,
 20 Ой(и), што к белу свету з двара съезжаю.
 Што й к белу свету з двара съезжаю!»
 Ох(а), еду я поля, еду я другоя.
 Што я поля еду я другоя,
 Ох(а), што й на трэцяя стал я й узьеzzжati.
 25 Што й на трэцяя стал я й узьеzzжati,
 Ох(ы), панаехали тучы грамавыя.
 Панаехали тучы грамавыя,
 Ох(ы), палились дажжы, дажжы пралиўныя.
 Палились дажжы, дажжы пралиўныя,
 30 Ой, патякли рэки, рэки крававыя.

Батька лаптиki пляте, сил(e)нен(i)ка плача,
 20 Мачыка блины пячэ, усмехаетца,
 Што як дурнищу стараму ўздыхаетца.¹

12. *Муж губит жену по научению матери*

Марусенька ж(ы) по бережку ходя,
 Ой, за ёю ветер хвилю го [ня].
 Ой, за ёю ж(ы) ветер(ы) хвилю гоня,
 Марусенька на хвилю ступи[ла].
 5 Марусенька ж(ы) на хвилю ступила,
 Няволяю мать сына жани[ла].
 Няволяю ж(ы) мать сына жанила,
 Пры людячках нявестку суди[ла].
 Пры людячках(ы) нявестку судила:
 10 «Санливая, дрямлива няве[стка].
 Санливая ж(ы), дрямлива нявестка,
 Ящэ к таму ня хоча раби[ти].
 Ой, щэ к(ы) таму ж(ы) ня хоча й работи,
 Только майго сыночка журы[ти].
 15 Тольки ж(ы) майго ж(ы) сыноч(ы)ка журыти...»
 — «Ой, мать, мати, парадница ў ха[ти]!
 Ой, мат(и), мати ж(ы), парад(ы)ница ў хати,
 Парадь, мати, як жынку скара[ти]!
 Парад(и), мати ж(ы), як жын(ы)ку скарати...»
 20 — «Ой, иди, сынку, у новаю кле[тку].
 Ой, иди ж(ы), сынку ж(ы), (й)у новаю клетку,
 Вазьми, сынку, ряменнаю плётку.
 Вазьми ж(ы), сынку ж(ы), ряменнаю плётку,
 Ящэ к таму — пяньковыя вожки.
 25 Ай, щэ к таму ж(ы) — пяньковыя вожки,
 Звязы шэльме и'ручки и ножки.
 Звязы ж(ы) шэльме ж(ы) ручач(ы)ки и ножки,
 Ой, бий, сынку, з вечара да све[ту].
 Ой, би ж(ы), сынку, з(е) вечара да свету...»
 30 С(ы) вечара камора рыпел[а].
 С(ы) вечара ж(ы) камора рыпела,
 С(ы) поўначы нагайка звине[ла].
 С(ы) пов(ы)начы ж(ы) нагай(и)ка звинела,
 К белу свету ў жаны души не[ту].
 35 К беламу свету [ў] жаны души нету,
 Ляжыт(и) жынка як синя жавин[ка].²
 Ляжыт(и) жынка ж(ы) як синя жавинка,
 Стайть мужык як бела папе[ра].
 Стайт(и) мужык(ы) як бела папера:
 40 «Ой, мать, мати, парадница ў ха[ти]!
 Ой, мать, мати ж(ы), парад(ы)ница ў хати,
 Парадь, мати, як жынку схава[ти]!
 Парад(и), мати ж(ы), як жын(ы)ку схавати...»
 — «Ой, иди, сынку, (й)у нову стоя[нку].
 45 Ой, иди ж(ы), сынку ж(ы), (й)у нову стоянку,
 Сядлай, сынку, сиваю кабы[лку].
 Сядлай, сынку ж(ы), сиваю кабылку,
 Ой, есь, сынку, на маю ўкраи[нку].

¹ Последний стих добавлен при пересказе.

² Жавинка (жавина) — по объяснению исполнителей — ежевика.

Ой, ед(и), сынку ж(ы), на маю ўкраинку,
 50 Прывязи сабе маладую жын[ку].
 Прывязи ж(ы) сабе ж(ы) маладую жынку...»
 — «Годя, мати, мяне празнуща[ти]!
 Годя ж(ы), мати ж(ы), мяне п(ы)разнущати,
 Табе, мати, тюрьмы не мина[ти].
 55 Табе ж(ы), мати ж(ы), тюрьмы не минати,
 А мне, сынку, на венчану ссы[лку]!»

13. Муж просит смерти жены

Як выйду я й за вароты,
 Зирну-г(ы)ляну ў белый свет.
 Ў белый свет...
 Зирну-г(ы)ляну ў белый свет(ы) жа,
 5 Ай, за м(ы)ною смерти нет.
 Смерти нет...
 — «Вох ты, с(и)мерть мая страшная,
 Ни бяры ж(ы) мене, малайца.
 Малайца й(и)...
 10 Ни бяры ж(ы) мене, маладога,
 Да й вазьми маю жану.
 Ой, жану...
 Да й вазьми маю жоначку,
 Аслабани ж маю й галаву.
 15 Галаву...»
 Ни ўспеў словечка сказатьи,
 Стала жоначка й канать.
 Ой, канать...
 Паклаў жоначку пад акенца.
 20 Накрыў беленьким палатном.
 Палатном...
 Накрыў белечким палатенцам,
 Сам да девачак пайшоў.
 Вот пайшоў...
 25 Сам да девачак пайшоў жа,
 Ў карагоди их найшоў.
 Их найшоў...
 — «Ох вы, девачки-сястрыцы,
 Ў мене ў доме есть беда.
 30 Ой, беда й...
 Ў мене ў доме есть беда же,
 Памёрла й мая й жана.
 Ой, жана...»
 [Видна] все девачки скачуть-пляшуть,
 35 Й адна девачка смутна.
 Вот смутна...
 Й адна девачка смутна же,
 Наверна ее сестра.

14. Казак убивает жену по совету любовницы

Высока соўняйка усходя,
 Ой, низен(и)ка захо[дя].
 Низенъка заходя...
 Ай, малодый жанатый казача

- 5 Да да девачки хо[дя].
 Да девачки ходя...
 — «Ни хади-ка, малады казача,
 Ай, ужо ж ты жана[тый].
 Ужо ж ты жанатый...»
- 10 Каг(ы)да хочыш да мене хадити,
 Ой, убий сваю жын[ку].
 Убий сваю жынку...»
 — «Паўчы, паўчы, красна дявица,
 Ой, як жынку ўбива[ти].
- 15 Як жынку ўбивати...»
 — «А ўди [у] двору й абними галову,
 А [я]на станя пыта[ти].
 [Я]на станя пытати...»
 Толька жынка ў яго васпытала —
- 20 А ён яе ў ву[ха].
 А ён яе ў вуха...
 Як ударыў (й) ў правая вуха —
 А яна й падала[ся].
 А [я]на падалася...
- 25 А ў яе ж-то, ў яе, ў сярдечныя,
 Ох, и кроў палила[ся].
 И кроў палилася...
 Як пайшоў жа маладый казача
 На Дунай(и) ручак мы[ти].
- 30 На Дунай ручак мыти...
 Памыўши ён свае белы руки,
 Ой, зайшоў да сасе[дяў].
 Зайшоў да саседяў...
 — «Суседушки, вы добрыя люди,
- 35 Ой, накажытia тё[щы].
 Накажытia тёщи...
 Накажытia маёй роднай тёщи,
 Ой, никакай ў гости бу[дя].
 Никахай ў гости будя...»
- 40 Ой, [я]на сваю дачку Ганнутачку
 Ой, харанити бу[дя].
 Харанити будя...»
 Як падышла яе родна мати
 Ой, тиха пад акен[ца].
- 45 Тиха пад акенца...
 Ляжыть дачка, дачка Ганнутачка
 Проти жаркага со[л]нца[ца].
 Проти жаркага со[л]нца...
 — «Ох, дачка ты мая, дачка Ганнутачка,
- 50 Ох, и што ж ты зрабы[ла]!
 Ох, што ж ты зрабыла...
 [А] ты сваих, сваих дробных детак
 Ой, навек ссирати[ла]!
 Навек сиратила...»
- 55 [А] ты свайго, свайго чалавека
 Да навек засили[ла]!»¹

¹ Засилила — по объяснению исполнителя — силы павесила, насилие такое.

15. Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле

Як паехаў мой(и) милы ў дарогу,
 Кинуў, бросіў жану нездарову.
 Нездарову...
 Прыежжая милен(и)кий з дароги,
 5 Пытаетца ў милыя здароўя.
 Здароўя...
 — «Ох, ти жыва, мила, ти здарова?»
 — «Ну якож ж то маё здароўя!
 Здароўя...»
 10 — «Ти я тебе бол(и)на ў щоку ўдарыў,
 Ти я тваё здароўяйка ўмалиў?
 Ўмалиў...»
 — «Памру, милы, жыва ж(ы) я ни буду,
 Пастрой мине с кляниначки трону.
 15 Трону...»
 — «Негде, мила, клён-дераўца ўзяти!
 Будеш, мила, ў сасновым лежати.
 Лежати...»
 — «Схарани м[е]ня ў вишнёвым садочку,
 20 Абсади м[е]ня чырвонай калинай.
 Тудой будуть пташачки летати,
 Чырвонау калинку клевати.
 Клевати...
 Чырвонау калин(ы)ку клевати,
 25 А мне будя весяла лежати.
 Лежати...»
 Мне ж(ы) бачыцца, што соўняйка ўсходя,
 А мой милый па садочку ходя.
 Ходя...
 30 А мой милый па садочку ходя,
 Дитятачку на ручачках нося.
 Нося...
 Дитятачку на ручачках нося,
 А другога за ручачку водя.
 35 Водя...
 А другога за ручачку водя,
 Ён жа свою миленькаю прося.
 Прося...
 — «Устань, устань, мая милен(и)кая,
 40 Вазьми сваё дитя маленькая.
 Маленькая...»
 — «Тепер мине й адсюль не ўставати,
 Дитятачку на ручки ни брати.
 Ни брати...
 45 Дитятачку на ручки ни брати,
 Табе з ими гора гаравати.
 Гаравати...
 Вазьми сабе жану маладую,
 Майм деткам мачыху лихую».

16. Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле

— «Памру, милы, жыва я ня буду!»
 — «Умирай, шэльма, я плакать ня буду!»
 — «Сделай, милы, з клён-дерэўца трунку,

Палож мяне ў зялёнам садочку.
 5 Палож, милы, ў зялёнам садочку,
 Пасодь, милы, ў голаву калину.
 Пасодь, милы, ў голаву калину,
 Ка мне будуть пташки прылетати.
 Ка мне будуть пташки прылетати,
 10 А мне будеть весела лежати».
 Я ж думала, што соняйка ўсходя,
 Ажна милый па садочку ходя.
 Ажна милый па садочку ходя,
 Дитятачку за ручачку водя.
 15 Дитятачку за ручачку водя,
 А другога на ручачках нося.
 А другога на ручачках нося,
 Сваю милаю й у з магилачки прося.
 — «А устань, мати, пагадуй дитяти!»
 20 — «Кали жалка — найми яму мамку.
 Кали жалка — найми яму мамку,
 А ни жалка — кидай ка мне ў ямку!»

17. Муж-разбойник

Ни быть мине за маёрам(ы), за палкоўничкам,
 А быть жа мине за ворам, за разбойничкам.
 И з вечара разбойнички у разбой збирались,
 А с поўначы разбойнички у разбой па[й] јшли.
 5 И с поўначы разбойнички у разбой па[й] јшли,
 К белому свету разбойнички из разбоя идутъ.
 Из разбоя идутъ, семяра коней вядутъ,
 И стучать, и грючать в щытовыя¹ варата.
 — «Вставай, жана малада, ни ўзрывай жывата,²
 10 Ни ўзрывай жывата, бяры платья с каня.
 Ты ж няси ета платья на ручай на раку³
 Ни раз(ы)глядяющы, ни разгартяющы».
 Маё сердца ни ўтварпела — развярнула, пагляде[ла],
 Развярнула, паглядела, я й заплакала.
 15 — «А ты вор, ты сабака, зарэаў ты майго бра[та]!
 Ета ж тая рубашачка, што я вышивала.
 Ета тая рабашачка, што я вышивала,
 Свайму раднаму браточку я падаравала».
 — «Маўчи, жана, ни кажы, а то скипиш на нажы!»
 20 — «Хоть скиплю, ни скиплю — я ўсю праўдачку скажу!»
 — «Ү тёмнай начаки папаў, „добрый вечер” ни сказаў,
 Хоть и батюшкa радной — с плеч галовачка далой!»

18. Муж-разбойник

Деўка шыла-вышивала, сама себе разважала:
 «Што не быти мне за панам, за палкоўничкам.
 Только быти м(ы)не за ворам(ы), за разбойничкам(ы),
 За разбоям(ы) добра жыт(и), мёд-гарэлачку пить».
 5 За разбоям(ы) добра жыть, мёд-гарэлачку пить,

¹ При пересказе — «в тесовыя».

² «Ни валнүйся» — коммент. исп. Букв. — «Не ори с испуга».

³ При пересказе — «на Дунай на раку».

И з вечара разбойнички мёд-гарэлачку пьуть.
 И з вечара разбойнички мёд-гарэлачку пьуть,
 И с паўночы разбойнички у разбойства идутъ.
 И с паўночы разбойнички у разбойства идутъ,
 10 И к беламу и к дянёчку па пары коняй вядутъ.
 И к беламу и к(ы) дянёчку па пары коняй(и) вядутъ,
 А мой жа-та рассукин(ы) сын(ы), ён девятера вядеть.
 А мой жа-та рассукин(ы) сын, ён девятера вядеть,
 На десятым(ы) сам(ы) сядить, набок шапачку дяржыть.
 15 На десятым(ы) сам(ы) сядить, набок шапачку дяржыть,
 Падъезжая к(ы) двару, клича милаю сваю:
 Падъезжая к(ы) двару, клича милаю сваю:
 «Ох(ы) ты, милая мая, выхади-ка ты сюда!
 Ох ты, милая мая, выхади-ка ты сюда,
 20 Ты бяры вароных коней за шалковы павада.
 Ты вяди вароных коней и у тём(ы)ныя паг(ы)ряба,
 Ты няси ету рубаху на Дунай-рэчку памой.
 Ты няси ету рубаху на Дунай-рэчку памой,
 Ты няси ету рубаху не развёр(ы)таючи.
 25 Ты няси ету рубаху ни развёр(ы)таючи!»
 Маё сер[д]ца ни ўстярпела, развязнула, паг(ы)лядела.
 Развязнула, паг(ы)лядела — и ўгадала братскаю кроў:
 «А мой жа ты рассукин сын(ы), зачем брата загубил?
 А мой жа ты рассукин(ы) сын, зачем брата загубил?»
 30 — «Вот(ы) за то я загубил(ы), што з дароги ни зваратиў.
 Вот за то я загубил, што з дароги ни зваратиў,
 А я крыкам крычал(ы), а я свистам свистаў.
 А я крыкам крычай, а я свистам свистал(ы):
 „Зварати, шуръяк, з дароги!” — Ён жа не..., ни зваратиў!»

19. Невестка превращается в тополь

Жанила мати сынку да й не па няволи,
 Ай, ўзила нявестку да й не па любо[ви].
 Узила нявестку да й не па любови,
 Ай, выправила сынку ў вялику даро[гу].
 5 Выправила сынку ў вялику дарогу,
 А маладу нявестку й братъ белага лё[ну].
 Маладу й нявестку братъ белага лёну;
 «Ай, ня выберыш лёну, то й не йди да до[му].
 Не выбериш лёну, то й не йди да дому!»
 10 А [я]на брала, брала, да заначава[ла].
 Ай, [я]на брала, брала, да й заначавала,
 Ай, к заўтрыму вутру таполяю ста[ла].
 А к заўтрыму й вутру таполечкай стала,
 А прыежжая сынку з вяликих дарог.
 15 А прыежжая сынку з вяликий дароги,
 А пытаецца ў мати: «А где мая жо[нка]?»
 Пытаецца ў мати: «А где мая жонка?»
 — «А жана маладая з дёўкамы гуля[я].
 Жана маладая з дёўкамы гуляя,
 20 Ай, сынку мой, сынку, па дарогах ез[диш].
 Ай, сынку мой, сынку, па дарогах ездиш,
 Па дарогах ездиш,ничога ни зна[еш].
 Па дарогах ездиш,ничога ни знаеш,
 Што й на нашам полі вырасла таполя[ля].
 25 Што й на нашам полі вырасла таполя,

А бяры-ка, сыночык, вострый тапаро[чык].
 Вазьми-ка, сыночык, вострый тапарочык,
 А зруби-ка й таполю щэ й пад карянё[чык].
 Зруби-ка й таполю щэ й пад карянёчык!»
 30 А первый раз секануў — щэпачка й упа[ла].
 Первый раз секануў — трэсачка й упала,
 А трэтий¹ раз секануў — жана й атазва[лась]:
 «А штоб тваёй мати тяжола ўмирати,²
 А як мне, маладою, таполяй стая[ти].
 35 А як мне, маладою, таполяй стая[ти]...»

20. Волк-нянька

Ў мяне, ў маладе, лиха свякова,
 Пасылает младу ў поля жать адну.
 А я жну, я жну день да вечыра,
 Прыиду ў дворачку я — за даёначку.
 5 А восем кароў падаила я,
 Пад девятаю толька падыйшла.
 Як уздумала пра дитятачку,
 Як уз(ы)думаю пра маленъкага.
 Прайшла я поля, прайшла другоя,
 10 А на трэтия толька ўсхадила.
 Як уздумала пра дитятачку,
 Як уздумала пра маленъкага.
 А ў майго ж дитя чатыры няньки,
 Чатыры няньки, серыя валки.
 15 Адин гаворить: «Дай, пакалышу!»
 Другий гаворить: «ДайтЯ, паняньчу!»
 А трэтий кажыть: «ДайтЯ, я ўнясу!»
 Чатывёртый кажыть: «ДайтЯ, падялю!
 Каму ручачка, каму ножачка,
 20 Роднай мамачки — хоть галовачка!
 Роднай мамачки на ўспаминания,
 Лихий свякови на ўздыхания!»

21. Волк-нянька

Ой, крапивачка й(и), ты стрыкучая,
 Ой, свяковачка, змей лютая.
 Ой, свяковачка, змей лютая й(и),
 Пасылала й(и) маладу ў поля жать адну.
 5 Пасылала й(и) маладу ў поля жать адну,
 Ой, [я]на жала ж(ы) день, день да вечара.
 А [я]на жала й(и) ден(и), ден(и) да вечара,
 Ой, у вечары снапы зносила.
 Снапы зносила, ой(и), прытамилася,
 10 Пры[й]шла [ў] дворачку, ой(и), пахвалилася.
 Пры[й]шла [ў] дворачку, ой, пахвалилася,
 Што я в(ы) поле дитя, ой(и), пазабылася.
 Што я в(ы) поле дитя, ой(и), пазабылася...
 — «Ой, иди ж ты, сука й(и), забяры ж(ы) ты дитя.

¹ Здесь, по-видимому, должно быть: «други раз секануў» — и т. д.

² Двоє исполнителей здесь пели: «тяжола ўздыхати».

15 Ой, иди ж ты, сука й(и), забяры ж ты дитя!»
 Ишла полямы и дарогамы.
 Ишла полямы и дарогамы,
 Ой, на трэтья поля й(и) толька ўсхажаю.
 Ой, на трэтья поля й(и) толька ўсхажаю —
 20 Ой(и), висить люлячка й(и) сидять нянячки.
 Висить люлячка й(и) сидять нянячки,
 Ой, адін(ы) кажыть: «Я й(и) дитя й(и) калыхаў!»
 Адін кажыть: «Я дитя й(и) калыхаў!»
 А другой кажыть: «Я й дитя й(и) забав(ы)ляў!»
 25 А другой кажыть: «Я й дитя й(и) забав(ы)ляў!»
 А трэтий кажыть: «Я дитя й(и) разар(ы)ваў!»
 — «Разар(ы)вали дитя, ой(и), разарвіта мяне,
 Да па чистаму полю разнясіта мяне!»

22. Волк-нянька

Пасылала мене мать ай, у поля жыта жать,
 Ой, я жала, жала, снапы зносила.
 Ой, я жала, жала, снапы зносила,
 Сама [ў] дворку па [й] шла, дитя бросила.
 5 Сама [ў] дворку па [й] шла, дитя бросила,
 Павячэрала, да и спат(и) лег(ы)ла.
 Павячэрала, да я спать лег(ы)ла,
 А свякроўка сука ў яе спрашавала.
 А свякроўка сука ў яе спрашавала:
 10 «Ты, нявестка мая, а йде тваё ж(ы) дитя?
 Ты, нявестка мая, а йде тваё дитя!»
 — «А я сваё дитя ў полі забыла.
 Ой, я сваё дитя ў полі забыла!»
 Ой, бягу я поля, бягу другоя.
 15 Ой, бягу я поля, бягу другоя,
 Ой, на трэтьям полі стаять пялачки.
 Ой, на трэтьям полі стаять пялач(ы)ки,
 Стаять пялачки залатен(и)кия.
 Стаять пялач(ы)ки залатен(и)кия,
 20 Висить люлячка ѩэ й сярэбрыная.
 Висить люлячка ѩэ й сярэбрыная,
 Ле тыя люлячки да тры нянячки.
 Ле тыя люлячки да тры нянячки,
 Да тры нянячки — серая ж(ы) вал(ы)ки.
 25 Да тры няняч(ы)ки — серая вал(ы)ки,
 Ой, адін кажыть: «А мне ножачки!»
 Ой, адін(ы) кажыть: «А мне ножачки!»
 А другой кажыть: «А мне ручачки!»
 А другой(и) кажыть: «А мне ручачки!»
 30 Ох, и трэтий кажыть: «А мне телячка!»
 Ох, и трэтий кажыть: «А мне телячка,
 А той мамачки — адны вочачки!
 А той мамач(ы)ки — адны вочачки,
 Штоб ни бегала [я]на да паўночачки!»

23. Волк-нянька

Як была ў мяне свякроў лютая,
 Як паслала й(и)на ў поля жыта жать.

Як паслала й(и)на ў поля жыта жать,
 А я ни жала да ўсё лежала.
 5 Ни жала (й) да ўсё лежала,
 А праснулась я — (й)а ўжо ни рана.
 Праснулась я — (й)а ўжо ни рана,
 Як стала я жать, стала пил(ы)навать.
 Стала я жать, стала пил(ы)навать,
 10 Нажала сем коп, сем коп, чатыры.
 Нажала сем коп, сем коп, чатыры,
 Прыйшла ў дворачку, пахвалилася.
 Прыйшла ў дворачку й пахвалилася,
 А на детачку я й забылася.
 15 [А на дета]чку я й забылася!
 — «А иде, сука, детачку дела?»
 [А иде, су]ка, детачку дела!»
 — «Мамачка мая, ў поле забыла.
 [Мамачка ма]я, ў поле забыла!»
 20 Ой, бягу поля, бягу другоя.
 [Ой, бягу] поля, й бягу другоя,
 На трэтым полі висит люлячка.
 [На трэть]там полі висит люлячка,
 Ли тыя люлячки да тры нянячки.
 25 [Ли тыя] люлячки да тры нянячки,
 Ой, адін кажа: «А я калыхаў!»
 [Ой, адін ка]жа: «А я калыхаў!»
 А другі кажа: «А я забаўляў!»
 [А другі ка]жа: «А я забаўляў!»
 30 А трэтым кажыть: «А я пицкаваў!»¹
 А трэтым казаў: «Ой, я пицкаваў!»
 А што калыхаў — тый ручачку атъеў.
 А што [забаўляў]² — тый ножачку атъеў,
 А што пицкаваў — ой, тый саўсим зъеў.
 35 [А што] пицкаваў — ой, тый саўсим зъеў!
 То ж ни нянячки — серыя ваўки!

24. Невестка в несогласном семействе

Аддала ж-то мая мамачка ж(ы)
 Ў тую сям'ю й у вяликаю.
 Ў тую сям'ю у вяликаю,
 А ў их ўсё ни па-нашаму.
 5 А ў их ўсё ни па-нашаму,
 А снеданьня перад абедам.
 Ай, снеданьня перад абедам(ы),
 Ай, абед жа перад полуд(ы)ням.
 Ай, абед жа перад полуд(ы)ням,
 10 Ай, вечэра перад пев(ы)нямы.
 Ай, вячэра перад пев(ы)нямы,
 Ай, самы сядуть вячэрата.
 Ай, самы сядуть вячэрата,
 Меня, младу, пашлють по ваду.
 15 Меня, младу, пашлють по ваду,
 Ай, разутаю, ай, разде[таю].

¹ Пицкаваў — по объяснению исполнителя — няньчил.

² Здесь вместо «забаўляў» ошибочно — «кальхаў».

- Ай, разутаю, ай, раздетаю,
Только лычкам падпираю.
Дарожачка мне ѿ указаная:
20 «А йди, шэльма, тераз бат(и)кав(ы) двор.
А йди, шэльма, тераз батькаў жа двор(ы),
Тераз мамкина падвор(ы) яй(и)ка.
Тераз мамкина падвор'яй(и)ка ж(ы)!»
Мой батюшка ѿ у вакош(ы)ка сматрыть.
25 Мой батюшка ѿ у вакош(ы)ка сматрыть,
Ай, мамачка ѿ у варотах стаить.
Ай, мамачка ѿ у варотах стаить,
А ѿ бытюшки слёзы котятца.
А ѿ батюшки слёзы котятца ж(ы),
30 А ѿ мамачки — як рака ж(ы) тячэ.
А ѿ мамачки ж — як рака тячэ!
— «Ты дитя ж маё, детка род(ы)ненькая!
Ты дитя маё, детка род(ы)ненькая ж(ы),
Ти ни баисся ж ты, дитят(ы)ка маё!
35 Ти ни баисся, дитят(ы)ка маё ж(ы),
Тыя ночки, ночки тём(ы)нен(и)кия?
Тыя ж(ы) ночки, ночки тём(ы)ненъкия ж(ы),
Таго ваўка, ваўка серага?
Таго ж ваўка, ваўка серага!»
40 — «Тольки баюся, мая мамач(ы)ка!
Тольки ж(ы) баюся, мая мамачка,
Таго свёкра, свёкра лютога.
Таго свёкра, свёкра лютога,
А свякрушачки сярдитыя!»

25. Невестка в несогласном семействе

- Ой, аддала мяне мать у вяликаю ѿ сям'ю,
У вяликаю ѿ сям'ю безуряд(ы)ливаю.
У вяликаю ѿ сям'ю безуряд(ы)ливаю,
Самы сядут(и) вячэрять, а мне ложки нима.
5 Самы сядут(и) вячэрять, а мне ложки нима,
Ой, мяне, маладу, пасылають па ваду.
Ой, мяне, маладу, пасылають па ваду,
Па вадицу я йду, як галубачка гуду.
Па вадицу я йду, як галубачка гуду,
10 Прыхажу я к калодизю, умываюся.
Прыхажу я к калодизю, умываюся,
Тонким белым(ы) рукавом утираюся.
Тонким белым рукавом утираюся,
Прыхажу я к(ы) варотячкам, прыслушаюся.
15 Прыхажу я к варотячкам, прыслушаюся,
Ти ня б'ютца яны, ти ни сварютца.
Ти ня б'ютца яны, ти ни сварютца,
Ой, свякроўка бурчыть, свайго сына вучыть.
Ой, свякроўка бурчыть, свайго сына вучыть:
20 «Ой, ты сынку мой, сыночык(ы), дарагоя дитя!
Ой, ты сынку мой, сыно[чык], дарагоя дитя,
Чаго водки ня п'ёш, чаго жонку ня б(ы)ёш?
Чаго водки ня п'ёш, чаго жынку ня б'ёш!»
— «Зачэм, мати, водку пить — ад яе галава балить!
25 Зачэм, мати, водку пить — ад яе галава балить,
Зачэм, мати, жану бить — ана можыть работы!»

Зачэм, мати, жану бить — ана можыть работы,
Ана можыть работы, атцу-матиры наравить!
Ана можыть работы, атцу-матиры наравить,
30 Тебе, матушка, ѹ атцу, и мне, добру маладцу!»

26. Девушка идет на Дунай топиться

Ай, ты голуб(ы)-галубок, ляти ѹ маю старану,
Ой, ляти ѹ маю старану.
Ляти ѹ маю старану, накажы роду майму,
Ой, накажы роду майму.
5 Накажы роду майму, што я тута гарюю,
Ой, што я тута гарюю.
Што я тута гарюю, я тут жыти ня буду,
Ой, я тут жыти ня буду.
Я тут жыти ня буду, съмеячка ни мая,
10 Ой, съмеячка ни мая.
Съмеячка ни мая, як пайду да Дуная,
Ой, як пайду да Дуная.
[Як] пайду да Дуная, пайду затап(ы)люся я,
Ой, пайду затаплюся я.

27. Замужняя дочь прилетает домой кукушкой¹

Ни была я ѹ мамачки а четыры ж(ы) гады ж(ы), эй,
Да на пяты гадочык я а пташкай(и) палячу.
[На] пяты гадочык я а пташкай(и) палячу ж(ы), эй,
Да як сяду я ѹ садику, а ѹ зялёнам да саду.
5 Як сяду я ѹ садику, а ѹ зялёнам(ы) а ѹ саду ж(ы), эй,
Ой, ѹ зялёнам(ы) садику, ай, пад игрушаю.
Ў зялёнам садику, ай, пад игрушаю ж, эй,
Да пад ябланкаю ж, ой, пад салодкаю.
Я тую игрушачку а с корэння асушу ж, эй,
10 Да салодкаю ябланку а слязами абаллью.
[Я] тую ж ябланку а слязами абаллью ж, эй,
Да й ужо ж мая мамачка, ай, па двару да ходя.

¹ Приводим более полный вариант, записанный от Зуевой М. Л. (ФА 2732-01):

Калину й малинушку, ай, вада й паняла ж, эй,
Да ни ѹ тую пору ж маменька а мене ж радила.
Ни ѹ ту й пору ж маменька а мене радила ж, эй,
Да ни прыбраўши розуму, а замыж(ы) й аддала.
5 Ни прыбраўши розуму, ай, замуж аддала ж, эй,
Да ни была я ѹ мамачки, ай, четыры да гада.
Ни была я ѹ мамачки, ай, четыры да гада, эй,
Да на пятый гадочык я а пташкай палячу.
На пятый гадочык я а пташкай палячу ж, ой,
10 Да як сяду ж я ѹ садику, а ѹ зялёнам да саду.
Як сяду я ѹ садику, а ѹ зялёнам да саду ж, ой,
Да я ѹ зялёнам садику, ай, пад игрушаю.
Ў зялёнам садику, ой, пад игрушаю ж, ой,
Да пад ябланкаю ж ай, пад сахарнаю.
15 Ой, пад ябланкаю ж, ой, пад сахарнаю ж, ой,
— «Да ўставайтэ ж, нявехначки, ай, на дварэ да ўжо свет.
Вставайтэ, нявехначки, ай, на дварэ да ўжо свет, ой,
Да як у нашам садику а пташка ж да пле.
Як у нашам садику а пташка да пле ж, ой,
20 Да пле, пле пташачка, ай, прычытавая.
Пле, пле пташачка, ай, прычытавая ж, ой,
Да й адкуль тая ж пташачка а прычыты ж да бярэ?

- Ужо ж мая й мамачка, ай, па двару да ходя ж, эй,
Да нявестачак-ластачак, ай, разбуджавая.
- 15 Нявестачак-ластачак, ай, разбуджавая ж, эй:
«Да вставайтая, нявестачки, а на дварэ ўжо свет(ы), эй,
Вставайтая й, нявехначки, а на дварэ ўжо свет(ы), эй,
Да й у нашам садику а пташка да пяеть.
Што й у нашам садику а пташка да пяеть, эй,
- 20 Да пяе, пяе пташачка, ай, прычытавая.
Пяе, пяе пташачка, а прычытавая ж, эй,
Да й адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ?
Адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ ж», эй,
Да большы браток кажа(я): «А пайду я й пагляджу».
- 25 Ай, большы брат кажа: «А пайду я пагляджу», эй,
Да сярэдний браток кажа: «А пайду я застралю».
Ой, сярэдний брат кажа: «А пайду я застралю ж», эй,
Да меньшы браток кажа(я): «А пайду я расспрашу».
— «Кали сера зязюля — а ляти ў щыры бор, эй,
- 30 Да кали наша сястрыца — а хади ў батькаў двор.
Кали наша сястрыца — а хади ў батькаў двор», эй,
— «А спасиба, мой братачка, а за твой за прывет.
А спасиба, братачка, а за твой за прывет, эй,
Да ни пазваў жа, братачка, а перва в(ы) батькаў двор.
- 35 Ни пазваў жа й, братачка, а перва в(ы) батькаў двор, эй,
Да пазваў жа, мой братачка, а перва в(ы) щыры бор».

28. Молодка, обернувшись кукушкой, прилетает к нелюбимому

- А ўсе люди двору йдуть...
А ўсе люди двору йдуть,
Я, млада, ня думаю.
Я, млада, ня думаю...
- 5 Я, млада, ня думаю
К сваяму нялюбыму.
Скинуся я, молада...
Скинуся я, молада,
Серую зязулею.
- 10 Палячу я, молада...
Палячу я, молада,

- Адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ ж», ой,
Да большый браток кажа(я): «А пайду я пагляджу».
25 Ай, большый брат кажа: «А пайду я пагляджу ж», ой,
Да сярэдний браточкык кажа: «А пайду я застралю».
Сярэдний брат кажа: «А пайду я застралю ж», ой,
Да меньшы ж браточкык кажа: «А пайду я расспрашу».
А меньшы брат кажа: «А пайду я расспрашу ж», ой,
30 — «Да кали сера зязюля — а ляти в(ы) щырый бор.
Кали сера зязюля — а ляти в(ы) щырый бор, ой,
Да кали ж наша сястрыца — а хади в(ы) батькаў двор.
А кали ж наша сястрыца — а хади ў батькаў двор», ой.
— «Да спасиба ж, мой братачка, а за твой за прывет.
- 35 Ай, спасиба, мой браточкык, а за твой за прывет, ой,
Да ни пазваў жа, братачка, а перва в(ы) батькаў двор.
А ни пазваў жа, браточкык, а перва в(ы) батькаў двор, ой,
Да паслаў жа, мой, браточкык, а перва в(ы) щырый бор.
Ай, паслаў жа, браточкык, а перва в(ы) щырый бор», ой,
- 40 Да я борам лятела ж — а бары ж ламила.
Я борам лятела ж — ой, бары ламила, ой,
Да я лугам лятела ж — а луги ж тапила.
Я лугам лятела ж — ой, луги тапила, ой,
Да я полям лятела ж — ой, пылы ж пылила.

К сваemu нялюбыму.
 Пагляжу я, молада...
 Пагляжу я, молада,
 15 Што нялюбый делыить.
 А мой жа-то нялюбы...
 А мой жа-то нялюбы
 Дитятычу калышть.
 — «Баю-баю, дититка,
 20 Баю-баю, родныя!
 Нима тваeй мамачки.
 Нима тваeй мамачки...
 Нима тваeй мамачки
 И с чужый жа нивычки».
 25 А чужая нивычка...
 А чужая нивычка
 Атабрала сиlyичку.

29. Сын прилетает к матери, обернувшись кукушкой

Задумала мамачка сына жанити,
 Ой, аддала, родная, царю служыти.
 Ой, напосли мамачка раздумалася:
 «Вярнись, мой сыночк, папрашаимся!»
 5 — «Ни вярнуся, мамачка, ни вярнусь, радна!
 Нашто ж мяне, родная, в салдаты [ад]дала?
 А жди мяне, мамачка, ў девятам гаду,
 Ў девятам гадочку, ў десятам часо[чку].
 А я к тебе, мамачка, ни пешкам прыйду,
 10 Ой, я к тебе, родная, пташкай прылячу.
 Ой, сяду я, сяду я ў вишнёвам саду,
 Ў вишнёвам садочку пад игрушаю.
 Ой, запяю песенку жалку галасну!»
 Ой, радимый батюшка па двору ходя.
 15 Ой, радимый батюшка па двору ходя,
 Нявестачак-ластушак разбужавая.
 — «Вставайтая, нявехначки, ўжо белый свет,
 Што ж у нашам садочку за пташка пяе?
 Пяе, пяе пташачка, прычтавая.
 20 Адкуль тая пташачка прычты бярэ?
 Кали сера зязюлячка — ляти ў щырый бор,
 Кали мой сыночк — хади ка мне ў двор».
 — «А спасиба, батюшка, за твой за хлеб-соль,
 Што ни пазваў, родненъкий, паперяд у двор.
 25 Што ни пазваў, родненъкий, паперяд у двор,
 Пазваў мяне, родненъкий: „Ляти ў щырый бор!”»
 Лятеў я барамы — бары папалиў,
 Лятеў я лугамы — луги патапиў.

30. Молодца забирают в неволю

Чула, чула мая доля,
 А йна чула, не сказала й(и),
 Ня быть молайцу й у до[ме].
 Ня быть молайцу й у доме,
 5 А быть молайцу ў няволи,
 Быть малайцу у няво[ли].

Добра молайца й узяли...
 Добра молайца й узяли,
 Назад(ы) ручачки звяза[ли].¹
 10 Сами сели да й запели...
 Ани сели да й запели,
 Добрый моладец запла[каў].

31. Молодца забирают в неволю

А гоман, гоман на вулицы,
 Гоман, гоман на шырокай.
 И гаворють, и гамонють,
 И гаворють, и гамонють.
 5 Иванюшку дружка ловють,
 Иванюшку дружка ловють.
 Улавили, пасадили,
 И ўлавили, пасадили.
 И ў вазочык,
 10 Ай, у саменький задочык,
 И ў вазочык.
 Сами сели, загремели,
 Сами сели, загремели.
 Громки песенки запели,
 15 Громки песенки запели.

32. Девушка проклинает речку, в которой утонул милый

Эй, черяз речку, черяз быстру...
 Ой(и), чыряз речку, чыряз быстру
 Мост калиначка ляжыть.
 Ой, як па тый жа маставинки...
 5 Ой(и), як па тый жа маставинки
 Друг мой миленький ишол.
 Ой, маставинычка [а]бламилась...
 Ой(и), маставинычка [а]бламилась,
 Друг мой милый патанул.
 10 Ой, увидела красна дейка...
 Ой(и), увидела красна дейка
 З высокага терема.
 Ой, [я]на схватала вядёрычку...
 Ой(и), [я]на схватала вядёрычку,
 15 Стала речку выливать.
 Ой, не вылиўши быстру речку...
 Ой(и), не вылиўши быстру речку,
 Стала речку праклинать.
 — «Ой, худа табе, быстра речка...
 20 Ой(и), худа табе, быстра речка,
 Без крутога бережка.
 Ой, а так жа мне, краснай дейки...
 Ой(и), а так же мне, краснай дейки,
 Без милога без дружка!»

¹ При пересказе исполнители добавили еще одну строфу:

Пасадили у вазочык
 Да на саменький задочык.

33. Молодец на похоронах возлюбленной

Ни агон(и) гарыть, ни вада кипить,
Ой, кипить, кипить сердца ў моладца.
Ох, кипить, кипить сердца ў моладца й(и),
Ни па [а]тцу кипить, ни па матери.
Ни па атцу кипить, ни па матери,
Ой, кипить сердца па краснай(и) дейўцы.
Ох, кипить сердца па краснай(и) дейўки,
Красну девачку харанить нясуть.
Красну девачку харанить нясуть,
Добрый моладец у варот стаить.
Добрый(и) моладец у варот стаить,
Яго ножачки падламилися.
Яго ножачки падламилися,
З вачэй слёзачки пакатилися.
З вачэй слёзачки пакатилися,
Як па[й] шоу жа ён да ў канюшэнъку,
Як па[й] шоу жа ён(ы) на канюшэнъку,
Заседлаў каня вараненъкага.
Заседлаў коня вараненъкага
И зъезжай з двара шырачэнъкага.
И зъезжай з двара шырачэнъкага,
И паехай жа ён на кладбища.
И паехай жа ён на к(ы)ладбища й:
«Вы рассыптеся, жолтыя пяски.
Вы рассыптеся, жолтыя пяски,
Разайдитеся, грабавы доски.
Разайдитеся, грабавы доски,
Ты устань, устань, мая милая.
Ты й устань, устань, мая милая,
Давай с табою распрашаемся.
Давай с табою распрашаемся,
На падарачки разменяяемся.
На падарачки разменяяемся,
Ты вазьми, вазьми шалковый платок.
Ты вазьми, вазьми шалковый платок,
А аддай, аддай златый перстянёк!»

34. Матросы увозят девушку на корабле

Расцветали синя моря раз(ы)ными цветами,
Эй, ой цветами.
Разными цветами, й(а) всё караблями,
Эй, караблями.
5 Што й у тых жа (й)а ў караблях мат(ы)росы гуляли,
Эй, ой гуляли.
Ани ж(ы) сабе красну дёўку ў караб падмаўляли,
Эй, падмав(ы)ляли.
— «Хади, хади, красна дёўка, к нам ў карабль гуляти,
10 Эй, ой гуляти.
Будем тябе, красна дёўка, вином напавати,
Эй, напавати.
Напаёмши, бел-пастельку, ой, мы будем(ы) стлати,
Эй, будем(ы) стлати.
15 А пастлаўши бел-пастельку, спатечки лажытца,
Эй, ой лажытца.

А спи, спи, к(ы)расна деўка, дасписся да горя,
Эй, ой да горя!»
 Праснулася красна деўка сярёд синя моря,
20 Эй, сярёд(ы) моря.
 — «Вы мат(ы)росы, вы бур(ы)ланы, што ж(ы) вы нарабили,
Эй, нарабили!
 Нашто новенъкий караблик ад бережку [а]дбили,
Эй, ой адбили?»
 25 — «Было ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) родом папрашатца,
Эй, папрашатца!
 А ўжо ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) родом не видатца,
Эй, не видатца.
 30 А ўжо ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) матросам венчатца,
Эй, ой венчатца!»

35. Егорий и Змей (Юрай и Смок)

А были люди да ниверныя,
 Ай, ни веравали Госпаду Богу.
 А ни веравали Госпаду Богу,
 Да й паверавали праклятаму Смоку.
 5 Аддавали Смоку што дня па [а]броку,
 Што дня па [а]броку, ўсё па чалавеку.
 Ат'еу жа Смок палавину царства,
 Ай, дабраўся Смок да самога цара.
 Сам цар ни йдёт и царэв(ы)ню ни шлётъ,
 10 Пасылая ён дочку сваю.
 Надяе на ее дарагия платъя,
 Дарагия платъя, шаўковыя шнурсы.
 Чапляя на [я]е залатыя шнурсы:
 «Иди ж(а), мая доч, и к синяму мору.
 15 Иди, мая доч, и к синяму мору,
 Стань на беражочку, на жоўтым пясочку».
 Выплывая Смок из синяга мора,
 Из рота ж яго полым(ы)я шыбая.
 Из рота ж яго полым(ы)я шыбая,
 20 Из няздёр у яго жар сыпитца.
 Из наздёр из яго жар сыпитца,
 А з вушэй из яго дым кураетца.
 Стайти царэвна — да й аbamлела,
 Адкуль узяўся святы Юрай.
 25 А святы Юрай на сивым кане:
 «Стой(и), царэуна, ни пужайся!
 Стой, царэв(ы)на, ни пужайся,
 Праклятага Смока ни ўликайся!
 И сымай(и) с себя залатыя шнурсы,
 30 Да й чапай Смока за крутыя роги.
 Чапай Смока за крутыя роги,
 Да й вяди Смока к свайму батюшку ў двор!»
 А мой батюшка па двару ходя,
 Па двару ходя, белы руки ломя.
 35 Белы руки ломя, Госпада прося:
 «А хто ж(ы) маю дочыр ад смерти спасе —
 Атпишу я таму палавину царства,
 Палавину царства и дочку аддам!»
 Абазваўся Юрай(и) на сивым кани:
 40 «А ни нада ж(ы) мине палавину царства!

Палавину царства и дочка твая —
 Пастрой цэркву ты святого Юр'я!
 Святого Юр'я...
 Штоб люди хадили, Богу малились!
 45 Богу малились, Богу веравали,
 А уверавали ў Госпада Бога!
 Да й паверавали ў Госпада Бога,
 А ни веравали [ў] праклятага Смока!»

36. Егорий и Змей (Юрый и Цмок)

Пад(ы)няўся бунт межды народу,
 Ой, и з'ядаў Цмок ў день па чалавеку.
 З'ядаў Цмок ў день по чалавеку,
 Ой, прыйшла чар(ы)га да самога царя.
 5 Ой, прыйшла чарга да самога царя,
 Хоть сам иди, хоть доч вяди.
 Хоть сам иди, хоть доч вяди,
 Царь царэўну суряджая.
 Царь царэўну суряджая,
 10 Шаўковая платьти надявая.
 Шаўковая платьти надявая,
 Шаўковая шнурры падпираставая.
 Шаўковая шнурры падпаясывая,
 Царэўна к морю прыходжавая.
 15 Царэўна к морю прыходжавая,
 Цмок из моря выплывая.
 Цмок из моря выплывая,
 Ой, царэўна злякалася.
 Ой, царэўна злякалася,
 20 З белым светам прашалася.
 З белым светам прашалася,
 Адкуль ўзяўся святы Юрый.
 Адкуль ўзяўся святы Юрый,
 Святы Юрый(и)- и Грыгорий.
 25 Святы Юрый(и)- и Грыгорий:
 «Стой, царэўна, ни лякайся.
 Стой, царэўна, ни лякайся,
 З белым светам ни працайся.
 З белым светам ни працайся,
 30 Распираставай-ка шаўковая шнурры.
 Распаяставай-ка шаўковая шнурры,
 Цапляй Цмока за крутыяраги.
 Цапляй Цмока за крутыяраги,
 Да вяди Цмока на царськи дварэц.
 35 Вяди Цмока на царськи дварэц!»
 Царь в акошке паглядавая.
 Царь в акошке паглядавая:
 «Ай, царэўну ад смерти спас!
 А хто ж маю доч ад смерти спас,
 40 Палавину царства я яму аддам.
 Палавину царства и доч сваю!»
 — «Ни нада мне царства и доч твая!
 Ни нада мне царства и доч твая,
 Пастав цэркву святому Юрью.
 45 Святому Юрью и Грыгорию,
 Святому Юрью-Грыгорию».

37. Девушка-воин

- Ай, у нядельку параненьку.
 Эй, параненьку...
 Сабиралася грамадачка.
 Грамадачка...
 5 Ўсё салдатскага парадачка.
 Парадачка...
 — «Ў каго сыночки — ў вайску шлите!
 Ў вайску шлите...
 А хто ни мая — нихай наймая!
 10 Нихай наймая...»
 Й абазвалася й удовачка.
 Й удовачка...
 Бедная ее галовачка.
 Галовачка...
 15 — «Ни ймею сына ни воднага.
 Ни воднага...
 Только адна дачка Ганнулячка.
 Ганнулячка...»
 И тую мати выпраўляла.
 20 Выпраўляла...
 Да й на коничка пасаджала.
 Пасаджала...
 А пасадиўши, праводила.
 Праводила...
 25 А правадиўши, прыказала.
 Прыйказала...
 — «Едъ, мая дачка, Ганнулячка.
 Ганнулячка...
 Паперад войски ни хватайся.
 30 Ни хватайся...
 Да й па задочку ни аставайся.
 Ни аставайся...»
 Ганнулька мамку ни слухала.
 Ни слухала...
 35 Паперад войски паехала.
 Паехала...
 Йна прыяжджая к Дунаёчку.
 К Дунаёчку...
 Йна стала думать и гадати.
 40 И гадати...
 Як тихий Дунай параехати.
 Параехати...
 Й адкуль узяўся пан Дуналович.
 Пан Дуналович...
 45 Узяў коничка за павадок.
 За павадок...
 А Ганнулячку за ручачку.
 За ручачку...
 Павёў коничка да стаянки.
 50 Да стаянки...
 Й а Ганнулячку да святлицы.
 Да святлицы...
 Сыпаў коничку аўса й сена.
 Аўса-сена...
 55 Й а Ганнулячцы мёду й вина.
 Мёду й вина...

Коничак ни есть, а ўсё ржэти.
 Да ўсё ржэти...
 Ганнул(и)ка ни пье, да ўсё плача.
 60 Да ўсё плача...
 — «Вох ты, коничак, иржы — не ржы.
 Иржы — ни р(ы)жы...
 Табе у вайски не бывати.
 Ни бывати...
 65 С тымі конями ни стаяти.
 Ни стаяти...
 Й а ты, Ганнулька, хоть плач — не плач.
 Хоть плач — ни плач...
 Табе ў мамачки ни бывати.
 70 Ни бывати...
 З мамкай ў варотах ни стаяти.
 Ни стаяти...
 З дейкамі таночки ни вади[ти]».

38. Смерть-сват

Да була ў матки да й адна дачка,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Да й адна дачка, адничачка,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 5 Ды й прыйшло к ёй да трое сватов,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Первіе сваты да маскоўськіе,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Другіе сваты да немецкіе,
 10 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Третіе сваты да турэцкіе,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 За перъви сваты батька не [а]ддае,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 15 За другі сваты матка не [а]ддае,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 За трэты сваты сама не па[й]шла,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Як прыйшла и к ёй да смерта(э)чка,
 20 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 [Не спрася взяла] — не хатя пайшла,
 Сильна жаластна матка плака[ла].
 — «Ой, худа мае несчысленнае!»
 Ви сады мае, ви зелёны[е].¹

39. Смерть-сват

Да була ў матки да й адна дачка,
 Громкім голасам зямля стонітъ.
 Да й адна дачка да единиченька,
 Громкім голасам зямля стонітъ.

¹ Окончание песни плохо помнили, но пересказали словами:

— Ой, худоба мая,
 Де мене тябе падявати?
 Рушничкамі дарогу устилати...

5 Да прыйшло и к ёй аж трои с(ы)ватоў,
 Громким голосам зямля стонить.
 За пер(и)вие матка не аддала,
 Громким(ы) голосам зямля стонить.
 За другие батька не аддаў,
 10 Громким голосам зямля стонить.
 За трэтие сама не па[й]шла,
 Громким голосам зямля стонить.
 Прыйшла смертачка не пытаючи,
 Громким голосам зямля стонить.
 15 Па[й]шла девачка не змагаючи,
 Сильна жаластна матка плакала.
 — «Худобка мая несчастливае, —
 Сильна жаластна матка плакала.
 Де ж мене тябе пазадевати!»
 20 Сильна жаластна матка плакала...¹

40. Смерть-сват

Як була ў матки да й адна дачка,
 Громкаголосна земля стогня.
 Да й адна дачка, адничанька,
 Громкаголосна земля стогня.
 5 Сватало ее да трое сватоў,
 Громкаголосна земля стогня.
 Шо первыє сваты да турэцкие,
 Громкаголосна земля стогня.
 А други сваты да немецкие,
 10 Громкаголосна земля стогня.
 А трэтыи сваты каралеўские,
 Громкаголосна земля стогня.
 Шо за первыє матка не аддала,
 Громкаголосна земля стогня.
 15 За други сваты батька не аддаў,
 Громкаголосна земля стогня.
 За трэтыи сваты сама не па[й]шла,
 Громкаголосна земля стогня.
 Смертачка прыйшла, силаю взяла,
 20 Громкаголосна земля стогня.

41. Стрела

Да ляти, стрэла, ва кругом села,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Не ўбий, стрэла, ясна со[кала],
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 5 А убий, стрэла, таго моладца,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Па том моладцу некаму плакать,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Матка стара, сястрица мала,

¹ Конец песни, записанный с пересказа:

Де ж мене тябе пазадевати!
 Рушничками коней важдти,
 Настульничками горы застилти!
 (Се матка так па дачцы плакала).

- 10 Ви сады мае, ви зелёны [e].
Де мати плачыть — там рэка течэ,
 Ви сады мае, ви зелёны [e].
Де сестрычака — там крыничанька,
 Ви сады мае, ви зелёны [e].
15 Де жена плачыть — там расы нема,
 Ви сады мае, ви зелёны [e].

42. Стрела

- Ой, пущу стрэлу у канец села,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

Ой, лети, стрэла, у канец села,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

5 Да й не убий, стрэла, добра моладца,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

А убий, стрэла, ясна сокала,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

Шо па сокалу некаму плакать,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

10 А па моладцу е каму плакать,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

Де матка плачыть — там рэка течэ,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

15 Де сестричэчка — там крыничэчка,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

Де жена плачыть — сухавей вее,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

Сухавей вее, сухий дощ иде,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

20

43. Стрела

- Як пущу стралу да й па ўсём сялу,
Ох и вой лёли, да й па ўсём сялу.
Да ты ж(ы) ляти, страла, да й'удоль села,
Ох и вой лёли, да й удолъ села.
5 Да й удолъ села, й удол(и) вулицы,
Ох и вой лёли, й удолъ вулицы.
Да ты убий, страла, добрага молайца,
Ох и вой лёли, добра молайца.
Да па тым молайцу некаму плакати,
10 Ох и вой лёли, некаму плакать.
Да матка старынька, сестра маленька,
Ох и вой лёли, сестра маленька.
Да жана молада, детки д(ы)робныя,
Ох и вой лёли, детки дробныя.
15 Да йдэ матка плача — там(ы) рака тяче,
Ох и вой лёли, там(ы) рака тяче.
Да йдэ сестра плача — там(ы) калодези,
Ох и вой лёли, там калодези.
Да йдэ жана плача — там(ы) расы нема,
20 Ох и вой лёли, там расы нема.
Да там(ы) расы нема, пажары гарать,
Ох и вой лёли, пажары гарать.
Да пажары гарать, жураўли кричать,

Ох и вой лёли, жураўли кричать.
 25 Да солнца выблесня — раса высахня,
 Ох и вой лёли, раса высахня.

44. Король возвратится домой, если жена родит дочь

Да ў саду ж(ы) вишанька распу [с]каетца,
 Ох и вой лёли, распу [с]каетца.
 Да карол(и) на вайну сабираетца,
 Ох и вой лёли, сабираетца.
 5 — «Да карол(и), каролю, вярнись да дому,
 Ох и вой лёли, вярнись да дому.
 Да твая жана сына радила,
 Ох и вой лёли, сына радила».
 — «Да кали ж(ы) сыначку, дак(ы) ни вярнуся,
 10 Ох и вой лёли, дак ни вярнуся.
 А кали б(ы) дочачку б(ы) — на ўсю б(ы) начачку,
 Ох и вой лёли, на ўсю начачку.
 А да сын(ы) вырастя — на вайну пойдя,
 Ох и вой лёли, на вайну пойдя.
 15 А на вайну пойдя, ваевать будя,
 Ох и вой лёли, ваевать будя.
 А дачка ж(ы) вырастя, да й замуж пойдя,
 Ох и вой лёли, да й замуж пойдя.
 Да ў мяне зять будя — гастевать будя,
 20 Ох и вой лёли, гастевать будя.
 Да гастевать будя, мене звать будя,
 Ох и ой лёли, мене звать будя».

45. Брат брата убьет из-за жены

Да мы на сена идом, мы на новая,
 Ох и вой лёли, мы на новая.
 Да мы на новая, на зялённая,
 Ох и вой лёли, на зялённая.
 5 Да падыйдом пад сад(ы) пад зялёненький,
 Ох и вой лёли, пад зялёненький.
 Да там(ы) люди гаворут(и)-выгаварують,
 Ох и вой лёли, выгаварируют.
 Да ох и брат брата да й каня прося,
 10 Ох и вой лёли, да й каня прося.
 Да ох и брат брату да й ни словечка,
 Ох и вой лёли, да й ни словечка.
 Да мы на сена идом, мы на новая,
 Ох и вой лёли, мы на новая.
 15 Да мы на новая, на зялённая,
 Ох и вой лёли, на зялённая.
 Да падыйдом пад сад(ы) пад зялёненький,
 Ох и вой лёли, пад зялёненький.
 Да пад тым садикам(ы) люди гаворуть,
 20 Ох и вой лёли, люди гаворуть.
 Да люди ж(ы) гаворут(и)-выгаварують,
 Ох и вой лёли, выгаварируют.
 Да вот и брат брата да й жаны прося,
 Ох и вой лёли, да й жаны прося.
 25 — «Да за жану, братец(ы), галаву зрублю,

Ох ивой лёли, галаву зрублю.
 Да галаву зруб(ы)лю да як макаўку,
 Ох ивой лёли, да як макаўку.
 Да як макаўку, да як макаў цвет,
 Ох ивой лёли, да як макаў цвет».

46. Брат убивает брата из-за девушки

Што ѹ у поли, ѹ поли трыв дубы стаяла,
 Лёли-лёли-лёли, трыв дубы стаяла.
 Пад тыми дубами трыв палки салдатаў,
 Лёли-лёли-лёли, трыв палки салдатаў.
 5 Трыв палки салдатаў, маладых рабятаў,
 Лёли-лёли-лёли, маладых рабятаў.
 Што ѹ у первым палку пугаўки блишали,
 Лёли-лёли-лёли, пугаўки блишали.
 Ай, у другом палку шабел(и)ки лещали,
 10 Лёли-лёли-лёли, шабел(и)ки лещали.
 Ай, у трэтым палку галоўки летали,
 Лёли-лёли-лёли, галоўки летали.
 Брат брата ни злобиў, галовачку зрубиў,
 Лёли-лёли-лёли, галовачку зрубиў.
 15 Давайтэ ж мы, братцы, грамаду збирати,
 Лёли-лёли-лёли, грамаду збирати.
 Грамаду збирати, писямцо писати,
 Лёли-лёли-лёли, писямцо писати.
 Писямцо писати, да мамачки слати,
 20 Лёли-лёли-лёли, да мамачки слати.
 — «Прыедъ, прыедъ, мамачка, сына харанити,
 Лёли-лёли-лёли, сына харанити.
 А я ж(ы) табе, мамачка, ѿю праўду расскажу,
 Лёли-лёли-лёли, ѿю праўду расскажу.
 25 А мы ж(ы) з им, мамачка, в адным палку служыли,
 Лёли-лёли-лёли, в адным палку служыли.
 В адным палку служыли, адну дёўку любили,
 Лёли-лёли-лёли, адну дёўку любили.
 А я ж(ы) яго, мамачка, па ласцы прасиў жа,
 30 Лёли-лёли-лёли, па ласцы прасиў жа.
 А ён(ы) мине, мамачка, дёўку ни ўступиў жа,
 Лёли-лёли-лёли, дёўку ни ўступиў жа.
 А я ж(ы) яму, мамачка, галоўку звалиў жа,
 Лёли-лёли-лёли, галоўку звалиў жа».
 35 Закукуй, кукушачка, борам лятучы ж(ы),
 Лёли-лёли-лёли, борам лятучы ж(ы).
 Заплач, заплач, мамачка, (й)у след идучи ж(ы),
 Лёли-лёли-лёли, (й)у след идучи ж(ы).

1

A musical score for a folk song titled 'Mala-daya'. The score consists of eight staves of music in common time, with a key signature of one sharp (F#). The tempo is marked as 96 BPM. The lyrics are written in Russian, corresponding to the musical phrases. The score is divided into eight numbered sections (1 through 8) by vertical bar lines.

1. Ma - ла - да - я у - да - ва сем лет без му - жа жи - ла,
 сем лет без му - жа жи - ла, авуих куп - чы - каў лю - би - ла.

2. Авух куп - чы - каў лю - би - ла, авух сы - коч - каў ра - ди - ла,
 Авух сы - коч - каў ра - ди - ла, И - за - кю - шуй Ва - ск - ля.

3. И - ве - нио - шуй Ва - ск - ля ў ки - та - яч - ку спа - ви - ла,
 ў ки - та - яч - ку спа - ви - ла, ў ду - най - ря - ку зе - ис - ла.

4. ,А ты, тх - хекъки ду - лай, ка - лы - шы ма - их сы - коў.
 Ка - лы - шы ма - их сы - коў да сем - на - ца - тк гв - аду!!

5. На сем - на - ца - тый год па[й]ши ўдоў - ка па - ва - ду,
 Па[й]ши ўдоў - ка па - ва - ду и кти - ха - му ду - на - ю.

6. Стала ўдоў - ка ва - ау брать, к ёй ка - ра - бель под - плы - вать,
 Што - у том жа ўка - раб - цы ава пра - ўла - лых мо - лай - цы.

2

♩ = 68-72

1. А што же - та за ве-р(ы)-бя, што бяз ко-ры-их рас-ла,
 ох(ы),
 ох, што бяз ко-ры-их рас-ла?

2. А што же - та за юда - ва сем год бяз му-жка жы-ла,
 э - ии(и),
 эй, сем год бяз му-жка жы-ла?

3. Сем год бяз му-жка жы-ла, двух си-ноч-каў ра-ди-ла,
 э - х(ы), ка-в(ы)
 эй, двух си-ноч-каў ра-ди-ла.

4. Двух си-ноч-каў ра-ди-ла, са-ма и-ме-ня да-ла,
 о - х(ы), са-ма и-ме-ня да-ла.

5. Са-ма и-ме-ня да-ла - И-ва-ни-шу й Ва-си-ля,
 о - х(ы), И-ва-ни-шу, Ва-си-ля.

3

J=92

1. Як у ха - шам у ся - ле па - лу - чы - лась на - ви - на,
Ой, да па - лу - чы - лась на - ви - на.

2. На - ра - ли - ла у - да - ва И - ва - кю - шу[й] Ва - ск - ля,
Вот да И - ва - кю - шу й Ва - ск - ля.

3. И - за - мю - шуй Ва - ск - ля па ба - за - ру на - си - ла,
Ой, да па ба - за - ру на - си - ла.

сту - пи -

4. У ла вач - ку сfi ту - пи - ла, хи - та - яч - ку ку - пи - ла,
Вот да хи - та - яч - ку ку - пи - ла.

5. Ки - та - яч - ку ку - пи - ла, ха Ау - кай - реч - ку [a]тнес - ла,
Ой, да на Ау - кай - реч - ку [a]тнес - ла.

4

J=84-88

1. Вы_ез - жа_ла па_хва_ла с(ы) то - ре - а са М(ы).гли_на,

Ой, с(ы) го - ра - ла с(ы) М(ы).гли - на. (У)

да

2. Ст_а - на _ вх_лась па_хва_ла ли пач - та - ва - га а(ы).вя - ра,

Ой, ли пач, то - ва - га два - ра.

да

3. Ли пач - то - ва - га а(ы).вя - ра дышка - реч - ка я(ы)ма - жа - да,

Ой, дышка - реч - ка ма - жа - да.

да

4. „Шишка - рячка ма_ла_ла, па_з-роймс_лу и ви_на,

Ой, па_верь мс_ - ду и вк_ - на."

да

5. „Ве_ рю, ве_ рю ты мой пал(ы), за твой зе_ ле_ на_ жу_ пак,

Ой, за твой зе_ ле_ на_ жу_ пак.

да

6. За твой зе_ ле_ на_ жу_ пак(ы) за тх_ бе до_ чирь аз_ дам,

Ой, за тх_ бе до_ чирь аз_ дам.

да

5

♩ = 80-84

1. Ло - ман, го - ман да - я на ву - ли - цы,
А пай - дём, брат - ды, па - слу - ша - е - м(и).

2. Пай - дём, братцы, мы па - слу - ша - си.

3. Ай, сы - мок ма - ти из ава - ра в(и)га - я - я.

4. „А йах, и - аи, ма - я ма - мен - ка,
А ка мне при - с - хали гос - ти лю - бы - я.

5. Пры - е - хали гос - ти лю - бы - я,
Ах, ма - е жа - ны братцы род - ны - я.

6. Па - [х]ила па - [х]ила ма - я ма - мач - ка,
Да хай па[х]ила за ава - ра, за - пла - каў - цы.

7. Па - [х]ила ма - ти да за - пла - каў - цы,
Да шу - митъ, шу - мить лес - ку б(и)ро - вач - ка.

♩ = 72-76 6

1. Шу - м(ы) - ха, шум - ка да - ка - ву - жи - чы,

Як - си - п(ы) - мат - ку й(х) да - ла - лоў то - чить.

2. Как - си - н(ы) - мат - ку да - ла - ло - в(ы) го - ми - т(ы).
чить:

, Да - ло - в(ы), да - лоў ма - я ма - мач - ка.

3. Да - ло - в(ы), да - ло - в(ы), ма - я ма - мач - ка,
А ўко ж(ы) ты м(ы) - не й(х) на - да - ку - чы - ла."

♩ = 140

1. Ой, сык мат - ку ла - до - в(ы) го - нить:
Да - ло - в(ы), Да - ло - в(ы), ма_я ма - мач - ка.

2. Да - лоў, Да - лоў, ма_я ма - мач - ка.

3. (и) А ўжо ж ты мне на_да_ску - чы - ла.

3. (и) А ўжо ж ты мне на_да_ску - чы - ла,
да па_му - чы - ла.

4. Да - те - й(и) ма - х - х(ы)
да па_му - чы - ла,

5. Же - на ма - я
да с у - ма си - [и]шла.

5. Же - на ма - я
да с у - ма си - [и]шла,

Аст - ки ма - е
у - си ў бту - л(ы) па - [и]шла."

8

♩ = 128

1. А то - ма к(и), то - ман на зу - ли - цы...

А то_ма_к(и), то - ман на зу - ли - цы,

Так съ_ж(ы) мат - ку з а в а - ра го - ки ты

2. „А и - ля з а в а - ра, ма_я ма - мыч - ка,

А и - ля з а в а - ра, ма_я род - мы - я,

3. А у - жо ж ты м(и)не па - да - е - ля.

3. А жа_ку ма - ю и - з(ы)_ку - ри - ла...

А жа_ку ма - ю и - з(ы)_ку - ри - ла.

Ма_их де - та - чык па - за - му - чы - ля.

4. Па - [и]шла з а в а - ра ма_я ма - мач - ка,

А па[и]шла з а в а - ра ма_я род - мы - я,

Пра[и]шла по - ля и д(и) - ру - го - я.

9

d=164-168

1. Ой, к - ки тя_пер свет на_стай,

Што сы_к(ы) ма - мач_ку я_з(ы) да_ра пра_гнай.

2. Из да_ра пра_гнай...

И - деть ма - мач_ка ю_сё ж(ы)ры - да - ю - чы.

3. И - леть ма - мач_ка ю_сё ж(ы)ры - да - ю - чы,

Свай - го сы - мач_ку пра_х(ы)ли - ка - ю - чы.

4. Свай - го сы - мач_ку пра_х(ы)ли - ка - ю - чы:

„Што_б(ы) та - бе, сы_кок, Бог Ао - лж ия давъ.

5. Што_б(ы) та - бе, сы_кок, Бог Ао - лж ия давъ,

Як ты ма - мач_ку я_з(ы) да_ра пра_гнай!“

10

$\text{♩} = 72-76$

1. А ў кя_дель_ку ра_на ла ра - ись_х(и)су,
О_х(и), (х)а ште_й мать сы_х(и)_ку, сы_х(и)_ку, а [я]на пра_кли_на - ла;

2. Ой, что х(и) мать сы_х(и)_ку, сы_на пра_кли_на - ла,
О_х(и), что и пра_кли_у - шы я - го, да_лой з два_ре гла - ла;

3. Штой пра_х(и)ли_у - шы я - го, да_лой з два_ре гла - ла,
„О_х(и), что я - ах, сы_х(и)_ку, я - ах да_лой з два - ра;

4. Што я - ах ж(и), сы_х(и)_ку, я - ах да_лой з два - ра,
О_х(и), ис_ваз - лю - бле_на - я тва_я же_ла_у до - ме,
а ис_ваз - лю - бле_на - я тва_я же_ла_у до - ме,
О_х(и), ис_па - слуш - ны - я тва_е дроб_ы де_т(и)ки"

11

♩=168-172

1. Я - кри) бы - ла ў Ган - ку - си ни мать - ма - чы - хя,

Па - сла - жа Ган - ку - сю и ту - ды - сю - ам.

2. И ту - ды - сю - ды, С(ы) даў - лоч ба - ды,

Як ша[й]шла Ган - ку - ся ни зи - ра - ю - чы.

3. Ни зи - ра - ю - чы, Ни - ги)ле - ла - ю - чы,

Ду - ма - жа Ган - ку - ся, Што ля - сы шу - мяТЬ.

4. А - ж(р)и) за Ган - ку - сей три ваў - ки бе - гать,

А ўз - ли Ган - ку - сю да й лад па - шач - ки.

5. Па - вх - ли Ган - ку - сю у ба - ло - тк - ша,

И ў ба - ло - тк - ша, на ка - ло - лх - ша.

124-128 12

1. Ma_rу - сень_ка ж(y)и) по бе - реж - ку хо - дя.

2. Ой, за ё - ю ве - тер хви - лю го[ня]. (A - у)

3. Ой, за ё - ю ж(y)и) ве - те_р(ы) хви - лю го - жя,

4. Ma_rу - сень_ка на хви - лю сту - пи[ла]. (A - у)

5. Ma_rу - сень_ка ж(y)и) на хви - лю сту - ли - ля,

6. На - зо - ля - ю мать сы - на жа - ни[ла]. (A - у)

7. На - зо - ля - ю ж(y)и) мать сы - на жа - ни - ля,

Прыло - АЛЧ-КАХ
и я - вест - ку су - ли[ха]. (А - у)

5. Прыло - АЛЧ - КАХ(ы)
и я - вест - ку - су - ли.

„Сан-ли - ва - я, Арам-ли - ва жя - ве[стка]. (А - у)

13

$\text{♩} = 80$

1. Як вый - АУ як за ве - ро - ты, зир - ку - г(ы) -
- ля - ку ў бе - хый - свет. 2. Убес - лый свет... Зир - ку - г(ы) -
- ля - ку ў бе - лый свет(ы) жа, ай, за м(ы) - ко - ю смерти -
нет. 3. Смер - ги нет... Вож ты, с(ы) - месть ма - я стра -
- на - я, ни бя - ри ж(ы) ме - ке, ме - лай - па. 4. Ма - лай -
- па й(ы)... Ни бя - ри ж(ы) ме - пе, ма - ла -
- до - га, да й вазь - ми ма - ю жа - ку.

14

B=120

1. Ви - со - ка соу - ляй - ка у - схо - ах, ой, хи - зе - к(и) - ка за - хо [ах].
 2. Пи - зе - ля - ка за - хо - ах... Ай, ма - ло - дый жа - на - тый ка - за - ча да да де - ви - жи хо [ах].
 3. Да ле - вач - ки хо - ах... - ны ха - ах - ка ма - ла - лы ка - за - ча, ай, у - жо ж ты жа - на [ты].
 4. У - же ж ты жа - на - тый... Ка - Г(ы)-ла хо - чыш да ме - не ха - ам - ти, ой, у - бий сва - ю жжи [ху].

15

B=176-180

1. Як па - е - хай мол.х(и) ми - лы ўла - ро - гу,
 Кх - ку - ў, бро - сху жа - му пе - зла - ро - гу.

2. Не - зла - ро - ву...

Прилож - жа - ла ми - же - к(и) - ки зла - ро - ги,

Пы - та - ет - ца ў ми - лы - я зла - роу - я.
 а. Зла - роу - я...

„Ох, ти жы - вя, ми - ля, ти зла - ро - вя?“
 „Лу я - ко - яж то ма - ё зла - роу - я!

„Ти я те - бе бо_л(х)на ў шо - ку ўла - роу,
 Ти х тва - с зла - роу - яй - ка ў ма - лоу?”

16

д=168
 1. „Па_мру, ми - жы, жы_ва_х ия бу - ау!“
 „У_ми_рай, шиль - ма, я пла_катъ ия бу - ау!”
 2. „Са_хай, мо - жы, з клён_дес_реу - па тру_ку,
 Па - лож мя - не ў зя - лё_кам са - доч - ку.

3. Па - лож, ми - лы, ўзя - лё - кам са - доч - ку,

Па - соль, ми - лы, ўго - ла - вы ка - ли - ку."

17

d=88-92

1. Ни быть може за ма - ё - ра - м(ы), за пал - хоу - жи - кам,
А быть эже ми - не за во - рам, за раз - бой - юч - кам.

2. И зве - ча - ра раз - бой -нич - ки у раз - бой зби - ра - лись,
А с поу - на - чы раз - бой -нич - ки у раз - бой па - [й]ши.

3. И споу - ла - чы раз - бой -нич - ки у раз - бой па - [й]ши,
К бе - ламу свету раз - бой -нич - ки из раз - бо - ях и - дуть.

4. Из раз - бо - ях и - дуть, се - мя - ра ко - лей вя - дуть,
И сту - чать, и гро - чать в шы - то - вы - я ве - ра - та.

5. „Вста - вай, жа - ка ма - ха - ла, ни ўзры - вай жи - ва - та,
ни ўзры - вай жи - ва - та, бя - ры плать - тя ск - ик.

6. Ты же и - си с - та плач - ях на ру - чай на ра - ку
Ни раз - (ы) гля - ало - чы, ни раз - гар - та - ю - чы."

♩ = 60

18

рв. 3(ы).-

1. Лес - ка щи - ла - бы - щи - ве - ля, са - ма са - бе раз - ве - жа - ла.
..Што же бы - ти мне за па - кам, за пал - коу - лич - кам.

2. Толь - ка бы - ти м(ы) не за зо - ра - м(ы), за раз - бой -нич - ка - м(ы),
за раз - бо - ям доб - ра жить, мёд - га - раз - лач - ку пить."

ж - м(ы) жи т(ы).,

з. За раз - бо - ям доб - ра жить, мёд - га раз - лач - ку пить,

мёд - а(ы)-

19

$\text{d}=88$

Жа - ни - ла ма - ти сык - ку дай ме па - ж -
до - лим, ай, ў - зи - ла ля - вест - ку дай ме па - лло -
бо [ви]. 2. ў - зи - ла на - вест - ку дай ме па - лю -
бо - ви, ай вы - пра - ви - ла сык - ку ў - ми - ли - да - ро [гу]

20

$\text{d}=180-184$

1. ў - ми - не, ў - ма - ла - ле, ли - ха свя - кро - ва,
Па - сыла - ст мла - ау ў - по - ля жать за - му.
2. А - я жку, я жку лесъ ла зо - чы - ре,
При - хду ў - зо - реч - ку я - за ла - с - ляч - ку.
3. А - во - сем ха - роу па - да - и - ла я,
Пад дес - я - та - хо толь - ка па - ды - йши.

4. Як у - зу - ма - ла пра ах - тя - тац - ку,
Як у - зу - ма - ла пра ма - лель - ка - га.

21

B = 96-100

1. Ой, крали - вач - ка й(х), ты стрыску - ча - я,
Ой, свя_кро - ван - ка, зме - я лю - та - я.

2. Ой, свя_кро - вач - ка, зме - я лю - та - я й(х),
Па_сы_ла - ла й(х) ма_ла_лу ўпо - ля жать ал - ку.

3. Па_сы_ла - ла й(х) ма_ла_лу ўпо - ля жать ал - ку,
Ой, [ж]на эта - ла ж(а)лко, дель да ве - ча - ра.

4. А [ж]на эта - ла ж(а)лко ас - п(а), ас_л(а)ла ве - ча - ра,
Ой, у ве - тя - ри син - пш 2но - си - ли.

5. Сла_ны зно - ск - жв, о й(х), пры - та_ми - ла - ся,
Пры_жил[а]дро - раб - ку, о х(х), па - хм_ли - ла - ск.

6. Пря [й]шла[у]аво - раб - ху, ой, да - хвали - ла - ся,
Што я в[е]б[и] по - ле ах - тя, о й(х), па - за - бы - лася.

22

100-104

1. Па - си - ла - ла ме - не мать ай, у по - ля жы - та жать,
Ой, я жа - ла, жа - ла, сна - пы зло - ск - ла.

2. Ой, я жа - ла, жа - ла, сна - пы зло - ск - ла,
Са - ма [у]двор - ку па - [й]шла, ах - тя бро - ск - ла.

3. Са - ма [у]двор - ку па - [й]шла, ах - тя бро - ск - ла,
Па - ля - че - ры - ла, да - к спа - то(х) же - г(ы) - ла.

23

d=72-76

1. Як бы - ла ўмя - ис сля - кроў лю - та - я,
Як па - сла - ла й(и)-ха ўпо - ля жы - та жатъ.

2. Як па - сла - ла й(и)-ха ўпо - ля жы - та жатъ,
А я ни жа - ла да ўсё ле - жа - ла.

3. Ки жа - ла (й) да ўсё ле - жа - ла,
А пра - скучась я - (й)а ўжко ни ра - на.

4. Пра - скучась я - (й)а ўжко ни ра - на,
Як ста - ля я жать, ста - ла пи_л(ы)_на - вать.

5. Стада я жать, стада пи_л(ы)_на - вать,
На - жа - ха сем коп, сем коп, ча - ты - ри.

24

J=84-88

1. Ай - а - лаж-то ма - я ма - - меч - ка ж(ы)

У ту - ю сям' - юй у вя - ли - ка - ю.

2. У ту - ю сям' - юй у ма - ли - ка - ю,

А у их у - сё ни па - на - ша - му.

3. А уих у - сё ик па - на - ша - му,

А сне - даль - яя пе - рад а - бе - лам.

4. Ай, сне - даль - яя пе - рад а - бе - ла - ж(ы),

Ай, а - бед жа пе - рад по - лу - я(ы) - ям.

5. Ай, а - бед жа пе - рад по - жу - а(ы) - ям,

Ай, ая - чз - ра пе - - рад пе - в(ы) - ея - мы.

25

B=184-188

1. Ой, малыши, мальчики, у вялых хало ўсям'ю,
У вялых хало ўсям'ю, безу - ря - дыши - ва - ю.

2. У вялых хало ўсям'ю, безу - ря - дыши - ва - ю,
Самые малыши вячко - рятъ, а мне ложки хи - ма.

3. Самые малыши вячко - рятъ, а мне ложки хи - ма,
Ой, малыши, малыши, пасы - лают па - да.

4. Ой, малыши, малыши, пасы - лают па - да,
Пазали - цу я йду, як га - лу - бачка гу - ду.

5. Пазали - цу я йду, як га - лу - бачка гу - ду,
Прыжку я к кало - дыю, умы - ва - ю - ск.

26

♩ = 112

1. Ah, ты го-ду-б(ы)-га-лу-бок, ля-ти юма-ю стара-шу,
ой, ля-ти юма-ю стара-шу.

2. Ля-ти юма-ю стара-шу, на-ка-жы ро-ду май-му,
ой, на-ка-жы ро-ду май-му.

3. На-ка-жы ро-ду май-му, что я ту-та га-рю-ю,
ой, что я ту-та га-рю-ю. (У)

4. Што я ту-та га-рю-ю, я тут жи-ти ия бу-ду,
ой, я тут жи-ти ия бу-ду.

27

J=84

1. Бы бы_ла я ума - мач - ки а ча - ты - ры ж(ы) га .

- Аы ж(ы), эй, да ва пя - ты га - Ао - чык я

- кий

а пташ - ка - й(ы) па - ля - чу. 2. [На]пя - ты та -

- кий

- Ао - чык я а пташ - ка - й(ы) па - ля - чу ж(ы), эй,

да як ся - ау я ўса - ах - ку, а ўзя - лё - кам да са -

- ау. 3. Як ся - ау я ўса - ди - ку,

- нам

а ўзя - лё - на - м(ы) а ўса - ау ж(ы), эй, ой, у зя - лё - на - м(ы)

са - Аи - ку, ай, лад х гру - ша - ю.

28

♩ = 100

1. А ѿсе лю_ди аво - ру йдут... А ѿсе лю_ди аво - ру йдут,
Я, мла_да, ия ду - ма - ю.

2. Я, мла_да, ия ду - ма - ю... Я, мла_да ия ду - ма - ю
Ксва_я_му ия_лю - бы - му.

3. Скину_ся я, мо - ла - а... Скину_ся я, мо - ла - а,
Се_ры_ю зя_зю - ле - ю.

4. Па_лячу я, мо - ла - а... Па_лячу я, мо - ла - а,
Ксве_я_му ия_лю - бы - му.

5. Па_ляжу я, мо - ла - а... Па_ляжу я, мо - ла - а,
Што ия_лю_бый де - лы - жть.

29

J-80

1. За - лу - ма - ла ма - мач - ха сы - на жа - ки - ти,
Ой, ад - а - ла, род - на - я, пя - рю слу - жы - ти.
2. Ой, на - пос - жи ма - мач - ка раз - лу - ма - ла - ся!
„Вяр - нись, мой сы - но - чы - к(ы), да - пра - ща - им - ся!“

30

J-104-108

1. Чу - ла, чу - ла ма - я до - ля,
Айна чу - ла, же сха - за - ля б(и)х(у),
Ня быть мо - лай - лай - пу й у ло[мс]. (У)
2. Ня быть мо - лай - цу й у до - ме,
А быть мо - лай - ду уня - во - ля,
Быть ма - лой - цу у ня - во[ли]. (У)
3. А обра - гамо - лай - па - й у - эх - ли...

доб - ра мо - лай - цай у - зя - ли,
 на - за - ли(ру) - чач - ки звя - за[ли]. (У)

4. Са - мисе - ли ая - за - пе - ли...

А - ик се - ли ая - за - пе - ли,
 добрый мо - ла - асц за - пла(хай). (У)

31

$\text{♩} = 80$

1. А го - ман, го - мак на ву - ли - шы,
 Го - ман, го - ман на шы - ро - кая.

2. И га - во - руть, и га - мо - нют,
 И га - во - руть, и га - мо - нют.

3. И ва - нюп - ку друж - ка ло - вют,
 И ва - нюп - ку друж - ка ло - вют.

4. У - ла - вх - ли, па - са - лх - ли,
 И ула - вх - ли, па - са - лх - ли.

5. И ува - зо - чык, айт, у са - мень -
 - юй за - до - чык, и ува - зо - чык.

6. Са - ми се - ли, за - гре - же - ли,
 Са - ми се - ли, за - гре - же - ли.

7. Гром - ки пе - сен - хи за - пе - лих,
 Гром - ки пе - сен - хи за - пе - ли.

32

$\text{♩} = 80-88$

3х, че - раз реч - ку, че - раз
 быст - ру... о - ѫ(к), чи - раз реч - ку, чи - раз

быст - ру мост ка - ли - нах - ка ля - жить. 2. ой, як па

тый жа мас - та - вин - ки... о - ѫ(к), як па

ты жа мас - та - вин - ки друг мой ми - лень - кий и -

- шол. 3. ой, мас - та - ви - ныч - ха [а]бла -

33

d=72

1. Ни а - то - к(х) га - рыть, ни ва - ла ки - пить,
ох, ки - пить, ки - пить серд - на умо - лад - ца.
2. Ох, ки - пить, ки - пить серд - на ю мо - лад - ца х(х),
ни па [а]тиу ки - пить, ни па ма - те - ри,
3. Ни па ат - цу ки - пить, ни па ма - те - ри,
ох, ки - пить серд - на па крас - на - й(х) десу - цы.

4.0х, ки - шть серд - ца па крас - на - ю(х) деу - ки,
на

Крас - ку де - вач - ку ха - ра - хить ия - суть.

34

♩ = 80

1. Рас - пле - тя - ли си - ня мо - ря ре - з(ы).ны.. ми цве - та - ми,
эй, ой цве - та - ми.

2. Раз - ны.ми цве - та - ми, (х)а всё ка - раб - ля - ми,
эй, ка - раб - ля - ми.

3. Штой у тых эже (х)е ўка - раб - лях ме - т(ы).ро - си гу - ля - ля,
эй, ой гу - ля - ля.

4. А - хи ж(ы) са - бе крас - ку деу - ку ўка - раб па - ма - ў - ля - ля,
эй, па - ма - ж(ы) ля - ля.

5. „Ха - ли, ха - ли, крас - ку деу - ка, к нам ўка - раб гу - ля - ти,

Эх, ой гу - ля - ти.

6. Бу - дес тя - бе, крас - на дес - ка, ви - ном на - па - ва - ти,

Эх, на - па - ва - ти."

35

J=104

1. А бы - лик лю - ах ав ни - вер - кы - я,
Ах, ик ве - ра - за - ли Гос - па - ау Бо - гу.

2. А ик ве - ра - за - ли Гос - па - ау Бо - гу,
Дай па - ве - ра - за - ли пра - жка - та - му Смо - ку.

3. А да - за - ли Смо - ку што да як па [а]бро - ху,
Што да як па[а]бро - ху, ѿсё па ча - ла - ве - ку

4. Ат' - еў же Смок па - ла - ви - ку царст - ви,
Ах, да - бреў - ся Смок да са - мо - га па - ра.

5. Сам шар ки яёт и па - ря - в(ы) - кио им плачть,
На - си - ла - л я - ёх АОЧ - ку сна - ю.

36

=100

1. Па - А(ы)-хзў - ся бунт меж.ды на - ро - ау, ой,

х з'я - дау Пмок ўдень па ча-ла-ве - ку.

2. З'я - дау Пмок ўдень па ча-ла-ве - ку,
(ой.)

ой, пры-яла ча - р(ы)-га да са-мо - га цв-ря.
прим.

37

$\text{♩} = 168-172$

1. Ах, у ня - дель - ку ла - ра - жель - ку.

2. Эй, па - ра - пеньку...

3. Са - би - ра - ла - ся гра - ма - дач - ка.

4. Гра - ма - дач - ка...

5. Усё сал - айт - ка - га ла - ра - дач - ка.

6. Ла - ра - дач - ка...

7. Ука - го сы - ноц - ик - ўвайс - ку шли - ка!

8. Ўвайс - ку шли - ка...

9. А хто ни ма - я - ни - хай ка - йма - ка!"

38

$\text{♩} = 144 - 148$

1. да бу-ла ўмат - ки дай ад - на дач - ка,

2. ви са - ды ма - се, ви зе - лё - ны [e].,

2. дай ад - на дач - ка, а - ди - ни чак - ка,

3. ви са - ды ма - се, ви зе - лё - ны [e].,

3. да я прийду к си да тро - е сва - тов,

Ви са - ды ма - се, ви зе - лё - ки[е].

Пер - ви - е сла - ты да мас - хоусь - ки - се,

Ви са - ды ма - се, ви зе - лё - ки[е].

39

♩ = 180

1. Да бу - ла ўмат - ки дай за - на дач - ка.

Гром - ком го - ля - сам зем - ля сто - 5 едеть.

2. Да бу - ла ўмат - ки дай за - на дач - ка.

Гром-ким то - ла-сам зем-ля сто - нить.
ка,...юм и.

з. Да пры-пшло и х ёй аж тро - и с(и) вя - тоў,

Гром-ким то - ла-сам зем-ля сто - нить.

4. Да пе- ру-ви- с мат-ка хе да да - ля,

Гром-ким(и) то - ла-сам зем-ля сто - нить.

40

1. Як бу ла ў ма - жи дай ад - на дач - ка,

2. Громка - го - лас - ка зем - ля стог - я,

3. Дай ад - на дач - ка, а - ли - ки - чак - ка,

Громка - го - лас - ка зем - ля стог - я,

3. Свя - ло - е - е ла гро - е сва - тоу,

Громка - го - лас - ка зем - ля стог - я,

J=168-172

41

1. Да ля - ти, стра - ла, вя кру - гом се - ла,

Ви са - ды ма - е, вя зе - лё - мы[с].

2. Не убий, стра - ла, яс - на со - ка - ла],

Ви са - ды ма - е, вя зе - лё - мы[с].

3. А у - бий, стра - ла, та - то мо - лад - ца,

Ви са - ды ма - е, вя зе - лё - мы[с].

1 Па - том мо - лва-ду пе - ка - му пла - хать,

Ви са - ды ма - е, ви зе - ле - ны[е].

42

1 Ой, пу - щу стрэ-лу у ка - лец се - ля,

Ви са - ды ма - е, ви зе - ле - ны[е].

2 Ой, ле - ти, стрэ-ла, у ка - лец се - ля,

$\text{♩} = 180$

Ви са - ди ма - е, ви зе - лё - кы [с].

$\text{♩} = 120$

я дай не убий, стрела, добра мо - ладца,

$\text{♩} = 180$

Ви са - ди ма - е, ви зе - лё - кы [с].

$\text{♩} = 120$

4. А у - бий, страла, яса со - ка-ла,

$\text{♩} = 180$

Ви са - ди ма - е, ви зе - лё - кы [с].

43

1. Як пу - шу стра - лу дай па ўсём ся - лу,

Ох ивой лё - ли, дай ла ўсём ся - лу.

2. Да ты ж(и) ля - ти, стра - ма, дай у долъ се - ла.

Ох ивой лё - ли, дай у долъ се - ха.

3. Да й у долъ се - ла й у - до - ж(и) ву - ли - цы,

Ох ивой лё - ли, й у - долъ ву - ли - цы.

46

J=88-92

1. Штой у по - лх, упо - ли три ду - бы ста - я - ла,
Лё - лх - лё - ли - ле - ли, три ду - бы ста - я - ла.

2. Пад ты - мх ду - ба - мх три пал - ки сал - ла - тау,
Лё - ли - лё - хи - хе - ли, три пал - ки сал - ла - тау.

3. Тры пал - ки сал - ла - тау, ма - ла - лых ра - бя - тау,
Лё - ли - хе - лх - лё - ли, ма - ла - лых ра - бя - тау.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

Экспедиционные материалы расшифрованы с фонограмм Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой. Фонетические отличия местных говоров передаются средствами русской орфографии с учетом особенностей русского и белорусского литературных языков. Для обозначения характерного для диалектов русско-белорусско-украинского пограничья «ух» неслогоового дополнительно введена буква «ӯ». «Г» везде означает «г» фрикативное. Восстановливаемые части слов заключены в квадратные скобки. Круглыми скобками в текстах отмечаются огласовки согласных.

Все записи хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы. Индекс и номер фонограммы означает следующее: буквенное обозначение (МФ) — вид хранения (магнитофонный фонд), четырехзначное число — номер пленки, двузначное число (через дефис) — порядковый номер записи на пленке. В том случае, когда материалы еще не получили постоянного фондового номера, приводится ссылка на экспедиционный реестр (ЭР) с указанием области, в которой работала экспедиция (Бр. — Брянская, Гом. — Гомельская, Мг. — Могилевская, Ч. — Черниговская), года (четырехзначное число), номера пленки (первое двузначное число), порядкового номера записи на пленке (второе двузначное число через дефис).

Полные сведения об исполнителе приводятся при первом упоминании о нем.

1. ЭР Гом.-1990, 47-06. Исп.: Пелагея Егоровна Кондратова, 1912 г. рожд. Зап. в д. Юрковичи Ветковского р-на Гомельской обл. 25 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской. Белорусская обработка сюжета «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики». Одна из отличительных особенностей текста: в трагедии кровосмешения обвиняется не только мать, но и попы, венчавшие брата с сестрой, и сваты. Библ. вар. см.: РФ-27, comment. 5. Доп.: Баллады, с. 24—37.
2. ЭР Бр.-1989, 20-06, 21-01. Исп.: Анастасия Евграфовна Борисенко, 1915 г. рожд., Мария Сидоровна Литвякова, 1927 г. рожд. Зап. в д. Красная Слобода Сурожского р-на Брянской обл. 19 июня 1989 г. Ю. И. Марченко и А. М. Келаревым. Иная версия сюжета «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики» (ср. с № 1), где за одного из сыновей выходит замуж сама вдова, за другого отдает свою дочь. Художественно выразителен зачин баллады.

Ю. И. Смирновым сюжет трактуется как самостоятельный в отличие от контаминированного «Вдова и сыновья-корабельщики» + «Брат женился на сестре». См.: Указатель, 21.

3. ЭР Бр.-1990, 05-02. Исп.: Галина Герасимовна Нетбай, 1909 г. рожд., Александра Ивановна Язвенко, 1912 г. рожд. Зап. в д. Луговец Мглинского р-на Брянской обл. 5 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.

Сокращенный вариант баллады, лишенный трагической развязки (ср. с № 1). Интересен зачин о «навине», как бы привязывающий повествование о случившемся к истории конкретного села.

4. ЭР Бр.-1990, 13-02. Исп.: Татьяна Ефимовна Бугаева, 1908 г. рожд., Матруна Олимпиевна Хмелева, 1913 г. рожд., Нина Александровна Бугаева, 1932 г. рожд. Зап. в д. Попелевка Мглинского р-на Брянской обл. 10 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.

Вторая часть баллады, где повествуется о легендарном происхождении цветка «иван-да-марья», оказывается «кочующей» (ср. сюжет «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики», в частности № 1 настоящей публикации). Ю. И. Смирнов трактует сюжет «Брат женился на сестре» как самостоятельный, а легендарную концовку считает сугубо полесским явлением по своему происхождению (см.: ЭП-4, примеч. к № 31, с. 280). Тем не менее публикуемая баллада вряд ли представляет собой контаминацию. Ее первая часть не получает развития в каких-либо вариантах и не фиксировалась в виде отдельного сюжета. Вар. см.: Русские народные песни Смоленской области / Сост., расшифр. и comment. Ф. А. Рубцова. Л., 1991. № 31 (с. 34—35) и commentарий к нему (с. 114—116).

5. ЭР Бр.-1988, 14-07. Исп. Мария Григорьевна Привалова, 1906 г. рожд. Зап. в д. Летяхи Красногорского р-на Брянской обл. 17 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Очень широко распространена в районах ГБЧ. Текст близок опубликованному ранее (см.: РФ-27, № 7), но содержит иную мотивировку изгнания сыном матери из дома. Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 6.

6. ЭР Бр.-1990, 20-03. Исп.: Григорий Никифорович Марченко, 1926 г. рожд., Аксенья Алексеевна Лахтикова, 1911 г. рожд., Надежда Герасимовна Марченко, 1925 г. рожд. Зап. в д. Калиновский поселок Мглинского р-на Брянской обл. 12 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской. Варьируется содержание трех несчастий, совершающихся как возмездие за деяние сына.

7. ЭР Бр.-1990, 19-04. Исп. Авгинья Ильинична Зайцева, 1910 г. рожд. Зап. в д. Молодьково Мглинского р-на Брянской обл. 12 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.

В балладе отсутствует традиционный зачин. Необычна причина изгнания сыном матери: в ней видит сын виновницу уже прошедших в доме неурядиц. Ср. концовку предыдущего текста, «перенесенную» здесь в начало.

8. ЭР МГ.-1987, 13-10. Исп. Ольга Никитовна Баева, 1918 г. рожд. Зап. в д. Забельшино Хотимского р-на Могилевской обл. 23 июля 1987 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Несколько усеченный вариант. Не содержит полного перечня совершившихся в отсутствие матери бед.

9. ЭР Гом.-1988, 01-06. Исп. Елизавета Егоровна Приходько, 1929 г. рожд. Зап. в пос. Свобода (Навина) Ветковского р-на Гомельской обл. 14 апреля 1988 г. Ю. И. Марченко и В. П. Шифром.

Вариант наиболее «назидательный» из всех публикуемых. Содержит прямое осуждение и мотив проклятия сына матерью.

10. ЭР Бр.-1989, 20-02. Свед. о зап. см. comment. 2. См.: Баллады, с. 365—367, а также сходные тексты, представленные в наших предыдущих работах (см.: РФ-27, № 8; РФ-28, № 15). Предлагаемый вариант содержит основной конфликт сюжета, но отсутствует концовка, по всей видимости, более позднего происхождения (ср.: РФ-27, № 8).

11. ЭР Бр.-1989, 10-03. Исп. Аксинья Павловна Склима, 1904 г. рожд. Зап. в д. Тугани Красногорского р-на Брянской обл. 14 июня 1989 г. Ю. И. Марченко и А. М. Келаревым.

Довольно редкий сюжет. В балладе активно используются элементы сказочной фантастики, сказочные мотивы, к чему располагает и самый характер конфликта, традиционный для сказки («мачеха—падчерица»). Вар.: Радченко, № 189, с. 213; Гринченко, № 737, с. 413; РФ-27, № 12. Доп.: Баллады, с. 410—411.

12. ЭР Бр.-1990, 27-02. Исп.: Зоя Тимофеевна Малащенко, 1918 г. рожд., Ульяна Васильевна Малащенко, 1925 г. рожд., Прасковья Вавиловна Горюхова, 1926 г. рожд. Зап. в д. Высокое Мглинского р-на Брянской обл. 14 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.

По характеру разработки сюжета текст согласуется с вариантами, включенными в предыдущие публикации (см.: РФ-27, № 4; РФ-28, № 1 и commentарии к ним), но обладает своеобразием художественной детализации. Наиболее распространенной в юго-западных областях является другая версия, где роковую роль играет ненависть свекровки к невестке и ее безграничная власть над своим сыном. Библ. вар. см.: Баллады-2, № 946—970, с. 707—710.

13. МФ 2766-09. Исп. Софья Михайловна Пущененко, 1902 г. рожд., родом из д. Неговка Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл. Зап. в д. Ленино (Поповка) Добрушского р-на Гомельской обл. 25 июня 1983 г. Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой.

Судя по малому количеству публикаций, редкий сюжет. Будучи явно поздним по происхождению, текст содержит тем не менее отголоски архаических представлений: убийство жены мужем совершается посредством заклятия, деяния словом (обращение-просьба к смерти). Вар.: Радченко, № 3, с. 124—125; РФ-28, № 9.

14. ЭР Бр.-1990, 30-01. Исп. З. Т. Малащенко. Зап. в д. Высокое Мглинского р-на Брянской обл. 14 июля 1990 г. Ю. И. Марченко.

Отсутствует типичный для аналогичных текстов мотив муж приходит домой, начинает точить ножи, и жена таким образом догадывается о его злом умысле. В данном варианте все выглядит более прозаичным, лишенным нарочито эффективного, «картинного» приема Библ вар см Баллады-2, № 971—981, с 710—712

15 ЭР Гом -1990, 48-02 Свед о зап см коммент 1

Близкий вариант содержится в одной из предшествующих наших публикаций (см РФ-27, № 10). Здесь появляется новый мотив косвенной вины мужа он бросил жену больную, а не здоровую Вар см Радченко, № 70, с 186

16 ЭР Мг -1988, 19-03 Исп Любовь Никитична Подолякина, 1924 г рожд, Любовь Никифоровна Архипцева 1935 г рожд Зап в д Яновка Краснопольского р-на Могилевской обл 24 июля 1988 г Ю И Марченко и Н Н Поповой

Настоящий текст предельно сжат, динамичен Традиционный зачин отсутствует (ср с № 15) Текст более соответствует канонам балладного жанра Конфликт в отношениях между мужем и женой здесь откровенно обнажается и подчеркнут супорной концовкой

17 ЭР Гом -1990, 47-03 Свед о зап см коммент 1

Текст относится к первой версии общеславянского сюжета «Муж-разбойник», распространенной в Польше, Белоруссии и в районах центральной Украины (см об этом Линтур, с 261) В районах ГБЧ обязательным оказывается мотив запрета разворачивать и рассматривать платье убитого, которое разбойник передает жене (ср Балашов, с 128) Библ вар см РФ-27, коммент 15 Доп Можейко-2, с 103—105, Баллады, с 445—450

18 ЭР Гом -1990, 40-12, 41-01 Исп Прасковья Дмитриевна Сляпухина, 1905 г рожд, Прасковья Борисовна Шаповалова, 1913 г рожд, Екатерина Наумовна Шаповалова, 1924 г рожд, Наталья Трофимовна Шугалеева, 1925 г рожд, Анастасия Остаповна Шаповалова, 1929 г рожд Зап в д Сивинка Ветковского р-на Гомельской обл 21 июля 1990 г Ю И Марченко и О В Недзведской
О сюжете см коммент 17

19 МФ 2774-02 Исп Анастасия Семеновна Горелова, 1922 г рожд, Анастасия Яковлевна Волкова, 1923 г рожд, Вера Григорьевна Савянкова, 1928 г рожд, Елена Максимовна Корхова, 1937 г рожд, Нина Петровна Сидролова, 1938 г рожд, Надежда Борисовна Волкова, 1939 г рожд Зап в д Перелевка Ветковского р-на Гомельской обл 29 июня 1983 г Ю И Марченко и Л И Петровой

Разбор полесских вариантов см Толстой Н И Невестка стала в поле тополем («тополей») // Славянский и балканский фольклор Духовная культура Полесья на общеславянском фоне М, 1986 С 39—44 Библ вар см РФ-27, коммент 3 Доп Можейко-2, с 53—55, 86—87, Баллады, с 216—236

20 ЭР Мг -1987, 13-08 Исп О Н Баева Свед о зап см коммент 8

По свидетельству исполнительницы, — «летняя песня», в которой нашли поэтическое обобщение реальные (бывшие прошлом отнюдь не единичными) факты гибели младенцев, оставленных в поле без присмотра во время жатвы и других крестьянских работ В публикуемых вариантах по-разному осмысливается доля вины невестки и свекрови в произошедшей трагедии (см № 21—23) Библ вар см Список, 82, Указатель, 3 Доп РФ-27, № 13 Ср Можейко-2, с 91—92

21 ЭР Бр -1990, 08-01 Исп Татьяна Александровна Верезубова, 1937 г рожд Зап в д Зимодровка Мглинского р-на Брянской обл 6 июля 1990 г Ю И Марченко и О В Недзведской

Трагический исход усилен редкой для этой баллады концовкой молодая мать просит волков разорвать ее сюжет в большей степени «повернут» в сторону раскрытия горькой участи замужней молодой женщины в чужом доме См также коммент 20

22 ЭР Бр -1990, 15-01 Исп Т Е Бугаева Свед о зап см коммент 4
О сюжете см коммент 20

23 ЭР Бр -1990, 27-04, 28-01 Исп З Т Малашенко Свед о зап см коммент 12
О сюжете см коммент 20

24 МФ 2754-05 Исп Арина Степановна Буракова, 1914 г рожд Зап в с Столбун Ветковского р-на Гомельской обл 16 июня 1983 г Ю И Марченко, Л И Петровой и А В Осиповым Яркий образец белорусской семейно-бытовой лирики, восходящий к традиции песни-жалобы

25 ЭР Бр -1990, 30-02 Исп П В Горохова Свед о зап см коммент 12

В отличие от баллады «Муж губит жену по научению матери» (см № 12), песня завершается благополучной концовкой Поэтические аналогии с текстами лирических песен (ср с № 24) указывают на разрушение канонов эпического жанра Вар см Красноярские песни, № 114

26 ЭР Бр -1990, 07-08 Свед о зап см коммент 3

В целом сюжет развивается в русле семейно-бытовой лирики Но концовка носит явно балладный характер

27 МФ 2732-01 Исп Аксинья Лаврентьевна Фяськова, 1922 г рожд, Мария Лаврентьевна Зуева, 1927 г рожд, Мария Даниловна Таранова, 1924 г рожд, Федора Федосовна Халюкова, 1910 г рожд, Зоя Даниловна Буракова, 1939 г рожд, Мария Павловна Морозова, 1935 г рожд Зап в с Столбун Ветковского р-на Гомельской обл 18 августа 1982 г Ю И Марченко и Л И Петровой

Исполнение песни приурочено к летним полевым работам Чрезвычайно популярный в Полесье и в районах ГБЧ сюжет Интересен с точки зрения постановки вопроса о взаимодействии эпоса и обряда Некоторые ученые считают, что древнейшей формой сюжета была свадебная песня (Колесса), оторвав-

шаяся затем от обряда и обогатившаяся элементами баллады (Линтур). Другие придерживаются противоположной точки зрения (Земцовский). Подробно о сюжете см.: Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 102—108. Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 27. Доп.: Можейко-2, с. 78—81.

28. ЭР Мг.-1987, 14-13. Исп.: Софья Григорьевна Романенко, 1918 г. рожд., Мария Филипповна Анищенко, 1927 г. рожд. Зап. в д. Тростино Хотимского р-на Могилевской обл. 24 июля 1987 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Песня, приуроченная к периоду летних полевых работ с центральным (получившим здесь своеобразное преломление) мотивом превращения женщины в кукушку. Среди публикаций аналогий не выявлено.

29. ЭР Бр.-1988, 15-09. Исп. Наталья Васильевна Главинская, 1912 г. рожд. Зап. в д. Летяхи Красногорского р-на Брянской обл. 17 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Редкий случай приспособления сюжета «Дочка-пташечка» к рекрутской тематике (см. № 27 настоящей публикации и comment. к нему). Среди опубликованных материалов прямых аналогий обнаружить не удалось.

30. ЭР Бр.-1988, 17-07. Исп.: Татьяна Михайловна Рубан, 1913 г. рожд., Александрия Антоновна Рубан, 1923 г. рожд. Зап. в д. Николаевка Красногорского р-на Брянской обл. 18 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Текст восходит к рекрутским песням о насильтственном пострижении в солдаты. Ср.: РФ-28, № 7 и comment. к нему.

31. ЭР Мг.-1988, 19-11. Свед. о зап. см. comment. 16.
О сюжете см. comment. 30.

32. ЭР Мг.-1987, 13-07. Исп.: О. Н. Баева, Анна Степановна Шавридина, 1924 г. рожд. Свед. о зап. см. comment. 8.

Текст, близкий публиковавшемуся ранее (см.: РФ-28, № 20), но вместо обращения девушки к рыболовам с просьбой выловить милого из реки появляется новый мотив: девушка сама пытается вычерпать речку ведрами. Библ. вар. см.: РФ-28, коммент. 20.

33. ЭР Бр.-1990, 21-02. Исп.: Г. Н. Марченко, Н. Г. Марченко. Свед. о зап. см. comment. 6.

Текст, по всей видимости, представляет собой оторвавшийся фрагмент, который со временем получил композиционную и смысловую завершенность песни с развернутым повествовательным сюжетом. Вар. см.: Чулков, № 177, с. 213—214. Ср. также сюжет «Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле» (№ 15—16 наст. публикации).

34. ЭР Мг.-1988, 18-05. Исп. Матрена Ивановна Игнатенко, 1907 г. рожд., родом из Березняковского с/с Краснопольского р-на Могилевской обл. Зап. в д. Выдренка Краснопольского р-на Могилевской обл. 23 июля 1983 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

Ю. И. Смирнов рассматривает три версии сюжета баллады «Матросы увозят девушку на корабле» (см.: Указатель, 106). Все три зафиксированы в районах ГБЧ. Публикуемый текст представляет третью версию, где драматическая развязка не приводит к трагическому финалу: отсутствует заключительный эпизод гибели девушки (ср.: РФ-27, № 16, РФ-28, № 17). Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 16.

35. ЭР Гом.-1990, 49-02. Свед. о зап. см. comment. 1.

Эпический духовный стих — как правило, включаемый в сборники в качестве баллады с христианской легендарной тематикой. В районах русско-белорусско-украинского пограничья исполнители определяют его как «псалты», связывая с традицией внеобрядового религиозного пения. В тексте улавливаются элементы сказочной фантастики — в описании Змея, в послухах царя герою, освободившему dochь, отдать ее в жены с половиной царства в приданое. Полесские вар. см.: ЭП-2, № 63, с. 255—256; ЭП-3, № 5, с. 187; Климчук, № 7, с. 221—222.

36. МФ 2692-01. Исп.: Авдотья Васильевна Гузанова, 1907 г. рожд., Матрена Кондратьевна Фясыкова, 1913 г. рожд., Алена Кондратьевна Фясыкова, 1915 г. рожд. Зап. в пос. Залядье Ветковского р-на Гомельской обл. 3 марта 1982 г. Ю. И. Марченко.

Текст близок предыдущему, но с иным зacinом и несколько усеченным окончанием. Поэтому смысл укroшения Змея Егорием — укрепление веры в Господа среди извершившихся — выражен в нем с меньшей определенностью (ср. с № 35). Библ. полесских вар. см.: коммент. 35.

37. ЭР Гом.-1990, 50-04. Свед. о зап. см. comment. 1.

Весенняя загукальная песня с развитым эпическим сюжетом. В полном соответствии с канонами балладного жанра беда, происходящая из-за нарушения материнского запрета, оказывается непоправимой. Включение мотива перехода через реку, отсутствующего во многих близких вариантах (см. например: ЭП-2, № 10—11, с. 234—235), характер заключительного развернутого параллелизма подчеркивают эффект отчуждения, невозможность возврата плениенной девушки в родной дом. Библ. вар. см.: Указатель, 139, 140. Доп.: РФ-27, коммент. 31; Можейко-1, с. 26, 37.

38. ЭР Ч.-1988, 26-17. Исп.: Матрена Порфириевна Кисель, 1915 г. рожд., Ефросинья Ивановна Кисель, 1916 г. рожд., Мария Ивановна Протченко, 1915 г. рожд. Зап. в д. Автуничи Городнянского р-на Черниговской обл. 1 августа 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.

«Гряная» песня, связанная с заключительным этапом троицко-семицкой обрядности — на русальной неделе. Довольно редкий сюжет. Произведенные нами записи свидетельствуют о достаточной стабильности текста. Варьируются в основном припевы и конкретные поименования сватов. Суровое содержание песни в заключительной части нередко переходит в притет матери, что согласуется с эмоциональным наполнением полесских «русальных» обрядов (подробнее см.: Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья

- на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88—130). Вар. см.: РФ-27, № 26; РФ-28, № 35. Ср. иную разработку сюжета: Баллады-2, № 629—630, с. 96—98. Доп.: Савельева Н. М. Суземские песни. М., 1995. С. 27—30; Баллады, с. 299.
39. ЭР Ч.-1988, 28-11. Исп.: Мария Ивановна Стволова, 1914 г. рожд., Варвара Леоновна Стволова, 1920 г. рожд., Татьяна Филипповна Попович, 1922 г. рожд. Зап. в д. Лемешовка Городнянского р-на Черниговской обл. 2 августа 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой. О сюжете см. comment. 38.
40. ЭР Ч.-1988, 21-07. Исп.: Мария Гавриловна Осадчая, 1913 г. рожд. Ефросинья Миновна Пинчук, 1914 г. рожд., Екатерина Кондратьевна Верхуша, 1921 г. рожд. Зап. в д. Андреевка Городнянского р-на Черниговской обл. 28 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой. О сюжете см. comment. 38.
41. ЭР Ч.-1988, 28-15. Свед. о зап. см. comment. 39.
«Гряная» песня. См. comment. 38. О сюжете см. comment. 43.
42. ЭР Ч.-1988, 21-03. Свед. о зап. см. comment. 40.
«Гряная» песня. См. comment. 38. О сюжете см. comment. 43.
43. ЭР Гом.-1990, 38-08, 39-01. Исп.: П. Д. Сляпухина, П. Б. Шаповалова, Н. Т. Шугалеева, А. О. Шаповалова, Прасковья Анатольевна Шаповалова, 1910 г. рожд. Свед. о зап. см. comment. 18.
Календарно-хороводная песня, связанная с обрядом «похорон стрельы». О сюжете и о вар. песни см.: Гусев В. Е., Марченко Ю. И. «Стрела» в русско-белорусско-украинском пограничье (к проблеме изучения локальных песенных традиций) // Русский фольклор: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. 24. С. 129—147. Об обряде см.: Гусев В. Е. Вождение «стрельы» («сулы») в восточном Полесье // Славянский и балканский фольклор... М., 1986. С. 63—76. Доп. вар. см.: Марченко Ю. И. Песенный репертуар обряда «похорон стрельы» // Русский фольклор. Т. 25. С. 159—181; Правдюк А. А. Из записей «Стрельы» украинскими фольклористами // Там же. С. 181—187; РФ-28, № 25, 31.
44. ЭР Гом.-1990, 39-02. Свед. о зап. см. comment. 43.
Календарно-хороводная песня, связанная с весенней обрядностью. Исполняется на типовой напев, общий для всех песен, поющих во время обрядового шествия. См. № 43 и comment. к нему. О сюжете см.: РФ-28, comment. 34. Ср.: Можайко-1, с. 80.
45. ЭР Гом.-1990, 38-06. Свед. о зап. см. comment. 43.
Календарно-хороводная песня. О форме бытования и обстоятельствах исполнения, а также о напеве — см. comment. 43, 44. О сюжете см.: РФ-27, comment. 25.
46. ЭР Гом.-1990, 49-09. Исп.: П. Е. Кондратова, Анна Ивановна Нечипаркова, 1919 г. рожд. Свед. о зап. см. comment. 1.
Хороводная песня, связанная с весенней календарной обрядностью. Текст отличается от аналогичных выразительной завершающей параллелью. Библ. вар. см.: Список, 55; Баллады-2, № 1043—1053, с. 719—721; ЭП-3, примеч. 27, с. 213; Можайко-2, с. 51—53.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Балашов** — Народные баллады / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1962. (Б-ка поэта; Б. сер.).
- Баллады** — Балади: родинно-побутові стосунки / Упорядники О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук (тексти). П. І. Іваницький (мелодії). Київ, 1988.
- Баллады-2** — Беларуская народная творчасць: Балады ў дзвях книгах / Уклад., сістэматызац., уступн. арт. і камент. Л. М. Салавей, уступн. арт., уклад. I сістэматызац. напеваў Т. А. Дубковай. Рэд. тома К. П. Кабашнікаў, В. І. Ялатай. Мінск, 1978. Кн. 2.
- ГБЧ** — Гомельско-брянско-черниговский регион.
- Гринченко** — Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Песни. Чернигов, 1899. Вып. 3.
- Климчук** — Климчук Ф. Д. Песни юго-восточного Загородья // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 217—233.
- Красноярские песни** — Русские народные песни Красноярского края / Под ред. С. В. Аксакова. М., 1962. Вып. 2.
- Линтур** — Народні балади Закарпаття / Запис та впорядкування текстів, вступна статья і примітки П. В. Лінтура. Видавництво Львівського університету, 1966.
- Можайко-1** — Можайко З. Я. Песни белорусского Полесья. М., 1983. Вып. 1.
- Можайко-2** — Можайко З. Я. Песни белорусского Полесья. М., 1984. Вып. 2.
- Радченко** — Гомельские народные песни (белорусские и малорусские) / Записаны в Дятловичской волости Гомельского уезда Могилевской губернии З. Ф. Радченко // Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1888. Т. XIII. Вып. 2.
- РФ-27** — Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205—255.
- РФ-28** — Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 290—348.

-
- Список — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974. С. 113—143.
- Указатель — Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
- Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Части I, II и III с прибавлением 1770—1773 гг. СПб., 1913.
- ЭП-2 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор: Обряд, текст. М., 1981. С. 224—269.
- ЭП-3 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья по записям 1976 г. // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 179—216.
- ЭП-4 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1977 г., Ч. 1) // Славянский и балканский фольклор: Духовая культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 243—284.

А. Ю. КАСТРОВ

НАПЕВЫ ПУДОЖСКИХ ПРИЧИТАНИЙ ТИРАДНО-СТРОФИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ

Поэтические тексты причитаний Пудожского края широко известны по публикациям прошлого века, а также по современным изданиям.¹ Напевы пудожской причети были введены в научный оборот сравнительно недавно, число опубликованных образцов незначительно. Более того, в единственном музыкально-антологическом издании пудожская традиция индивидуальной причети оказалась представленной лишь одностиховыми (однострочными) напевными образцами.² При этом наиболее показательные для местной традиции музыкальные формы причети тирадно-стrophicеской (многострочной, многочастной) композиции приводятся в качестве единичных нотных иллюстраций в составе музикоедических работ.³ Вследствие сложившейся парадоксальной ситуации издание репрезентативных образцов тирадно-стrophicеских напевов причитаний Пудожского края представляется необходимым шагом в процессе изучения локальной традиции причети. Настоящая публикация основывается на материалах, собранных в экспедициях 1984—1986 гг., проводившихся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на территории Пудожского района Карелии.⁴

Прежде всего охарактеризуем состояние местной причетной традиции на время экспедиционной работы. Возраст основных хранительниц плачевой культуры колеблется (за редкими исключениями) в пределах от 70 до 80 лет. Как правило, все опрошенные исполнительницы в равной степени владеют искусством свадебной и похоронно-поминальной причети.⁵ Однако нельзя не заметить тенденции к забвению свадебных причитаний. Данное явление вызвано причинами исторического порядка: вследствие искусственного разрушения местного свадебного обряда в конце 1920—начале 1930-х гг. Распад в первую очередь затронул музыкально-поэтические формы сольного исполнительства и в меньшей степени коллективные. Хорошо сохранностью отличаются похоронные и поминальные плачи: женщины старшего поколения до сих пор причитают по умершим.⁶ Меньшее число записей собственно похоронных причитаний в сравнении с поминальными обусловлено методическими установками, сложившимися в современной экспедиционной практике. Они направлены на имитацию привычного для информаторов эмоционального состояния в естественных условиях исполнения. В случаях отказа воспроизвести причитания, звучавшие на похоронах, собираители, принимая во внимание преклонный возраст исполнителей, не

¹ Перечислим основные: *Рыбников П. Н. Пудожские свадебные заплашки // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866; Барсов Е. В. Пудожские свадебные причитания // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 6—7; Шайкин Н. С.: 1) Похоронные обычаи и приплачи в с. Нигижме Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119—124; 2) Свадьба в Нигижме: Обряды, припльчи и песни // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 114—125; Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губ., Пудожского уезда, Коробозерской волости // Живая старина. Пг., 1915. Вып. 1—2; Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; ст. Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940; Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. ст. и comment. В. Г. Базанова. М., Л., 1962.*

² Песни Карельского края / Сост. и автор вступ. ст. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977. № 143, 145, 150.

³ Краснопольская Т. В.: 1) Традиционное искусство современного Пудожа // Народная музыка СССР и современность. Л., 1982; 2) О мелодике пудожских причитаний // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. М., 1987. Вып. 91.

⁴ В пяти экспедициях, регулярно проводившихся на территории Пудожского края в его современных границах, участвовали сотрудники Фонограммархива ИРЛИ: музыколог А. Д. Троицкая, инженеры звукозаписи А. В. Осипов и В. П. Шифф, а также автор настоящих строк. Собиратели стремились к сплошному охвату информаторов, владеющих причетной традицией. За время работы выполнено свыше 400 звукозаписей напевных текстов индивидуальной причети и причетных сцен. При отборе образцов для публикации учитывались также материалы пудожских экспедиций Петрозаводского ин-та языка и литературы. Ограниченный объемом публикации, мы лишены возможности привести развернутые образцы причитаний, отдавая предпочтение кратким поэтическим текстам.

⁵ Для обозначения жанра наибольшее употребление среди местного населения имеет термин «причёт» (производные: «отпречёт», «причитьвать», «спричитьвать» и т. п.), значительно реже — «причитанье». Жанровая дефиниция «плакса» в качестве локальной (см.: Песни Карельского края. С. 254) на территории Пудожского района нами не встречена. По нашим наблюдениям, она более свойственна жителям Заонежья.

⁶ Поэтому мы не можем согласиться с суждением, согласно которому «хранителями» похоронно-поминальной причети «являются только отдельные мастера» (*Краснопольская Т. В. О мелодике пудожских причитаний. С. 127*).

смели настаивать, предлагая им восстановить в памяти менее трагические обстоятельства посещения кладбища в поминальные дни.

Овладение искусством причитания пудожанками, сохранившими его до настоящего времени, было аналогично процессу преемственности причетной традиции, имевшему место на всей территории Русского Севера. Готовясь заранее к будущей свадьбе и слушая причитания старших родственниц и подруг, девушки пытались запомнить канонические обороты музыкально-поэтических форм. Кроме того, непосредственно в предсвадебный период невесту обучала либо мать, либо пожилая женщина из родни, умевшая причитать.

В деревнях Нижегородской и Пудожской волостей существовал обычай обязательного приглашения подголосницы на свадьбу. Она повсюду сопровождала невесту и напоминала ей слова причитаний, которые та, в свою очередь, воспроизводила в интонируемой форме. На остальной территории Пудожского края подголосницу («причитальницу», «причиталку», «плакальницу») звали на свадьбу не часто и, как правило, лишь в очень богатые семьи, чтобы не утруждать невесту заучиванием обширных поэтических текстов. Однако ряд современных исполнительниц, хорошо знающих традицию и хранящих в памяти множество текстов, учились в юности искусству причети у подголосниц — своих родственниц, приготовляясь к будущей свадьбе. Любопытно, что в силу причин исторического порядка некоторым из них так и не пришлось плакать на своей свадьбе. В городе Пудоже приглашенная подголосница могла не только подсказывать слова, но и непосредственно причитать от лица невесты (последняя ограничивалась рыданиями). Если у горожан не было средств для найма подголосницы, мать девушки плакала от своего и от ее имени. В деревне Корбозеро сохранилось воспоминание о приглашении к невесте, не владевшей причетным мастерством, двух старух-«плакальниц». Они причитали вдвоем, держа под руки невесту, которая при этом только кланялась.

Несмотря на пристрастный и кропотливый поиск информации об участии подголосниц в похоронном обряде, все опрошенные старожилы отрицали существование на их памяти подобного явления. Согласно их воспоминаниям, на похоронах причитали только родственницы усопших, сходившиеся из разных деревень после получения известия о случившемся.

Следует отметить, что традицию рекрутской причети участники экспедиций застали полностью разрушенной. Удалось записать единственный образец плача. Подавляющее большинство местных жительниц вообще не помнят обычая причитаний во время проводов рекрутов. Помимо традиционных образцов причети собирали зафиксировали несколько новых текстов, связанных с официальной тематикой. Их создание вплоть до настоящего времени культивируется на почве клубной самодеятельности.⁷

Напевы пудожских сольных плачей органически входят в состав единой музыкальной традиции, распространенной на территории Пудожского и Вытегорского краев, Белозерья и озерного Каргополья.⁸ Наибольшей сохранностью музыкально-поэтических форм, многообразием мелодических, ритмических и композиционных структур отличаются пудожские причитания. Их одностroочные и многострочные напевы опираются на асимметричный девяностосложный стих с третьим и седьмым акцентными слогами (2.3.2).⁹

Отступление от количественно-слоговой нормы стиха сводится, как правило, к расширению стихотворной строки до 10 слогов за счет добавления служебных слов в анакрузе, что не влияет на метрическую характеристику стиха и временные параметры музыкальной строки.¹⁰ Реже расширенную форму стиха с трехсложной анакрузой образуют словосочетания и отдельные лексемы:

Тебя домой да дожидайся...
Проговори со мной ты, милюшкой...¹¹

Возможно увеличение количественно-слогового состава стиха за счет вставок постпозиционных частиц в междунктом сегменте:

Вязову́-то дугу невпрягнну...
Дак воронá коня́-то неéждённа... (№ 15).¹²

Аналогичным способом (с добавлением местоимений и союзов) происходит преобразование девяностосложной модели в силлабический десятисложник:

(Ой,) не казнá ведь тут / идет с дёньгами... (№ 2);
(Ой,) пара кóней да / устоялasse... (№ 8);
(Уж) как живáла я, / многобéдная... (№ 11).

⁷ Сходные формы см.: Русские плачи Карелии. № 55—82.

⁸ Более подробное описание границ ареала см. в нашей статье: Вопросы структурной типологии олонецких нарративных напевов («вепская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27.

⁹ В музико-литературе он однозначно определяется как тонический. В стиховедческих исследованиях отмечается сочетание принципов силлабики и тоники. Например, см.: Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 30—33. Обстоятельный разбор девяностосложной формы русского народного стиха содержится в кн.: Bailey J. Three Russian lyric folk song metters. Slavica Publishers, Inc., 1992. Chapt. 6.

¹⁰ Длительность добавочного слога входит в музыкальное время финалиса и междустрочной паузы.

¹¹ ФА ИРЛИ, МФ 2949. 07 (Колодозерский с/с, д. Корбозеро). Чрезвычайно редко в данной форме присутствует зачинный возглас:

Ой, он ведь с винáмы с заграницныма...
(см. напев 10 наст. публ.).

¹² Здесь и далее ссылка дается на номера музыкально-поэтических образцов, представленных в настоящей публикации.

Строки, содержащие силлабический десятисложник расширенного вида, единичны:

Не буду сестриц / (да) звать сестріцамы... (№ 9).

Разрастание первой предакцентной зоны до четырех единиц вызывает трансформацию тонического девяностосложника до размера трехихтного тонического стиха с дактилическим окончанием (2.1.3.2):

Уж не бўду звáть тебя по ймáци... (№ 9);
Как своё закóнную семёюшку... (№ 10).

В некоторых случаях можно наблюдать сложение трехихтного тонического стиха путем элиминации соседних строк — сокращенного (четырехсложного) и полного (девяностосложного) вида:¹³

Уж бежáла-(торопíлася)
по хорбому стрóбничу... (№ 10).

Превышение слоговой нормы стиха в окончании приводит к его модификации. Гипердактилическая клаузула встречается в строках, несущих как девяностосложный, так и трехихтный тонический стих:

Да за петрбóскими за эгодкамы...
Пойдешь за ивáнскими за вéничками... (№ 6).

Редко наблюдается сокращение количественно-слогового норматива за счет усечения анакрузы:

Голóвушка круцýнна...
Со тáмной со сторóнушки... (№ 1).

К формам, обладающим фенотипными признаками, относится стихотворная строка с редуцированным последним слогом (см. напев 15).

В основе ритмики напевов притчаний лежит декламационная форма равномерного произнесения поэтического текста, характерная для одиночных притчаний различных локальных традиций Русского Севера. При этом для формирования вариантов слогопроизнесения важное значение имеют структурные характеристики стиха, выраженные в сочетании его акцентных, стопных и силлабических признаков.

Рассмотрение напевных образцов индивидуальных пудожских притчаний обнаруживает множественность их ритмических конфигураций. Важно, что ни одна из ритмических версий не является узколокальной, имея повсеместное распространение на обширной территории. Ритмическая вариативность свойственна однотипным напевам и наблюдается при сравнении образцов, зафиксированных в одной географической точке, от одной исполнительницы, а также просматривается внутри одного текста. Представление о многообразии форм слогопроизнесения стихотворных строк позволяет составить схему, интегрирующую варианты ритмических сегментов (обратим внимание на проявление свободы комбинаторности соединения ритмических ячеек в процессе формирования различных вариантов слогоритмического периода).¹⁴

Количественное описание всех имеющихся ритмических версий пудожских притчаний представляет собой тему самостоятельной работы и требует привлечения напевов одностиховой композиции. Остановимся на рассмотрении некоторых ритмических конструкций.

К числу наиболее употребительных принадлежит структура, в которой долготой подчеркнуты акцентные слоги стиха. Она реализуется посредством двух вариантов ритмической ячейки хореического вида с соотношением долгого и краткого слогового времени в пропорции 2:1(Ј, Ј), 3:1 (Ј, Ј и Ј. Ј).¹⁵ Отражение на ритмическом уровне стопной организации стиха приводит к образованию равномерно сегментированного периода. Его хореический рисунок складывается на основе указанных выше фигур. Ритмометрическая мерность данного периода может нарушаться в каданс-клаузуле за счет выделения долготой восьмого слога стиха:¹⁶

¹³ Угловыми скобками отмечено выпавшее звено, возвращение которого позволяет реконструировать исходную двухстрочную конструкцию нормативного вида. В подобных элиминированных структурах А. А. Банин видит следы мультиплективной тирады (см.: Банин А. А. Слово и напев: Проблемы аналитической текстологии // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 193—195).

¹⁴ Избранный нами принцип сегментирования учитывает акцентные и стопные параметры структуры стиха. Схема «музыкально-ритмических форм пудожской притчи», приведенная Т. В. Краснопольской в статье «О мелодике пудожских притчаний» (с. 130), представляется нам несколько упрощенной и далеко не полной.

¹⁵ В кадансах находят применение модификации ритмической модели хореического вида с иными пропорциями и временными параметрами ЈЈ(4:2), ЈЈ(4:1), ЈЈ Ј(5:1).

¹⁶ ФА ИРЛИ, МФ 2951. ОЗ (Колодозерский с/с, д. Корбоzero).

Схема

a	b	c	d	e
1. Уж	как пой -	ти бед -	ной го -	рю - ши-ци
2. Уж	ты под -	руж_ка	мо - я	ми - лая
3. Уж	рас - сту -	пись, си -	ре зе -	ме - люш_ка
4. Ак	во про -	кля _то -	ё за -	му - жы_ло
5. Уж	на су -	ди - май -	то сто -	ро - нушке
6. Уж	по - ка -	жись - ко,	те - ло	бе - ло - ё
7. Уж	з бе - лы	гру - дюш -	ки взды -	ха - кыши
8. Ой,	во у -	ста - то	го - во -	ре - ны_щё
9. Ак	по - про -	шу я	толь - ко,	бсл - кушка
10. Ак	и ле	вид - ко	ре - ти -	ва сердца
11. Ак	сесть на	бу - ёв	ку ро -	ди - тель_ску

Одновременно с удлинением восьмого возможно двукратное увеличение длительности седьмого (акцентного) слога

Аналогичным способом происходит формирование различных видов ритмического периода ямбической конфигурации. Временная форма ритмической ячейки имеет несколько модификаций. Соотношение ее краткого и долгого слогов находится в пропорции 1:2 (↓), 1:3 (↓↓ и ↓↓), 1:5 (↓↓↓↓↓) и 2:3 (↓↓↓). Появление первой из приведенных фигур в зоне первого акцента иногда сопровождается обусловленным силами метрической инерции ускорением произнесения последующих слогов, предшествующих второму акценту (см № 2)

Сопоставление различных звукоаписей пудожских причитаний, сравнение фонограмм, выполненных от одной исполнительницы в разное время, позволяет высказать осторожное суждение о наличии взаимосвязи между ритмикой слогопроизнесения и психофизиологическим состоянием причитательницы в момент репродуцирования музыкально-поэтического текста. Эмоционально нейтральной манере исполнения (своего рода — интонированный «пересказ») причитаний сопутствуют ритмические конструкции пиррихического и хореического типов¹⁷. При этом обычно выдерживается одна, как правило, регулярно-метрическая форма слоговой ритмики. Подобная психическая скованность бывает вызвана разными причинами, в том числе отсутствием контакта между собирателем и исполнительницей, психологической дискомфортиностью обстановки записи

Свобода выражения экспрессии в процессе исполнения обуславливает проявление ритмического разнообразия в серии причитаний, ритмической текучести в пределах одного текста, вариативности оформления однозначных стоп стиха. Полагаем необходимым согласиться с замечанием В.Л. Гошовского о наличии взаимосвязи между степенью эмоционального напряжения исполнителей и частотностью применения ритмических фигур ямбического типа¹⁸. Отметим, что в подобных образцах причити наблюдается вариативность сочетания ямбических ячеек различного вида, а также — ямбизация ритмики огласовок

Особый оттенок в процессеарьирования ритмоструктур, свойственных нарративным напевам, вносит аугментация ритмических сегментов, вызывающая замедление темпа слогопроизнесения. Сочетание аугментированных ячеек может привести к сложению форм ритмического периода, конфигурация которых более характерна для музыкальных образцов групповой причити (см., например, напев 11, строки 12—14)

Следует обратить внимание на разнообразие форм произнесения дактилической клаузулы. В пудожских напевах закрепились несколько ритмических групп каданса различной конфигурации (см. схему на с. 195). Ни одна из этих ритмических конструкций локально не ограничена. Более того, ритмике клаузулы-каданса (даже в рамках одного текста) свойственна отмечавшаяся выше подвижность. Подобная нестабильность ритмики каданса выделяет напевы пудожских причитаний среди музыкальных форм иных плачевых традиций Русского Севера

Нельзя не отметить наличие тенденции к подчеркиванию внутристroчной цезурности стиха ритмическими средствами. Его членению на две асимметричные группы (4+5) способствует увеличение длительности четвертого слога (в составе ритмической ячейки ямбической или спондеической конфигурации), сопряженного с кратким пятым (в составе ячейки пиррихического или ямбического вида). При этом смена метрической пульсации спондеической ячейки в зоне первого акцента обостряет цезурирование (схема, бс). Использование аналогичного приема в кадансе типично для музыкальных форм повествовательной группы жанров вне зависимости от их композиционной структуры (см. нотный пример на с. 194)

Организация архитектоники ритмическими средствами сводится к долготной оппозиции последнего слога клаузулы в интегрируемых строках, а также — временной антитезе предыдущей зоны стиха. Для инициальных строк тирады свойственно количественно-слоговое и музыкально-временное расширение предыдущего сегмента в сочетании с сокращением долготы заключительного слога, которое маскирует цезуру. Протяженный избыточный слог анакрозы способствует членению музыкальной формы. Цезурность обостряется за счет добавления зачинного возгласа, музыкальное время которого может увеличиваться. В соподчиненных строках наблюдается тенденция к сокращению времени слогопроизнесения предыдущего и свертыванию его в двусложный норматив. Для заключительной мелострошки тирады характерно увеличение долготы финалиса. Цезура между тирадными звенями усиливается с помощью междустрочного паузирования (его длительность входит в музыкальное время заключительного слога). Присутствие в одностroчных напевах причитаний указанных приемов ритмической организации архитектоники свидетельствует о наличии остаточных элементов тирады

Интеграция мелостроек тирадного периода базируется на звуковысотном контрасте как инициальных, так и кадансовых оборотов. Оппозиция по высоте затрагивает в первую очередь акцентные слоги соподчиненных строк. Наиболее важной оказывается антитеза опорных тонов, приходящихся на первый акцентный слог стиха. Высотное положение первого опорного тона в начальной и соподчиненных музыкальных строках имеет тенденцию к снижению. Данная закономерность проявляется в тирадно-строфических напевах двух- и трехстрочной композиции независимо от особенностей их интонационно-ладового строения. Вариантность высотного соотношения начальных опорных тонов в членостроеках двух-, трехчленных тирад отражает следующая схема¹⁹

¹⁷ Для подтверждения данного тезиса приводятся напевы, зафиксированные от одной исполнительницы в разных условиях и с временным интервалом. Запись ранних образцов (см № 8, 9) осуществлялась дома у причитательницы, воспроизведение плачей перемежалось рассказами об этнографических подробностях свадебного обряда, похоронного и поминального ритуалов. Напев 9 был записан годом позднее. Сеанс звукоаписи, на котором присутствовали односельчанки, проводился в другом помещении

¹⁸ Гошовский В.Л. У истоков народной музыки славян. Очерки по музыкальному славяноведению. М., 1971. С. 219

¹⁹ Цифровое выражение высотной позиции опорных тонов обозначает их положение относительно финалиса, принимаемого за тонику лада. В скобках указаны номера напевов. Значимость высотной антитезы начальных акцентов демонстрируют реликтовые образцы тирадных форм, в которых соподчинение музыкальных строк осуществляется только за счет данного приема (см. напев 14)

<i>a) напевы минорного наклонения:</i>	
6—5	(№ 2)
6—4	(№ 6)
6—5—4	(№ 1)
6—4—3	(№ 3)
5—4—3	(№ 4, 5, 13)

<i>b) напевы мажорного наклонения</i>	
4—3	(№ 7, 14, 16)
4—3—2	(№ 8, 9, 10, 12)

Наличие оппозиции первых акцентов по высоте закономерно обуславливает возникновение антитезы инициальных сегментов мелострок, поскольку мелодический рисунок анахронии складывается на основе опевания начального опорного тона.²⁰ Отмеченные приемы интонационно-ладовых связей синтаксических элементов периода сопровождается сужением амбитуса подчиненных музыкальных строк, входящих в тирадное построение.

Аналогичная форма звуковысотной интеграции широко представлена в регулярно- и тирадно-стrophicеских напевах русского эпоса. Нельзя не заметить присутствие последнего из указанных приемов высотного соподчинения составных частей музыкально-поэтической тирады (за счет сужения амбитуса) в некоторых образцах средне- и южнокарельских run и причитаний.²¹ Отмечая существование сходного способа организации музыкального синтаксиса в декламационных формах разноэтнических музыкальных культур, мы не склонны спешить с однозначной интерпретацией данного факта. Ограничимся дополнением перечня параллелей за счет примеров тирадных образцов гдовской и мезенской причети, белорусских гоношений,²² а также цезурированных одностroчных причитаний контрастно-фразовой структуры.²³

В пудожских причетных напевах мажорного наклонения может отсутствовать оппозиция первых опорных тонов. При этом возрастает значимость интонационного контраста предыктовых сегментов (см. напев 15) в совокупности со звуковысотной антитезой вторых акцентных слогов: 3—2 (№ 11), 2—3 (№ 15). Важно отметить наличие вариативности высотных параметров — составляющих данной оппозиции:

a) напевы минорного наклонения:

4(3)—3(4)	(№ 1)
3—2	(№ 6)
3(4)—2	(№ 3, 13)
3—1	(№ 4)
3(4)—1	(№ 2, 5, 13)

b) напевы мажорного наклонения:

3—2	(№ 8, 9, 11)
3(2)—2(3)	(№ 10)
2(3)—1	(№ 12)

Усилиению интеграционных свойств периода способствует появление несовершенного каданса в начальной строке тирадного напева минорного наклонения. Мелодический контур данного кадансового оборота имеет разновидности: 5→3 (№ 13, 13-я строка), 4→3 (№ 6, 1-я строка). Следует обратить внимание на свободу использования причитальницами мелодических версий различного наклонения (см. напевы 7, 14, 16).

В рамках настоящей заметки мы сознательно не останавливаемся на рассмотрении специфики интонационно-ладового строения напевов, учитывая тот факт, что эта проблема поднималась Т. В. Краснопольской в упомянутой выше статье «О мелодике пудожских причитаний». Однако, поскольку напевы трехстroчной композиции выпали из поля зрения исследовательницы, полагаем необходимым осветить некоторые закономерности их звуковысотной координации.

Мелодическое оформление трехстroчного периода базируется на перечисленных выше способах соподчинения его музыкально-синтаксических элементов. Их последовательное применение обуславливает существование высотной оппозиции инициальных сегментов, начальных акцентных слогов, вторых акцентов во всех трех строках (см. напев 3). Процесс свертывания диапазона всех подчиненных мелострок приводит к трансформации ладовой структуры напева минорного наклонения, выраженной в понижении второй ступени звукоряда. Для мелодической конфигурации третьей строки характерно «обыгрывание» второй низкой ступени, а также ее участие в кадансе, приобретающем фригийскую окраску. Отсутствие какой-либо из оппозиций смягчает контраст сочлененных строк и выделяет их комплементарные свойства, что заметно в построениях, обнаруживающих сходство мелодического рисунка анахронии второй и третьей строк (напевы 8, 9), тождество кадансовых оборотов первой и второй строки (напевы 4, 5, 8, 9, а также 13, строки 5—7), реже — второй и третьей строки (напев 13, строки 8—10). Исключение составляет отсутствие высотной оппозиции первого акцентного слога второй и третьей строк (см. напев 13, строки 5—7).

²⁰ В качестве исключения укажем на редкий пример трехстroчной тирады, в которой мелодические контуры предыктовых сегментов второй и третьей строк тождественны (см. напев 12).

²¹ Карельские народные песни / Сост. сб. и вступ. ст. Л. М. Кершнер. Ред. предисл. и comment. Е. В. Гиппиуса и В. Я. Евсеева. М., 1962. № 6—11; Кондратьева С. Н. Карельская народная песня. М., 1977. № 31, 33; Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Кошки. Петрозаводск, 1976. № 13, 27, 35, 37—42; Песни Карельского края. № 54, 57—61.

²² Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнечев, Е. И. Мельник. Л., 1985. № 80 (см. гоношение невесты); Кастрюк А. Ю. Вопросы структурной типологии... Пример 14; Пахавані. Памінки. Галашэні / Уклад. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У. А. Васілевіча. Артыкул, сист. і камент. напеваў Т. Б. Варфаламеевай. Мінск, 1986. Напевы 20 (472), 114 (338).

²³ Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.): Песни. Причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузолов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. Напевы 454, 477, 486; Бачин А. А., Вадакария А. П., Канчавели Л. Г. Музикально-поэтический фольклор Новгородской области. Новгород, 1983. № 50, 52, 53.

Форма архитектоники двухстрочного периода ограничивается тремя видами конфигурации: ab (№ 1—16), ||:a:||b (№ 1, 3—7, 14—16), a||:b:|| (№ 1, 3—5, 8—11, 15).²⁴ Композиция трехстрочных построений отличается большим многообразием, которое достигается за счет вариативного сочетания мелострок.²⁵ abc (№ 3—5, 8, 9, 12, 13), ||:a:||bc (№ 12), a||:b:||c (№ 5, 9, ab||:c:||).²⁶ Встречаются построения более сложной композиции, например abc ||:b:||(№ 8, строки 15—19). В случаях редукции второго члена трехстрочного периода образуются варианты двухстрочной модели с использованием музыкального материала третьей мелостроiki: ac (№ 1—5, 8, 12), a||:c:||(№ 5, 12, 13), реже — ||:a:||c(№ 12).

Одним из характерных свойств многострочных напевов пудожской причети является полистроичность — сочетание в рамках одного текста тирадно-стrophicеских периодов нетождественной композиции. Наиболее отчетливо оно проявляется в трехстрочных напевах, тирадные группы которых разняться числом как оппозиционных, так и повторных строк, а также видом используемых моделей строфы. К исключительным версиям трехстрочного напева относятся музыкальные композиции, в которых блок второй и третьей строк оказывается расчлененным, образуя парные сочетания с начальной: ab—ac (№ 1, 2).

Отмечая свойственную архитектонике пудожских напевов комбинаторность, нельзя не обратить внимание на существование тенденции к коррелятивной связи композиционных параметров музыкального и вербального компонентов, проявляющейся в стремлении к совмещению границ музыкального и стихотворного периода. Взаимосвязь между многострочными напевыми конструкциями и стиховыми тирадами базируется на принципах развитой системы параллелизма, наиболее свойственной нарративным жанрам.²⁷ Чередование параллелистических вербальных структур, в которых проявляются признаки дихотомии и трихотомии, в значительной степени определяет процесс формирования композиции напева. В рамках настоящей статьи ограничимся несколькими примерами.

Наиболее употребительно парное объединение строк, связанных синтаксическим и метафорическим параллелизмом, а также рифмой (№ 5, строки 6—7):

'Ак серой утушки проплавати, (a)
'Ак мне-ка, девушки, проплакати. (b)

Широко распространены трехчленные конструкции, связанные синтаксическим параллелизмом (№ 13, строки 5—7):

Веда как замужьицо не шуточка, (a)
Дак и не кукольня игрушочка, (b)
Не робячё спотешаньицо. (c)

Возможно образование трехстрочного периода за счет присоединения к двустишию строки, не имеющей параллелей (№ 4, строки 11—13):

'Ак не хотела пропустить слезмы, (a)
Уж как долит меня обидушка — (b)
Ды окаянная кручинушка. (c)

Разумеется, творческая практика вносит свои коррективы в координацию архитектоники стиха и напева. Конкретная реализация указанной выше тенденции зависит от ряда объективных и субъективных факторов. К ним прежде всего относится уровень сохранности традиции на время ее фиксации. Следует также принять во внимание возрастные особенности исполнительницы. Поэтому представляются закономерными любые нарушения коррелятивной связи синтаксических конструкций вербального и музыкального компонентов текста, репродуцируемого причитальницей преклонных лет в реликтовый период существования традиции. Так, например, трехстрочная модель стиха может не получить адекватной музыкальной реализации вследствие противоречий с принципиально двухстрочной формой организации напева: ab, ac (см. № 2). Зачастую исполнительница не справляется с интонационным оформлением сложных в синтаксическом отношении построений (см. № 14, строки 5—8):

Што я ведь в баёнки намылася, (b)
С девочкой волюшкой простилася, (a)
С девочкой волюшкой россталася, (a)
Да с подневолей повстречалася. (b)

Несмотря на возможные исполнительские просчеты в организации архитектоники напевов, следует обратить особое внимание на стремление причитальниц к маркированию границ смыслового периода поэтического текста (чаще заключительной строки) и отражению его структурных особенностей музыкальными средствами. Нередко вместо интонационного оформления двух пар параллельных стихов исполнительница предпочитает подчеркнуть конструктивно-смысловую согласованность строк стихотворного периода (см. № 12, строки 20—23):

²⁴ Структурные особенности построений многострочных напевов отражаются в публикуемых поэтических текстах графическим способом.

²⁵ Выбор литеры для обозначения третьей строки не отражает ее мелодического содержания относительно второй.

²⁶ Последняя композиционная версия в настоящей публикации не представлена. В ней, как и в конструкции, a||:c:||, обычно присутствует контраст мелодического контура предыдущего сегмента повторных строк (см. № 13, строки 5—7).

²⁷ См.: Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. Работы по поэтике. Л., 1987. С. 99—132. Там же приводится обширная библиография по данной тематике.

Уж поростройсь, мать сыра земля,]	(а)
'Ак покажись-ко, гробова доска]	(а)
'Ак у родителя у батюшка,]	(б)
У родитель моей матушки.]	(с)

Привлечение широкого круга источниковых материалов для наблюдений над системой координации структур верbalного и музыкального синтаксиса в напевах тирадно-строфической композиции позволяет отметить способность исполнителей к ощущению конструктивных характеристик поэтических тирад во время репродуцирования причети. Исполнительница, интонирующая текст по подсказке, оказывается не способной к звуковысотной и ритмической интеграции мелострок (что подтверждено экспериментально). В контексте изложенного становится ясной причина, которая привела к разрушению тирадно-строфического способа организации музыкальной формы в свадебных причитаниях, бытующих в деревнях бывших Нигижемской и Пудожской волостей. Процесс трансформации многочастных структур, направленный в сторону их упрощения, был вызван устойчивым обычаем причитания невесты только с помощью подголосницы (о чем упоминалось выше). Совпадение границ локализации указанной традиции и распространения свадебных напевов одностиховой композиции (в пределах Пудожского района) подтверждает изложенную точку зрения. Закономерно параллельное существование на той же территории похоронных и поминальных причитаний многострочной композиции (см. № 1—2).

Сопровождая настоящую публикацию наблюдениями над морфологией и синтаксисом пудожских причетных напевов, воздержимся от преждевременных выводов. Все же еще раз подчеркнем особенности соотношения мелодических и ритмических форм пудожской причети. Ограниченному числу мелодических разновидностей²⁸ противостоит многообразие ритмических структур. По сути используются практически все возможные формы слогопроизнесения, свойственные музыкальным нарративным традициям Русского Севера. Стабильность мелодических видов находится в противоречии с неустойчивостью ритмических структур. Конtrast звуковысотной упорядоченности позиций напевного периода составляет позиционная неупорядоченность ритмики. Она проявляется прежде всего в подвижности форм слогопроизнесения клаузулы стиха. Импровизационность, свойственная жанру, отражается на архитектонике многострочных напевов и не вносит существенных корректив в особенности их звуковысотной организации. Напротив, ритмическая комбинаторика затрагивает параметры разноуровневых структур.

Последующее изучение напевов пудожских причитаний позволит выявить причины слабой урегулированности их ритмического контура. Вероятно, в процессе структурообразования наряду с типологически значимыми участвуют типизировавшиеся формы ритмического варьирования, сходные с агогическими оттенками исполнения. Также не лишена оснований концепция, рассматривающая настоящую проблему в историко-генетическом аспекте и связывающую проявление ритмической и композиционной мобильности с процессом распада традиции групповой причети, сопровождающимся утратой напевами характерных стилистических свойств. Современные музыкальные образцы пудожских сольных причитаний могут представлять собой индивидуализированные версии напевов, сложившиеся в результате транскрибирования моделей регулярно-строфической и стабильно-ритмической конфигурации в соответствии с нормативами декламационных форм и особенностями сольного исполнительства.²⁹

²⁸ См.: Краснопольская Т. В. О мелодике пудожских причитаний.

²⁹ О дифференциации декламационных и песенных признаков в нарративных жанрах см.: Мазо М. Л. Динамика местного песенного стиля // Советская музыка. М., 1977. № 5. С. 106—110; Марченко Ю. И. Замечания о напевах вологодских причитаний // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 190—192.

НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

1

♩ = 140

Ой, я си - жу, бед - на о - бид - ка - я,
Го - ло - ву - ш(ы)-ка кру - цк - н(ы)-ка - я,

Уж у лю - бе - з(ы)-ко - го у дле - вь(ы)-ши - ка.
Пос - про - шу, бе - ла - вна го рю - ши - ця,

5. Ой, у ба - жо - но - го у ми - ло - го:

Те - бе што не п(ы)ри - лю - би - ло - се,
Ой, те - бе што не при - г(ы)ля - ну - ло - се

У ро - ах - тель(ы)ки у ма - туш - ки?
У ж(ы)те - бе го - рок - ик - ки - не све - ты - и,
10. А бы - лих пла - ть(ы)к - ик - не кве - т(ы)л - и?

16
 Ой, да к лю - бе_з(ы)_кой ты moi пле_бо) ии - цек!
 У_ж(ы) сы_г(ы) - ра_л(ы) ты кра_ску сва - аёб - ку

Ой, без кня - ги - ны мо - ло - до_й(ы) жо - лы
 А г(ы)ме сто - ять сто - ла - м(ы) ау - бо - ви - им,
 18. 'Ах тут - ко - ло - да те - су бе - ло - го,
 Ой, гас си - дж.тв(ы) кня - зю с кня - ги - ко - ю,

'Ак ту_т(ы) ле - жит да те - ло мер - тво - с,
 18. Ой, те - ло ме - р(ы)тво, лишь_ко б(ы) - ле_х(ы)ло - ё
 21 Уж ты ко_г(ы) - аи ко м(ы)хе по - су - лись - се,
 Ай, ты ко_г(ы) - аи ко м(ы)хе по - я - вись - се.

Ой, во лю - би - мо во го - стѣ - биш - чо?
Да-кы) до-жи - да-ть(к) я ста - ну, бе - л(ы).душ - ка,
25. Ой, у ко - си-вом) ця - та о - ко - до-ч(к) - ка:
26. дё-р(ы).жаль(к) лож - кк на до - ро - жень - ки,

31. Ой, как [с] та - ж(ы).кой - то сто - ро - луш - ки
Кон - но - му - то не - ту вы - с-з(ы).ду,
Пе - шо - му да не - ту вы - хо - ду.
Уж от - туль це-р(ы).вш - ко не вы - пло - ве,
35. Ой, ни - ка - ко.к(и) ве - сти не вы - не - сят.
44. Я при - ве - зу го - стей(к) ба - жко - на - кх
45. Со та-м(ы).кой со сто - ро - луш - ки,

Ой, я сижу, бедна обидная,
Головуш(ы)ка кручин(ы)ная,
Уж у любез(ы)ного у плев(и)ницька.¹
Поспросшу, бед(ы)на горюшица,
5 Ой, у бажоного у милого:
Тебе што не п(ы)рилюбилосе,
Ой, тебе што не приг(ы)лянулосе
У родитель(и)ки у матушки?
Уж(и) тебе гор(и)ницьки ль не светлыи,
10 А были плать(и)иця не цвет(ы)ныи?
Ой, дак любез(ы)ной ты мой плев(и)ницёк!
Уж(и) сыг(ы)рал(ы) ты красну свадёбку
Ой, без княгини молодой(и) жоны.
А г(ы)де стоять столам(ы) дубовым,
15 'Ак тут — колода тёсу белого,
Ой, где сидить(и) князю с княгиною,

- 'Ак тут(ы) лёжит да тело мертвое,
 Ой, тело мёр(ы)тво, лицько б(ы)лек(ы)лоё.
 Дак(ы) любез(ы)ной ты мой плев(и)ницёк!
- 20 Ой, послухай-ко, што я скажу:
 Уж ты ког(ы)ды ко м(ы)не посулисьсе,
 Ай, ты ког(ы)ды ко м(ы)не появисьсе,
 Ой, во любимо во гостёбищчо?
 Дак(ы) дожидать(и) я стану, бед(ы)нушка,
- 25 Ой, у косив(и)цята окошоч(и)ка:
 Дёр(ы)жать(и) ножки на дороженьки,
 Ой, белы руцьки на заложоц(и)ки,
 А оци ясныи — в окошоцьки.
 Дак любез(ы)ной ты мой плев(и)ницёк!
- 30 Сама з(ы)наю, сама ведаю:
 Ой, как [с] там(ы)ной-то сторонушки
 Конному-то нету выез(ы)ду,
 Пешому да нету выходу.
 Уж оттуль цер(ы)ышко не выплове,
- 35 Ой, никакой(и) вести не вынесет.
 Дак(ы) со своих(ы) я слёз(ы) горюющих
 Проведу вам(ы) рицьку быструю,
 Ой, рицьку быструю, струистую.
 Ой, да с тоски-то я, с кручинушки,
- 40 Сошь(и)ю лёгонь(и)кую лодоцьку.
 'Ак(ы) в эту лёгонь(и)кую лодоцьку,
 В лодоцьку к(ы)ладу г(ы)ребителей,
 Ой, на кор(ы)му к(ы)ладу п(ы)равителей.
 Я привезу гостей(и) бажоных
- 45 Со там(ы)ной со сторонушки,
 Ой, во своё во вито гнездышко
 У меня-то ведь у беднушки...

(Ой, не могу боле!)

♩ = 160

Ой, по - про - шу толь - ко я, бе - а(ы)-нуш - ка,

А как ро - жо - ных с(ы) во - х.х(ы) ле - ту - шок.

Не у - но - ск - те те . ла мё - р(ы)-тво - го

А вы с хо - ро.м(ы).ко - го стро - с - мь(ы)-и - пя.

3. Ой, вы о - ста - вьс - тко, по - жа - луй - ста,

Ой, вы на кру.г(ы).лы - и на су - точ - ки.

Ой, мо - же в(ы) - ло - же - т(ы) ё - му Гос - по - дик

А во бе - лы г(ы).ру - аи з(ы)-аи - ха - пы - цс,

Ой, во яс - ны о - дли г(ы)-ля - же - кь(ы)-и - цс,

10. Ой, во у - ста - ты го - во - ре - ль(ы)-и - цс.

У - ж(ы) как ро - жо - ко мо - ё дик - тят - ко!

12. 'А - я(ы) по - про - шай - се - ко, по - жа - луй-с(ы)-та.

19. Ой, за - лу - ми т(ы) ро - ша зе - ле - на - я.

20. Да - к(ы) и не шу - мх, ро - ща зе - лё - ха - я,
Ой, не юм - ти - те, му - ра - зе - ль(ы)ли - ч(ы) - кх!
Ой, да - к(ы) не ро - ту - ш(ы)ка с сол - да - та - мы,
Ой, не пе - хо - та с ю - во - б(ы) - ра - и(ы) - ця - мы,
Ой, не - ка - з(ы) - жа ве - дь(ы) тут и - дст с ле - ль(ы)га - мы,

- Ой, попрошу только я, бед(ы)нушка,
А как рожоных с(ы)воих(ы) детушок:
Не уносите тела мёр(ы)твого
А вы с хором(ы)ного строенъ(и)иця.
5 Ой, вы оставьте-тко, пожалуйста,
Ой, вы на круг(ы)лыни на сutoчки.
Ой, може в(ы)ложет(ы) ёму Господи
А во белы г(ы)руди з(ы)дыханьицё,
Ой, во ясны оци г(ы)ляжень(и)ицё,
10 Ой, во уста-ты говорень(и)ицё.
Уж(ы) как рожено моё дитятко!
'Ак(ы) попрощайс-ко, пожалуйс(ы)та:
Ой, простись с улушкой(и) плановою,
Ой, ды с площадкой сторублёвою,
15 Ой, ды с соседами поряд(ы)ныма,
Ой, ды с сусёдками-то доб(ы)рыма.
Ой, путь(и)-дорожка твоя дальняя,
Ой, путь(и)-дорожка нез(ы)накомая.
Ой, зашумит(ы) роща зелёная.
- 20 Да(кы) не шуми, роща зелёная,
Ой, не кипите, муравель(и)нич(и)ки!
Ой, да(кы) не ротуш(и)ка с солдатами.
Ой, не пехота с новоб(ы)ран(и)цамы,
Ой, не каз(ы)на ведь(и) тут идет с день(и)гамы,
25 Ой, не баржу везём мы с хлебами:
Ой, везём(ы) телуш(и)ко мы мёр(ы)твоё,
Ой, везём(ы) личуш(и)ко мы б(ы)лёк(ы)лоё.
Ой, да(кы) встречайте-ко, пожалуйс(ы)та,
Ой, своёго сына бажоного,
30 Ой, моёго сына любимого.

(На кладбище)

Когда принесут его, да(к) иона и заплачет:

А не спускайте-ко г(ы)лубёшень(и)ко,
Не зарывайте-ко плот(ы)нёшень(и)ко.
А вы оставьте-ко, пожалуйста,

Хоть од(ы)ну малень(и)ку проталин(ы)ку:
35 'Ак может чер(ы)вышком(ы) повып(ы)ловёт,
 А серой утушкой повылетит
 А как(ы) рожено моё дитятко,
 Ой, да к доб(ы)ротуш(и)ки-то матушки.

3

d=184

lib.pushkinskijdom.ru

12. А во бе - лу да гы)-ру-ды(ы) злы - ха_нъ(ы).и - цё.

17. Да_к(ы) по - ка - эж_сы(ы).ко, те - ло мё_р(ы).тво ё,

'Ак те - ло мёр - тво, ли_ц(ы).ко блё_к(ы).ло - ё,

Я приш(ы)ла, бедна горюшица,
Я на улушку родительску,
Да на могил(ы)ку чоловичельску —
Я ко братцю ко родимому.
5 Дак попрошу я только, бед(ы)нушка,
Да Прис(и)вятую Богородицу,
Дак чтобы дала Богородица
 Дак в резвы ножень(и)ки хожень(и)ицё,
А в белы руцень(и)ки в(ы)ложень(и)ицё,
10 А во яс(ы)ны оци г(ы)ляженъ(и)ицё,
Ды языц(и)но говорень(и)ицё,
А во белу да г(ы)рудь(и) зыханъ(и)ицё. [...]
 'Ак(ы) вы розвийтесь(и), вет(ы)ры буй(и)ны,
 Дак(ы) роз(и)несите пес(ы)ки жёл(ы)тыи,
15 'Ак пороссып(ы)се, мать(и) сыра земля,
А поотк(ы)рой(и)се, г(ы)робова доска.
 Дак(ы) покажись(и)-ко, тело мёр(ы)твоё,
 'Ак тело мёртво, лиц(и)ко блёк(ы)лоё,
 'Ак(ы) моёго б(ы)ратця родимого —
20 'Ак(ы) голубоцька з(ы)латок(ы)рылого.
Уж как любимой б(ы)ратец-с(ы)ветушко!
 'Ак этот круглень(и)кой ты годицёк
 Да ты наст(ы)рету не стрецаешьсе,
 Ды на г(ы)лаза не появ(ы)ляешьсе,
25 Ды ты во с(ы)нях мне-ка не кажешьсе,
 Ды наяву да м(ы)не не явишьсе. [...]
 'Ак(ы) поп(ы)рошу я толь(и)ко, бед(ы)нушка,
 Дак(ы) Присвятую Богородицу,
 Дак(ы) чтобы дала Богородица
30 Дак(ы) в резвы ножень(и)ки хожень(и)ицё,
 'Ак в белы руцень(и)ки в(ы)ложень(и)ицё,
 'Ак(ы) во белу да г(ы)рудь(и) зыханъ(и)ицё,
 Ды языц(и)но говорень(и)ицё,
 'Ак во яс(ы)ны оци г(ы)ляженъ(и)ицё
35 'Ак(ы) моёму б(ы)ратцю родимому.
 Дак(ы)только дай Бог(ы), Богородица,
 Дак на сёгдеш(ы)ной Гос(ы)подён(ы) день.
 Дак(ы) ты пой(и)дём-ко, б(ы)ратец-светушко,
 Да к сыновъ(и)ям к своим(ы) родимым,
40 А ко жёны да ко любимою,
 А ко невесы(ы)тушки жалан(ы)ноёй —
 Дак ты во гос(ы)ти во любимый,
 'Ак во гос(ы)тёбиш(ы)ча во з(ы)ваный.
 Дак(ы) привёду я тебя, бед(ы)нушка,

♩ = 232

За - ро - сла - се путь - ао - ро - жекъ - ка
Уж толь - ко ель - ницъ - ком - бе - рез - ницъ - ком,
'Ак час - тым мел - ки - им фе - рес - ницъ - ком.
'Ак ста - ла кбу - ёв - ки тро - га - ти - се -
5. Дак ста - ла бу - ёз - ка тро - га - ти - се,
6. 'Ак вси до - ро - женъ - кх те - ря - ти - се.
11. 'А - к(ы) не хо - те - ла про - пус - тить сле - змы,
Уж как до - лжит ме - ня о - би - аум - ка -
ды о - ка - ян на - я кру - чи - куш - ка.
'А - к(ы) рос - ска - зать при - шла про - го - рюш - ко:
13. Дак у м'яя го - рюш - ка - дава мо - рюш - ка,
36. 'А - к(ы) я при - шла, бе - А(ы) на го - рю - ши - ця,
Уж как из у - луж - ку ро - ах - тель - ску,
ды на мо - - икл . ку чо - ло - ви - чуль - ску.

- Заросласе путь-дороженька
 Уж только ельницьком-березницьком,
 'Ак частым мелкиим фересницьком.¹
- 5 'Ак стала к буйвки трогатисе —
 Дақ стала буйвка трогатисе,
 'Ак вси дороженьки терятисе.
 'Ак(ы) не убийтесь-ко, родители,
 Да не спугайтесь-ко, сердечныи.
 10 Да не с огнём иду, не обожгу,
 Да не с водой иду, не оболью.
 'Ак не хотела пропустить слезмы,
 Уж как долит меня обидушка —
 Да окаянная кручинушка.
 'Ак(ы) рассказать пришла про горюшко:
- 15 15 Дақ у м'ня горюшка — два морюшка,
 'Ак слёз горюющих — два озёрышка.
 Уж всей обидушки не высказать,
 Да-й всей кручинушки не выбаять.
 Уж как обидушка повысказать,
- 20 20 Дақ надо круглая неделюшка,
 Уж только горюшко повысказать,
 Дақ гербовых да надо два листа.
 Утром по утру по-ранному
 'Ак по сёгодешнему деницьку,
 25 25 Да по сёгоднёму, Господнёму,
 'Ак я вставала поранёшеньку,
 'Ак умывалась поскорёшенько,
 'Ак одевалась побыстрёшенько.
 Получила только, бедная:
- 30 30 Прилетела птицька вешняя,
 'Ак птицька крылышки росправила,
 Да во стёколышко ударила.
 'Ак только дано увольненыц —
 35 35 'Ак с того свету разрешененыц.
 'Ак(ы) я пришла, бед(ы)на горюшица,
 Уж как на улушку родительску,
 Да на могилку чоловичельску.
- 40 40 'Ак только спиши да высыпаешьse,
 'Ак(ы) не вставаш, не пробуждаешьse.
 'Ак по селам да печи топятце,
 'Ак(ы) по углам да петухи поют.
 Дак ты пойдём, жаланной дедушко,
- 45 45 Дак ты конём пойдём, конём пойдём,
 Дак ты пешом пойдём, пешом пойдём.
 'Ак(ы) может сядешь на машинушку:
 Уж как машинушки трясущии,
- 50 50 Уж как колёса да зыбуции,
 Да по углам — не разрешаетце.
 Уж ты пойдём, жаланной дедушко,
 Уж как пешом пойдём, пешом пойдём,
 Уж как конём пойдём, конём пойдём,
- 55 55 Дак во полаты г(ы) рядовитыи,
 Дак во усадьбы красовитыи,
 Уж(ы) за столы да за дубовыи,
 Уж как за скатертья шолковыи,
 Уж как за питья за сахарни-й,
- 60 60 За еденьё за мёдовое,
 Уж за соропны² сладки прянички,
 Уж за горько да зелёно вино.

♩ 224

Уж толь - ко систь мие, крас - кой ле - вуш - ки,
2. Дак на бру - со - ву бе - лу ха - воч - ку
8. Дак се - рой у - туш - ки по во - ауш - ки,
9. А мие - ка, ле - вуш - ки, по - бо - люш - ки.
14. Ак вы - зы - вал да чуж о - тец - кой сык
15. Дак мо - ё - го кор - миль - ля ба - тюш - ка
16. Дак на ник - рё - ко - ё кры - ле - цуш - ко.
37. Дак пос - про - шу я, кра - сна ле - вуш - ка.
Ак у <хир - пич - кой> бе - лай <пе - чень - ки>
Дак у ро - аи - тель - ки, у ма - мень - ки
40. Дак печ - ка кре - пко при - за - ма - за - ка,
Ды печ - ке кре - пко при - за - ка - за - но.
Ак вы - зы - вал да чуж о - тец - кой сык
Дак уж мо - их брат - нов ро - ат - мы - ях -
Ды то - лу - боль - ков зла - то - хры - лы - ях.

- Уж только систь мне, красной девушки,
Дак на брусову белу лавочку
Дак под косивцато окошечко
'Ак причитать да по-умильнёму,
5 Ды говорить да по-обидному.
'Ак серой утушки проплавати,
'Ак мне-ка, девушки, проплакати.
Дак серой утушки по водушки,
А мне-ка, девушки, поболюшки.
10 'Ак мимо моёго окошечка
Дак проступала ступ[ъ] кониная,
Ды прошла ступ[ъ] да лошадина —
'Ак приезжал да чуж отецкой сын.
'Ак вызывал да чуж отецкой сын
15 Дак моёго кормильца батюшка
Дак на пирёноё крылецушко.
'Ак он спросил, да всё выспрашивал,
'Ак он глядел, да всё выглядывал,
Про меня, про красну девушку:
20 'Ак нет ли девушки на возрости,
'Ак нет ли девки на выданьи,
Дак нет ли девки на продаваньи?
'Ак отвецал кормилец батюшко:
'Ак есть ли девушка на возрости,
25 Да есть ли девка на выданьи.
'Ак посулил кормильцу батюшку
Дак за меня, за красну девушку,
'Ак сорок вёдёр зелёна вина,
'Ак пийсият¹ — да пива пьяного,
30 'Ак шестьдесят — да мёду сладкого.
Уж как пришёл родитель-батюшко,
Дак говорил мне, красной девушке.
'Ак я того не согласиласи,
'Ак я того не присмириласи.
35 'Ак вызывал да чуж отецкой сын
Дак уж мою родитель-маменьку.²
Дак поспрошшу я, красна девушка,
'Ак у *(кирпичной)* белой *(печенъки)*.³
Дак у родительки у маменьки
40 Дак печка крепко призамазана,
Ды печке крепко призаказано.
'Ак вызывал да чуж отецкой сын
Дак уж моих братьцов родимых —
Ды голубоцков златокрыльих.
45 Уж как спросил да он, выспрашивал,
Уж как глядел да он, выглядывал,
Да про меня, про красну девушку.
Уж как большому свату большому
Уж как ступень ступить — нога сломить,
50 Уж как другой ступить — друга сломить.

168

У_ж(и) где - то ес[т]Ь у красной девуш - ки -
Да спо_д(ы)_не - во_ль(и)_кой мо _ ей во _ люш - ки -
Уж где под(ы) - ру_ж(и)_ка мо _ я ми_ла - я,
4. Да г(ы)де под(ы) - руж - ка за - лу - шевна - я.
6. У_ж(и) на - ло - жи - ко руч - ки бе - лы - е
У_ж(и) на мо - ю ба - жо - лу во - люш - ку.
У_ж(и) как под - руж - ка мо _ я ми - ля - я!
да как во ле - т(и)_лю по - ру - времячко
10. Пой - дешь за и - ва_к(и)_ским ма за ве - юнич - ками
11. Да за пет - ров - сик - ма за я - гол - камы,
18. У_ж(и) где сле - ва - ли жал - ки пе - се_к(и)_ки -
да спо - те - ша - ли ао - ро - гу во - лю.

Уж(и) где-то ес[т]Ь у красной девушки —
Да спод(ы)неволь(и)ной моей волюшки —
Уж где под(ы)руж(и)ка моя милая,
Да г(ы)де под(ы)ружка задушевная.
5 Уж(и) подойди сюда, пожалуйста,
Уж(и) наложи-ко ручки белые
Уж(и) на мою бажону волюшку.
Уж(и) как подружка моя милая!
Да как во лет(и)ню пору-времячко
10 Пойдешь за иван(ы)ским за веничками
Да за петровскими за ягодками,

Остав[ь] берёзку не заломанну
Да кустик ягод не обобранный.
Ой, спомятуй, подружка милая,
15 Уж(и) где с тобой мы красовалисе,
Уж(ы) где спевали жалки песен(ы)ки —
Да спотешали дорогу волю.
Уж(и) как с тобой(и), подружка милая,
Да мы с тобой да поросстанёмсе —
20 Уж(и) мы водой(и) ли порозоль(и)ёмсе,
Аль шолкамы порозовъёмсе.

7

♩=144

Уж(и) спаси Бог вам, благодарствует,
Да как сестрица моя милая!

Уж за твоё да угощеньице

Я от(ы)ношу б(ы)лагодареньице:

5 Уж(ы) за чаи да за <цветочныи>,¹

Да за сахара <песочныи>,

Уж(и) как за светлы самоварчики,

Да за х(ы)рустальные стоканчики.

Уж(и) я напиласе-наелася,

10 Да к(ы)рас(ы)ной ложкой нахлёбала,

Уж(и) пирога съ(и)ела ошиципочку,

Да со калиточки начиночку.

Уж(и) вы, подружки мои милые,

Да вы покушайте, пожалуйста!

15 Уж(и) не едят(ы) гости, не кушают,

Да меня, девушки, не слушают.

Уж сла - ва бо - гу, с(ы)ла - ва Гос - по - ау,
Ды путь(к)-ло - ро - я(к)-ка ско - ро - та - ла - се,
Ой, па - ра ко - вей да у - сто - я - ла - се,
Уж ко - ло - ка - ль(к)-ки по - ло - ха - ли - се,
3. Ды де - в(ы)-ки в пе - сё - х(ы) - ках сме - ша - ли - се.
Ды о - т(ы)-ко - шу б(ы)-ла - га - да - ре - къ(к)-и - ё
У ж(х) во пер(ы) - вы - х - х(ы)-ко - мо Ао - б(ы)-ро - му,
8. А во дру - ги - и - х(ы)-мк - ло - му б(ы)-рат(ы)-шю.
13. Ой, у мк - ля б(ы)-рат(ы) - ця ро - дк - мо - то:
Уж бы - ли тло - т(к)-мить - ки из Ли - тё - ра,
Ды бы - лк иль(к)-ши - ки к(ы) Во - лог - ды.
Ды вы - со - ко к(ы)-рлы - л(к)-ш пол - ды - ку - то,

19. Не мо - гу хо_й(х)ти - по - ду - ма - тх.

Musical notation for line 23, featuring a treble clef, a key signature of one sharp, and a common time signature. The lyrics are written below the notes.

23. У_ж(х) ы_з - ты ае - ву_ши_кк аля хи_оё - пок,

ды ы_з - ты ае_в(ы)_кк д(ы)_лк ве - се_ль(х)к - пя -

Уж слава Богу, с(ы)лава Господу,
Ды путь(и)-дорож(и)ка скороталасе,
Ой, пара коней да устояласе,
Уж колоколь(и)ци поломалисе,
5 Ды дев(ы)ки в песён(ы)ках смешалисе.
Ды от(ы)ношу б(ы)лагодарень(и)ицё
Уж(и) во пер(ы)вых(ы) — коню доб(ы)рому,
А во других(ы) — милому б(ы)рат(ъ)ци:
Уж(и) прокатил(ы) да меня, девушку,
10 Ды свеселил(ы) бажону волюшку.

(*А потом, уж как выйдет она с кресел (это в креслах она поёт). А к крыльцу подхोдя, дак:*)¹

Ды не могу пой(и)ти-подумати
Во пилёноё к(ы)рылецюшко
Уж(ы) без сестрицы, ды без(ы) голубушки.
Дак высоко к(ы)рыль(и)цё под(ы)дынуто,
15 Ой, у мила б(ы)рат(ъ)ци родимого:
Уж были плот(и)ницыки из Питёра,
Ды были пиль(и)щиц(и)ки из(ы) Вологды.
Да высоко к(ы)рыль(и)цё поддынуто,
Не могу пой(и)ти-подумати.

(*На фатёру опять как придёт, дак:*)

20 Ой, не убрайтесь(и), не сплохайтесь,
Уж я не пол(ы)к пришла с солдатамы,
Ды я не Питёр(ы) со бур(ы)лакамы.
Ой, я со крас(ы)ныма девицямы,
Ды со жал(ы)кима петарицямы.
25 Уж(и) й-эты девуш(и)ки для писёнок,
Ды й-эты дев(ы)ки д(ы)ля весель(и)иця —
Ой(и), взвеселят(ы) да меня, девушку,
Ой, взвеселят(ы) бажону волюшку.²

9

♩ = 140

У_ж(к) я кла - ау ба - жо - ку во - люш - ку
Я на у - льш - ку пла - хо - ву - ю,
Ды на до - ро - же_ль(к)ку по - что - ву - ю.
У_ж(к) пу_съ(и)-ко во - ля ды на - гу - ля - ет - це,
5. Да пусь - ко во - ля на - кра - су - ет - це.
Ды-й по - лё - тай, ба - жо - на во - люш - ка,
На ави, на трк на сто - ро - куш - ки.
Ды ты ле - тк, во - ля, по - пти_чъ(к)-ё - му,
Ды го - во - ри по - це - ло - ви_чъ(к)-ё - му,
10. У_ж(к) е_шь(и)-ко т(ы) - ра - вуш - ку - о - со - ци_н(ы)-ку,
11. Ды пей - ко во - луш - ку - бо - ло - тих - ку.

42. У ж(и) я тво - их
 се - р(и) - де - ч(и) - ки - их ро - ам - те - лей
 $\frac{1}{16}$
 Бу - ду з(и) - вать их гут по и - мяц - ки,
 Зве - ли - ца - тъ(и) да по и - зо[т] - цик - ки.

43. Да ты от - азк ба - жо - ку во - люш - ку.

62. Не бу - ду
 $\frac{1}{16}$
 тво - ей ма - туш - ки звать ма - туши - кой,
 Не бу - ду ба - тюш - ка звать ба - тюш - ком,
 Не бу - ду сес - три - л(и) да звать сес - три - па - мы.

63. Не бу - ду брат - цев звать я б(и) - рат - па - мы.

Уж(и) я кладу бажону волюшку
 Я не улышку плановую,
 Ды на дорожень(и)ку почтовую.
 Уж(и) пусть(и)-ко воля ды нагуляетце,
 5 Да пусь-ко воля накрасуетце.
 Ды-й полётай, бажона волюшка,
 На дви, на три на сторонушки.
 Ды ты лети, воля, по-птич(и)ёму,
 Да говори по-целовиц(и)ёму,
 10 Уж(и) ешь(и)-ко т(ы)равушку-осоцин(ы)ку,
 Да пей-ко водушку-болотинку.
 Уж(ы) полётай, бажона волюшка,
 Ты во лесушка во тём(ы)ныи, [...]
 Во болотушка топуцыи.

Ну и ушла: увели в фатёру, утянули с «волей».
 А потом идёт к бабушкам:

15 Уж старицьки, сядьте по лавоцкам,
 Да вы, старушки, по скамеецкам,

Уж(ы) молодцы, подьте во синецки,
 Красны девки — во решётцаты.
 Уж(ы) пропустите д' меня, девушку,
 20 Уж ко столу да ко дубовому,
 Ды-й ко князю да ко молодому.
 Уж(ы) я к(ы)ладу бажону волюшку
 Да я на столики дубовые,
 25 Ды я на скатер(и)ки шол(ы)ковые,
 Да на закусоцки медовые.
 Дак(ы) наедайсе, воля, досыти,
 Ды напивайсе, воля, допь(и)яна.

*Ну тут опять и плачет. А плаче — как жених «волю»
 вользмет, дак и-она опять и прищёвает тамока:*

Уж ты отдай бажону волюшку,
 Да ты отдай, не разговаривай.
 30 Уж(и) я тя буду звать по-имяцки,
 Звелицать(и) да по-изо [т]цинки.
 Уж(ы) не отдашь(и) бажоной волюшки —
 Да(ы) [...] не без(ы) родна красна девушка:
 Уж(ы) много роду, много племени,
 35 Много братьицёв родимых,
 Много б(ы)ратаньчиков любимых.
 Да тебе скуют ножки рез(ы)выи,
 Ды-й тебе связуют(ы) ручки белыи,
 Как не отдашь бажоной волюшки.
 40 Ты отдай бажону волюшку,
 Да ты отдай, не роз(ы)говаривай.
 Уж(ы) я твоих сер(и)деч(ы)ных родителей
 Буду з(ы)вать их тут по-имяцки,
 Звелицать(и) да по-изо [т]цинки.
 45 Да ты отдай бажону волюшку.

Ну, а потом:

Уж ты ж брюдга, брюдга-пристав(ы)ница,
 Встань на резвны на ноженьки,
 Ды на сафьянныи сапоженьки.
 Уж ты скажи, брюдга, пожалуйста,
 50 Как зовут князя по имяцки,
 Да звелицать(и) да по изо [т]цинки.

Да как скажет, как зовут его, она:

Спасе Бог тя, благодарствует,
 Што сказала мни-ка, девушки,
 Как(ы) зовут князя по имяцки,
 55 Да звелицают по изо [т]цинки.

Она опять и к жениху:

Ты отдай бажону волюшку,
 Ты отдай, не разговаривай.

Назовёт, так он... Тяпнет она «волю», а то што и...

Уж ты лукав(ы), да я лукавие:
 Да омманула, облукавела —
 60 Уж не буду звать тебя по имяцки,
 Да звелицать(и) да по изо [т]цинки.
 Не буду твоей матушки звать матушкой,

65 Не буду батюшка з(ы)вать батюшком,
 Не буду сестриц(и) да звать сестрицами,
 Не буду братцев звать я б(ы)ратцами.
 Уж(ы) поди к цорту, поди к лешому!
Ты лукав(ы), да я лукавие.

Ушла она.

10

♩ = 156

Я се - го - А(ы)-кеш - но - го де - киць-ку
 Дак ма - ло спа - ла, М(ы)-но - го ви - Ас - ля,
 У_ж(к) Аы-й во Сык - х(ы) Мко - го кв - за - ло - се.
 Аы по се - го - А(ы)-кеш - но - му Ас - киць-ку
 3. У_ж(к) ко ге - бк, ро - жо - но Аи - тят - ко,
 6. Дак при - хо - Ах - л(ы) ко_р(ы)_ми - лесь ба - тюп - ко
 9. Ой, о_н(ы) ведь сак - ка - ми сза - гра - ни - ц(ы)ны - ма.
 10. Как ро - жо - но - ё - то Ах - тят - ко!
 13. У_ж(к) бе - жа - ла
 по хо - ро_м(ы) - ко - му стро - с - иль(ы) - и - шю
 Аы от - зо - ря - ла А(ы). ве_рь(ы) ду 60 - ву - ю,

15 Уж(ы) за - пу - ска - ла, м(ы) - жо - го - бе - А(ы). нуш - ка,

Как спо - ю за - кок - ку - ю се - мс - юш - ку -

Ды - тво - е - го ко - р(и) - миль - ця ба - тюп - ка -

На тво - е на про - во - же - ны(и) - к - це

Уж са - мы зма - ем, са - мы ве - да - ем -

20 Нет ко - р(и) - ми - ль(и)ця све - та ба - тюш - ка,

Ды вет по - ку - по - цех - по - да - ро - цек,

24 Ты ро - жо - но мо - е ды - тят - ко!

25 Пой - дешь по - ту - ти да по - до - ро - жень - ки.

— Я сегод(ы)нешного деницьку
Дак мало спала, м(ы)ного видела,
Уж(и) ды-й во снях(ы) много казалосе
Ды по сегод(ы)нешному деницьку
Уж(и) ко теби, рожено дитятко,
Дак приходил(ы) кор(и)милець батюшко
Уж(и) на твое на провожень(и)ице
Да-й он с покупками, с подар(ы)камы,
Ой, он(ы) ведь с винами с заграниц(и)ныма.
10 Как роженое-то дитятко!
Дак уж(и) как я, да м(ы)ногобед(ы)нушка,
Как сегод(и)нышного деницьку
Уж(и) бежала по хором(ы)ному строень(и)ицию
Ды отворяла д(ы)верь(и) дубовую,
15 Уж(ы) запускала, м(ы)ногобед(ы)нушка,
Как свою законную семеюшку —
Ды твоего кор(и)мильца батюшка —
На твое на провожень(и)ице.
Уж самы знаем, самы ведаем —
20 Нет кор(и)миль(и)ця света батюшка,

Ды нет покупоцёк-подароцёк,
Ды нету вин(ы) да заграниц(и)ных,
Ды нет кормиль(и) ця света батюшка.
Ты рожено моё дитятко!

25 Пойдёшь по пути да по дороженьки:
 Уж(ы) там по левую по руцень(и)ку
 Стоит белая лебёдушка.¹
 Дак(ы) пок(ы)лонись(и), моё бажоное,
Ды й-этой белою лебёдушки.

30 Клади-т(ы)ко свиц(и)ку сторублёвую,
 Да кладь-ко пелену шолковую,
Штобы Гос(ы)поди помиловал
 Уж от врага от супостатого,
Ды и от пуль от снаряжёных.

J=176

Уж вы за - вей - те, вет - ры бу - ѿйны - е,
 Да роз - ке - си - те пе - скы жко - л(ы).ты - е

Уж ты роз - альви.нъ(и).се, мать сы - ра зс - м(ы).ля,

Уж рас - ко - ли - сло(х)ко, гро - бо - ва до - ска,

5 Уж по - ка - жи - съ(х)-ко, тс - ло бе - ло - е,
 Тс - ло бе - ло - е, у - ме - р(ы).шо - е,

Аы ро - ди - тель(ы)мо - ей ма - туш - ки

Уж на - ле - ти - те сне - ба я - с(ы).на - го,
 Сне - ба а - н(ы).гэ - лы - а - р(ы) - ха - н(ы).гэ - лы

10 Уж да.й(и).те вно - же.ни(и).хи хож - ае - м(ы).и - ца,
 Да.й(и).те в(ы) ру - че.ни(и).ки ре - з(и) - ве - н(и).и - ца,

у - ж(ы) в бе - лы гру - дюш - ки взды - ха - нь(и)-и - ча,
 В яс - ны о - че - нь(х)-ки г(ы).ля - же - нь(к)-и - ча,
 Уж во ус - та аа то - во - ре - ж(ы)-и - ча.
 15. Уж встань, ро - ах - тель(ы) мо - я ма - туш - ка,
 Уж ты ко м(ы) - я, ко м(ы)-ко - го - бе - а(ы)-куш - ка.
 Уж как жи - ва - ла я, мно - го - бе - а(ы)-на - я,
 Уж во жи - тых да зо в(ы).ло - ви - на - ся,
 Уж ро - шу ао чь(х) аз (в) ск - ро - ти - но - ю.
 20. Уж как яс - во по - ру, не во в(ы).ре - мя,
 Ой, мо - я си - ла из - во - си - ла - се
 И эдо - ро вь(ы)-ё под - ко - си - ло - се...

Уж вы завейте, ветры буй(и)ные,
 Да разнесите пески жол(ы)тые.

Уж ты розньинь(и)се, мать сыра зем(ы)ля,
 Уж расколись(и)-ко, гробова доска,

5 Уж покажись(и)-ко, тело белоё,
 Тело белоё, умёр(ы)шё,
 Ды родитель(и) моёй матушки.

Уж налетите с неба яс(ы)наго,
 С неба ан(и)гелы-ар(ы)кан(и)гелы.

10 Уж дай(и)те в ножень(и)ки хождень(и)ица,
 Дай(и)те в(ы) ручень(и)ки рез(и)вень(и)ица,

Уж(ы) в белы грудюшки вздыхань(и)ица,
 В ясны очень(и)ки г(ы)ляженъ(и)ица,
 Уж во уста да говорень(и)ица.

15 Уж встань, родитель(и) моя матушка,

Уж ты ко м(ы)не, ко м(ы)ногобед(ы)нушке.

Уж как живала я, многобед(ы)ная,

Уж во житъи да во в(ы)довинаей,

Уж рошу дочь(и) да (в) сиротиною.

20 Уж как не во пору, не во в(ы)ремя,

Ой, моя сила износилае

И здоровъ(и)ё подкосило...

12

N=176

Уж ты от - крой - ся, дверь ду - бо - ва - я,
да_к(ы) ты на пе - тёл - ках шол - ко - вы - их.

Зай - ти на бу - св - ку ро - ам - те - ль(к).ску,
А на мо - тил - ку чо - ло - ви - че_ль(к).ску.

5. У_ж(к) вы не вей - те, вет - ры бу_ж(к)ны - и,
'Ак ле ду - ми, рош - ша зе - лё - ка - я,

'А - к(ы) не ша - тай - тесь, де - ре - ви - коч - ки,
да_к(ы) не ле - ти - те - тко, ли - сти - коч - ки.

Уж при - от - крой - ся, путь - ло - ро - же_нь(к).ха,
10. 'А - к(ы) ха бу - св - ку ро - ах - те - ль(к).ску,

А на мо - гил - ку чо - ло - ве - че_ль(к).ску:
Уж ко ро - ды - телъ(к)сво - ёй ма - туш - ки

13. Ады ко ро - ли - те - лю ко ба - тюш - ку - //
 16. А сес[т]ъ ко рез - вы - хм ко во - жень - кам - //
 17. 'Ак и же вика - но лич - ка бе - ло - го,
 21 'Ак(ы) по - ка - жись - ко, гро - бо - ва до - ска.
 'Ак у ро - ли - те - ля у ба - тюш - ка,
 25 'Ак по - ка - жись - ко, те - ло мер - тво - ё,
 'Ак(ы) по - ка - жись - ко, лич - ко б(ы) - лёк - ло - ё.
 'Ак юк вы вста - вьте - тко, ро - ли - те - ли,
 'Ак(ы) вы ла рез - вы - хи на по - же - нь(ы)ки,
 'Ак вы от - храк - те о - чи яс - кы - х.

Уж ты открайся, дверь дубовая,
 Да(к) ты на петёлках шолковых.
 Зайти на буйвку родитель(и)ску,
 А на могилку человичель(и)ску.
 5 Уж(и) вы не вейте, ветры буй(и)ны,
 'Ак не шуми, рошша зелёная,
 'Ак(ы) не шатайтесь, деревиночки,
 Да(к) не летите-тко, листвиночки.
 Уж приоткрайся, путь-дорожень(и)ка,
 10 'Ак(ы) на буйвку родитель(и)ску,
 А на могилку человечель(и)ску:
 Уж ко родитель(и) своёй матушки
 Да ко родителю ко батюшку —
 'Ак сес[т]ъ на буйвку родительску,
 15 А на могилку человечель(и)ску.
 А сес[т]ъ ко резвым ко ноженкам —

- 'Ак и не видно личка белого,
 А сес[т]ь как рядом на середочку —
'Ак и не видно ретива серь[д]ица.
20 Уж поростроны[и]се, мать сыра зем(ы)ля,
 'Ак(ы) покажись-ко, гробова доска,
 'Ак у родителя у батюшка,
 У родитель(и) моей матушки.
 'Ак покажись-ко, тело мёртвое,
25 А покажись-ко, личко б(ы)леклоё.
 'Ак уж вы встаньте-тко, родители,
 'Ак(ы) вы на резвый на ножень(и)ки,
 'Ак вы откройте очи ясныи.
 Дак(ы) пойдемте-тко, пожалу[й]ста,
30 А во любимый во гостюшки:
 Уж там родня вся собираитцы,
 'Ак только вас да дожидайтци.
 Столы дубовыи поставлены,
 'Ак зелена вина наставлено,
35 Уж самовары вскипячоныи.

13

192

Уж ты па - руж - ка мо - я мх - ла - я,
Дак уж ты дочь мо - я ба - жо - ка - я!

'А - к(ы) ты по - што по - шла - по - лу - ма - ла
'А - к(ы) во про - кля - то - ё за - му - жьи - цо?

5. Ве - дь(и) как за - му - жьи - цо не шу - точ - ка
Дак х - ке ку - колъ - яя иг - ру - шоц - ка,

Не ро - бя - чьё спо - те - ша - ны - цо.

У - ж(и) на су - аи - мой - то сто - ро - жуш - ки
Дак лад' до - ме - точ - ки - на сто - поч - ки,

10. А и до - га - доч - ки - на гря - до - ч(ы)ки.

Уж как пой - ти, на - до спро - ск - ти - ся,
А и прий - ти, на - до ска - за - ти - ся.

'Ак - на - лоть си - луш - ка зве - ри - на - я,
А мо - гу - та да ло - ша - лх - на - я.

Уж ты подружка моя милая,
Дак уж ты дочь моя бажоная!

'Ак(ы) ты пошто пошла-подумала

'Ак(ы) во проклятоё замужьицо?

5 Ведь(и) как замужьицо не шуточка

Дак и не кукольня игрушочка,

Не робячье спотешаньицо.

Уж(и) на судимой-то сторонушки

Дак над' дометочки — на стопочки,¹
10 А и догадочки — на грядоч(и)ки.
Уж как пойти, надо спроситися,
А и прийти, надо сказаться.
'Ак надоть силушка звериная,
А могута да лошадиная.

♩ 140

Да по - мо - лит[ь] - ца м(ы)не, по - кла - нит[ь] - ца,
 Да мне на все че - ты - ре сто - ро - лы
 3. Да всем бοль(и) - ши - м(ы) свя - тым у - го - д(и)ни - хам,
 6. Сде - вочь - си во - люш - кой про - сти - ла - ся,
 Сде - вочь - ёй во - люш - кой рос - ста - ла - ся.
 8. Да спод - ие - во - лей повс - тре - ча - ла - ся.
 11. Да т(ы).де - то есть у м'ня, у бе - л(ы)ку - ш(ы)ки,
 у под - ие - воль - кой крас - лой ле - ву - ш(ы)ки,
 13. Да есть сес - трж - ца мо - я рол - на - я.
 47. Да ка по - ля - х(ы) да лю - ли - си - ли,
 Да па луж - ка - х(ы) да лю - ли - жи - ли - жи.
 Дак вспо - ми - на - х(ы), под - руж - ка ми - ла - я.

Да помолит[ь]ца м(ы)не, покланит[ь]ца,
 Да мне на все четыре стороны
 Да всем боль(и)шим(ы) святым угод(и)никам,
 Да Прис(и)вятой(и) да Богородицы.
 5 Што я ведь(и) в баён(ы)ки намылася,
 С девочьёй волюшкой простилася,
 С девочьёй волюшкой россталася,
 Да с подневолей повстречалася.
 Да от(ы)дают(ы) меня, голубуш(ы)ку,
 10 Да на чужую да на сторону.
 Да г(ы)де-то есть у м'ня, у бед(ы)нуш(ы)ки,

- У подневольной красной девуш(ы)ки,
 Да есть сестрица моя родная.
 Да подойди-ко мне, к бед(ы)нушки,
 15 Да ты накинь(и)-ко ручки белые
 Да на мои плеча ретивые.
 Так ты возь(и)ми-ко мою волюшку
 Тебе на буй(и)ную головушку:
 Мне больше в девушках не хаживать,
 20 Девочьёй волюшки не нашивать.
 Пускай-ко волюшка красуетце,
 Девочь(и)ёй жизнью интересуетце.
 А от(ы)дают(ы) меня, побед(ы)нушку,
 Да на чужую даль(и)ну сторону,
 25 Да за седую да за бороду.
 Как(ы) на чужой(й) дальней сторонуш(и)ки
 Да старый муж-то будёт(ы) битися,
 Будёт свёковушка бранитися,
 Да будёт деверь-то ругатися,
 30 Будёт золовка издеватися:
 Штобы на к(ы)рылечко не выскакивать,
 Штобы в окошко не выглядывать,
 Дёр(ы)жать подушечку подружень(и)кой,
 Дёр(ы)жать постелюшку соседуш(ы)кой.
 35 Да от тоски да я, от горюшка,
 Да я засох(ы)ну, как(ы) тростиночка,
 Да я повяну, как(ы) травиноч(и)ка,
 Спадут с лица румян(ы)цы алых,
 Да почер(и)неет лич(и)ко белое.
 40 Ты споминай(и), сестрица род(ы)ная,
 А как(ы) ходили с тобой в девушках
 Да по полям(ы) да по зёленым,
 Да по лужкам(ы) да по широким —
 Да по иль(и)ин(ы)ских по ягодки,
 45 Да по иван(ы)ских по венич(и)ки,
 Да роспевали всяки песён(ы)ки.
 Нас на полях(ы) да люди слышали,
 Да на лужках(ы) да люди видили.
 Дак вспоминай(и), подружка милая.

15

♩=192

Ой, вы завийте, ветры буй(и)нны,
Ой, рознеси-ко мать сыру землю,
Ой, покажись-ко гробова доска,
Ой, покажись-ко тело белоё,
5 Ой, тело бело, личко блёк(ы)лоё.

Дай-ко Бог да дай-ко Господи,
 Ой, дай-ко в руценьки маханьиц(а),
 Дай-ко в ноженьки хоженьиц(а),
 Ой, во ясны глаза гляженьиц(а),
 10 Ды во(с) уста да говореныи(ца).
 Ой, ты корминец света батюшк(о)!
 Я пришла к тебе с обидушк(ой).
 Дак(ы) мне встрециалосе три стретушк(и):
 Перва стретушка с круцинушк(ой),
 15 Друга стретушка с обидушк(ой),
 Ой, третья стрета — горюци с(ы)лёзы.
 Первой стретушки смолила(се),
 Другой [в] ножках поклонила(се):
 Ой, пропустите меня, бед(ы)нушку,
 20 Ко сырой да ко могилушк(и),
 Ой, ко корминьцу света батюшку.
 Ой, как корминец света батюшко!
 Ты поедём-ко, пожалуйст(а),
 Ой, во любовно цасто гос[т]би(щё).
 25 Дак посулись, корминец батюшко,
 'Ак если к летному Петрова дн(и),
 Дак возьму лодоцку дубовую,
 Возьму веслиця как перышка. [...]
 Ой, посулись, корминец батюшко,
 30 Уж о снег к зимному Христова дни,
 Дак я приеду, сиротня девушка,
 Дак(ы) ворона коня-то нееж(ы)дённа.
 А возьму саноцки-то некатанны,
 Вязову-то дугу невпряганну,
 35 Шолкову плётку нехлыс(ы)танну.
 Дак привёзу корминьца батюшка
 Во любовно гостёбищё.

176

По - сле мо - ё го бы - ба - вь(и) - и - ця,
Ды по - сле мо - ё го хо - же - вь(и) - и - ця,
Ой, за - ро - сла - се путь - до - ро - жень - ка
О - па е - ль(и) - ниц - ком - бе - ре - з(и) - ниц - ком,
5. А пяс - тым ме - л(ы) - ки - им фе - рес - ниц - ком.
Ох, ох - ти м(ы) - не, м(ы) - не - ка тош - нё - шень - ко!
Ой, мне - ка, е - ль(и) - ниц - ку же вы - ру - бить,
Ды фе - ре - с(и) - ниц - ку же вы - топ - тать.

После моёго бывань(и)иця,
Ды после моёго хожень(и)иця,
Ой, зарослase путь-дороженька
Она ель(и)ницком-берез(и)ницком,
5 А цястым мел(ы)киим фересницком.
Ой, ох-ти м(ы)не, м(ы)не-ка тошнёшенько!
Ой, мне-ка ель(и)ницку не вырубить,
Ды ферес(и)ницку не вытоптать.
Ой, подойти да мне-ка, бед(ы)нушки,
10 Ой, еще к вашой к новой горёнки.
Ой, стала к горёнки двигатисе,
Ды стала горёнка терятисе.
Ой, не пугай(и)тесь-ко, бажоные,
Ой, я пришла ведь к вам ведь, гос(и) [ть]юшка,
15 Ой, я пришла да не недель(и)няя,
Ой, я пришла гос[т]я цасовая.
Ды мне повыс(ы)казать обидушка,
Ды повыкидать кручинушка.
Ой, ох-ти м(ы)не, м(ы)не-ка тошнёшенько!
20 Ды послухайте, сер(и)децьные!

Ой, мне-ка в лет(ы)ной день не вып(ы)лакать,
 Ды осённу ноць не высказать,
 Ды на [г]ёр(ы)бовой лист не выписать.
 Ды бажоны да сер(и)дець(и)ный!..

КОММЕНТАРИИ

В основу группировки публикуемых материалов положены географические параметры. Это позволяет компактно разместить тексты, записанные от одной и той же исполнительницы. В состав паспортных данных звукозаписей входят обозначение места их хранения (Фонограммахив ИРЛИ), а также архивный шифр (магнитофонный фонд, номер единицы хранения и порядковый номер фонограммы).

Все расшифровки выполнены автором публикации (к сожалению, имевшаяся в рукописи система ранжира отображена в нотном оригинале недостаточно точно). Графика поэтических текстов отражает особенности композиционной структуры многострочных напевных периодов. Поэтические тексты передаются по нормам современной орфографии с сохранением ряда особенностей местного диалекта. «Г» фрикативное выделено курсивом. Не отражаются фонетические явления, соответствующие нормам литературного произношения. Квадратными скобками обозначены отсутствующие на фонограмме фонемы. Конъектурная правка заключается в угловые скобки. Отточиями в квадратных скобках отмечены случаи нарушения стабильности исполнительского процесса (остановки, ошибки, оговорки и пр.). Пропуски в нотном тексте обозначены отточиями в угловых скобках.

- ФА ИРЛИ, МФ 3007. 06. Каршевский с/с, д. Ярчево. Исп.: Анна Андреевна Сёмина, 1909 г. рожд. (уроженка д. Каршево). Зап. А. Ю. Кастрюка и А. Д. Троицкой 29.08.1984. Похоронное причитание в избе у гроба племянника. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
¹ племянника.
- ФА ИРЛИ, МФ 3020. 02-03. Каршевский с/с, д. Каршево. Исп.: Мария Николаевна Сухова, 1911 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрюка, А. Д. Троицкой и В. П. Шиффа 16.12.1984. Похоронные причитания матери по сыну во время выноса гроба из избы, а также на кладбище. Напев транспонирован на 2 1/2 тона выше.
- ФА ИРЛИ, МФ 2986. 03. Пудожский с/с, д. Кулгала. Исп.: Татьяна Осиповна Плешкова, 1900 г. рожд. (уроженка д. Остров Кривецкого с/с). Зап. А. Ю. Кастрюка и А. Д. Троицкой 23.08.1984. Поминальное причитание на могиле брата. Напев транспонирован на 1 тон выше.
- ФА ИРЛИ, МФ 2978. 08. Кривецкий с/с, д. Кривцы. Исп.: Мария Ивановна Максимова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Колово Пудожского с/с). Зап. А. Ю. Кастрюка и А. Д. Троицкой 22.08.1984. Поминальное причитание на могиле дедушки. Напев транспонирован на 1 1/2 тона выше.
¹ вереском.
² сиропны.
- ФА ИРЛИ, МФ 2975. 04. Паспортные сведения см. comment. 4. Свадебное причитание невесты в день просватанья. Напев транспонирован на 1 1/2 тона выше.
¹ пятьдесят.
² По окончании исполнения причети был проинтонирован опущенный фрагмент текста:

Уж подхожу бедна горюющица
 Уж как к кирпичной белой печеньки.
 'Ак поспрошую я, красна девушка,
 Уж у кирпичной белой печеньки
 Уж как про чужого чужанина —
 Уж про млада сына отецкого.
 Уж как не бает да-й не говорит
 Уж как кирпична бела печенька.

(ФА ИРЛИ, МФ 2975. 05)

³ На фонограмме зафиксирована оговорка исполнительницы:

'Ак у брусовой белой лавочки.

- ФА ИРЛИ, МФ 3041. 05. Авдеевский с/с, д. Авдеево. Исп.: Пелагея Федоровна Костина, 1912 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрюка, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 10.06.1985. Свадебное причитание. Невеста встречает подружку, приходящую в гости «на неделю» («когда невеста невестится»). Напев транспонирован на 1 тон ниже.
- ФА ИРЛИ, МФ 3103. 18. Паспортные сведения см. comment. 6. Запись А. Ю. Кастрюка, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 21.06.1986. Свадебное причитание невесты за столом в гостях у сестры после угощенья («покушают и вот благодаренье сёстры и отдават»). Напев транспонирован на 2 тона ниже.
¹ Конъектура в соседних строках вызвана оговорками исполнительницы.
- ФА ИРЛИ, МФ 3089. 04-06. Авдеевский с/с, д. Песчаное. Исп.: Анастасия Дмитриевна Исакова, 1907 г. рожд. (уроженка д. Рындозера Авдеевского с/с). Зап. А. Ю. Кастрюка, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 16.06.1985. Свадебное причитание. Невеста приезжает в гости («с доброботом») к замужней сестре и начинает причитать около избы, не выходя из саней. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

¹ Здесь и далее приводятся исполнительские ремарки, сопровождавшие пересказ текстов причитаний (ФА ИРЛИ, МФ 3087. 04).

² На фонограмме ФА ИРЛИ, МФ 3089. 09 зафиксирован вариант:

Ды спотешают(ы) мою волюшку.

9. ФА ИРЛИ, МФ 3108. 07-09. Паспортные сведения см. коммент. 8. Запись А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 24.06.1986. Фрагмент развернутого цикла причитаний в свадебный день. Невеста «сдаёт волю» и кладет на стол ленточку из косы, которую берет жених. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
10. ФА ИРЛИ, МФ 3090. 09—3091. 01. Паспортные сведения см. коммент. 8. Рекрутское причивание матери в избе перед отъездом сына. Согласно свидетельству исполнительницы, при отправлении сыновей в армию было принято причитать лишь вдовам. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
- ¹ белокаменная церковь.
11. ФА ИРЛИ, МФ 3062. 04. Авдеевский с/с, д. Римское. Исп.: Клавдия Павловна Тимофишина, 1922 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 13.06.1985. Поминальное причитание на могиле матери. Исполнительница была остановлена разрыдавшимися односельчанками, присутствовавшими на сеансе звукозаписи. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.
12. ФА ИРЛИ, МФ 2933. 01. Кубовский с/с, д. Кубовская. Исп.: Наталья Васильевна Бычкова, 1907 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 09.08.1984. Поминальное причитание на кладбище у могил родителей.
13. ФА ИРЛИ, МФ 2932. 04. Кубовский с/с, д. Кубовская. Исп.: Анна Александровна Беляева, 1913 г. рожд. (уроженка д. Водлы Водлинского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 09.08.1984. Свадебное причитание матери «на просватовстве». Напев транспонирован на 2 1/2 тона ниже.
- ¹ вешалка для одежды.
14. ФА ИРЛИ, МФ 2955. 05. Колодозерский с/с, д. Погост. Исп.: Ирина Константиновна Богданова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Шанниково Колодозерского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 18.08.1984. Свадебное причитание. Невеста возвращается из бани в избу и подходит к сестре «сдавать волю». Они стоят обнявшись, невеста плачет. Напев транспонирован на 1 тон выше.
15. ФА ИРЛИ, МФ 3122. 07—3123. 01. Куганаволокский с/с, д. Куганаволок. Исп.: Анастасия Васильевна Пономарёва, 1911 г. рожд. (уроженка д. Рагунова Куганаволокского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 18.05.1986. Поминальное причитание на могиле отца.
16. ФА ИРЛИ, МФ 3142. 03. Куганаволокский с/с, д. Канзанаволок. Исп.: Евдокия Архиповна Демидова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Калакунда бывш. Канзанаволокского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 28.05.1985 в г. Пудоже. Свадебное причитание. Невеста причитает дома, возвращившись из гостей (после «поездки с добровтом»).

О. Р. НИКОЛАЕВ

СКАЗКИ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ (сказочница М. И. Патрикова)

Летом 1987 г. фольклорная экспедиция ЛГПИ им. А. И. Герцена (ныне Российской государственный педагогический университет) работала в Западнодвинском районе Калининской области, продолжая обследование региона псковско-смоленского пограничья, начатое зимой 1987 г. в соседнем, Торопецком, районе. Исторически Западнодвинский район относился северной своей частью к Торопецкому уезду Псковской губернии, южной — к Бельскому уезду Смоленской. Граница проходила именно по Западной Двине. В определенной степени это и граница местных традиций народной культуры. Конечно, зона перехода размыта, захватывает значительную территорию. Многие признаки этого процесса, касающиеся этнографии, диалекта, напевов, общего колорита и структуры традиции, прояснились уже в летней экспедиции. Одной из главных задач полевых исследований было выявление традиций народной прозы. Записано более 500 текстов несказочной прозы, 45 сказок (из них 27 волшебных). Необходима серьезная постановка вопроса о местной сказочной традиции, тем более что в литературе этот регион освещен крайне слабо. Представление о смоленских сказках дает только издание В. Н. Добровольского,¹ о псковских — сборник В. И. Чернышева² и немногочисленные отдельные публикации. О не столь давней живой жизни сказки в этих местах говорит не только количество записанных текстов, для современной ситуации немалое. 37 сказок записано от трех профессиональных исполнительниц, мастеров жанра: Клавдии Терентьевны Клишковой (1917 г. рожд.) — 10; Матрены Ивановны Патриковой (1893 г. рожд.) — 8; Анны Романовны Ростовской (1908 г. рожд.) — 19. Репертуар каждой сказочницы когда-то был гораздо обширнее. Так, К. Т. Клишкова знала около сорока сюжетов. Лет пятнадцать назад была потеряна последняя аудитория слушателей сказок — детская: и по причине немногочисленности детей в современной деревне, и вследствие вторжения в сельский быт телевидения. С тех пор сюжеты, сказочные формулы, интонации перешли в сферу пассивной памяти и постепенно забываются, хотя иногда сказки и рассказываются «про себя», когда не спится (по словам А. Р. Ростовской).

Настоящая публикация посвящена искусству Матрены Ивановны Патриковой, сюжетный репертуар и исполнительское мастерство которой доносят до нас память о «золотом веке» сказочной традиции. Матрена Ивановна живет в д. Староселье Васильковского с/с. Это юго-западный угол района. В отличие от «цивилизованной» северной части, где проходят автомобильная и железнодорожная трассы Москва — Рига и каждое лето население пополняется московскими туристами и дачниками, болотистый южный край — место глухое и труднодоступное. Асфальтовая дорога из райцентра доходит до большого поселка Ильино. Дальше до деревень двух совхозов, расположенных у границы с Псковской областью, весной и осенью могут добираться только гусеничные тракторы. До Староселья 18 км от Ильина. В деревне сейчас 23 дома. В ней же живет и А. Р. Ростовская.

Матрена Ивановна родом из деревни Миняково, которая находится в 10 км от Староселья, но за Западной Двиной, т. е. уже в Кунинском районе Псковской области. На эту сторону Двины Матрена Ивановна шла замуж, с этим переходом через реку связано и осмысление ею своей жизни: «Ну, папка-кала... вволю, сюда шла. Приду к реке — ну, зацим было идти за реку, милые ма! Када свадьба была, мальчи мне даже в волосы плявали, плявали...: „Верно, девка тронулась ума, — гарит, — разве жених-хой, — г-т, — не хватит, идти за реку, за воду такую“. А вот судьба, верно! Судьба и судьба. Всю жись зато кляну свою жись». Вышла замуж Матрена Ивановна на 21-м году, т. е. в 1914 г., по всей видимости, во время первой мировой войны, парней из ее деревни забрали в армию. С мужем она прожила «только двадцать гадоў», в 1936 г. он умер. Рассказ Матрены Ивановны о ее девической жизни в родительском доме окрашен в светлые тона; вся последующая жизнь исполнена непосильного труда, горя и слез: «О, господи, што только я ня робила, што только я ня робила. На такие работе, што куды патяжэлей». Было у Матрены Ивановны 5 детей: двое умерло до войны в детском возрасте; сын погиб в войну; дочь умерла в Ленинграде во время блокады; младший сын, Алексей Петрович (1933 г. рожд.) живет в Староселье. До 60 лет Матрена Ивановна работала в колхозе (дояркой, скотницей и др.). Пенсия не избавила ее от труда, понятого как смысл жизни: «Знать, цюжую кров не даў бог пить». Только два года назад Матрена Ивановна перестала принимать у себя в доме «пастаяльцеў», приезжающих работать в совхоз, готовя и стирая для них. Сейчас она плохо видит и слышит, но живет одна в своем доме, даже держит кур: «Я

¹ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1 // Записки Русского географического общества. Т. XX. Далее сокращено: Добровольский, номер текста.

² Чернышев В. И. Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950.

сама б, кабы ня глазы, все б я... троху капалася. Но уже... сильно плакала, много горя переняла». У Матрены Ивановны высокий нравственный авторитет в деревне, к ней и сейчас ходят поделиться своими несчастьями: живой и ясный ум не изменил ей. Она принадлежит к уже ушедшему культурному и нравственно-психологическому крестьянскому типу. Об этом свидетельствуют: архаичность местного диалекта в ее устах, не похожий на современный интонационный строй речи, иное осмысление мира и своей судьбы. Так, говоря о неприятии матерной браны, Матрена Ивановна употребила архаическую формулировку: «На матку-зямлю не клала, на божью матери не клала».

В момент нашей встречи с Матреной Ивановной Патриковой в ее памяти лучше всего сохранились сказки. Она рассказала 8 сказок, из них две — легендарные. Репертуар раньше был значительно шире, упомянула Матрена Ивановна сюжеты о «жар-птице» и «коньке-горбунке». Сказки она переняла из семейной традиции: «...матка мая гаварила, и баба гаварила, и дед»; «...и батька люби́ш слухать, батька не уме́ш гаварить, а матка умела всякие». По воспоминаниям сказочницы, сказка являлась одним из важнейших элементов крестьянского культурного быта: «...дняндцать часо́й было — слухаю, все рассказывают. Бывало сабярутся, смяются, гавбрюют, а теперь только брешутся, теперь адин аннаго ненавидят».

Шесть сказок Матрены Ивановны — волшебные, причем с явным преобладанием эпико-героического колорита. Сюжет змееборства представлен не только классическим «Суцым сыном». В сказке «Сарока» создается парадоксальная, но художественно убедительная ситуация совмещения в образе Дитятки-Соломки героя-мудреца и богатыря-змееборца. В каждой сказке присутствует «богатырская» характеристика образов: «сильный, матуций богатырь Иван-дурацёк» в «Сивце-бурце» и «Настасее-прекрасее»; «карова-богатырка» в «Каровушке-бялонюшке»; «богатырский кремешок» в «Ляксе Гаремыке» и т. д. В «Сароке» и «Настасее-прекрасее» встречается формула: «ездила на палеванье», «дай палеванье!». В польском и белорусском языках это слово *polowanie* известно со значением «охота». Но по контекстному употреблению формула Патриковой сродни былинному «общему mestу»: «поляковать», «полякованье».

Матрена Ивановна точно соблюдает сказочную обрядность, образно-формульный строй ее сказок сохранился в удивительной полноте. Заслуживает внимания неразрушенная ритмико-интонационная цельность повествования. Односельчане говорят, что она рассказывает сказки «как стихи варят». По ее исполнению, по всей видимости, можно судить об архаической манере сказочников: стилистическику «обряду» соответствует «обряд» интонационный. Повторение словесной формулы сопровождается и воспроизведением той же интонации, конечно, при условии богатейшего эмоционального варьирования. Причем в запоминании формул ведущую роль играют именно ритм и интонация. Так, Матрена Ивановна, даже не припоминая некоторых слов, не может остановиться или замедлить темп речи. Пропуски заполняются невнятными словами и обрывками слов, отдельными слогами. Ритмико-интонационный период всегда оказывается завершенным, его цельность не нарушается. Такая манера напоминает традицию словесных импровизаций, например дружек на свадьбах.

Эмоциональный строй сказок Патриковой удивительно богат и застуживает специального исследования, тем более что исполнительская психология жанра сказки практически не изучена. Поразителен лиризм, проявляющийся в наиболее напряженных моментах повествования: например, описание последней ночи боя в «Суцем сыне». О недавней трагической гибели своего внука Матрена Ивановна рассказывала с такими же интонациями, в которых смешились слезы жалости с улыбкой трагического умиления.

По сюжетному составу сказок, их образному богатству, «музыке» исполнения Матрена Ивановна Патрикова несомненно принадлежит к незаурядным представителям русской сказочной традиции.

В данной публикации представлен весь сказочный репертуар исполнительницы. Тексты печатаются в последовательности их записи, что в определенной степени отражает иерархию сюжетов в сознании сказочницы, степень цельности и сохранности повествования. Все сказки записаны в июле 1987 г. студенткой I курса Н. Н. Кочковой, аспиранткой кафедры русской литературы Л. И. Окуневой, ассистентом кафедры О. Р. Николаевым. «Настасея-прекрасея» публикуется по варианту, записанному в октябре 1987 г. О. Р. Николаевым. Летом эта сказка была рассказана последней.

Для публикации избран принцип полной, адекватной передачи импровизационного потока речи сказочницы, включая несмысловые паузы, ошибочные слова — все, что относится к процессу припомнения текста. Все подобные случаи выделяются угловыми скобками. В современной ситуации отмирания традиции самый механизм воспроизведения сказочного повествования, таящегося в пассивной памяти, представляет ценность для характеристики последних представителей сказочного исполнительского мастерства. В прямые скобки заключены слова, части слов, отдельные буквы, невнятные в звукозаписи, пропущенные, произнесенные скороговоркой.

В соответствии с задачей воспроизведения художественной выразительности диалекта и передачи близкой к звучанию языковой ткани сказочных текстов передаются следующие фонетические особенности.

1) Аканье. Передается в предударных позициях, заударные редуцированные обозначаются через «о»: «балото», «гасударство». В предлогах, являющихся проклитиками, в целях облегчения чтения текста аканье не передается: «по царству», «про яго», «подо мной» и т. д.

2) Яканье: «березье», «яго». В случаях, где звук средний между «я» и «е», выбирается написание, отражающее наиболее близкое звучание: «дняндцати», «двенадцати».

3) Во всех случаях обозначается «ё», так как часто встречаются расхождения с современной орфографической нормой («встает», «идеть») и варианты произнесения («есь» и «ёсь», «яе» и «яё»).

4) Передается звук «и» в словах: «ись» («есть»), «ви».

5) Цоканье: «мальчик», «цистенько». В сложных случаях звука, среднего между мягкими «ц», «ч» и «т», передается наиболее близкое звучание в каждой конкретной ситуации: «ци», «чи», «ти». Редко возможно твердое «ч»: «ничаво», «чутно». Так же обозначается мягкость «ц» в позициях вместо «ч»: «дурацёк», «лучьше», «Цюдо-Юдо».

6) Фрикативный «г» употребляется во всех случаях. На письме особым значком не передается. В окончаниях прилагательных, причастий, числительных и местоимений в родительном и винительном

падежах чаще произносится фрикативный «г»: «этого», «единого». Возможны случаи сложного «в» — с оттенком фрикативного «г»: «аннаво». Иногда фрикативный «г» в конце слова отчетливо переходит в «х»: «ничёх».

7) Варианты произнесения в словах: «ланно» и «ладно», «пасленний» и «пасследний».

8) Часто употребляется слово «говорит» как вводное в полных формах «гаварить» и «товорить» и в разнообразных случаях скороговорки: «га-рит», «гав-рит», «г-т».

9) Передается смягченный согласный «т» в глагольных формах 3-го лица: «бягить», «встаеть», «ржеть» и др. Возможно и твердое звучание.

10) В случаях, совпадающих с современной нормой произношения, передаются: «ш» в слова «что», «чтобы»; долгий «ж» («въяжжаеть»).

Приношу глубокую благодарность студентам факультета русского языка и литературы РГПУ им. А. И. Герцена, оказывавшим помошь в расшифровке текстов.

1. САРОКА

Сарока яйцы клала, жопу драла, пастушкі нашли, надыхали — яна взяла, аткинулась. Раз это как... пташки атикливаются, когда найдешь, где надыхают. Ворон раз прилетеў, ворон два прилетеў, ворон третий раз ўзяў да и сеў на эти яйцы. Сядеў, три нядели сядеў, высядеў сараканят. Кармиў две нядельки в килках, а две нядели в пушку, сараканяты палятели эти за вороном. И увидела эта сарока, што сараканяты палятели за вороном: «Ох, это ж май дети!»

Схватилась с етым вороном драться:

— Атдавай, это май дети.

— Нет, — гаварить, — это май дети. Я, — гаварить, — сядеў три нядели, — гаварить, — атсадеў, да две нядели в килках кармиў их, да две нядели в пушку, и тяперь, — гаварить, — аны палятели за мной — это май дети.

— А, не. Дрались — пайдём к царю на суд.

— Хм, пайдём.

А царь быў — как сицяс же зъезды, так же ж и раньше зъезды были, там вот в гасударстве зъежжутся, и ён паехаў на несколько месяцев туда, на зъезд.

А царевня была бяременна, савсім уже радить скоро ей надо. Ну царевня судила ды делала, присудила — сарокины дети. Так, и младенец атребыва[ет]: «Блядь по бляди и пагадываеть». Што няправильно присудила яна. А ана:

— Слуги май милые, слуги май верные, вазьмите б[у]лат-нож, взымите маю белую грудь и выймите из мене етово блазня¹... вон, каторый атветиў еще у меня в [у]требе.²

— Ай царевня (...), батюшка (...), да ты ж ражаешь, на што ж тябе ето портить сябе, сама сябе. А ты луцьше как ражай, так на яго глазы ня вскинь. Куды ты прикажешь, туды мы яго и патрябём.

Ну так и ана сагласилась. Ти много, ти мало... Лягла, радила — мальчик такей хороший — он багатырь радиуся, раз уже он атветиў. *(Нясуть)* «Нясите мне... нажанку,³ сердце принясите. Разарвите яго и и *{на}* сердце принясите».

Яго нясуть, а ён растёт на руках. «Ну как мы так будем губить этого рябёнка, ах, боже мой. Ай, вазьмём мы паймаем шшанка, разарвём, сердце усунем, ана и ни паймётъ. А этого рябёнка, дед там есь бяздетный, паложим мы яво в саломку, дед пайдётъ живатине класть и найдётъ».

Взялі шшанка разарвали, сердце всторнули *{на сердце}* на ножик, принясли, ана панюхала — псина псиной. Взяла за вакошко и выкинула. Ну што ж, дед пашёў саломы каровы класть — ай-я, рябёнок ляжить, рябёнка нашёў. Ой-я, пабегъ шибком:⁴

— А, бабушка, детку нашёў, — гав-рит, — па [гляди] в саломе (оживленно, с улыбкой). — *O. H.*, — г-рит, — рябёнацька нашёў. Да какой хороший, — гавбрит.

— А как мы яго будем звать?

— Ай, Дитятка-Саломка, раз ў саломки, пушшай Дитятка-Саломка.

¹ Малолетний, глупый; шалун, шутник.

² В утробе.

³ Т. е. на ноже.

⁴ Шибко, быстро.

Ну, так и баба согласила [сь]. Баба тут рада, яго, о господи! надели, абрядили, и ен, кто по минутам, а ен... по цясам, а ен по минутам, кто по цясам, а ен по {по ця...} минутам растёт — ну, сильно вырос, бальшой уже, растёт и все. Вырос уже бальшой, стали ребяты играть с каньками, такие делали-сделали: «Ну што, — гав-рит, — мы так играем, сделаем мы сябе будку, выберем мы царя промеж себе. Што, — г-ть... А то, — г-ть, — може что и сделаем, будем судить тады».

Взял да из... как это... истружки⁵ такие, шшапали луцинку, аны взяли такие будки сделали, и там будут судить, кто царь бу [деть]. Ну... «Вот, — гаворить, — хто этих лягушек унимет ў лужине, тот будетъ и цáрем у нас». Аны кричали, делали, но все равно лягушки квакают, и всё. А ён как крикнуў, как анна лягушка — вс[е]. Ну, г-т: «Как хоцешь, быть мне... цáрем».

Как хошь, он, как царьский сын, он думает: «Што ж...» «Ну ланно, все-таки аны ня хоцють, што дедов сын и будеть нам цáрем да и судьёй: «Ну, хто вот еты лес, вот стаит бярезье ровное, к каму еты лес пригнётся, — ён сказаў, — то мой царь». Яны как пашли, так он выше взаў да и падняўся, а ён как пашёў, так всей лес яму пригнаўся. «Ну, — га-ть, — как хоцешь, мне быть, — гаворить, — судьём царьским».

Ну, уж и яны согласились, ребяты. Ну, по каньку таких делали, играют, и мальчик взяў да канька украў. Ну, пашли судить — в эту будку. Сели, судили, ён взяў да и вушко атрезаў. «Ох! — малец закричал, пабег. Ох, боже мой, батька идет: «А што ж это такей за разбойник, где ты таково браў разбойника, это сколько играли, никада вушки не резали». Это вушко мальчику атрезаў.

— Ах, мой Дитятка-Саломка, што ты это наделаў, это ж нельзя так делать.

— Ня бойся, дедушка, ня бось, ничёх ня будеть, ето он украдеть и, — гав-рит, — и каня увидеть, и в анбар влезеть, што ж он, — гав-рит, — будеть вором? Вот я яму и показаў.

Ну, апять. Вúшко тое залячили яму, апять вси стали играть вместе. Играли, играли, он апять канька, тот мальчик, апять украў. Он апять присудиў и апять взяў да последнее атрезаў. «Ой-я, боже мой, ну што делать, да ведь это уже, — г-рит, — э-э-э». Пришёў батька к этому деду.

— Бери разбойника этого, штоб он у тебя ня буў, таких не было яшшо.

— Ну куды ж я яво, — г-ть, — убяру.

Ну, езял в суд падали. Ну, судиў-рядиў царьский суд. И ён присудиў, как он рассказывает, што... так взял аправдали мальца этого, аправдали. Ну, и прав, што малец атрезаў вушки яму. Ну, тады он жиў-жиў, жиў-жиў. «Ну што ж я буду жить, дай-ка я сабе игрушку скую». Пашёў ў кузню, взяў стали там сколько-то пудов, да там всяво такого и палку-булавку скаваў себе, васемнадцать пудов, штоб была такая. И пустиў под нябес яе — паставиў по сваё калено, взяла и развалилася. «Ах, эта ня игрушка мне [я]шшо. Эта ня игрушка».

Апять пашёў в кузню. Кавали-делали, кавали-делали, ну скавали. Тады он паставиў сваю буйнью галаву — только абагнулася.

Взяў, паправиў: «Во, теперь магу ехать паиграть этой игрушкой». Тады г-ть:

— Дедушка! Баслави мене, — гаварить, — хацю я пагулять, па царствам хдя.

— Ай, дятёнок мой, табе ж у мяне ня плохо, я ж те...

— Я приду к вам, я вас закармлю. Баслави меня.

— Ну, цим{...}

— Кромоцькой хлеба.

Ён атрезаў кромоцьку хлеба, ён ето где идет, и все атрежеть скрибацьку,⁶ и ета не нацинается. Паисть там, ти з вадицькой, ти с цим. Шёў-шёў, гуляў это он по царствам и в такое царство пришёў сбитое, што ни жилья, ни былья. Ну, пришёў {к де} к деду — а-ой, три казла стаить (замедленный темп, удивление. — О. Н.): «Буду у етова деда праситься нацывать».

— Дедушка, вазьми меня нацывать, вазьми ты меня в поле ганяться (...).

⁵ Дранка.

⁶ Ломоть хлеба.

— А-ой, — гаварыть, — а хто ты такей?

— А мене звать Дитятка-Саломка.

— Охти, ну што ж, — г-рит, — нас Цюдин-Юдин сбиў, и, — гаварыть, — когда ж... няльзя ж, — г-рит, — пускать — у яго агнáная ряка, шалкбовая трава; как только пустишь, то савсим убеть нас, и глазы выкалапаў, сбиў цисто, што наши казлы хадили.

— Ой, дедушка, я не паганюсь, маим казлам п мягам хватить.

Ну, сагласицись, лягли спать. Бабушка встаёт, ляпёшек напекает, он пазавтракай: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите — на агнáную ряку, на шалковую траву, ешьте, мните, сколько надо». Казлы пабегли, ядут, мнуть. Сам сеў под калиноў мост, сядить. И Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с трём галавам, увидеў: «Што ж это... — г-ть, — дед Упат апять сваих казлов пустиў на нашу агнáную ваду и на шелкбовую траву, апять мнуть, ядуть». Бярэть каня няяжжена, сакалá няспущена, едеть на калиноў мост. Конь заржаў, сакбл засвистаў, пес засквалиў. Он бъеть каня по шерсти:

— Ты цяво, валциное (...), ржёшь, ты цяво, кашацье перье, свищешь, а ты цяво, сабацье мясо, сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с трём галавам, есь Дитятка-Саломка (пад па...) пад палбом сядить.

— Ой-ой, ён яшшо млад юнош, яшшо он ня может сюда зайти.

— Ой! Цюдо-Юдо, беззаконная галава, сам зайдёў, — гав-рит, — добрый младец.

— Э-э. Зря ты зайдёў. Давай драться.

— Ах, будем драться-биться.

Дрались они, бились. Ён яму три галавы сбивает, в реку вкачивает, на каня садится: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите дамоў, з юдина поля, с шалкбовой траве, с... этой... с агнáной вады». Прибег[ли]. Дед этот пришёў — цюў этай стон.

— Ах, мой Дитятка-Саломка, што-то стон, — гаварит, — што-то там — ти не пускаў?

— Не. Это, — гав-рить, — стебануў нямножко малого казла, — г-рить. — Ну, ён не стебануў, што я яму ня даў. Я так, — гав-рит, — ў грудки потягнулся з им, — га-рит.

— Ну, спасибо, што ты за маих живаткоў заступаешься.

Апять паужинали, спать лягли. Встаёт апять, баба яму ляпёшек напякает, пазавтракай, справляется ён апять.

— Дитятка-Саломка, ну не ганяйся ты на цюдино-юдино поле, на агнáную ряку, на шалкбовую траву.

— Ту, дедушка! Во маим казлам — ну, на што паганюсь, все па мягам, сколько им тут надо, траим.

Как выгнаўся, апять: «Казлы май милые, казлы любимые, бягите на агнáную ряку, на шалкбовую траву, ешьте, мните, сколько дбса».⁷ Яны ядуть! — да и всё. А ён сеў апять под калиноў... Э-э! Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с шасти галавам [приедет]: «Сабраў дед Упат силы, апять пустиў казлоў на нашу на агнáную ряку и на шалкбовую траву — ядуть казлы да мнуть». Бярет каня няяжжена, сакалá няспущена, запрягаеть, едеть на калиноў мост. Взъяжжаеть — конь заржаў, сакбл засвистаў и пёс засквалиў. Он каня бъеть по шерсти:

— Ты цяво, мясо, ржёшь, ты цяво, кашацье перье... а ты, валциное мясо, цяво сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с шасти галавам, ёсь неприятель — Ди-тятка-Саломка.

— Нет. Ёсь неприятель в десятом царстве, в десятом государстве. Но [я] шшо он молод.

— Ой, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, я сам добрый молодец пришёў.

— Э-э, так ты маяго брата сгубиў! Рябец,⁸ мой будешь!

⁷ Досыта, достаточно.

⁸ Парень.

— А, — гав-рить, — каму бог памагёть.

Ну, дрались — бились. Он яму шесь галоў сбивает, в реку вкачивает, на каня садится: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите дамоў». Казлы бягут, (...) наелись (...) Апять дед выходить: ах, боже мой, казлы как мягкие стали, какие полные.

— Дитятка-Саломка, ой какой стон сёдни быў.

— А это, — га-рить, — средняво казла сёдни пўгой⁹ как секануў, так я [з] им вот паскандалиў, даже ў грудки патягаўся... что секануў казла маяго.

— Ах, ну, спасибо, что ты за маих живаткоў заступаешься.

Ну, пришли казлы уже нажраўшия. Апять баба яму ужинать сгатовила, паёў, лягли, назавтре встает апять.

— Ну, Дитятка-Саломка, ня гонься на Цюдино-Юдино поле, на агнёную ряку, на шалкбовую траву. (...) убеть савсим он нас.

— Ту-у, дедушка, и зацим я паганюсь. Разве майм казлам... па мяжам и то траве хватить, а пожни сколько.

— Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите на Цюдино-Юдино поле, на агнёную ряку, на шалкбовую траву, ешьте, сколько надо. Только я вам сёдни скажу: когда я вас папрашу помоци, то вы мне дайте сёдни помоць.

Ну, ладно. И сеў пад калиноў мост, сядить и видеў: Цюдо-Юдо с девяты галавам.

— Ахти мне, паехали браты на паляванье и нет, неужели етый — ён млад юнош — и сюда зайдёу? Нет неприятеля, только на десятом царстве, десятом гасударстве Дитятка-Саломка, больше яшшо нет багатырёў.

И едет на калиноў мост. Конь заржаў, сакбл засвистаў, пес засквилиў, он яво бъеть по шерсти:

— Ты цяво, мясо, ржешь, цяво, кашацье перье, цяво свищешь, сабацье мясо, цяво ты сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с девяты галавам, есь неприятель Дитятка-Саломка пад палом сядить.

Ой, вылез сам:

— Ой, — г-т, — што ты рано лятаешь, перья растяряешь, а, братоў маих убиў, теперь будешь, рябец, мой.

— Ну, буду я твой, только знаешь, тебе, — гав-рить, — девять галоў, как балдо, у меня адна галава, как хмелиная шеецька, только да трех раз атдох, — гаварит.

— Атдыхай, всё равно, и мне, — г-ть, — будеть легце.

Ён яму три галаве сбивает, он это ня цювствуешь, что яму три галаве сбиў. А ён яго по ступени в землю вбивает: «Чудо-Юдо, беззаконная галава, дай атдох, мы же до трёх раз атдыхаем».

Ён цапай, цап[ай]-выцапаўся, пахадиў-пахадиў, апять схватились драться. Бились-дрались, апять он яго [уже] по калена вбивает в землю.

— Эй, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, мы ж до трех раз атдох.

— Атдыхай!

Ну, цапаўся, цапаўся, выцапаўся: «Казлы май милые, казлы любимые, дайте помоць!»

Казлы прибегли, головы яму сбили, ў ряку вкатили (в конце предложения быстрый темп сменяется медленным. — О. Н.). Всё аны (...) глядить; сумка привезена. В сумке живая вада и мяртвáя вада. Бабины глазы и дедовы глазы. Садится на каня: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите с агнёной ряке, с шалкбовой траве, бягите дамоў».

Казлы прибегли, дед вышеў:

— Ой! Дитятка-Саломка, зямля калатилася как, — гав-рить, — стон ишёў.

— А, дедушка, сёдни я падраўся. Я сёдни падраўся с Цюдым-Юдым. Я падраўся. Ну, всё-таки, — гаварить, — я яго перядблиў. Перядблиў.

Ну, баба тут — ой — яго угостила, делала: «Бабушка, падхади ко мне». [Ён] взяў глазы вставиў, *(живой вадэй)* мяртвэй пакрапиў, живэй — глазы. Баба

⁹ Плеткой.

идёт: «Ой-я!» — баба. Пабегла за дедом (с радостным оживлением. — О. Н.): «А, дедушка, хади, я тябе павяду, — гав-рить, — у мене ж глазы ёсь». Деда падвёў, он и деду вставиў глазы, так памациў. «Дитятка-Саломка! — пацелаваў дед. — Все царство тебе аткажу, и быдь ты у нас, — гаварит, — за сына, и мы, — гаварит, — никада тебе ня кинем, и ты нас ня кинь, — гавбрить».

Ну ладно. Только пагуляли там аны три дня, ци няделю, все гуляли — рады, это все вышло харашо. Тады гаварит:

— Дитятка-Саломка, дай нам на няделю зъездить к своим сростам,¹⁰ а то мы ж да [вно]... у нас же... сильно сбіў ён наше царство, мы уже ня знаем у [мене] ж ёсь... ты... свам, хоцем мы з им павидаться.

— Зъездите, зъездите, — гавбрить.

— Всюду гуляй, только туда, вон там не гуляй, где зялезнай (спи...) ступкой прикбсано¹¹ (...) лыцком завязано. Туды не гляди, а тут всюду, — гаварит, — гуляй. Пей, ешь, што хошь.

Он хадиў, глядевши, гуляў-хадиў: «Што ж такое-то там ёсь?» Паглядить: стаить асёл, перяд им катялок, парка идеть, он парку ту глатаеть и сыт етым бывает. «Ох, матки-панибожьи! У мене ж у атца сваяво есь царство ня хуже и етово». Взяў асла, вывеў аттуль. Ён гав-рить:

— Дай мне пагулять на три цяса, я, — г-рит, — несколько лет стаю, я уже заплесней.

— Пагуляй.

Он выпустиў яго, ён пагуляў там и сколько.

— Ну што ж, я хасю, — гав-рить, — уехать в сваё царство.

— Ну. Садись, — га-рит, — павязу, куда ты хоцешь.

Ну, там ехали-ехали, много, царство ж бальшое. Ён паехаў, прияжжает дамоў дед етый: «Ахти мне! Па[глядить]: асла нет, а казлы дома. Садится на малого казла — ўдагонь. Дагнать яго. Ну, едеть, едеть тады ее... етый... паглядить, как... саскациў с асла. Стонеть кто-то. Паглядить — едеть дед. (Та...) Так ён гаварить: «Казлы май милые, казлы любимые, как я пас, напасаў, на агнёную ряку, на шалкбовую траву, гарючию сваю кров проливаў, а вы, — гаварить, — как на меня нападаете» (...) «Бух!» — казёл об землю, он яво биў, биў, убиў казла — дед. Пабег дамоў, садится на среднего казла, апять, апять едеть, апять даганяеть. Ён хоцет это асла етово, чтобы ня увёз. Ну што ж, апять он злез далоў. Апять видить — казёл бягить. «Эй, — гаварить, — казлы май милые, казлы любимые, я вас пас-напасаў, на агнёную ряку, на шалкбовую траву, гарючию кров проливаў, а вы как на мене нападаете».

О-о! — казёл завалиўся, ён апять етово биў, казла делаў — убиў дед етово казла, пабег за паследним казлом. Садится на большего казла и апять едеть он, апять все едеть, едеть-едеть, едеть — апять даганяеть: «Казлы-багатыри, казлы май милые, казлы любимые, я вас пас-напасаў, на агнёную ряку пускаў, на шалкбовую траву, а вы как нападаете».

Бух! — и етый казёл завалиўся, ен взяў убиў и етого казла.

— Знаешь, Дитятка-Саломка, ладно, прашашаю я тебе ра[з] за тваю услугу, падхади ка мне ближе, и мы с табой распрашаемся по доброти. Ты на маем аслу только от царства уедешь, а дальше не уед[ешь], тебя анестируют.¹² А ты заедь вот в магазин и вазьми кожей таких, каких побпадя, вазьми яго абший каким-нибудь кожам, тады ты паедешь, не то, — гаварить, — ни мядведь, ни волк, ти никто ня будешь и судить, только паглядяять да пасмяются. Ну, едь уже ты с богом, пусть уже табе асёл, када за тваю услугу, што ты мене услужиў.

А ён тады взаў да яму взяў атживиў казлоў. Ён, дед етый, паехаў дамоў на сваих казлах, а ён паехаў в сваё царство. Взяў, кожей етых накупляў, абший яго. Едеть, только люди смяются, што ни волк, ни мядведь, лахматый какейто — и едеть, (муж[ик]) целавек. Ну, прияжжает уже в свае царство там, в сваю, где дяревня тама, заехаў к старушке:

¹⁰ Т. е. родственникам.

¹¹ Подперло.

¹² Т. е. арестуют.

— Пусти ты меня нацывать.

— А-ой, — гаварить.

— Только у меня, — гаварить, — и конь ёсь.

Ну ету кожу всю абарваў эту всю з яго, с асла, только астаўся асялбк, харошенькой.

— Вот только ён тоже в маю хату.¹³

— А-ой, я баюсь, — гав-рит, — тваяго каня.

— Ня бось, мой конь... — г-т, — во — катялок павешаю, он парку будет глатать и сыт бывать, ничёх тебе не сделает, бабушка.

— Ну, ланно, нацюй.

Тады гаварить: «А што в вашем царстве, какие новости тут ёсь, што тут такое у вас есть?» А [яна] гаварить: «Вот што есть — была цараўня бяременна, царь паехаў на зъезд, и ана ражала, и [г]де рябенок падеўся — и ня знает никто. И вот яго три этих... банки, три короба арех, кто только не шшытаў, ня мог перешытать.

— Ой, я, — гаварить, — перешытаў бы. Только ты уж, бабушка, не гавари, — гаварить, — нигде.

А баба скорей еты... — он лег спать — ана скорей уж к царю и передала, што вот такей-то (быстрый темп. — O. H.) у мене нацюеть и, — г-ть, — (переш...) и, — г-т, — соглашаётся три короба ареха перешытать, а яго сколько шшытали — ну, никто ня может сашытать, [патаму] аны ня знают, как это бывает.

Так царь слуг этих, салдатэй, присылает. «Нет, — гав-рит, — када нужно, он сам приедеть, када надо яму». Ну, царь карету закладает, прияжжает. Бяре[ть] сажает яго в карету и едет. И все глядить. Как паглядить — копия мая, да и все, копия царьская. Ну и ён: «Только знаете, што, — гаварить, — я буду шшытать, но мене не перебивать». Ана: «Ай, царь (...) батюшка (...) у нас таких шшытальников сколько перебыло, не один не сашытаў». Ана — малцять! Он на яе крикнуў: «Малцять!» Тады г-т:

— Если буде[те] перебивать, я ня буду шшытать.

— Ня будет перебивать.

Вот ён взяўся:

— Сарока яйца клала, жопу драла, пастушкі нашли, надыхали. Три короба арех, — бяреть з етой и в другую перекидывает. — Ворон — раз — прилятей, ворон — два — прилятей, ворон три — три короба ареха, — апять перекидывает, — взяў да сеў. Три нядели атсадеў — три короба ареха. Две нядели кармиў ў килках — три короба ареха. Две нядели ў пушку — три короба ареха. И палятели эти сараканяты за вороном. Три короба ареха. И видела эта сарока, што палятели. Три короба ареха, — все бяреть и перекидывает эту. — И «это май дети». «Нет, — ворон гаварить, — это май дети — три короба ареха. — Я, — гаварить, — сядеў три нядели и, три короба ареха, — и две нядели в пушкү, (три...) два ў килках, — три короба ареха». («Ну, а тяперь, — гаварить, — этый как ён цап пасленний, — гаварить, — взяўся, так и кинуў, так и всё, — гаварить.») «Это май дети»... присудила... да присудила — сарокины дети. Так яна была бяременна. Так ей младенец атветиў: «Блядь по бляди и пагадываешь». Так ана: «Слуги май милые, слуги май верные», — ён бярёт, всё апять, што это... апять... всё перекидывает — целая ж каробка, надо ж перекидать это всё, — «выймите этого блазня из мене вон». Три короба арех. Аны гаварят: «Царевня, — г-т, — што ты (...), батюшка, што ты? Ражаешь, тады глазы ты ня вскинь, — три короба ареха, — а мы, куды ты скажешь, туды мы яго и патрябем». Ну, три короба ареха. Ражала, глазы ня вскинула: «Мне нажанкү сердце принесите, только». Яны нясуть, а ён растеть на руках. Три короба. Ня можуть аны яго сгубить. Ох, три короба ареха. «Панясём мы етого мальцика деду, нетути ребят, — три короба ареха, — разарвём мы шшанка и всторнем, и ана не пайметь». Яны взяли паймали шшанка, разарвали на нажок, — а ён

¹³ Т. е. туда, где поселили самого героя.

всё, — три короба ареха, — все аткидывает. — Ана панюхала-панюхала, да и выкинула за вакошко, — цап он пасленний.

(Хоть не) Так царь сгрёбся за яго: «Ты мой сын, я твой атец, а з ей, што хошь, то и делай, што хатищь. {Ты мой атец} Я твой атец, а ты мой сын». Вот. Ён — копия яго, всей ў царя. Ну, ён... так, ну што ж — «Бяри». Посадили яе на три года ў тюрьму, и хунт хлеба и хунт вады. Вот. «Перенясет ана — пусть перяносит такую муку. Ана мене хатела загубить». И царь так сказаў, и царь не жалеў яе, патому што дятей не булб, и ён хатеў дятей, а ета нет. Ну, може ён там и не атжиў, и не атжила ана, може взмилавалися. Вот и сказка вся. Вот и сарока вся.

2. КАРОВУШКА-БЯЛОНЮШКА

Жёнка памёрла, асталася доцька. И ён взяў бабу с двым дацькам: [у] адный доцьки — з двым глазам, {а треты...} а другей — три глаза. А у етой девоцьки была у мацехи карова-багатырка. Тады ана {пагна...} пагналася ў поле, ана дала ей куделю: «Вот, спряди, выткай и ў трубки пакатай — тэй дамоў гонься». Ана села на мяжу, пагналася. Плакала-рыдала, божий свету не видала. Карова эта увидела:

— Што, девка, плацешь-рыдаешь, божий свету не ви[даешь]? {...} Девка-цернавка, што ты плацешь-рыдаешь, божий свету не видаешь?

— Ах, матка мая ронная, каровка мая, — гав-рит. — Мацеха дала куделю испрясть, выткать и ў трубки пакатать. Как же я магу?

— Эта, — гав-рит, — дело божье, все сделать можно. Лезь в правое вухо, в левое вылезешь, выткешь, выпрядешь и в трубки пакатаешь.

Ана в правое вухо влезла, в левое вылезла, выткала, выпряла и — ето... в поле и падскакывает — рада, што сделала. Гонится дамоў. Пригналася дамоў. «О-о! — мацеха, — правда, гаварили, што карова бага[тырка]. Как же ж ана магла эта сделать так?»

Назавтрее... апять гонится в поле, дает с двум глазам девку: «Гляди, доценька, как ана будет делать». Ну, ана апять выгналась в поле, села на мяжу, апять заплакала. Да, {не} сястры: «Дай, — г-т, — я тебе пайшшу». Ана искать, а сястра дрямат. Ана яе с каленъ спихнула. Ана и заснула, ета девка. А сама пашла на мяжу и заплакала. Плакала-рыдала, апять карова эта увидела:

— Эй, девка-цернавка, што ты плацешь-рыдаешь, божий свету не вида[ешь]?

— Каровушка-бялонюшка, мая мацеха віцёра дала много кудели, сёдни — больше. И штоб выткать, выпрясть и тэй дамоў гнаться.

— Это дело божье — всё сделать можно. Лезь в правое вухо, выткешь, выпрядешь и всё делай.

Ана влезла, спряла, выткала и вылезла. И падска[кывает]. Эта праснулась, эта заплакала девоцьку: «Теперь как дамоў гнаться? Матка убъеть — не виде-ла». Ну, а эта скацеть. Пригнались дамоў: «Што — как дёцушка?» А ана взялась дёцку сваю бить: «Как ты глядела — не магла углядеть!»

Ну, и ланно. Апять перенацевали. И яна дает с трём глазам девку: «Гляди, доценька, гляди, как ана будет делать». Апять таку[ю] дала куделю яшшо больше. (Ана так апять сделала эта. Села на мяжу и заплакала. Ну, да... Не-с, кя так).¹ Пришла в поле, села, апять г-ть: «Сястри[ца], дай я те пайшшу». И ана искать, ана дрямат. А забыла, што у ей третий глазок быў. Так яна тот и не закрыла ей. Ну, яна, ета девка, все разглядела, как ана делала. Гонится дамоў, ета уже заплакала... девка, што «ох, как ето я ашиблася, што я {ня...} глазок тот не закрыла».

— Мамушка, видела, — г-ть, — пришла наша карова-бялоха к ей, а ана села, стала мне искать — я драмать, а про третий глазок мой забылася. Тады, — гав-рит, — карова пришла, бялоха: «Девка-цернавка, што ты плацешь-рыда-

¹ Перепутана последовательность.

ешь, божий свету не видаешь?» Так яна в правое вухо влезла, в левое вылезла, выткала, выпряла и, — гаварить, — и *дамоў* дамоў гонимся.

Так яна и заплакала, девка ета. А ета сказеть. Ой, как ана на мужука:

— Умираю — хацю мяса бялохина. *«Не умрешь»* Не зарежешь, я ето... умру.

— Ах, боже мой, карова (...) шастым тялёнком! Да што ты, хазяюшка ты мая, я ж тебе каково хошь мяса дастану.

— Нет, только бялохина, а то умираю.

Ну, што. Падумаў, падумаў: «Анна женка памёрла и ета памрэть». Ну, ланно: «Пусть хоть яна сходить в поле сёдни, да и уж завтре зарежем яе». Ну, выгнались в поле. А яна уже кудель не дала ей. Выгналась девка в поле *(и стала)*, села на мяжу и плачет, плацеть горьким слязам. Ана увидела, карова, апять идеть:

— Эй, девка-цернавка, што ты плацешь-рыдаешь, божий свету не видаешь?

— Каровушка-бялонюшка, матка мая ронная, мая мацеха захатела тваяго мяса.

— Ой, пусь яе разарвэть. Пусь жреть, ана не наистся мной, — гавбрит. — А ты только ня ешь. Кады аны меня зарежут, то ты папраси у их рожки да ножки, да кишуцьки, да схади на рецьку, вымый *(хара...)* цистенъко и папраси у ней карытца, и ссяки дробненько. Дробненько ссяки и вазьми по саду, по агароду по всёму пасей.

Ну, ана ужо... И пагнáлася дамоў, пригналась. Карову эту взялý зарезали. Карова эта... да цяво мацеха тут сказеть — ана жирная такая.

— Мам, — гав-рить, — *(я...)* мне дайте только рожки да ножки, да кишуцьки, я и мяса ись ня бу [ду].

То ана: «Во! это яшпо харашо: и мяса ись ня будет. А што там в кишках (...), — га-рить, — атдаём». Взялý атдали ей: ноги да роги, да кишкі. Ана пашла на рецьку, вымыла, карытце папрасила, ссéкла в мел[к]ую капусту. И пашла по агароду по всёму засеяла. И спать лягли.

Назавтре залатая яблоня и серебряная, на ей яблоки сяребряные и пташки пеют разные и салавьи. Как ана идеть, а всей сад к ей приклоняется. А её девки как идуть, аткуль сароки-вароны — все валасы павыдеруть в галаве и в сад не пускают. Ну, это время, ти много... а аны, правда, вси были красивые девки и еты были красивые, и ета красивая была девка, каторая бабина. *(Ну, тады...)* Дедова.

Царьский сын гуляў по царству. Ездиў, ехаў-ехаў: «Охти, — паглядить, — у старика такой сад, што у мяаго атца нет таково саду. А тады, — гаварить, — чо... И каки [е]-та девушки гуляють, красавицы». Он не падышёў к им, а дамоў приехаў и сказаў атцу-цáрю: «Вот такое местность, такой... едь. — гаварит, — в сваты, вот такие, — гав-рит, — девки. Да, — г-рит, — спроси, цим яны хйтры, цим яны мудры, эты, там три девушки».

Ну, ён паехаў. Ана:

— А-ой, разве это ты будешь, царь, да маих, — гав-рит, — девок братъ. *(Царьски... царьские, — гаварит...)* Царь-батюшка, не пасмейся, — гав-рить, — это, — г-т, — прастые.

— Ну, да маemu сыну падабали, ничёх ня сдеяешь.

Ну, тады ана, ну, взяла: «Вот я табе сделаю. Возьму ет[а], им галóву памацию». Взяла сваёй слинкой памацила, а етой кружку на галаву, и павяла сушить. Г-т: «Каторой галава высохнет — то и твая нявеста». Так яна взялá сваим-то только слинкой памацила, а ей целую кружку, етой девке. Павяла на солнышко сушить. Идуть, у ей² (течет. — O. H.), а етой (...)ничагó. Тады он гав-рит, царь: «Верно, во ета мая нявеста будет». Ланно. Апять. Ну, тада ж гаварит: «Ну, как же... теперь. Цим тваи яны хйтры, цим яны мудры?»

А-а. Вот малая ета гавбрить девка:

— Я из ядиного зярёнка все царство пракармлю.

— Хараша, — га-рить.

А большая сказала:

² Т. е. у родной дочки.

— Я из ядного павесома³ все царство придену.

— Тоже хараша. А что ж дедова, как ж?

— А я, — гаварит, — цим хýтра, цим мýдра: ражу, — га-рит, — три раза (три... три раза) па три мальцика: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патýлицы⁴ ясéн ме[сяц], паходка ў паходку и гаворка ў гаворку, и ростом как адин.

— Ух, ета хараша тоже.

(Ну, приехаў дамоў ён). Да. «Вы, — га-рит, — падарунку⁵ дайте маemu сыну». Ана пашла, ета дедова, нарвала самых лóбых яблочкоў и завязала в платоцек, ему падáла. А эты пашли, альховых⁶ и тых не дали сароки, всіх задрали — не дают рвать и ўсё. Ну, и царь паехаў. Вот прияжжаеть, сын и расспрашивает:

— Ну, как, пап, там нявеста?

— Вот так нявеста, — гав-рит, — бабину,⁷ — гаварит, доцьку взялá, — г-т, — (слинкой пама...) ету кружку вады — павяла сушить, а етым, — га-рит, — слинкой памацила да и вядеть этых — тякеть, а эта, — г-т, — высохла.

— Да. Ну, ланно. В цим аны хýтры, цим аны мýдры?

— А вот малая сказала: «Я, — г-т, — з ядного зярёнка все царство пракармлю».

— Это, — г-т, — пустое.

— А большая сказала: «Я, скажи, из ядного павесома все царство придену».

— Это, — га-рит, — тоже пустое. Эта, — га-рит, — пустое.

— А дедова доцька сказала, што «ражу три пуз па три мальцика: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патýлицы ясéн ме[сяц], паходка ў паходку и ростом как адин».

— Вот ета, вот е[та], — г-т, — хараша. Брать ету, ня братъ е[тых]. Только, — сказаў ён.

Ну, взялý свадьбу сыграли. И сад перайшёу сюда, к цáрю, как только яна, так и сад перайшёу [с] етой девушкой. Ну, ана ти мног паходила, забяременела. Радыла три мальцика: руки в злате, ноги в сребре... Да ён:

— Жана мая милая, жана любимая, у нас же сваи бабки, у нас же сваи... — га-ритъ, — што ты?

— Нет, — гав-рит, — у маей мацехи лёгко радить, едь за маей мацехой.

Ну, вот ана приехала, радыли трёх мальцикоў. Ана взялá завяла за баню: «Былý, — гаварыть, — вы дабрым малайцáм, абрнитесь сизым галубцáм, ля-тите за тихое море, за тихое лукаморье, где стаить изобка на [курячых] ножках, на бара[ньих] рожках, куда (двери...) ветер павеет, туда дверь, там вам, — г-т, — пит[анье], там вам и питавальня». А сама пабéгла по городу, трёх сабрала шшанков и нястеть царíо:

— Вот ваша нявест[к] а каго радыла.

— Ой-я: што это ж такое, што ето можетъ такие слуцяя быть?

Ну, што ж, а аны жалеютъ — ана красивая и харошая: «Ну, будем дожидать другого пузца, можем изменить это». Што ж, ана малцить,ничёх не гавбрить (же...) ета жёнка. Живеть, апять, ти мног паходила, апять забяременела, апять надо радить.

— Муж мой милый, муж любимый, едь за маей, — га-ритъ, — за маей мацехой — мне время ражать.

— Што ты, жана мая милая, разве у нас нет кушерок? Разве у нас нет...?

— Нет-нет, только з ей лёгко радить.

Паехаў, апять привёз. Ана апять так радыла, апять трёх мальцикоў: ноги в злате, руки в сребре, на макушке драбные звёзды, в патýлицы ясéн мес[яц], паходка ў паходку и гаворка ў гаворку — как адин. Взялá завяла за баню:

³ Павесомо — пучок выделанного льна, умещающийся в руке пряхи.

⁴ В затылке.

⁵ Подарок.

⁶ Диких.

⁷ Перепутано, нужно: «дедову».

«Былý, — гаварит, — дабрым малайцáм, абрнитесь сизым галубцáм. Лятите за тихое море, за тихое лукаморье, там вас будет шесть. И там стаить изобка на курьих ножках, на барапых рожках, куды ветер павееть, туда ана... дверь варо[тит], там вам, — г-ть, — и питанье, и ваша и жизня вам».

Ну, ланно. Ну, што делать царю. Пабегла, апять трёх шшанков сабрала где по городу и панясла: «Вот ваша жана радила, *{а ваша}* а ваша, — га-рит, — нявест[к] я». Ну, што делать? Он сказаў: «Пасленнее пузо дажжёмся, што будеть», — мужик.

Ну, апять так же... Это бальшая сказка. Ну, ланно. *(Радыла ана)*. Апять нямног паходила, апять забяременела. Ну, паходила ана там мног, апять надо радить.

— Нет, жана мая милая *{...}*, никада не паеду за тваей мацехой.

— Нет, паедешь, з ей лёгко радить — паедешь и всё.

Ну, паехаў. Пакуль яна ехала, яна аннагó радыла, да взялá *(пад па...)* яго пад пазуху да и падвязала сабе аннагó мальцика. А тады приехали, радыли.

— А што ж это, — г-т, — только два?

— Да, мамушка, ашиблась, — гаворит, — на аннавб ашиблась, — гаворит.

Ана и этих взялá, так апять заявля, г-т: «Лятите за тихое море, за тихое лукаморье, где, — гав-рит, — ...не... там вам и питанье. Вас будеть восемь штук там».

Ну, што ж ён, што делать з ей? Ай-я-яй. Бить яе? Жалееть. Взяў в боцьку всадиў и на мóре пустиў — «пусть ана сама памираеть, ня буду яе бить».

Ну, ланно. *(И сяд... яны...)* Катаеть ветер по мóрю боцьку. *(Так ён)* А ён растеть, рябёнок етыр ужу: «По мамкину раждению, по бабкину багаславлению, кабы вот взняўся ветер и прибиў бы эту нашу боцьку где-нибудь на край». И ветер взняўся, взяў катать и как раз ў цюжое царство взяў да и... — цюютъ: уже боцька зашаршала, стала на пясок. Тады аны там паспали, па [ели], га-т: «По мамкину раждению, по бабкину багасл[авлению], кабы на етой боцьке палопались абруцй, штоб мы видели белый свет». И абруцй треснули, и яны видели белый свет. Ана, царевня, вышла, села на залатые креслы, а царевиць перед ей на каленках стаў.

И купцы-карабельщики сколько поб морю ходуть и только дивуются *(такей)* такей, што быў город Будай, а стаў город Китай. Лучше, как яво царьство. И еты... атваливаетъ ен, атваливаетъ. А ён мóшинкой абарацивается и з этим караблям *(эта уже... ён вырос ужу)* едеть туда, на батькину плошадь, где етот царь ходить:

— Эй, купцы-карабельщики, ци давно поб морю ходите, ци не видели боцьки какей балтается?

— Ай, царь, мой царь, батька, как ты глупо *[пытаешь]*. Ты скажи што, ци не видели какие аказии, што *(сидить)* вот быў город ци Будай, ци город Китай — вот это, сядить царевня на залатых креслах и царевиць: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясэн *[месяц]*.

— Ах, матки-панибожъи, эта мая, мая жана, май детушки.

Ана: «Што-о ты! Вот есь на десятом царстве — это ня хитрость, это ня мудрость — в десятом царстве *{...}цатом* гасударстве *{сасна}* этый — валерь: луцём⁸ ареть,⁹ хвастом скарбдеть,¹⁰ за им белая пшаница рóдится, сытница *[пяк]ется* и на торг нясется. Вот ето хитрость, вот ето мудрость. А ето ня хитрость».

Ну, ланно. Он — пырх! — палятеў. Приходитъ, яна спрашиваетъ:

— Ну, што?

— Папка прапытываетъ, бабушка загадки загадываетъ. Кабы вот в эту ночь не в мой город, а в татушкін, прибыў тот валерь.

И лягли спать, пришли, а валерь тот уже прибýў сюда: луцём ареть, хвастом скарбдеть, *{сы...}* пшаница-сытница *[пяк]ется* и на торг нясется.

⁸ Лык — «крыло».

⁹ Пашет.

¹⁰ Боронит.

Ну, апять купцы эты карабельщики приходят апять, паглядять, што теперь: и ваперь тут, ну, дивуются, што такое; и царевня сядить. Аны атваливают, он апять мүшинкой абярнуўся, апять з им палятеў на батькину плошадь. Прияжжают. Он апять спрашивается:

— Эй, купцы-карабельщики, *(ци не вы)* ци не видели ли, — га-рит, — боцьку на море?

— Э, как ты глупо пытаешь. [Ци не видели] какую аказию, што, — г-т, — город быў Будай, стаў город Китай, лучше тваяво. Сядить царевня на залатых креслах, царевиць: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясэн месяц. И, — гаварить, — еты... и ваперь: луцём ареть, хвастом скародеть, белая пшаница растеть, и сытница пякется и на торг няется. Вот ето хитрость, вот ето мудрость.

[А ён г-т], а яна: «Ай, зятек мой милый, эта ня хитрость, эта ня му [дрость]. В [три]десятом царстве, в (...)десятом гасударстве сасна стаить, дятел сядить, на адин бок кинеть — злато, на другой — сребро. Вот ето хитрость, вот ето мудрость».

Ну, ён апять палятеў, мүшинкой палятеў, еты паехали.

— Ну, што?

— Папка пропытывает, бабушка загадки загадывает. Кабы, — г-т, — ня в мой город, а в татушкин, по мамкину раждению, по бабкину багаславлению прибыла б тая сасна и тый дятел.

Ну, яны [лягли] спать и всё. Апять — и тут стаить сасна и дятел далбить, на адин бок — злато, на другой — сребро.

Ну, ланно. Тады еты апять прияжжают купцы, эты карабельщики. Ой, ето дивуются, што за аказия такая! Ну, ён апять отправляется ехать туда. Атваливают, и ён апять мүшинкой абярнуўся и на пристань на батькину прияжжает. Апять он, царь, выходить:

— Эй, — гаварить, — купцы-карабельщики ци не видели, — гав-т, — вы эты... боцьки на море балталась?

— Нет, — гаварят, — ня видели. Аказией видели, што вот быў город Будай, стаў город Китай. Всё только там есь. Всё — чёго я вам пагаварила — там всё есь.

— Ай, ето ня хитрость, это ня мудрость. А вот хитрость, вот... в (...)десятом царстве (...)десятом гасударстве, за мбрем есь восемь мальцикоў: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясэн месяц. Вот то хитрость, вот то [мудрость].

Эта ана про мальцикоў про этых рассказала. Так ён — пырх! — палятеў. Прилятает к матке.

— Мам! — гав-рит.

— Што ты?

— Ци адін у тебя я, — г-т, — быў?

— Ой, сынок, вас было девять, восемь неизвестно где страдают.

— Мама, натискай ты малака какого ни быть с грудёй, ти сыворотки каких. Спяки ты мне девять прасвироцек, паеду я их искать.

Ана там тискала да жалá, сколько ана там нажалá и спякла девять прасвироцек.

— Завяжи мне в платоцек...

Он абярнуўся там галубом, падвязаў и палятеў церез море куда — искать их. Прилятает — хатка стаить на [курьих] ножках, на бараньих рожках, лампатацька топится. Нет никóго. Столик стаить заслáный, и ён взяў разлажиў этых девять прасвирок на стол, а сам лёг на пецьку за трубу, ляжить. И! — в падпалнý!¹¹ Как ля[тять], как прилятають, абярнулися — сизым галубцáм, абярнулися дабрым малайцáм. Всí стали: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясэн мес[яц]. Всí в хату: «Ай-я, господи, што такое? Лятаем, пишшу дабываем, а нам пишшу бог ў хаты принёс. Это, верно, смерть наша. Што мы будем теперь делать? Разрежем анну прасвироцьку: ти смерть, ти што? Пакушаем мы яе».

¹¹ В полдень.

Разрезали — так вси и заплакали: «Ой-я, господи, маткиного малака ня кушали, это маткино малако. Есь кто есть, паказывайся нам: старший нам — атец нам, младший — брат нам». Што ж, он саскаций — третий ровный им. Сели это аны.

— Братцы маи, *(вам тут)* эта ня жись вам.

Сели, зъели эти прасвироцьки вси вдевятерых.

— Паляцём со мной.

Абярнулись галубцам и прилятают к матке, вси на каленки пали, — абцеплавали, абмилавали маму, и вси на каленках стаять перед царевней.

Купцы эти карабельщики приехали, паглядели: «Ой-я, што это за аказия — девять штук! — *(все руки)* руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясён ме[сяц], паходка ў паходку, и гаворка ў гаворку, и ростом как адин. И такая тут ѿс...» [Аны] апять атваливают, ён апять мүшинкой абярнуўся и палятей туда. *(Так ён гав-рит)* Царь и спрашивает:

— Эй, — г-т, — купцы-карабельщики, ти не видели где аказии, — г-т, — *(на... эти)* на мбре боцьки?

— Ой, как ты, — г-т, — глупо пытаешь. Ты скажи, ци не видели какие аказии: сядить царевня на золотых креслах, девять царевицеў: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясён месяц, паходка ў паходку, и гаворка ў га[ворку].

— Охти, это маи детки, это маи детки. Еду туда.

— А-ай, кагда ж тваи детки, так пусть от яе дварца, от яе от крыльца да тваво дварца будеть золотая яблоня и серебряная, и штоб сукном падé[рнуть], штоб ты паехаў ў гости.

Ну, лягли спать. И от яе дварца и памастиўся мост... и с красным сукном. Так царь запрягаеть, забираеть *(ету)* ету бабу, ету, и с трем глазам и ету девку *(и ету)*... и сам едеть ў карету туда. Прияжжаеть. Аны вси на каленки пали: «Атец наш», — признали. Ён всих пацелаваў, *(жан...)* жану стаў прасить прашшения, и вси... А етых всих расстреляў, всих разарваў этих трёх, што это так муциали...

Вот и сказка вся.

3. СУЦИЙ СЫН

Была у царевне... Царевня — ну, нет дяятей. Царь ездиў, ездиў, ездиў, привёз такую рыбину и аны... Цистий повар, цистий, повар перший и забяременеў. Как это? Не, сука забяременела. Ён шелоху эту мыў да делаў, да вылиў — сука палактала, сука забяременела. Тады повар, варивши, пакушаў и повар забяременеў (*усмешка*. — О. Н.). А царевню... там пригатовили мясо да што, и тая забяременела. Ну, и ти много аны там хадили, и давай радить.

Сука радила сына. Это багатырь радился у суки — суций сын. А повар радиўся, повара разрязали там, повара там *(цере...)* церез живот рябёнка и — и повароў сын. А это всё царьские сыны: «Вот это маи дети». Та и царевня радила, ну вот, и вси яго дети: «Это раз... это все маи дети тыи». Аны уже павы [росли]. И вси аны браты ровные и вси гуляли, делали, уже бальшие павыросли. «Атец, — гавбрить, — сделай нам игрушку такую, штоб по свету пройти, пагулять. А што мы, — гаварит, — будем сядеть».

Вот ён, пашли в кузню, заказаў — три пуда смоли, там... стали, да какей-то, такая васемнадцать пудов штоб была такая — игрушка, скавать. Ён пустиў, етый Иван суций сын, яе вверых. Паставиў сваю ногу — ана развалилась. «Ай, царьский сын, — гавбрит, — у твояго отца, — га-рить, — нетути кузнецлов, што, — гаварит, — не развалилася... эта. Это не игрушка».

Так царь пашёу: «Да што это такое, што маим детём ня можете игрушку такую скавать, штобы не развалилися». *(Ну, ён тады...)* Апять кавали, делали. Ну, апять ана ня дуже добра. Ён паставиў другую каленку. Ана — баҳ — разагнулася. Ну, ланно, апять паправили, апять... Царь закрицяў: «Штоб сделали лучше всяво». Тады ён паставиў сваю буйнью галаву — и ана не развалилася. «Вот теперь мы пайдём, — га-рить, — можем по царству пагулять. Втраих.

Ты, атец, баслави нас». Там хлебца им там, как ён даў. Аны где кромоцку атрязают — ана всё полная.

И пашли гулять. Гуляли, гуляли, да в такое царство зайдли, што разбитое — ни жилья, ни былья, и в такую пастройку ламаную зайдли, што ўсё. А зайдли, а калиноў мост ёсь. А их три. «Ну, ланно, браты, вы идите, — гаварит ён, багатырь. А хоть ён суций сын, только... знаете што, хоть вы — ты царьский сын, *{а я хоть по...}*, ты — повароў сын, а я — суций сын, ну да вы меня должны слухать».

Ну, тады, што ж. Яны пашли, ляжать, спять. А ён под калиноў мост сеў да и сядить. И Цюдо-Юдо, беззаконная галава, бяреть каня, едет на калиноў мост с шасти галавам. И конь заржаў, сакол засвистаў, пёс засквилиў. Ён каня бьет по шерсти:

— Ты цяво, валциное мясо, ржешь, ты, кашацье перье, сквылишь?

— Ой, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, суций сын есь, сядит пад калиноў мостом.

— Разве он может ляতать, яшшо он молод. Рано лятаеть, перья растеряеть.

— Ай, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, у тебе шесь галоў, у мене адна галовка, — гаварит. — Я сам добрый молодец пришёёу.

— А-а, давай драться.

— Давай будем драться-биться.

Ну, и дрались-бились, дрались-бились. Он яму шесь галовок сбиваеть, на каня садится, да сюда и едеть, где эти браты. Тут гатовяты, аны паели, встали: «Мы ня цюли, ничёго нет, ничаво ня чули».

А апять тутотка дажидают яшшо ноци. Ну, ляжить, ляжат, лягіте. Он апять пашёу под калиноў мост, сеў. А еты спять — повароў сын и царьский сын, а суций сын сеў апять под кали... *{и еты... апять...}*.

Цюдо-Юдо, беззаконная галава, увидеў: «Э-э», — девять галоў. А то шесь галоў пaeaхau и нет. Это с девяты приехаў. Нет, неприятель, есь неприятель в десятом царстве, десятом гасударстве *{дитятка са...}* еты суций сын. Можеть рано лятаеть, он можеть перья растеряеть. Он [выяжжает]. Конь заржаў, сакол засвистаў, пес засквилиў. *{Каша...}* Он бьет каня по шерсти:

— Ты цяво *{каша... э...}* ржешь, а ты, кашацье перье, цяво свищешь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с десяти галавам, есь неприятель — суций сын.

— Ой, рано лятаеть, перья растя [ряеть]. Рябец мой, брата маяго убиў, будешь и ты убит.

— Ну, давай драться, будем биться.

Ну, дрались, бились. Он яму девять галоў ўбиваеть, в реку вкатывает, садится на каня и сюда едеть, к братам. Ну, тут яны пагатовили, пазаўтракали. «Ну, браты, глядите ж, вот будет сёдни ноць пасленняя. Если вы проспёте, то всим нам смерть будеть». Он взяў повешаў им, стакан завешаў и нож вторнуў: «И вот кагда кров закапаеть в этый стакан, то являйтесь на калиноў мост, а то будеть всим нам смерть».

Ну, а ён пашёу на калиноў мост, сеў. *{Аны}* И карыт им даў: «Играйте в карты, штоб ня спали». Аны играли, играли в карты, да и лягли спать.

Ён приехаў, видить: Цюдо-Юдо, беззаконная [галава], с двянаццаць галавам едеть на калиноў мост. И конь заржаў, сакол засвистаў, пёс засквилиў. Он бьет каня по шерсти:

— Ты цяво, валциное мясо, ржешь, ты кашацье перье, цяво...

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, есь сабац[ий], суций сын под полом, — гаварить, — сядить под калиноў мостом.

— А-а, ты маих братоў сгубиў! Будешь, рябец, теперь мой.

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, до трёх раз атдох. У тебя двянаццаць галоў, как балдб, у меня ж, — гаварить, — анна галава, как *{...}* шеецька. Надо до трёх раз атдыхать.

— Атдыхай, рябец, всё адно будешь мой.

{Ну ён} Дрались-бились, дрались-бились. Он яму три галавы сбиваеть, а ён яго по ступени ў зёмлю вбиваеть.

— Эй, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, дай атдох!

Ён сгряб с сваяго, этаго... мизéньца кальцо, пустиў на крышу, крышу далоў им. Спять яны, всё равно. А уже кров нацяла капать ў стакане. Труд яго это. Ну, апять давай драться. Бились, дрались, дрались, бились. Ён яго уже вбиваеть по калено в землю.

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, дай до трех раз атдбх.

Ну, ён тады што ж:

— Атдыхай, рябец, будешь мой.

Цапай, цапай, выцапаўся. Сгряб сваю шапку с сябе, как пустиў, так и крышу далоў. Апять спять, апять спять. Кров уже пашла дуже капать.

— Ну, давай драться, биться.

— Будем драться, биться.

Ну, што ж. Бились, дрались, бились, дрались. Ён уже так сбиўся, што всё. *(Ну, што ж ён пустиў тады. Это да знёў сапог с сваей наге.)* *(Цюдо-Юдо)* уже вбиваеть по калено он яго в зямлю.

— Дай, — г-рит, — до трёх раз атдбх.

— Ну, давай.

Ён цапаўся, цапаўся, выцапаўся. Взяў сапог, здеў, да как пустиў, так и с койки их далоў скинуў. А-а — хватились — уже церез стакан кров идет. Так яны уже тут... Ён выцапаўся, падходит, так аны уже вси туда, на калиноў мост. Как яму пасабіли, дабили этаго Цюдо-Юдо, беззаконная галава. Убили, памагли яму, а кабы не памагли, *(то б и ето уже...)*. А ён тоже только атфукаўся. *(Тут яго)* Ну, тады сели сюда: «Вот, братцы, как я прасиў вас, как я, — гав-рит, — вас, и карты вам даў. О, — гав-рит, — если б только не вы, всим нам бы смерть былоб. Ну, теперя паедем». Паели там, пагатовили: «Паедем». Едем, едем. И вот, где ёны едуть *(это)*, тут дом бальшай стаить: и три нявесты... э... три нявесткі, трех сыноў, и три нявесткі, и яна, старуха з им живеть.

— Ну, ланно, вы пастойте, а я забягу в эту хату, — га-ритъ.

Взяў катком абярнуўся, под акошецко: «Ау, ау».

— А-ой, — нявестка, — какей каток красивый, пустите яво, мамки, пустите яво в хату, пусти, — гаварит, — што он такей.

Ён пришёў в хату. Ну, тады там сеў, сядить где-то, *(за)* скрывшися. Тады яна гав-рит, старуха:

— Ну, што, нявестки, суций сын ваших *(бра...)* мужъяв пабиў? Што тяперь будете делать?

А аны гаварят — будем делать. Анна встала, гав-ритъ:

— А я сделаю голод, холод, галодную смерть. А я абярнуся и стану, — гав-рит, — питянья, едянья разным *(на...)*. Как вазьмут, так всіх трех их и разарвуть.

— Ня знаю. Ен, — гав-рит, — и хытер, ухитрýтся.

А другая гаварить:

— А я сделаю сонных капель, — гаварить, — таких, хоть вот-вот на свете где-нибудь привалилисі б, а я стану — пярину пуховую, адеяло шалкбое, как лягутъ, так сразу и разарвуть.

— Не, — гаварит, — ухитрýтся, он хытер.

Ну, а ён всё слухаетъ, это... кой этый. Ну, а та и третья:

— А я, — гаварит, — ну, такую сухоту сделаю, — третья нявестка, — кружецьку паставлю и будеть вади[цька], кружка сяребряная и залатая. Как напьются вадицьки, так их и разарвуть по крошецьке.

Ну, ланно.

— Не, — гаварит, — ня знаю... А я, старуха, абярнуся свиньёй — адін *(лак... еты)* рот пайдётъ по зёмли, а другей — под небясу. Как даганю, так всіх трёх пражру, зразу всіх трёх пражру.

Ну, ланно. Еты, так яны *(пае...)* теперъ едуть. Паехали. Так он велеть на поварого каня три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол, *(на...)* накладеть на повара каня. На царьского каня — три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол, тоже на царьского каня. Тады апять три пуда соли, три пуда смоли, три пуда иголок на сваяго каня. И едеть папярёд. *«Вы едьте... Ну, повароў сын, скали...»* Едуть, едуть.

— Ска[ц]и. Скаци с каня, чи ёсь пагоня какая?

— Ой, — гаварить, — идеть свинья, — гаварить, — ой, какая, — гаварить, — адин лык¹ под небясом, а другой по землë.

Ён вскакиў, с поварого каня схватиў это да ей в мялицу² как всадиў три пûда соли, три пûда смоли, три пûда игол. Ана праглатила: «О, какие проклятые — слононы!» Как абярнулась — пулморя выпила. Аны всё апять паехали, апять дальше, дальше. Ехали, ехали, ехали. «Ах, проклятые еты...», — ана... кархнула это — соль да смоль, все эта выкархнула. Апять в пагоню гонится за им сзаду. Гна́лась, гна́лась.

— Царьский сын, скаци с каня, пасм... паслухай, чи есть па[гонь]?

— Есть, — гав-рит, — бягти свинья апять.

И вот схватиў с царьского каня — три пûда соли, три пûда смоли, да и апять в мялицу всё это всадиў — три пûда игол. Ана апять праглатила это. Самы паехали апять дальше, дальше, дальше, дальше. Ну, што ж, ехали, ехали. Она как глынула — пулморя выпила (ета...). Апять гонится в пагоню, апять гонится в пагоню, апять гонится.

Вот ён сам, саскациў ён со сваво каня, апять ей в мялицу как даў — три пûда соли, три пûда смоли, три пûда игол. Ана пабегла (...). А тут Кузьма-Дядьян жиў, яго каменный... от яго были уже абнёсены все.

— Ай, Кузьма-Дядьян, атложь варатá, пусти от проклятой свинье, памилуй!

Тот атпёр их, ну, на двор всех и впустиў, и с каням, и всих, и залажиў. А у яго кирпицём ана уже (стена. — О. Н.) (сбили это, ничех не было уже) зложено, уже всё кругом кирпицём. Ну, тады, а яны кузняцы там были. Тады ана:

— Атдай, Кузьма, маих винаватых.

— Ох, чаво, не атдам. О, — гаварит, — (...) кують, во высынь сюда язык, — гаворит, — я тебе их всех пасажу, — гаварит.

Ана там — торък — цуть только язык.

— Ну, што ты, — гаварит, — аны ж ладные пахблки.³ Ты ж всё-тки, ты ж не пабольше.

Ана как [пихнула], аны щипцам как зажали (эту) ей язык, как взялісь бить, кавать малаткам. Били, калатили, такую кабылицу [спякли], сделали, што ўсё. Садятся. На поварого сына: «Садись и (света...) зажги павесомо, штоб абскацила свет, штоб ня скжёг». Полсвета только абскацила. А-а, ня так. Апять взялісь яе бить, апять яе знова кавать. Кавали, делали, кавали, делали. Садится царьский сын: «Еddy». Апять павесомо надо, штоб свет абскацить. Апять не абскацила. Апять взялісь бить. Били, калатили. Стой сам, сеў етый, сабаций сын. Ну, вот, абскацила харашо. Вот теперь харашо. Ну вот. И паехали. И паехали, и паехали. Што ж тады — паехали. Тыды уже аны паехали, кто куда, в сваё царство.

Еты паехали на царьский (двор. — О. Н.), паехаў к царю, дамоў — царьский сын, а суций сын паехал (на эти... на... на эти... на по...) на капиталийский двор, а повароў сын паехаў на паповский двор. Яны палки-булавки кидали, вот там, где нявесты. Аны им атвёт давали, эта аны дажидали их.

А этый сеў, суций сын, на эту кабылу ехать. Яна яго вязла по мхам, по балотам, по гнилым калодам. Все это ана яго вязла. И палетела касатка как раз в ушко. «Ах, ты проклятая касатка, думаю, как быть. Ну, убью яе. Што это ты кабыле влятела. Как аттуль палятить, так». Так как палятела, как даў, так кабылу взаў да убиў. Сядит на пнию, глядить — кабыла ня жива, убиў. Так ён пяшком шёў, шёў — насилу за няделю пришёў к сваей нявесты. А эти приехали скоро. Этый паехаў к сваим батьке, а этый паехаў к паповскому, повароў, тоже к сваей нявесты. А ён тады взяў вады, живый и мяртвый, и пашеў кабылу аживиў, да привёў дамоў. И стаў уже тут жить. Вот и сказка вся. Вот больше вам. Вот это какая сказка.

¹ Челюсть.

² Пласть.

³ Парни.

4. СИВЕЦ-БУРЕЦ

[Царевня Лена] — сядела за двянацати стяна́м, двянацати калакблам, и кто яе пацалусть, тот и зять будет. Ну, так нравится вам эта?

— [Вот и расскажите]. (Слова собирателя. — О. Н.).

— Ну, вот и расскажу.

Ну вот, дед быў, а у деда былі три сына. А у яго былó три каня. Ён кагда-то — кабылы жерябилися там — ён украй у багатыря три каня и хатеў всім сынам по каню. У яго два сына разумных, а третій — Иван-дурацёк. А еты Иван-дурацёк да багатырь быў, а яны вот шышытили яго, еты... браты, дураком. Ну и ён ето... тады гавбрить: «Сыны, если я буду памирять, то мене (усмешка. — О. Н.), — гаварить, — зацепите верёвкой за ноги, тягайте, где атарвусь, — там закапывайте. И, — гаварить, — и по ноци пакараульте». Хатеў всім сынам по этом по каню дать багатырэ. О-ой, тады эты Иван-дурак — ну что? «Што-то, — гаварить, — батька ужо ня помню што гаварить, а я буду супалнять, што батька гаварит». Взяў он зацепіў батьку да и тягаў по мхам, по болотам, по гнилым калодам, а нигде на атарваўся, — на Сияней гаре атарваўся, где кабыла эта жеря[билась]. Взяў там и закапаў батьку. Закапаў. Пришёў.

— Ну, где?

— Та закапаў там, — гаварить. — Ну, сёдни ноць — пайду, — га-рит, — старажить.

Не, малый сын: надо идить. Этому, ето ж малый... ну, да седни етому надо (са...) «Ай, жёнушка, иди баню пратапи. Ну, хто... — гаварить, — он уже абрусиў!¹ Ну, хто, — гаварит, — там мёртвый будеть...» Ён пайд[еть] в баню да на пол, ляжить, а еты пашёў на дуб да и сядить, еты Иван-дурацёк. Ну, сядить. [Уже] приходит ноць. Взимаються вяты, разгрябаються пяски, встаеть батька:

— Малый сын, тут ты? — Малцить.

— Большій сын, тут ты? — Малцить.

— Иван-дурацёк, тут ты?

— Тут я, татушка.

— Будешь щаслів ты у бога, кады маё всё суполнишь.

Вышёў в цистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом. Конь бягить (и на каленки), ржеть и на каленки паў:

— Казяин наш милый, казяин любимый, што за служба?

— Служиў ты мне тридцать лет, служи маему Ивану-дураку, пакуля век яго.

Взяў падрациў яго, пустиу (ну... и сделаў я). Он пришёў дамоў. Тады жёнки эти спрашивають:

— Ну, как ты, што там?

— Ай, ну хто мёртвый, — гаварить, — встаётъ (смех. — О. Н.). В бане на палу паспали да дамоў пришли...

Ну, ланно. Тады и эты так:

— Иди, — гав-ритъ, — пратапи.

— Схажу, — гав-ритъ, — хоть што.

Пашёў апять на пол паляжаў, а еты Иван-дурак апять пашёў да и сеў на сук, туды на дуб на тот пашёў. Им не гавбрит, што (та) ходит туда. (Апять ён гав-ритъ: «Эй»). Падходит ноць, взимаются вяты, разгрябаються пяски, встаеть батька.

— (Средн...) Малый сын, тут ты? — Малцить.

— Большій сын (сре...) да — средний сын... — да Иван-дурак — больши сын — тут ты? — Не.

— Иван-дурацёк, тут?

— Я (сильное ударение на слове «я». — О. Н.) тут, татушка.

— Щаслів ты у бога будешь, што ты маё суполнишь.

Вышёў апять в цистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, мала-

¹ Закостенел.

децким *«посви...»* свистом: «Серенний конь, бяги ко мне на пара слов». Конь прибягает, из ноздрей побlyмъя [дхает]:

— Хазянин наш милый, хазянин любимый, што за служба?

— А вот служиў мне, служи маemu Ивану-дураку по яво век.

Падрациў. Пустиў и пашёў. Ну, Иван етый дурак взяў да и эты... зáранья завтра... эты, ну...

— Што там, — гав-рит, — чи чутно было што?

— Ай, ну што там это, — *«жёнки»* жёнкам гав-рит, — ну што там мёртвый будеть гаварить.

Иван-дурак: «Ой, пайду я». Што солнышко высóко, он па-а-ашёў: «Я уже пайду зáранья». Пашёў, сеў там. Ну... Апять приходит ноць, апять г-т, внимаются вятры, разгрябаются пяски и встает батька.

— Эй, малый сын, тут ты? — Малцить.

— Средний сын, тут ты? — Малцить.

— Большой сын, Иван-дурацёк, тут ты?

— Тут, [та] тушка, я тут.

— Ну, щаслів ты у бога будешь; што ты суполниў всё.

Ну вот, он суполниў. Тады ён вышеў в цистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, веший каурец, больший конь, бяги ка мне на пара слов». Конь прибягает, из ноздрей побlyмъя дхает:

— Хазянин наш милый, хазянин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што, — г-т, — служиў ты мне, служи маemu сыну, дураку, по яво век.

Ну, падрациў, пустиў. Батька лёг на место. Он пришёў дамоў, тады он...

— Ну, што ты, ну ци цюл ты, што там?

— Ну, што там цюл, не, ничёх, ну кто, — га-рит, — мёртвый будет гаварить.

Ну, тут заказали: царевня сядить — [за] двянацати стянаам, двянацати калакблам. Хто яе пацалует, то и зять. Вот приказано приказ: ви штоб явились туда. Вси и па-а-шли.

— А-ой, вазьмите вы мене.

— А-ой, ну куды тебя, дурака, брат?

Тады ана... А другая: «Дай хоть яму балахнишко надеть какой пацишше». Ён надеў балахнишко и пашёў. И пашёў, пашёў туда под дуб. И крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вешний каурец, малый конь бяги ка мне на пара слов!» Конь прибягает, из ноздрей побlyмъя дхает:

— Хазянин мой милый, хазянин мой (...), Иван-дурацёк, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што есь у цáря доцька Лена — сядить в двенадцати стенах [х], двенадцати калакблах [х], хто яе пацалует, тот и зять будет.

— Ну, вот. Лезь ў правое вухо, напейся, наеся, в самоцветное платье наденься и вынеси двянацать пад[пруг] шелкавых, асядлай мене пакреце, сам садись палегце. И как тебе нести: с гары на гору скакать, ти поверьх лесу, ти под небес?

— Не, няси с гары на гору, — г-т, — скакать, первый раз.

Ну, сеў. Всей в злате ён и каня асядлаў. Едет. Ну, скрёбся, скрёбся, за три стяне не даскрёбся. Тут: «Ой-я, зять, зять!» — ви крикнули. Всей в злате, в се[ребре] — [это] багатырь едеть. «И дай майм, — г-т, — братам, [што] паложе[но] им». Аны там встали. Он как-то пихнуў, аны завалилися. Ну, ён пришёў, апять яго падрациў и все у каня это улажиў и пришёў дамоў. Апять балахнишко свой надеў, пришёў.

— Ой, — а еты, — хто это? Всей в злате. Уже, ну завтра приедеть, верно, уже... будеть зять, — гав-рит, — и конь, — гаварит, — багатырь. Ой-ой, всей, — г-т, — и золатые капыта и сяребряные, и золатая шарстрина и сяребряная.

Ну, што ж. Назавтра апять царь заказаў стражей, штоб где хто быў, штоб ви были. И ён апять пашёў. Тады ана ему уже дали — што такое? — взяли

залы полпуда да маку, штоб расцистиү, *(тай тады)* — тады [только] прихадиү. Аны што-то уже сбалаўалися. Валнава́лися браты. Ну, ён взяў под куст падлажиў, под эту...

Тады ён апять вышеў в цистое поле, крикну́-гэйкну́ багатырским голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вешний кавурец, серенний конь, бяги ко мне на пара слов!» Конь прибягаает, из наздрей польмия дхает:

— Хазяин мой милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею. Есь у царя доцька Лена, сядить за двянацатью стяnam, двянацатью калакблам. Кто яе пацалует, тот и зять будет.

— Лезь, — га-т, — в правое вухо, напсіся, наеся, в самацветное платье наденясь и вынеси двянацать падпруг шалкавых, асидлай меня покрепце, сам садись палегце. И как тебе нести: с гары на гору скакать, ци поверх лесу, ци под нябес?

— Няси поверх лесу.

Ну да, ну всё равно ён не даскрёбся, *(адну)* адну стяну *(не да...)* ... яшшо не пацелаўаў ён я [е], а то пацалует ён яё.

Ну вот. А теперь апять будеть уже эта паследняя ноць. Это апять заказаў царь. Ой! как заказаў всё это, штоб где кто ня быў, все б был. Ну, ён апять пашёў, апять яму так зладили в мяшках эти, да вот майм братам па многу *(...)*. Ён спихну́, што он им дает это — мак этот разъединить. А аны делають притет, што... узнают — ци есть это..., верно, атказаў багатырёу Ивану-дураку батька. А аны ж не паслушали батьку.

Ну, ланно. Тады ён апять вышеў в цистое поле, крикну́-гэйкну́ это, крикну́-гэйкну́ багатырским голосом [багатырским голосом]: «Сивец-бурец, вешний кавурец, больший конь, бяги ко мне на пара слов!»

Конь прибягаает, из наздрей польмия дыхаёт:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею. Есь у царя доцька Лена, сядить [за] двянацатью стяnam, двянацатью калакблам. Кто яе пацалует, тот и зять будет.

— Эта, — га-т, — ня служба, это службишка. В правое вухо лезь, напеся, наесясь, в самацветное платье наденясь. Двянацать пад [прут] шелкавых вытнешь. Асидлай меня пакрепце, сам садись палегце. Как тебе нести: с гары на гору скакать, ци поверх лесу?

— Няси под нябес.

Ну, ён скак-скак-скак. Ну, и перескациў. А ана яму в лоб перстній всадила. Ну, и [всё] — зять, раз уж зять, даждаўся, взяўся — всё. И паехаў апять. Он яво расседлаў, разм[уздаў]. Он яму там апять *(рази)* это... мак проць, залу проць, в мяшки — братам. Ляжит на палу и спихну́, а сам пашёў, в сажу замазаў это *(коло...)* коло пецыки, штоб не видать, што кальцо ж всбожено... в лоб.

Ну, тут ишуть — всюду! — яво. Ну, всюду! Царь, где только не*(...)*, всюду прабрали и не*(...)*. И царевня ходить, ищет. Да. А ён забраўся в нүжник да и стаіть. Во какей! Ана вядёт яво за руку. Ой-я, царь с царевней:

— Што это? Ци [что] — дурак?

Ана:

— Нет, мой муж. Не магу атказаться сваим..., перстень мой и всё. Это мой муж.

И взялі, свадьбу сыграли. Ну, што ж, живуть и всё. И живуть, и живуть. Да, ну, тады апять каней даў етых — всё живуть. Ну, зъезд. Как и теперь, у царя же зъезды, так и у яво, сабраў зъезд царёв — царь. И гавбрить: «Есь на десятом царстве, на десятом государ[стве] ваперь — *(зала... этый)* залатая шарстіна и сяребряная. Вот как... Май зяты дастануть, разумные, май эти разумные дастануть». Ну, што ж. Даеть им злата, серебра — едьте. Ну, а ён падумаў. Еты паехали. Он няделей после: «Жёнушка, сходи ты кабылу папраси какую. И я хацю праехать, — гавбрит». Он: «Идите, яму дайте, какая там стаялая, — гаварит». Он взяў хвост в зубы, коло вакошка едеть да по жопе шлепает: «*(...)* какова дурака нашла, ай-я-я». А ён это их дразнить, ён вумный, только *(...)* дразнить их.

Ну, ланно. Паехаў, сгрёб *(каня...)* ету кабылу за хвост — во какея сила! — што ж и кожу далоў зразу. «Вот тебе, — гав-рит, — куст, пакрывало — пярным варанам на *(прибежище)*, а шарым валкам на прибежище — мясо ись». А сам пашёў, крикнуў-гэйкнуў багатырским голосом, маладецким посвистом: «Си-вец-бурец, вешний кавурец, малый конь, бяги ко мне на пара слов». Конь прибягает:

— Хазяин мой милый, хазяин любимый, што ты за службу имеешь?

— А во службу имею: в десятом царстве, в десятом государстве ваперь ёсь, золотая шарстина, сребряная [шарстина]. Как яво дастать?

— Ой, гав-рит, — ну, што ж табе надо? Это ж, — гав-рит, — наш дядюшка, — гав-рит. — Ну, ты ж сам пользуешься.

— А мне не рать, не пахать, талько ахота мая такая.

— Ну, паедем. Лезь в правое вухо *(...)* напейся, наешься, в самацветное платье наденься, выняси вяреўку-самавязку, палку-булавку. И, — гаварить, — *(ана)* зразу ён не узнаеть, заревёт, ён нас не падпу [стит]. Ну, там будем ездить кругом. Он меня и узнаеть, — гаварить. — И как ни быть, рвися на яво вяръхом и бей [яво] межи вух, не жалей, — г-т, — пакуль, — га-рит, — ... праглотит ком зямле, тады пускай. Тады, — гаварить, — яго ето... А так бей, не жалей, — гаварить, — яго.

Ну, ён так напиўся, наёўся там, вынес вярёвку-самавязку. Взяў яго, падъяжали, делали, он яво скрутиў вярёвкой и рваўся, рваўся, вяръхом сеў, взяўся бить межи вух.

— Эй, — гаварить, — Иван-дурак, што табе надо, — гав-рит, — ты маим племенникам пользуешься, [што] ты, — г-т — стариков *(...)*.

— А мне, — гаварит, — не рать, не пахать, ахота такая мая, — г-т. — Праглати ком зямле, я тябе и пушшу.

Он ком зямле праглатиў — а-а — и сам лёг спать, пакатывается. И ваперь ходить, и конь этый ходить. А аны всей свет прайшли, эты, эти — нигде не [нашли]. А тут ен же и близко и *(...)* ляжть, з етым.

— Ой-я, ти это багатыр какей-то! Ну, што ты, мы ж яго... И конь... Убить яго? Ведь он ж... Конь не падпустить, и ваперь же не падпустить нас. Будем даждать, пакуль праснется.

Праснуўся. Ой, проснуўся. Аны яго не узнали, патому он надевшился в хорошую адёжу. А ён тады гаварит:

— Ну, што ж *(эты)*, прадай нам свово борова.

— Куплять, ён мне ня надо, куплять.

— Ну, што? Злато, сре [брю]?

— Не-е, злата-сребра мне ня надо. А вот мне атрежьте ў руке по пальцу, по бальшому — я вам атдаю.

— Ой-я. А што ж это ж, как это можно, это резать *(...)*?

— А вот как хбцете: а я за деньги не прадаю.

«...» Ай! Яшшо *(...)* сваи дактары, сваи лекары — можа и залецаютъ».

Взялі... Так ён резаў да муцяў их. Аны крицяли, делали. Атрезаў, тряпкой закрутиў, атдаў барава им, аны павяли барава. А сам апять — паехаў на место. К каню влез, это всё улажиў, и дамоў идеть. Пришёў, набиў сарок, набиў варон: эта пароцька — царевна, эта — царю пароцька — на падарунок. Тыи тукаютъ: «Ты, ты ж сарока-варона. Куда ты, — гаварит, — это набиў их». Ну вот. Аткинули. А на жёнушку: «На, это, — га-рит, — это ваперь, прибяри». Ана прибрала тáма, в тряпoцьке закрутивши.

Ну, ай, апять царь ето:

— Ой-я, как маи зяты разумные. Ёсь каза на десятом царстве, детом га [сулдарстве] — золотая шарстина и сребряная. Маи зяты дастануть.

Ой-я, што-то делать? А яны уже ня хоцьтъ ехать. А тут апять цари сабралися. Злата-сребра дають яму и сколько надо. Ну, што делать? Волей-няволей — царь приказывает — паедешь. Паехали искать апять. А ён няделей после апять, аны паехали, ён после апять: «Жёнушка, иди, — гаварит, — канишку папраси, я хачю праехать, — га-рит». Ну, там папрасиў. Апять он там праехаў, коло вакошка, к жопе, взяў хвост в зубы, а им тут шлётаетъ. Аны гаварятъ: «Во какой

дурак! (Смех. — О. Н.) Вы паглядите, какова дурака *(выпалали)*² и живеть, — гаворит, — живеть, — гаварит». Ну, ён тады приехаў к кусту, за хвост дернуў — кожа далоў... с каня: «Вот табе, куст, пакрывало, цярным варан [ам] на прилетеши, а *(...)* шарым валкám на прибежище». Это ён мясо — валкám. А пташкам? Это ён *(...)* А сам вышеў в чистое поле и крикнуў-гэйкнуў багатырским голосом, маладецким по [свистом].

— Сивец-Бурец, вешний кавурец, бяги ко мне на пара слов.

Конь прибягает и ржет:

— Што тебе надо, Иван-дурацёк?

— А вот есь... мне надо. В [десятком] царстве, в десятом гасударстве есь каза. залатая шарстинна, сяребряная, и яе дастать.

— Ой, это ж, — г-т, — тётушка наша! Што ты это?

— А мне не рать, не пахать, а мне ахота такая.

— Ну, лезь в правое вухо, напейся, наешься, в самацветное платье наденься, выняси вярёвку-самавязку и палку-булавку и, — гаварить, — как асядлай меня пакрепце, сам садись палегце. И паедем, — гаварит. — Ана меня зразу не узнает, но ты, — гаварит, — как... после узнает, — гаварит, — тады крути вярёвкой яе и рвись на яе вяръхом и бей межи вух, пакуда ана целявецким языком загаворит.

Ну, так он делаў, падъехали. Ана першай не узнала, тады узнала это — плямённик. Ну, что ж. И всё-таки ён на яе вяръхом взарваўся, нацяў бить. Ана:

— Эй, дурак, дурацёк Иван, сильный, магуций багатырь, — гаварит, — што табе надо. Ты, — гав-рит, — трем [племенникам]... теперь брата маво взяў, и мной старухой...

— А мне, — гав-рит, — не рать, не пахать, — такая ахота — и всё. Праглати ком зямле, я тябе пушшу.

Яна праглатила, ну и всё. Он лёг апять, пакатывается. А тут ходит каза, и конь етый. Аны весь свет абхадили, — ну, нигде не найдуть.

— *(...)* Ой-я, апять тот. Ну, што это делать? Ну, што это... Ён апять, — гаварит, — ён и деньги не вазьмёт. *(Пришёў)* Ну, што... каза ж не падпустить, и конь не падпустить, не убёшь же яго.

Ну, аднако, всё-таки... [он] праснуўся.

— Ай, прадай казу!

— У-у, купите, купите. Ана мне ня надо, купите, пажалуйста.

— Злато, сребро?

— О-о, не. Мне злата-сребра ня надо. Мне дайте *(у бальшому)* ў нагах по бальшому пальцу атрезать — вот вам *(...)* и казу атдам.

«Ой-я, боже мой, што он сказаў апять, што это делать, што это делать? Ну, разве мы можем атрывать. И царь — дамоў не явись, приказ — привесь. Ти так — смерть, ти так — сме[рть]. Ну... сваи дактары, сваи лекары — залецютъ».

Он там ето апять атрезаў по пальцу. Казу атдаў, аны паехали, а это завязаў в тряпкоцьку, сам сеў, апять приехаў сюда, на сваё место. Всё сделаў и... апять эты [х] убиваеть, убиў пару сарок, пару варон — это тестю, это тёще: «Няси! — на сабак. — Это гастинцы».

— И куда ты нясёшь, сарока?

— А это, — гаварит, — гастинец, Иван-дурацёк даў гастинцы.

Ну, ланно. Ай-я-яй! Тут апять встрећь музыкой их — всё! А аны идить ня можуть, надяютъ перцятки на руки, а тута на ноги няльзя идить, как больно. А тут музыка их сустрякаеть, царевы — ой! разумные зяты, што дастали. Ну, всё-таки апять:

— Это ня хитрость, — это тут цари, приехавши на зъезд, — есь, — гаварит, — кабылица с двянадцатью жерябцам, но только три куда-то атлюцаются, неизвестно куда.

Бот.

— О-ой! — царь, — май зяты дастануть, май зяты дастануть, разумные.

Ну, што ж. Это ён так паслухаў. Тады эты... Ну, даеть он там., яны уже ня

² Т. е. нашли.

хощуть ехать: «Мы уже балеем, займуцялися». Приказ ца[рев] — паедешь. *{Паеха...}* Хошь — галбvu далоу.

Ну, и паехали. Набрали... А ён няделю после апять: «Жёнушка...» — апять так сеў, кабылёнку тую взяу, паехау. Прияжжает к кусту, дёрнуу яво: «Вот тябе, куст, пакрывало, царным варанам на прилетище, шарым валькам на прибежище — ешьте». А сам... вышеу в чистое поле, крикнуу-гэйкнуу багатырским голосом, маладецким посвистом:

— Сивец-бурец, вешний кавурец, больший конь, бяги ко мне на пара слов!

Конь бягить, зямля дражить, из наздрей побылымя дхаеть:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што в десятом царстве, в (...) цатом гасударстве есть кабылица с двенадцати жерябцам. И вот как яе дастарь?

— Ой-е! это ж мать наша. Ты ж сам трём пользоваешься, — г-т, — што ж тябе надо?

— А мне, — г-т, — не рать, не пахать, только ахота мая такая.

— Это ж мать наша. Ну, ланно. Лезь вот в правое вухо, в левое вылезь и, — гаварит, — вазьми мене это... абшей кожей, такей — какей-нибудь дряннэй и выняси вярёвку-самавязку и мене завяжи, а сам садися на дуб. Яна прибягить сюда, где *{я}* ана жерябилася, и мене завяжи, — г-т, — штоб я только хватау задним нагам землю, мене сзаду завяжи. Я, — гав-рит, — как заржу, ана узнает, где я, голос падам ей.

Ну, ён так взяу, абшиу яго кожам, жерябца этаго. Ан[а] как прибе[гла], а ён как заржау, так свет закалатиуся. Ана — ох! — как бегала: «Ахти, где-то сын папауся!» Но не паймёт, где. Тады ён в другой раз как заржау! Апять астанавилась — никак не паймёт. Тады в третий раз как заржау! «Ах! где я их жерябила — тама!» Как прибегла — глядь: «Ой-я!» Так ана зубам как сгрябла эту кожу, так и з яго далоу. Так ён как рвауся, рвауся да и вяръхом на яе. Верёвкой-самавязкой взяуся вязать яе, взяуся бить межи вух яе...

— Ох ты, — г-рит, — Иван-дурак, сильный, магуций багатырь, што табе надо? — гаворить. — Ты и сястрой маей и братам пользоваешься, маим сынам трём и хошь ты мной, старухой.

— А мне, — г-т, — не рать, не пахать, только мая ахота такая. Во праглати ком зямле, я пушшу тебе.

Ана праглатила ком зямле, ну вот аны вси, двянаццать жерябцов тут гуляют, и ана, старуха, тут. А ён лег *{и пака...}* и ляжить, тут же и ляжить на сваём поле, недалеко зашёёу. Абхадили аны свет, нигде не нашли, идуть: «Ой, боже мой, апять тот. Ну, теперь он... што теперь делать. Ён, — гав-рит, — не вазьмёт злата». Тады ён краснууся, он адевшися харашо. Аны яво не узнали:

— Ну, што, — гав-рит, — прадай ты нам кабылицу с двянаццатю...

— Прадам, прадам, — га-рит, — кабылицу с двянаццатью жерябцам, ана мне ня надо.

— Ну, злато, [сребро]?

— Не-е-, злата-сребра я не вазьму, а вот дайте по рямню, выкрою сзаду вот вам за всё и атдам кабылицу.

«Ой-я, боже мой, разве ж мы вы[к]ровыем ето, што он будет резать». Пашли, ня стали дажидать. Шли, шли. А дамоу уже придут (смех. — О. Н.) — галову и нам далоу царь знясеть. Всё равно, надо делать: «Пайдём. Пусть *{живы}* живы ня будем, пущшай режеть». Ён выкраиу по рямню — аннаму и другому — и атдау *{жеря...}* эту... кабылицу и жерябца.

Аны паехали дамоу, там их састрякают. Ой, боже мой, и музыка састрякает — всё! А ён ужу, нет няделю и другую Ивана-дурака. Ну, надо, када хошь, паминки спрavлять — пррапау. Ну, тады, пагадивши... Не! — идеть дамоу. Апять набиу сарок, варон и бярять пароцьку. А-ой, является Иван-дурацёк. Ну, и ланно. Является дамоу. Ну, царь сабрау тут зъезд апять, и этих уже сабрау, што — «маи зятые разумные». Ну, и етово дурака все ано приглашает на зъезд. Седят там, и яна сидить, ён сидить. Ён тута, надевшися, ходить. *{Тады этот... цари... как аны тут.}* Тады он гаворит... Всё это там ряшли цари, гаварили.

— Да, — гаворит, — спрасите вы, — гаварит, — как дастали баравá тваи,

гаварить. — Пацяму аны ходють в банию и в перцятках мысятся? Пацяму яны в насках мысятся, тваи зятьти разумные? — гаворить. — Пасматрите у их, ти ёсь пальцы, — гав-рить, — в руках? Жёнушка, схади-ка, приняси, — гаворит.

Ана пашла, приняслा.

— Вот, паглядите. Вот это, — гаварит, — з рук — это ваперь, а ето в нагах — а ето каза. А пацяму ж аны рубашки не сдяютъ в баниях? Пасматрите сваих зятьёў разумных. А ето, — гаварит, — кабылица с двянадцатью жерябцам.

Тады аны паабярнулись валкám, их взялі да пабили. И всё дасталось этому, Ивану-дураку. И царства, и царь взяў взлюбіў яго, и всё это яго, это всё. И дастаўся ваперь яму, и дастались каза, и кабылица с двенадцатей, и царство. Вот и сказка вся.

5. ЛЯКСЕЙ ГАРЕМЫКА

Жиў у царя по сем лет, не уживаў ни шапки-муромки, ни каня доброго, мяця острого. Пажиў у царя-дабрудытеля, пажиў лишний год, выжиў шапку-муромку, каня доброго и мяця острого. Пашёў в царьский кабак, прапиў-прагуляў это всё доброе. Ах, боже мой, хватиўся (смех. — О. Н.) ён... — пайду к царю, паслужу яму лишний год, ён это мне и вёрнеть.

Как етый пашёў, как напаў царь, царь-пабедитель, атабраў у царя-дабрудытеля купёсту-манасту,¹ силу-казну нязметную. После... этого Ляксея Гаремыка. У Ляксея Гаремыка быў кремешок багатырьский. Ну, што ж делать? Ён пашёў, и царь сядить задумавшись. Этый:

— А што ты, — гаварить, — пришёў?

— Я табе лишний год паслужу, только вярни маё. А ты што?

— А после табе, — гаварит, — напаў царь-пабедитель, атабраў у меня купёсту-манасту и силу-казну нязметную — всё забраў. А вот вярни, я тебе... свою доць атдам за тебе замуж и пулцарства атпишу.

— Вярну, — гаворить. — Эта табе всё вярну.

— И вот я табе тады сваю доць атдам замуж и пулцарства тебе, табе будеть. А после смерти и царство всё.

Ну, ён и пашёў, сеў на каня и паехаў к етому царю (пабя...), каторый пабедитель, пабедиў дабрудытеля. Взъехаў на яго луг, нигде казявка не [при-палзает], ни муха не прилятает. А ён взяў шатёр распяў, агонь расклаў и пакатывается. Увидеў этый царь: «Што ж это за блазень такей приехаў? На нашем лугу ни казявка не припалзает, ни муха не прилятает. А ён взъехаў, агонь (рас...) распяў, (ша...) и пакатывается». Паслаў девяять [слуг]: «Салдаты, идите, ссяките, зрубите яго, в агнйную рякӯ вкатите!»

«Ну, што мы яго будем бить. Ён, — га-рить, — спить. Може и конь не падпустить, — гаворить. — Праснется, ну, што нам бить (этых девя...), мы в девятерых, а ён адин. Эх, — гав-рит, — праснуўся, — га-рить».

— Хто ты, — г-т, — ци царь-царевиць, ци кароль-каралевиць, сильный, магуций багатырь? Што ты, на наш луг ни казявка ни припалзает, ни муха ни прилятает, а ты шатёр распяў, агонь расклаў и пакатываешься.

— А я, — гаварит, — ни царь-царевиць, ни кароль-карале[виць] — Ляксей Гаремыка, Ляксей Фёдорови[ць].

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте трубоцьку налажить, смялей к вам падступить.

— А это, — гаварит, — дело божье, [сделать] можно.

Ён вытянуў масацёк-кремешок,² секануў-рубануў — выскоцило двянадцать багатырей зялезных.³ Г-т: «Ссяките, зрубите, (в) этих восемь... в агнйную рякӯ... А етого живцом падташите». Он этому взяў, атарваў рукӯ, атарваў нагу, пасадиў на каня и прагнаў, как пса, штоб царю-дабрудытелю атдаў купес-

¹ Т. е. богатство.

² Огниво и кремень.

³ Т. е. железных.

ту-манаству, сабаку Карнауха: «И я то град-город падступаю, град-город сажгу и мятлой падмяту».

— Ой, — ён г-рит, — што вы, вы, — г-рит, — наверно служите, што это не магли аннагб убить, вы аннагб.

— Болько бъеть, не магём тярпеть.

Ну... И вот, што ж, тады он яшо присылаеть, других. Других яшо атправиў: «Вы, зрубите яго». Ён апять пакатывается на лугу, спить и всё. Ну, это апять аны (праснули): «Ну, што, — гав-рить, — ну, што это, — га-рить, — аннагб яво бить, — га-рит. Ну, ляжть, ну... мы ж аннагб яво, тут и бить некого». Праснуўся.

— Ти ты царь-царевиць, ти ты кароль-карапе[ць]? На нашем лугу ни казявка не припалзаеть, ни муха не прилятаеть, а ты, — г-т, — шатер распяў, агонь расклай и пакатываешься.

— Я, — га-рит, — ни царь-царевиць, ни кароль-карапе[виць] — Ляксей Гаремыка, Ляксей Федоровиць.

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте, — га-рить, — трубоцьку мне наложить, смялей к вам падступить.

— А, это дело гоже, — га-арит, — сделать можно.

Ён вытянуў масацёк-кремяцёк, как секануў-рубануў. Апять двянаццать багатырей зялезных вышло: «Всих (...). А этово аннаво подташшите ко мнех». Этых ссек, зрубиў, в агняную рякую вкатиў. А этому выкалалаў глаз, атарваў рукую, атарваў нагу, пасадиў на каня, прагнаў, как пса. Штоб царь-(дабрудитель)-пабедитель, штоб атдаў царю-дабрудителю купесту-манасту, силу-казну нязметную, «а то град-город падступаю, град-город сажгу и мятлой падмяту».

Э-э-э. Царь едет са-ам сюда: «Да царь пусь прибудет и сам сюда».

— Што ты так, — га-арит, — это паступаешь, за царя-дабрудителя, — га-арит. — Да у мене, — га-арит, — доць есь ня хуже тя... ня хуже яе. Я тябе тоже магу в зяти взять и, — гаварить, — царство табе.

— А мне всё равно. А это ты всё атправь. Атправь царю-дабрудителю. Ну, мне всё равно, магу и с тваей доцькой жаниться.

Ну, (взяў да еты) ён ето всё атправиў. А (етым) взяў жаниться з етой доцькой, этово царя-пабедителя. Взяў, сделаў... а такую (ашыймину⁴) сделаў. Вот ноць сёдни: хто пайдеть на двор, того гнать, где ни жилья, ни былья, да нёбо-вада. А ён лёг, да што-то и захателось яму на двор. Ей: «Можно до ветра мне схадить?» Ана: «Схади». Так яго как загрябли, как папёрли, ланно, што ружышко захватиў да пинжачишко. Папёрли в такая ляса, што ни жилья, ни былья, нёбо да вада. Загнали яго — и всё. «Во, когда прапаў я, прапаў и прапаў. Вот — не паслухаў тбго». Ну, што ж, ходить день, где убить дятла каково, пташку, скжарить, зъисть, так и ходить. Паслухаеть — гомон⁵ в лясу, крик.

— Што такое? Крик, гомон?

— А вот, — гаварить, — было у царя свадьба. А мы укралі, — га-рит, — злато, сребро и шапку-невидимку.

— А што это шапка-невидимка?

— А вот это... Это всё раздялили, а шапку-видимку никак не разделим. Рассеець яе? Тады ана...

— А на што ж тады... А я вам въвернишек сделаю, пушшу, кто, — га-рит, — яё дагонить, възьметь, дастанется аннаму, ня бедно⁶ никаму. А так, куды ж ана, — га-рит, — будеть. Рассеките и никаму ня будет пользы.

Во аны согласились так. Как пабегли, так ён шапку надеў, злато-сребро вмёў в куцьку, сеў под куст и ся [дить]: «Во, — га-рит, — дасталось аннаму, ня бедно никаму». И ни злата, ни сребра — никаво нет, и яво нет (и... нет).

Ну, ланно. Апять это: «А мы вот, у царя была свадьба, накрали это всё и шапку-невидимку укралі эту. Ну, яшо укрáдем».

⁴ Слово не удалось прояснить.

⁵ Разговор, шум от разговора.

⁶ Т. е. не обидно.

Пашли. Там ти мног пахадиў. Крик, гомон апять в балоте. «Што ж мне баяться. Я царевиць цюжестранный. Пайду на... этот, хто там... крик, гомон». *⟨Ажно...⟩* Падходитъ:

— Ци вы добрые, ци вы...? — га-рит.

— Мы ня добрые, ня худые — вары да разбойники, — га-рит, — только. Вот украли у царя злато-сребро, — га-рит, — разделили. Украли боцьку-салёвку и *⟨кавёт⟩* этый сакбл-самалёт. И вот никак не паделить.

— А, — га-ритъ, — а што этый сакбл-самалёт?

— А этый сакбл-самалёт, куда сядешь, куды хошь вывезетъ. А боцька-салёвка: распахнись, размахнись, всякая питянья-едянья дастъ, [всяких] напитков.

— Ну, сдайтесь вы на мой, — га-ритъ, — вот... Я вам вывернишек сделаю и пушшу, каму дастанется, таму и дело. А так, што вы, рассеець это и всё (...), а их много.

Ну, яны согласились. Он пабег, как пустиў, аны па-а-бегли, а ён скарей шапку-невидимку надеў эту, взяў боцьку-салёвку и ету... и сакбл-самалёт, сеў *⟨под ну...⟩*, атышёў, и яны яво ня видуть. «Во, — гаварит, — дасталось аннаму, и ня бенно никаму!»

— А мы сабе яшшо укрáдем.

Э-э-э... Ён тута от их вышеў, ну, тут ето ён с кустов, с балота, к рéки: «Боцька-салёвка, размахнись (...).» И дала питянья-едянья, яму уже тут — о-о! — питяньё-едяньё... и сакбл-самалёт. И сакбл-самалёт этый, куды хошь вывезетъ. Ён день тут гуляеть, пьеть и с силой сабраўся, и другой день уже у яво питянья-едянья, уже тут... сыт ён. «Эй, сакбл-самалёт, паля [тай] в пабядительское царство», — с которой ён уже жаниўся, в ето царство палятай. И боцьку-салёвку кладеть *⟨и этый сакол...⟩*, на сакбл-самалёт садится, и прилятеў и сеў под калиноў мост.

А яны тута уже гуляютъ... ето, яна уже женится, яго жёнка. Ето... свадьба... это были, эта ён всё *⟨на край⟩*, бýла свадьба. А ён сядить. Тыда ён взяў холод, голод сделаў такей, хоть бы сабаку разарвать. А ана: «Боже мой!» — ана видить, што, верно, што-то ёсь. Так ана и схватилась: «Кабы Ляксей Гаремыка, Ляксей Фёдорович да прибыў, никакие хитрости, никакие мудрости нё былб».

Ну, ён апять вацариўся (...), апять даў питянья, едянья. А ана апять пашла гулять и забыла про яво. Ну, ланно. Тады апять это ён сделаў сонных капель: «Боцька, [замахнись, запахнись] и дай сонных капель». И ана замахнулась, запахнулась, и ана как ишла, так и заснула тута, на этом на калиноў на масту, где гуляли. И взяў яе в реку нагáм как, и палажиў в рéку нагáм, а сам сядить. Сядить, глядить. А ана ляжала, ляжала, праснулась: «Ах, матки-панибожьи, это бог меня наказаў. Ляксей Гаремыка...» Сядить день, сядить два, и голод уже, ись хочет. А ён ходить, не паказывается ей. Ну, канешно, дурный. Ён не дурный, да вот *⟨вжелеўся⟩*.

Ну, ланно. «Кабы ж Ляксей Гаремыка прибыў бы, никакие хитрости, никакие мудрости — век бы мы з им жилл». Яна знаетъ, што уже тут ёсь что-то. Ну, ён хадиў-хадиў, хадиў-хадиў. Ана плачетъ горьким слязам. Сжалеўся, паказаўся... ей (с усмешкой. — О. Н.).

— Ай, Ляксей Гаремыка, Ляксей... Как ты тут жиў, боже мой? Как ты тут жиў, столько страдаў?

А што ж яна ж заставила яво страдать.

— Как страдаў... всё. А што ж ты пиў, еў?

Не паказываетъ эту боцьку-салёвку. Што ж апять хадили голодные, вяло так, вяло, уже третий день не евши. Он паказаў эту боцьку-салёвку, паказаў это всё, и сакбл-самалёт. Это ж батьки яё — сакбл-самалёт, и боцька-салёвка эта батьки... украли. Ну... И всё это... Ну, дали питянья-едянья, разных напиткоў.

— А-ая, Ляксей Гаремыка, Ляксей Фе[дорович], дай те пашшу у те (...) мошки-блошки завелись. Хади [сюда] да пашшу.

А сакбл-самалёт тут. Ён ей всё паказаў, и шапку-невидимку ён ей паказаў. Тады ён спать, он уже тут сбіўся и заснуў у ей на каленах. Ана пихай-пихай, далоў спихнула, да яво в ваду нагáм, как ён яе палажиў (смеется. — О. Н.),

так и ана яво палажила. Сама села на сакёл-самалёт, боцьку-салёвку... Прилятаеть в антрихрицкое царство. Так (...). Яна взяла, села и улятела, и яво кинула. Што ж ляжаў, ляжаў, праснуўся. Ахти, боже мой! — праснуўся. Нет нигде никóго. Плакаў, делаў и што ж делать. Тады едеть святэй Микола.

— А, — гаварить, — рано паказаўся. *(Вот ей)*. Рано (с усмешкой. — O. H.), — гаварит, — паказаўся ты ей, — гавбрит. — Надо было пабольше памуцять. Садися в лодку со мной. Теперь ты прапаў. Твая жана, — гав-рит, — уже ана жанилась с другим, — гавбрить. — Паедем в тот город со мной, рякой.

Павёз он яго. Ну, что.

— У тебе масацёк-кремяшок есь, и твой масацёк-кремяшок ляжит в гала-вашках. И ты, — гаварить, — этый... Ана ня знает, что с им делать... Ана ня знает, что сделать. Ну, аны ляжать вдваих, — гаварит. — Кагда я тябе привязу к городу, иди в непаказанные цясы, уже совсем вси будут спать, тябе никто не увидить. Иди туда, только, — га-рит, — не буди яе. А приди в *(ка...)*, ана в каменных палатах, — га-рит, — там, в царьских ляжить. И, — гаварить, — бяри першe, — га-рит, — свой масацёк, он ляжить в гала-вашках, — га-рит, — у ей. Тады буди яе. И, — гаварить, — этый... и ана з мужем спить. Только, — гаварить, — ссяки, зруби тады, штоб эты..., все это выжги, и штоб, — га-рит, — выстраиў церкву... святою Миколы, хадили люди, богу малились. И выжги этый город всё, штоб яво не былó, и мятылой падмияти.

Ён взяў масацёк-кремеш[ок] и стаў ето... у пароги, стаў яё будить. Ана: «Ах!» — праснулася, цап — туда, цап — нет. Так ён секануў-рубануў, выскакило двянацать багатырей зялезных: «Возьмите этих блазнев, ссяките, зрубите, в агнёную рякú вкатите. И сажгите это всё падворье, только адну каменную палату... пусть астанутся».

Всё выжег и [вымей]. Ну, что ж... *(Взё...)* Тады сюда уже этому царю передаеть, што вот так.

— А, — гаварить, — я ня грéбую.⁷ Я знаю, што ты много пастрадаў. Ня грéбую, ну, я сваю доць всё равно за тебе атдаю.

И вот тады у их свадьба, взяў сыграў царь. И уже с царем-пабядительским стаў, и ету уже ён зрубиў тады сваим... и царство это всё выжег. Вот и сказка вся.

Ажаниўши уже ён с этой, первой *(с которой)*, с пабедительницей, а это пабедитель, а этый добрудзитель царь — так ён уже з этой доцькой ажаниўся. Ну, ён и царство яму падариўши. А яво, этому масацьку-кремешку, это багатырьский. Там, што хошь, он может сделать этым масацьком. Вот... Вот ти волшебный, ти какей. Вот... а ён вот мог всё сделать.

6. ПРО БОЖИЮ МАТЕРЬ

Ну, вот, женщина *(нет)* сколько гадоў — не радýла. Не радýла, не радýла, а это — взяла да забяременела. А ён пашёў ў дровы, в болото *(тады)*, а божья матерь пришла к яму:

— Аткажи ты мне тое, што ты дома ня знаешь.

— Ну а што я дома ня знаю. Я всё знаю дома. Ну, пушшай табе тое, што я дома ня знаю.

Пришёў, ну што:

— Женщина пришла ко мне, — гав-рит, — и сказала: «Аткажи мне, — га-рит, — тое, што ты дома ня знаешь». Я ж всё...

— А ты знаешь, што я, — га-рит, — бяременна.

— О, господи, ты ж, — га-рит, — ни разу не радýла, *(эт...)*.

— Да, — гаварит, — бяременна.

— А я, — га-рит, — приду тады маткой хрёсной.

Ну што ж, ана *(эты)*ти мног пахадила, ана радýла. Идеть ана, а ана пришла кумой. Кумой пришла и назвала яе Настицькой, Настей. Ну, и Настей. И сколько ана там хадила, так яна яе и взяла, девоцьку ету, от их. Ах, боже мой.

⁷ Не брезгую.

Ну, яны яе и брали, што, боже мой, што как яна это — ни разу дятеи не было, а яна взялá.

А яна яе питала там уже, кармила сама, хадила в (...), питала яе, Настеньку эту. И яна яе маткой звала. Выросла уже ана, а яна была красивая дуже девка. Гаварить: «Гуляй, где хошь, Настюшка, только не хади, — гаварит, — в тую хатку глядеть». А яна всюды шла, будто уже большая стала, под нявесту. Так — тошно ей как будто стало: «Мамка не приказывала глядеть, я анным глázком только пагляжу». Ана паглядела — уже ана стаить, божья матерь, богу молится, и по пояс ў крави. Так яна завярнулася.

«Ах, божья маты!» — а яна уже завидела. Так пришла:

— Настенька, видела, што я делала? (Низким голосом, строгий тон с угрозой. — О. Н.).

— Не, мамка, ня видела.

— Нет, видела.

— Нет, ня видела, мамушка, ня видела.

— (...) У тебе язык атыму, будешь нямая. Скажи, што видела.

Ня видела и всё. А яна взяла яе, раздela и язык атняла и павяла ў лес, на дуб выско и пасадила. Ах, боже мой, яна сядить — голая, нагая. А красивая! Царьский сын хадиў по ахоте. И пёс, сабаки так лауть, ну, так лауть, ну, не на зверя лауть, да и всё. Падходить, паглядить — целавек сядить. (Так яна паказываеть).

— Спустись, а то буду стрелять.

А яна паказываеть, што «я нагая, у меняничаво нет». Нямного спустилась тагда, он ей — взяў пинъжак, у яво адёт быў, сдеў — адень пинъжак. Ана спустилась к яму ниже. Он паглядить — такая красавица, што няльзя даже расстаться. Спустилась. «Пайдём, — гаварит, — со мной». И павёў дамоў. Павёў, а батьке не паказываў, царю. Взяў да в комнату, там девки, да и хадиў всё. И ну — панадо[билась] — «буду жить с ей», — и ўсё, — «красива — буду жить». Тады уж стаў царю гаварить, што вот такую-то нашёў в балоте, и яна нямая, и не гаворит — «ну, не могу расстаться и буду жаниться з ей». Ну, царь гаварит: «Што ж,ничёх ня сделаешь. Живи».

И те мног, те мало ана пахадила, забяременела, радыла мальцика. Радыла мальцика, и (большая) божья матерь приходить к ей:

— Настенька, скажи, што я делала. А то я мальцика вазьму ў тебе.

— Не, мамушка.

Тады гаворить, как яна з ей разгавариваеть: «Ня видела, што (я) делала, ня видела?» Эта яна ня хоцеть, што мать яе сказала: «Не гляди», а яна паглядела. Вот ня хоцеть это яна, ей што. Взялá галубá, разарвала ей, ўзяла руки вымазала, морду вымазала, грудь вымазала, а рябёнка ўзяла.

О-я, боже мой, зъела рябёнка. Тута зъела рябёнка и всё. Ну, тута царь и вси цисто... руки ў крави у ей, и грудь ў крави. Што это з ей делать? А ён: «Я не могу яе бить, ня буду бить, будем дажидать, слуг паставим тяперь. Яшшо када будет ражать, будут слуги, кругом будут паставлены».

Ну, ланно. Ти мног пахадила, ана апять забяременела, яшшо мальцика радыла. Ну, тут уже паставили слуг таких, што ўсё, чтобы это караулили, штоб... ня то...

Ана, божия матерь, приходить и тóго рябёноцька приносить:

— Настя, скажи, што я делала, и этаго атдам, а то и этого вазьму, — гаворить.

— Не, мам, ня видела, ня видела.

Ну, ана апять разрывает галубá, ей апять руки замазывает, грудь. А этого мальцика бярёт, а ей никто..., [патаму] ана святая, яе никто ня видить, как ана бярёт. И слуги стаять, и рябёнок ня видит. (Слуги...) Царь приступиўся к этому: «Пабью...» «Ну, не я...» «Што-то ёсь, — гаварить, — ну, не придумать. Не атхадили, — г-т, — и ня спали; и, — как быў рябёнок, так и нетути».

А яна ж нямая, [яна], язык не гаворить. Ну, што ж. Ну, да третяго разу, пушшай уже третий раз, што будеть. Тады уже и царь так думаў: што-то ёсь.

Патаму што клянутся аны, бóжатся, што... нет, не атхадили и ня спали. Ну. яна апять радила, апять третьяго мальцика радила. Ана апять (...) приходитъ:

— Настя, скажи, што я делала.

— Не скажу, мамушка, ня видела — и всё, ня видела.

〈Ну и я〉. А эти уже ходють, рябёнок — аннаго за руку привяла, а другого на руках держить:

— И мальцикоў атдам табе, скажи.

— Не, ня видела, мам.

Ана апять ей галубá разрывает, апять руки замазала, грудь замазала. А (это) слуг сколько паставлено и глядять, кругом ходють, как што там. Как быў. так и нет. Так закрияли слуги рятунку:¹ «Ой, боже мой, мы не виноваты! Не вино[ваты]. Кто-то бярёт, и ня знаем, кто, и мы ня видим». И всё.

Ну, так царь — што ж делать? Ён сказаў: «Ня буду яе бить. А сделаю я ей склеп и пасажу яе в склеп. Пусь ана лучше сама памираеть, а бить яе ня буду». Ён взяў да в лес, сделаў такей склеп, хороший ей. Ну, царьский — што захватели, аны сделали. И все эта... хадила божия матерь к ей. Ён яе пасадиў туда. А цвяты кругом пашли етого склепу — такие, што ўсё! Ну, ён далёко быў в балоте, ей сделаў такей склеп. Ну, не хадиў туда ён. (А это пастухи). А ана приходить тады. Настя сказала уже ей, што: «Мамушка, видела». Так яна всех мальцикоў этих привяла, ей атдáла. И кармила их (божи...) эта кармила эту Настю и мальцикоў этих кармила... всё (Нас...) эта божия матерь.

Тады пастухи, [знацит], што такое? «Нашли, — гаварят, — склеп. А цвятоў! И кто-то, — гаварить, — гавбрить там, што-то гомон есь». Царю тут даниясли. Так царь это: «Ах, боже мой, няужели это мая жана жива, з маим детушкам!» Так ён туда. И вот яны, эта небальшёнькая (сказка. — О. Н.), и ён раскамаў,² и яны вси пацелавались, (и ён) и яна простила яму, и вси перяставились, вси святые стали. Вот. Што (ён) яна пастрадала, и ён яе бить ня стаў, пажалеў. И вси святые стали, и ён не жаниўся, все страдаў.

. Вот. Вот ето маленькая сказочька, во какая сказка.

7. МЛАД ЮНОШ

Яна любила гулять, а надо радить. А хотъ у суседа свадьба. Ох, пашла ў сад и плацеть: «Ох, боже мой, как ето мне нехарашо, а я смерть люблю плясать, а сёдни радить, а у суседа свадьба».

И плацеть ў саду ў поблоць. И цёрт етык кривэй идеть к ей:

— Што ты плацешь, маладуха?

— А я плацю то, што сёдни у суседа свадьба будеть, а мне надо радить, а я плясать люблю.

— Ой, и рóдишь, и будеш плясать, и рябёнок твой будеть углежено, ня плаць. Только, — гаварить, — разрежь мне мизяный палец хрястом и на тряпоцьку напусти кравый.

Ана взялá, разрезала етык мизяный палец и на тряпоцьку напустила яму кравый. Он взяў ў карман, пашёў, и [ана] радила, и тут свадьба, пляшеть, вси дивуются: «Ай-я-яй, радила и пляшеть, ну што это у ей такое. Пляшеть маладуха, да и ўсё». А ён калышеть, кагда малец там закрицить, он, цёрт, калышеть яго. Ну, свадьба прайшла, а малец взяўся не по гадам, а по минутам рось. Так растеть малец, што всё. Как увидит ана яго, так горьким слезам плачетъ; так плацеть, што всё. Малец уже стаў хадить и панимать ето всё: «Мама, што такое? Ня видишь ты мене — ня плацешь, как увидишь — так плацешь. Што с табой?» Малцить, не гавбрить ана. «Што-то ёсь, мама!»

А ето уже яму и ланно аставалось, ци цвятерый год, ци што.

— Мама, скажи, пачаму ты плацешь по мне, как только... так все плацешь.

— Ай, сынок, я те прадалá.

— А, ты мене прадалá? Так я жить с табой ня буду, — гавбрить, — я пайду искастъ.

¹ От «рятувать» — спасать.

² Разломал.

— Я, — гаварить, — к цяртям прадалá тваю... тябе.

— Ой, я, мама, я ж жить с табой ня буду, я пайду сваю... искать. Пайду искать, — гаварить.

Ну, и пашёу малец. Пашёу, ляжть два разбойника. Тоже были разбойники, сагряшивши богу, яны много ляжали, за муку господь их там...

— Млад юнош, куда ты идёш?

— А вот иду, — гав-рить, — мене матка прадалá, — га-рить, — цяртём. Иду сваю расписку искать.

— А вот мы тебе скажем: буде мельница, — гаварить, — и мельник живеть, — гав-рить, — а ён ходить к им, а мельнициха дуже ня любить, что он ходить к цяртём. И вот иди туда, аны тебе должны памиловать. А ты нам, — гаварить, — дай сваим иртом вадицьки в ключе, прицящи ты нас, ты ня грешный, только тело грешное яшшо, а то ты ня грешный.

Он взяу иртом аннагб, дал — етый памёр, перяставиўся, другому — и другой перяставиўся. Сам пашёу, пришёу туда, в мельницу. А ета:

— Ах, боже мой, аткуда ты такей пришёу, малоденький, а што ж такое ето?

— А-ай, тетушка, такое мне горе, — г-рит, — так и так.

— А ён, — гав-рить, — сейцас у цертёх, мой хазянин. Ой, я не люблю, что он ходить, — гав-рить, — ой, не люблю. Ну, будем, — г-рит, — как-нибудь яго прасить, — гавбрить. — Ты нацевать у мене, — г-ть, — нацией.

Ана яго накармила и скавала яго, палажила спать. Ну, ён в поблоць идеть дамоў аттуля. Приходит. Ух, как яна {за...} а яна, бывало, всё бронить яго, что ето как, а ето так завесялила, так завесялила:

— Ой, што ты так поздно сёдни пришёу, поздно дуже.

— Ай, што ето такое у тебе злуцилося, ни разу слова доброго не было, а ето што ето, у тебе што-то ёсь, не так.

— Да не, так, што так это, ня всё ж будем сердиться, будем кагда...

— Да не, ня так.

Тады ана хадí, пакармила там яго, што...

— Знаешь што, млад юнош пришёу, расписка, яго матка прадалá.

— О, это не табе гаварить, не мне слухать, вот-таки я знаў, што ты ня так ко мне, — гав-рит, — это... обратилась, хорошо ни разу не обратилась, а ты сходи сама туда к им.

— Я ж не хажу туда, не, уже ты памилуй, ён ня грешный, ён только, — гаварить, — млад юнош, ну што ж, тело ж только грешное яшшо.

Ён паказаўся, мальчик, им:

— Атец, я вас закармлю и вот ня кину до смерти, только памилуйте меня, вазьмите маю расписку у их. Я ж не винават, што меня матка так прадала.

— Ну ланно, завтра пайдём.

Ну, как аны там ишли, назад пяткам: «Прайдём три раза», — и там шагнули и пришли.

— Кум, што ты пришёу? Вцёра быў, сёдни с каким ты пришёу?

— Та-ак, пришёу я к вам с просьбой сёдни.

— С какой ты к нам просьбой мог ты прийт, ни с какой с просьбой не далёбон прихадить, ты у нас жрёшь, пьёшь и с просьбой пришёу? А мальца што ты это привёў?

— А мальчик етый не винават, яго мать прадалá, — гав-рить.

— А, так ты пришёу, это... защита? Вот ён пришёу с каким пришёу, жрёшь, пьёшь у нас и пришёу с какой новостей, с такой новостей ты к нам не хади ни разу.

— Да не, памилуйте стаго мальца, ён не винават, мать [ето], матери, коль хоцете, делайте, а ето ж рябёнок.

Ну, ланно. Цёрт взяу, мост атлажиў, взяуся атрубить. Как пашли церти: «Есь у вас расписка мальцева, есть распи...?» «Нет, нет, нет», — сыпались, сыпались, — «нет, нет, нет». Идет кривэй напаслэ, все перяйшли.

— У тебе расписка?

— Да, у мене.

— Атдай мальцу расписку!

— Не атдам! (Я яго). Ана, — гаварить, — всю ноць плясала, а я яго нянциў, калыхаў, не атдам.

— А вот на кумову пастелью тебе, пакатаем, так атдасай.

Тады взяў да выкинуў. А што ето — кумова пастеля? А это куму этому такая падлажена.¹ Иголки да шилы, будут катать яго, по этой пастели (усмешка. — О. Н.). Ну, это ён-то яму рассказаў, дарбгой идя, тады. Ну, што ж, ето, атдаў. Так мельник взяў да сябе в карман.

— Ну, садитесь ись!

Ну, пасадили. Принесли ситнику — эта каняцы говны. Это карбовый ситник, каровыи, каняций. Пиво — это ссаки кабыльи да каняцы, да и каровыи. Калбасы — змеи. Пананесли — мельник исть да и всё. И малец не пакушаў. Ён яго, калбть под бок:

— Што ты ня ешь, такая закуска?

— Нет, я, — гаварит, — не хацю, я еў. Я, — гаварит, — сыт, я ня хацю, (я ня еў). Я, — гаварит, — сыт, не хацю.

А етый исть, мельник. Ели там, ели, ну: «Штоб ты такей яшшо с такей запиской к нам не прихадиў никакда. А то те по кускам разарвем».

Ну, идя дарбгой, правда, аны ти там, как шагнули апять и идут дарбгой аттуля.

— Што такое, что ты вот ня еў, такая закуска харошая, а ты ня еў?

А малец яму г-рить:

— А какая ж это закуска? Это што, — гаварит, — ситники — каняцы говны, каровыи. А ссаки, пию пиво это, — г-рить, — это каровыи ссаки да каняцы. А калбасы ты — змеи эты.

— Это правда?

— Правда. Я, — гав-рит, — не магу ись это, я ня ем.

— А я табе расписку не атдам, кагда ты меня не спасешь. Кагда бу... А, — гаварить, — а пастеля табе приготовлена, шилья да иголки, табе будуть катать по этой пастели, кагда ты мене не спасешь, то я и ня дам расписку.

— Спасу, кагда ты будешь слухать меня, спасу.

Ну, пришли дамоў, мельнициха-то рада, боже мой, боже мой, апять всё, завтрак приготовила, и всё.

— Ну вот, — г-ть, — паставь асиновыи вот етый кол бальшай (...) и кругом дров абкладаў, и сам сядь туда наверх, а я буду падпякать. И надо те вот книжка Ваянгелие, и цитай. Што с табой будут делать, ты малци, только цитай и цитай, цитай и цитай.

Ну, ён сеў выско и взяўся цитать. Как налятели еты варбнья, ах, боже мой, варбнья, сарбки, плёють на яго, кárхають на яго: «Пусь тябе разарвало, када ты не наеўся, када ты не напиўся, каго ты паслушаў, рябёнка паслушаў, дурак ты». И плёють, и кárхають, и бьють яго, и ённичёго, все цитает, все ци[тате], а этый всё падпякает, всё падпякает, и столько налятело, даже, ну, ня знаю, што такое, гатовы разарвать варбнья яго. Цитаў, цитаў, цитаў, савсим уже нямножко астается, ну, астается так уже листка два. А взялісь атлятать варбнья — проць, проць, проць, проць. Все атлятали, атлята[ли], плявали, кárхали, атлятаются проць. Ну, атлятели, асталось два голубя. Астался ангел мальчику и ангел яго.

— Закрывай книжку!

Закрыў.

— Вот теперь, — гаварит, ты больше к им не пайдёшь. Не пайдёшь.

Ну пришли дамоў, и вот ана там апять угостила — всё.

— Астанься, юнош, у нас, всё багатс[тво], какое ёсь, всё на тябе.

— Нет, пайду дамоў, я со сваей мамкой разбярусь, с сваей мамкой разбярусь и занясу ей ету расписку, атдам ей.

И дамоў пришёў.

— Я приду к вам, я приду к вам.

Ну, вот батька г-рить:

¹ Подготовлена.

— Што хошь, то и делай з матерей, што хатиши, то и делай.
Вот ён засадиў на год яе ў тюрьму, и хунт хлеба, и хунт вады. Будешь жива — будешь, а ня будешь — ня жива. Вот. И сказка вся.

8. НАСТАСЕЯ-ПРЕКРАСЕЯ

Было у цáря три сына, и вси сыны красивые, вси хорошие, *(но)* а Иван-дурацёк — это сильный, магуций багатырь быў. Ну, вот ён знаў: в другом царстве вот ёсь Настасея-прекрасея, прекрасная дявица и себе жениха ня выберет нигде, а у ей тут девушек сколько. Ну вот, он и ряшиўся туда¹..., в тое царство приехать и дастать яе. А у яго баба-парезница¹ была на этом... на ихным... дяревне, где-то аны жили, ну, ти в городе, ти где. Ён за реку:

— Бабушка, баслави меня!

— Ну, щасливо, Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь. Внуцек, едъ, только худа, — гаварит, — ня делай.

— Не, бабушка.

Ну, сеў на каня и паехаў. Ехаў, ехаў — приехаў, ляжть гарнастай:

— Ай, Иван-дурачок, куда едешь?

— А, — гаварит, — еду Настасею-прекрасею, прекрасную дявицу паглядеть и живый вады и мяртвый дастать.

— Едъ, едъ, всё дастанешь, только худа ня делай. Ну, и паяжжай, — гаварит, — только не заяжжай, — гавбрить, — няверную силу Кащею, — гаварить. — А то, — гаварить, — вси тыцины по целавецьей галавине, а то и будет и твая.

... Ён ехаў, ехаў. Ну, заехаў-таки. А ён стаить на дороге:

«Э-э, Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь, заяжжай ко мне, паворим».

Не хатеў. Ну, вскакиў на двор, ён яво и залажиў: «Ну... будем теперь беседовать. А куда едешь? А, Настасею-прекрасею, прекрасную дявицу хошь застать?» Ланно. *(Вот первую ноць перенацвали)*.

«Вот тябе, — га-рит, — три нóци. Если ты скрыешся от мене, то пасдешь, а не скрыешься, то, — гаварить, — есть на каждой тыцине по целавецьей галавине, а на аннýй нету, то твая галава будет там сторнута».²

Что ж это? Он тут задумашся. Ланно. Ноць падходит, он пашёў да в эту... в море лёг в эту *(в раки...)*, такие эты, как их, — ракúшки. Абярнуўся ракушкою да и ляжть, ли с краю, и ляжть в море. Ён встает, бяреть книжку, цитает: «Слуги май милые, слуги верные, *(там он)*, идите, вазьмите — вот ляжть в море *(в раки...)*, в ракушке этой ляжть, — г-рит, — Иван-дурацёк». Пришли:

— Ты?

— Я, — ну, идеть.

— Ну, что?

— Ну, что ж, — гаварить, — ня скрыўся.

Ну апять аны гуляли там, пили да и гуляли. Втарая ноць идеть. Ну, втарая ноць идет. Тады ён апять пашёў скрываться. Ну, что ж, куды? Тады взяў да и — стаить дуб — ён ў кару, взяў закапаўся в кару, и ето, и ляжть. Ну, ён апять книжку бяреть: «Эй, идите, слуги май милые, слуги *(...)*, идите...» Ну, тады: «Идите, слуги май милые, вазьмите — в каре, — гаварит, — ляжть он». Пришли:

— Ты?

— Тут ляжу, да.

Ну, ланно... Пришёў.

— Вот тебе пасленняя ноць сроку. Галава будет твая на тыцине.

«Ну, и ланно, ишто ж ты будешь делать. Наверно, мая, — г-рит, — судьба тута». Ну, тады апять. Уже пагуляли, ноць паходить. Он... ну, что ж теперь, где скрываться. Ён взяў апять ў кару ту, паляжаў, паляжаў — не, надо идить. Пашёў да в хату сквозь стену пралез, иголкой абярнуўся — ён тоже мог

¹ «Каторяя пуп резала яму, пуп атрязала яму, как ён радиўся» (объяснение сказочницы).

² Воткнута, наколота.

варá[чаться], — да и протиў яво как раз — в пóтолок и вторнуўся. Ну, эта середь ноци он так делаў. Тады ён апять встать: «Эй, слуги май верные, слуги... Идите вот — ў каре. Идите — закапавшись, ляжить в карсе». Пришли тыи, рыли, капáли — ну, нигде нетути. Пришли, г-рит:

— Ну, нигде нет.

— Идите, капайте, видите — каре, — гаварить, — ляжить в каре, — и всё.

Ну пашли тыи. Капáли, капáли; апять нет. Тады ён: «Вот праклятый, — гаварит, — ты — Кащей несмртный». Блясь яму на тарелку — иголка, абярнуўся дабрым маладцом:

— Во где я сядей.

— Ну, — гаварит, — щасье тваё, што ты..., — г-рит, — а то б *(на)* тваей, — г-рит, — на этой тваей галаве, — гаварит, — на тэй тычине.

Ну, угастиў ён я [во], делаў. Аттуль заяжжает.

— Настасея-прекрасея, я ва[m] и путь пакажу.

— Ну, ланно, праклятый, если пайдеть, — гаварит, — пайдеть Настасея-прекрасея, штоб ты ей слова не сказаў, а то с зямле змяту тябе, — гаварить.

Ну... Сам паехаў, заехаў, ехаў, заехаў к бабушке там такей: «Ну, куда ж едешь?» А вот так и так. «Ну, ланно. На тябе, — гаварит, — *(..)*. Канька дала ана яму и *(ще..)* и дала какую-то шшётку, знать. «Те будеть нападение, ты это кидай сзаду», — гавбрить.

Та ён апять паехаў, заехаў к другей. Тая дала яму катка: «Вот, — гаварит, — пайдёшь, в такие цасы, ён пайдеть в ком [нату], вси будут спать, там их мног красавиц, а яна на самой занней, — гаварит, — будет ляжать, Настасея-прекрасея». *(Ну, при..)*. А как же живый вады и мярт[вый] дастать?

Ну, ён апять паехаў это, каня взяў, зарезаў, кишки выпустиў, сядить сам в кишках. А вароны лятають, а вараняты: «Мам, свежее мясо! Крык, крык, свежее мясо!» А ворон: «Детки, стуба³ наша». А яны все анно как ни лятають, но мяса смерть хотят свежево паклявать. Так, яны как сели, так ён цап варанёнка. Вот г-рит: «Дастанеш живый вады и мяртвый, атдам варанёнка, а не достанеш, не атдам». Тады ён: «А как там дастарь, там же ж ведь старажá, там же ведь и день и ноць старажат этый калодезь, где там вот живая и мяртвая вада».

— А как хошь.

Ну, тады ён взяў да и сшиў *(три мя..)* два мяшоцька: на живую и вот... ну, падвязаў ей, вороны, ана палятела. Она уже там в двянацать цасоў, которые заснули старажá. Так ён там гыркаў⁴ да делаў, гыркаў и пацернуў и принёс яму, прилятеў, принёс. Тады ён взяў эту ваду, взяў варанёнка и разадраў на пол...

— Эй-я, што ж ты мне сделай.

А ён памациў мяртвой вадой — тело наскацило, живый — пырх! — варанёнак палятеў.

— Ну, вот, тяперь лятите.

Ну, сам тады пашёу с катком туда. В ноць падходить, пашёу. Как придёт — ляжать такие красавицы! Кот панюхает, панюхает, дальше пайдёт. Апять, ну, што это. Все ишёу, ишёу на самое... Ана ляжить, красавица, кругом и свечи гарять, и такие *(..)* и всякое *(..)*. Ну, што ж. Ён там падабраўся к ей... (пауза по смыслу. — O. H.). Ну, што ж, ана гаварит: «Квас пиў, да и квасницу не закрыў». Ну, яна даганять. Ён сеу на каня и уяжжать! Каня сваво памациў этою и — уяжжать!

Ну там... была у яво..., што-то давали яны. Ён как кинуў, так сделаўся лес. Непрахадимый лес, ей никак не пралезь. Яна пакуль бегала, маstryроу этих нанимала, дорогу праделывали. Апять бягить, апять... это всё вдагронь за им.

А тады ён видить, што падганяют. Тады ён ти шшётоцьку ту... как кинуў, так сделаў рýку, ваду, *(что ей)*, ти море, нигде не перейдить. Ён апять паехаў. Ана пакуль там сабиралась, да и делала, уже замарилась, забегалася. Ну, ишла, знать, абдумала, што ты будешь делать: «Мне уже тяперь придется, верно, уже... — гав-рить. — А идить яво искать, жизни ряшать».

³ Гибель — от «сгубить».

⁴ Кричал по-воронни.

Шла-ишла. А ён-то ведь падъяжжает к этому Кашшею, няверному силе:

— Помни, если ты, только... пайдеть Настасея-прекрасея, прекрасная дявица, и если ты ей только худово скажешь, то я тебе, — гаварит, — и с зямле смяту, больше жизни тваей нет.

— Нет, — га-рит, там он яво назваў как по атечству, — Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь, я яшшо на путь наставлю яе.

Ну, ён так как. Ну, яна не зайдла к яму. Тады идеть. Ехаў, гарнастай этый ляжить: «Ну, вот щасливо табе, я, — га-рит, — ей путь яще укажу, тваей Настасея-прекрасея».

Ну, што ж. Приехаў дамоў ён. Яна уже цисто замарилася, все бегши, эта Настасея-прекрасея, сюда, к цáрю к этому. Приехаў, а тут напала баба-яга, кастяная нага, с тóго свету ездить, а яна радня етой... царевни. Зато а[на]: «Дай паляванье! Где этый Иван-дурак?» Вот... и бьет: «Дай!» — вають и всё. Едеть на зялезнай ступе с тóбо свету и вають.

Тады он гавбрит: «Завязите вы мене туда, к тый наре, аткуль ана ездить». Взяў палку-булавку, сделаў такую харошую. Яна как ездила, ён как тяпнуў, так яна как пакатилась на тот свет и ня помнила как, ужу три дня спáла. А етый... тады ён, что ж, как это сумка ж палятела туда у яго, как это ён туда... Пашёў ён тоже искать яе туда. Што ж это — паглядеть на тот свет, што ж это там делают люди. Шёў-шёў, приходить: девка красны ткеть, на адин бок кинеть — салдат з ружьем; [на] другой бок кинеть — конь с сядлом.

— Што ты делаешь?

— Матка, — гаварит, — ездила на палеванье, — г-рит, — кто-то даў ей такое патыкалье,⁵ ляжить третий день, — гаварить, — спить, не прасыпается.

— Ну... А пайдёшь замуж за мене?

— Пайду, — гаварит, — пайду.

Ну, ён пашёў. Надо ж паглядеть, што тут делается на этом свете. Пашёў дальше. И другая девка так делаеть. Как, г-рит, кинет — конь с сядлом, на другой — салдат з ружьем.

— Што ты делаешь?

— Матке силку тку. Матка была на палеванье, вот третыи сутки не встает, как дали патыкалье.

— А вот пайдёшь за меня замуж?

— Пайду. Вот, — гаварит, — кагда пайдёшь. *(Навар...)*, — ана знала, што дажидала каво-то *(...)*, наварила пива, — вот боцьки стаять, па левой⁶ стрóне — это сильное пиво, а по левой боцьки — это бяссильное пиво.

— Аны, гаварит, как...

Ну, так ана прасыпла:

— А-а-а, я тебе дажидала в гости (фраза интонационно выделена. — О. Н.). Я ведь пивца наварила, — ана на яво.

— Ну, што ж, наварила, — гаварит, — будем гастить.

— Ну, так и будем и драться, — гавбрить, — кагда ты приехаў ў гости ко мне. Ну, напьём пивца.

А яна взялá, девка эта, перекатила пиво это: на эту сторону — крепкое, а на тое — слабое. Ён как выпиў там кружку, ти две — нямного. Ана как палавину боцьки выпила — аслабела, што всё. Как раздулб яе. Ён яе сбиў чисто.

— Нет, будем атдыхать.

— Ну, будем атдыхать.

А яво сила яшё дўжей стала, как ён выпиў сильное пиво, такое сильное. Ну, выпили. Атдыхнула, апять драться.

— Давай яшшо пивца напьём.

Ана как пйнула,⁷ так боцьку тую дапилá. Ён выпиў там кружки две, апять яшшо сильней... Сбиў яе, убиў, убиў эту бабу-ягу. «Ну, пайду ж теперя, —

⁵ «Дать патыкалье» — побить, от «тыкать».

⁶ Нужно: на правой.

⁷ Т. е. выпила.

палку в руки взяў, — пайду по свету прайду там, што делають — где скацуют, где пляшутъ, а где плачутъ горьким слязам».

— А што ж вы плачете?

— А вот напала птица нагая, — гав-рит, — лятаеть и по целавеку каждый день зъядаетъ. И как хошь...

— Ну, — гаварит, — а вы знаете про белый свет?

— Не, — гав-рит, — никто ня можем знать про белый свет.

Ну, ладно. «Звядите вы меня, — гаварит, — туда, где ана... Я, я целавек цюжестранный, всё равно, пусь ана мене зъись». Ён пашёу, ана придётъ, эти... идётъ... уже целавека ей (этот)... Он ей как тяпнуў межи вух, так ана вярсту, вярсту полную пяшком ишла, не магла улятеть. «Ну, — гав-рит, — теперь к вам больше не пайдётъ, ня бойтесь, — гав-ритъ».

Ну, апять пашёу он там по свету, и дальше апять тутотка падходит ноць, и этым другим надо апять, апять же целавека. Апять плачутъ еты:

— Вот напала нагая птица лятаеть и по целавеку зъядаетъ.

— Ой, — гав-рит, — звядите вы мене, — гав-рит, — звядите вы мене, — гав-рит, — я целавек цюжестранный, — гаварит, — и звядите вы мене, — гаварить.

Ну, ланно. Звяли аны (яво). Апять ана лятыть, идётъ. Так ён яе как даў апять, так ана уже две вярсты пяшком ишла. Всё — не магла уже (...). «О-о, — гав-рит, — разве ты это можно делать. Ну, — гав-рит, — теперь к вам не пайдётъ». И третий раз так ён тоже, тоже так пабыў. Ну, тады што ж.

— Знаете про белый свет?

— Не, — гав-рит, — ня знаем.

Ну, ладно. А у яво сумка там спущена, и яны... када затропаетъ⁸ он, то браты патянутъ. А ён г-ритъ: «У меня жена ёсь. А это красавицы, девки красивые дуже. И вазьму это (сястрям) братам по жёнке, пусь тянуть». Да взяў боцьку сильную пива, вставиў, это всё.

Аны тянули, тянули, тыи тяжко тянуть. Ну, вытянули — ох, какие красавицы девки! Теперь он... Это не падумали, што это ён (пя...) это после пришла, што это ён тут всё сидеў в этой наре. Гав-ритъ: «Аннаму будеть, а другому не». (Возь...). Боцьку эту аны взяли, девок... «Пусь, встянем на палсвета та и пустим — он убьется, а нам будет по жёнке, вот этих».

Аны тянули, тянули на пулсветя, тады взялъ да пустили. Так сумка та как палятела, так ён и убиўся до смерти. И ляжить. А там ахотник ходил по этому, по том свету: «Што ж такое это? — паглядить. — Нямножко будто светить и сумка, целавек ляжить (замедленный темп, недоумение. — О. Н.). Это не простой целавек». Тады он паглядеў: и живая вада и мяртвяя вада, две бутылоцьки взято у яво. То он взяў этый мяртвый вадой яво памаций — (он) тело наскацило: живой...

— О-о, как я, — гав-рит, — заснуў.

— Да, — гав-рит, — ты заснуў навек.

— Ах, браты, браты, — гаварить, — што наделали. Эта ж мнё так браткай наделали. Я им (...) добра, а ён мне зла.

Ну, што будешь делать.

— Знаешь ты, у гав-рит, — ахотник, знаешь ты белый свет?

— Нет, я ня знаю. А ёсь у нас, — гав-рит, — птицька такая, што яна знаетъ, — гав-рит, — ана знать про белый свет. Ана тут, диво, села вот только, — гав-рит, — в дни эти не лятыть. А то, — га-рит, — ана, — эта, которая зъядала людей, — а то ана, яна, — га-рит, — знаетъ.

Тады аны стали всіх маниТЬ. Он тут... Да царь этый стаў этый... Цáря ён падмаладиў: стал маладэй, быў старый. Стaў яго, их всіх сабраў. Всі — никто ня знаетъ: «Ня знаем, ня знаем, ня знаем». Тады ана после лятыТЬ.

— Знаешь про белый свет?

Яна стаяла, ста[яла]:

⁸ Задергает.

— Не, ня знаю. Только нясла матка мене ў жопе, в яйце, и гаварила: «Доцюшка, во где белый свет». Только э[то] помню.

— А-а, значит, штоб этово целавека на тот свет падставила.

Ну... Ну, ланно. Тады он и гаварить: «Бей тута этих (птиц, животных — на еду. — *O. H.*), ана мясная». Караб целый набили. «Ана тебе павязеть и по вады, по нем, ана вывезетъ, — гаварить». (*Взяли*). Набиў ен целый караб. Все мяса наклаў, наклаў, сам сеў пасяред. А яна палятела, павязла. И все. И там и в ваду, все савсим будто тапить, а все ня ўтопить. Эта яна все сядрилась, яна узнала, што это ен яе биў. Ну, вязла, вязла: «Видишь белый свет?» Ен га-рит: «Не, ня вижу». А уже (*вганю*) уже видит нямножко, виднееть, нямножко виднееть. Ну, што ж. Едеть тада — ух! — на берег вытянула. Ен увидеў белый свет.

— Фу, как я нонешний год здаровье утеряла. Вот это ж ты мене биў, — гавбрить.

— А што ж ты, — гаварить, — делала, ты же, — гаварит, — людей зъядала, разве можно так делать, — гавбрить.

Да, пашли яшшо... Што ж? Рот разинула — нет. Так ен взяў да икры вроде вырезаў сабе, с адной наге, — да ей в мялицу, да и с другой... Гаварит:

— Какое ты мне мясо даў сладкое напасслед.

— А што делать. Я вижу, што не давязла ты, а мяса концилося.

Так ана как выкархнула, ен приставиў, вадэй так памациў — все прижил. Распрастались, разъехались. «Я, — гаварит, — делать больше ня буду, людей ись».

Он уже приходить, тут у яго два сына радилюся, пакуль он там странствоваў. Уже састряают яво, (*а сынам*) а братам простиў, это все.

— Што ж, — гаварит, — я, (*мы*) вы ж видели, што у мене жана есть. А вы?

— Ну, мы это ня думали, есть ли нет, ня знали. Мы самы, — га-рит, — переживали. Ты нам прости, брат, што мы так наделали.

Ну, и вси стали жить, паживать и добра наживать. И сказка вся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Сарока». Уникальная, искусная в композиционном отношении контаминация новеллистического и волшебного сюжетов. Первый восходит к циклу сказок о мудрости царя Соломона. Возможно, произвиде «Дитятка-Саломка» является народной трансформацией по фонетическому сходству бильского имени. Подобные случаи встречаются в сказках этого сюжетного типа: например, в тексте «Соломенный царь» (см. Песни и сказки Пушкинских мест Фольклор Горьковской области Л, 1979 Вып. 1 С 194—196) при отсутствии самого имени Соломона номинация мотивирована так же ребенок подброшен в солому. Непосредственно сюжет о «сорокиных детях» (вариант международного сюжета «спор о детях») не зафиксирован в издании Справительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка Л, 1979 (далее сокращено ВС). Мотивы обличения развратной матери младенцем в ее чреве и детства царя Соломона — первая часть сюжета «Царь Соломон и его неверная жена» (ВС, 920). Сходные смоленские варианты см. Добровольский, № 31, 32. Сюжет о «сорокиных детях» образует композиционное кольцо сказки в финальном мотиве пересчета орехов — разоблачения (см., например, вариант сюжета «Безручка» в кн. Народные русские сказки А. Н. Афанасьев. В 3 т. М, 1985 Т 2 № 280, далее сокращено Афанасьев, том, страница или номер текста) повторена завязка. В середине сказки не исчерпанный до конца сюжет о царе Соломоне через мотив «палки-булавки» трансформируется в волшебный, редкий на русской почве, сюжет «Юноша служит пастухом у слепых старика и старухи» (ВС, 321). В отличие от известных науке вариантов (Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова М, Л, 1961 С 356 — пересказ, Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке /Подред. и с коммент. Л. Г. Барага Уфа, 1975 № 9) у М. И. Патриковой дана героическая интерпретация этого сюжета — змееборство в варианте Никифорова герой борется с Бабой-Ягой, в сказке, опубликованной Барагом, — с чертом.

2. «Каровушка-бялонюшка». Не отраженная в ВС контаминация сюжетов «Чудесная корова» (ВС, 511) и «Чудесные дети» (ВС, 707). Их соединение усиливает атмосферу диковинности и чудесности в сказке. По своему образно-стилистическому строю эмоциональности — это, наверное, самая яркая сказка М. И. Патриковой. «Каровушка-бялонюшка» с исчерпывающей полнотой сохраняет сказочную обрядность и ритмико-интонационную цельность. Интересен мотив диковинок и его формульность.

3. «Суций сын». Вариант героического сюжета «Бой на калиновом мосту» (ВС, 300А). Сюжетные ходы сказки в основном изложены схематично, за исключением трех ночей самого боя, изображение которых совершенно по исполнению. Детали разработки мотива чудесного рождения (беременный повар) близки смоленскому варианту Добровольский, № 7. Отсутствует обычный для данного сюжета момент соревнования между братьями; старшинство «суцьего сына» никак не мотивировано, со змеями

он борется один — братья даже не выходят по очереди караулить. Нет эпизодов с оборотничеством змеиных жен, потеряны сюжетные линии сватовства героев.

4. «Сивец-бурец». Вариант популярнейшего сюжета с традиционной контаминацией: «Сивко-Бурко» (ВС, 530) и «Свинка, золотая щетинка» (ВС, 530А). Уникален начальный мотив сказки — похороны отца. Заслуживают внимания: мотивировка появления трех жеребцов — кражи у богатыря; родство всех чудесных персонажей.

5. «Ляксеイ Гаремыка». Некоторое сходство с сюжетом «Неверная жена» (ВС, 318). Эпизод получения волшебных предметов восходит к сюжету «Обманутые черти» (ВС, 518). Образ Ляксея Гаремыки типологически схож с героям сюжета «Пойди туда, не знаю куда» (ВС, 465А): Бессчастный стрелок; Бездольный; Горе-горянин; Данило-дворянин и др. Сходна и структура формул, характеризующих героев этого типа: «Жил он у семи погов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого» (Афанасьев. Т. 3. С. 278). Сказка осложнена мотивами легендарными: христианская оценка персонажей («царь-дабрудитель»); святой Микола в роли волшебного помощника; упоминание «антихрицкого царства». Некоторые повествовательные моменты остаются непроясненными: появление «батырского кремешка»; характер мести Ляксея Гаремыки; упоминание собаки Карнауха, калинова моста. Сказка, особенно в первой половине, отличается ярким языком образных формул, ритмизованных и часто украшенных рифмами.

6. «Про божию матерь». Довольно редкий в русской традиции сюжет «Крестница богоматери» (ВС, 710). Характернейшее отличие варианта М. И. Патриковой — сказочная мотивировка действия: «Атдай мне, чего дома не знаешь» (см., например, в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая»: Афанасьев. Т. 2. № 234).

7. «Млад юноша». Вариант легендарного сюжета «Кумова кровать» (ВС, 756В). Своеобразна завязка действия: продажа души ребенка черту за пляску сразу после родов. Возможно объяснение этого мотива спецификой местной демонологической традиции, в которой черт часто предстает скрипачом, покровителем пляски и инструментальной музыки. В данном варианте во многом усиlena роль героя как орудия спасения грешников: «причащает» разбойников; путь спасения мельника подсказывает именно он.

8. «Настасея-прекрасея». Контаминация нескольких сюжетов. Эпизод с Кащеем напоминает сюжет «Елена Премудрая» (ВС, 329), мотив погони Настасеи-прекрасеи — «Бегство с помощью чудесных предметов» (ВС, 313Н), пребывание героя в подземном царстве — «Три подземных царства» (ВС, 301А, В). Сказка не обладает сюжетно-композиционной цельностью, но ее образный и интонационный строй соответствуют лучшим сказкам Патриковой.

БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВАЦКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ ПО ФОЛЬКЛОРУ

Предлагаемая подборка представляет собой продолжение работы по учету библиографических пособий по фольклору, выходящих в зарубежных странах.¹ В настоящем списке даны основные библиографические указатели, опубликованные на территории Словакии. В данной публикации не приводятся многочисленные библиографические указатели текущей литературы, печатавшиеся начиная с середины 1950-х гг. в журнале «Slovenský národopis» Рудольфом Жатко и Миладой Кубовой. Весь материал, зафиксированный в названных журнальных публикациях, позднее вошел в фундаментальные фольклорно-этнографические указатели этих же авторов (см. № 19, 30, 33, 37, 38). Там же в разделе «Библиография» при необходимости читатель сможет найти указания на данные ежегодные списки текущей литературы. К сожалению, во второй половине 1980-х гг., как показал специальный просмотр журнала «Slovenský národopis», эта столь нужная науке традиция ежегодных публикаций списков фольклорно-этнографической литературы прервалась. Последнее пятилетие, таким образом, оказалось в словацкой этнографии не охвачено библиографическими пособиями.

В настоящей публикации опускаются также многочисленные указатели-персоналии, регулярно в связи с юбилеями ученых появляющиеся на страницах «Slovenský národopis», «Národopisné aktuality» и других изданий. Сведения о персональных библиографиях словацких этнографов и фольклористов читатель найдет в тех же указателях М. Кубовой и Р. Жатко. Не включен в настоящую подборку и ряд других материалов, не представляющих для русской аудитории большого интереса.

Представленный материал расположен в хронологическом порядке и завершается изданием 1989 г. (см. № 38). В квадратных скобках дается перевод заглавий на русский язык. Далее следует краткая аннотация. Звездочкой (*) отмечены работы, отсутствующие в библиотеках Санкт-Петербурга.

1. Žatko R. Register «Národopisného sborníka». 1—11 (1939—1952) // Slovenský národopis. 1954. R. 2. N 3—4. S. 410—420.
[Указатель к изданию «Národopisný sborník»].
2. Slovenská hudobná tvorba. 1945—1954. Bratislava, 1955. 113 s.
[Словацкое музыкальное творчество].
Раздел: Обработки народных песен и танцев.
3. Michálek J. Diplomové práce s národopisnou a folkloristickou tematikou na filozofickej fakulte UK r. 1959 // Slovenský národopis. 1960. R. 8. N 1. S. 165—166.
[Дипломные работы по этнографической и фольклористической тематике, выполненные на философском факультете Университета им. Я. Коменского в 1959 г.].
- 4.* Kováč M. Naša l'udová slovesnosť. Martin, 1961. 2 s.
[Наша народная словесность].
- 5.* Repčák J. Súpis literatúry o ukrajinských l'udových piesňach na Slovensku a v Zakarpatskej Ukrajine. Prešov, 1961. 3 s.
[Список литературы об украинских народных песнях Словакии и Закарпатской Украине].
- 6.* Potúček J. Slovenská hudobno-folkloristická literatúra (Výber bibliografie za roky 1823—1961). Bratislava, 1962. 38 s.
[Словацкая музикально-фольклористическая литература: Избранная библиография за 1823—1961 гг.].
- 7.* Žatko R. Výberová bibliografia l'udovej kultúry Karpatskej na Slovensku. Martin, 1962. 59 s.
[Избранная библиография народной культуры Словацких Карпат].
- 8.* Potúček J. Výberová bibliografia zo slovenskej hudobnovednej literatúry (1862—1962). Bratislava, 1963. 116 s.
[Избранная библиография словацкой музикоедческой литературы].
- 9.* Žatko R., Kubová M. Vecspý a menný register «Slovenského národopisu. 1—10» (1953—1962). Bratislava, 1963. 21 s.
[Предметный и именной указатель к изданию «Slovenský národopis»].
10. Repčák J., Potemra M. Histoória a národopis. Košice, 1964. 355 s. — (Bibliografia Východného Slovenská, 1945—1964; 10 zväzok).

¹ См.: Иванова Т. Г. Польские библиографические указатели по фольклору // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 411—416.

[История и этнография (Библиография Восточной Словакии, Т 10)]

В рубрике «Этнография» имеются разделы, касающиеся духовной культуры Семейные отношения, Обычаи и поверья, Народная словесность, Народная словесность украинцев Народные песни, Народные песни украинцев, Народный танец

Имеется именной и географический указатели

- 11 * *Višňovská-Rihová D Vyberova bibliografia narodopisnej muzeologickej literatúry 1945—1965 // Narodopisna praca v muzeach na Slovensku Martin, 1966 S 119—139*

[Избранная библиография этнографической музеологической литературы за 1945—1965 гг.]

- 12 * *Stano P Vyberova bibliografia narodopisnej literatúry Bratislava, 1968 78 s*

[Избранная библиография этнографической литературы]

- 13 *Stano P Bibliografia Liptova Knižna a článkova literatúra od najstarších čias do roku 1965 Martin 1968 797 s*

[Библиография о Липтовском kraе Книги и статьи с древнейших времен до 1965 г.]

В рубрике «Этнография Фольклор» имеются разделы Свадьба, Похороны, Народный танец, Фольклор, Повести, Народная вера, Народные игры, Народные песни

- 14 *Kolodziejek L Katalóg slovacikálnych kníh do roku 1918 Koligálnej knížnice v Prešove Martin, 1969 596 s*

[Каталог книг о Словакии, изданных до 1918 г., в собрании Коллекционной библиотеки в Прешеве]

См Систематический указатель на «Narodopis»

- 15 *Michalek J, Chlebana M Supis dizertacnych a diplomovych prac s narodopisnou tematikou, obhajených na filozofickej fakulte univerzity Komenskeho do r 1968 // Slovensky narodopis 1969 R 17 N 2—3 S 470—472*

[Список диссертаций и дипломных работ с этнографической тематикой, защищенных на философском факультете в Университете им Я Коменского до 1968 г.]

- 16 *Duchajová E Slovenská slavistiká 1968 Bibliografia Martin, 1970 336 s*

[Словацкая славистика 1968 Библиография]

В рубрике «Этнография» имеются разделы Общие вопросы, Болгарская этнография, Чешская этнография, Югославская этнография, Польская этнография, Русская этнография, Словацкая этнография Украинская этнография

- 17 * *Potúček J Slovenska etnomuzikológia v rokoch 1938—1949 (Antológia príspevkov a štúdií) Bratislava, 1970 130 s*

[Словацкая этномузикология в 1938—1949 гг Антология статей и исследований]

- 18 * *Potúček J Slovenska etnomuzikológia v rokoch 1950—1960 (Antológia príspevkov a štúdií) Bratislava, 1970 130 s*

[Словацкая этномузикология в 1950—1960 гг Антология статей и исследований]

- 19 *Kubová M Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960—1969 Bratislava 1971 194 s*

[Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1960—1969 гг.]

Разделы, относящиеся к народной духовной культуре Традиции и обычаи, Знания народа, Представления и верования, Народная словесность, Пение, музыка, танец

Имеются именной и географический указатели Библиография включает в себя работы словацких ученых по проблемам этнографии и фольклора словаков и по народной культуре других этносов, а также труды зарубежных исследователей по словацкой тематике

- 20 *Potemra M Krásna literatúra a jazykoveda Martin, 1972 1158 s — (Bibliografia článkov zo Slovenských novín a časopisov 1901—1918, 8 zväzok)*

[Художественная литература и языкоизнание (Библиография статей из словацких газет и журналов 1901—1918 годов)]

Разделы Народная поэзия, Народные повести и сказки

- 21 * *Potúček J Annotovaná bibliografia tlačených zbierok notovaných slovenskych ľudových piesni // Seminárium ethnomusicologicum Ustav hudobnej vedy SAV Bratislava, 1973 S 61—66*

[Аннотированная библиография печатных нотных сборников словацких народных песен]

- 22 *Gładyś M Polska bibliografia historii kultury ludowej Karpat za lata 1960—1967 // Ludowe stavitel'stvo v Karpatskej oblasti Bratislava, 1974 S 295—319 (Ethnographia Carpathica)*

[Польская библиография по народной культуре Карпат за 1960—1967 гг.]

В рубрике «Духовная культура и общество» разделы Устная литература, Народные песни, Обряды и обычаи

- 23 * *Muntag E Slovenská literatúra v hudobnej interpretácii Bibliografický supis ľudovej poezie, slovenských ľudových piesni a umelých poetických textov slovenských autorov v hudbe umelej v žanrovo-tematickom zoradení od najstarších čias do roku 1968 Martin, 1974 286 s*

[Словацкая литература в музыке Библиографический указатель народной поэзии, словацких народных песен и поэтических текстов словацких авторов, расположенный в жанрово-тематическом порядке от древнейших времен до 1968 г.]

- 24 *Stano P Literatúra // Slovensko L'ud Bratislava, 1975 Č 2 S 1135—1149*

[Литература]

Избранная библиография по этнографии и фольклору Материал расположен по алфавиту в трех разделах, не имеющих заголовий

- 25 *Štefanik J Bibliografia vydani slovenskych ľudovych rozpravok slovenskych zberatel'ov a slovenskych pohadek a povesti B Němcovej (1845—1974) Martin, 1975 367 s*

- [Библиография изданий словацких народных сказок и изданий «Словацких сказок и сказаний» Божены Немцовой (1845—1974)]
- Разделы Издания собраний словацких собирателей, Издания «Словацких сказок и сказаний» Б Немцовой, Основные теоретические работы
- 26 Beneš B Folklor a literatura (Vyberová bibliografie) // *Slavica Slovaca Bratislava*, 1976 T 11 N 4 S 428—438
 [Фольклор и литература Избранная библиография]
 Материал расположен в алфавитном порядке Учтены работы словацких, чешских и иностранных ученых, изданные как в Чехословакии так и за рубежом
- 27 * Ondrejka K Z literatury k inscenovaniu folklóru // Folklor a scena Zborník príspevkov k problematike stylizacie folkloru Bratislava, 1976 S 242—261
 [Литература по фольклорным инсценировкам]
 28 Ušák J Diplomové práce obhajené na katedre etnografie a folkloristiky FF UK v Bratislavě v rokoch 1975 a 1976 // Slovensky národopis 1977 R 25 N 2 S 352—356
 [Дипломные работы, защищенные на кафедре этнографии и фольклористики Университета им Я Комненского в Братиславе в 1975—1976 гг.]
- 29 Kubová M Register časopisu «Slovensky národopis» Ročníky 1—25 1953—1977 // Slovensky národopis 1978 R 26 N 1 S 169—232
 [Указатель публикаций журнала «Slovensky národopis»]
 Разделы см № 19
- 30 Kubová M Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1970—1975 Bratislava, 1979 421 s
 [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1970—1975 гг.]
 Разделы см № 19
- 31 Meleková M L'udova kultura v okrese Banská Bystrica (1945—1983) Regionalna bibliografia Banská Bystrica, 1983 50 s
 [Народная культура в районе Банска Бистрица (1945—1983) Региональная библиография]
- 32 Novohradská V L'udova kultura v okrese Považská Bystrica Regionalna bibliografia Považská Bystrica, 1983 20 s
 [Народная культура в районе Поважска Бистрица Региональная библиография]
- 33 Kubová M Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1976—1980 Bratislava, 1984 T 3 342 s
 [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1981—1985 гг Т 3]
 Разделы см № 19
- 34 Šipka M Vydatel'ska činnosť krajského osvetového strediska (KOS) v Banskej Bystrici vo vzáahu k tradičnej l'udovej kultúre // Slovensky národopis 1984 R 32 N 3 S 537—540
 [Традиционная народная культура в изданиях Краевого Просветительского Центра в Банской Бистрице]
- 35 Salzmann Z Bibliografia k dejinám Slovákov a Čechov v Rumunsku // Slováci v zahraničí 1985 T 11 S 181—212
 [Библиографические материалы по истории словаков и чехов, живущих в Румынии]
 Материал расположен в алфавитном порядке Учтены работы по истории поселений социологии, этнографии и фольклору
- 36 * Vyberová bibliografia k štúdiu súčasného scenického folklórizmu (1979—1984) // Folklor a festivaly Bratislava, 1985 S 145—154
 [Избранная библиография по проблемам современного сценического воплощения фольклорных произведений]
- 37 Kubová M Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1981—1985 Bratislava, 1986 T 4 356 s
 [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1981—1985 гг Т 4]
 Разделы см № 19
- 38 Stano P, Žatkó R Narodopisna literatura na Slovensku za roky 1901—1959 Martin, 1989 795 s
 [Этнографическая литература в Словакии за 1901—1959 гг.]
 Разделы, относящиеся к народной духовной культуре Обычаи, Знания народа Фольклор Устное народное творчество. Народная поэзия Народная песня (без напева) Народный театр Кукольный театр, Детский фольклор, Народная музыка Народная песня (с напевом), Народный танец
 Имеются именной предметный и географический указатели Библиография включает в себя работы словацких и чешских ученых о словацкой народной культуре, работы зарубежных исследователей о Словакии, труды словацких этнографов и фольклористов о других народах

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ ЗОИ ИВАНОВНЫ ВЛАСОВОЙ

1957

Фольклорные записи В. Г. Короленко / Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 186—219.

1958

Комментарии к статьям А. И. Герцена («Колокол», 1860): «Из Москвы», «Эпоха прогресса и гласности в России», «Палач Барановский», «Тверской вице-губернатор Иванов», «С.-Петербургские ведомости», «Омское красноречие», «Свистунов и Кашкин», «Сверхштатный член Шереметев», «Ковалевский призывал петербургских журналистов» // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 14.

1959

Фольклорные мотивы в рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.: Сборник статей. М.; Л., 1959. С. 279—285.

Из ранней деятельности П. И. Якушкина : (По забытым и неопубликованным материалам) // Русская литература. 1959. № 4. С. 195—197.

1960

О приемах композиции в частушке // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 231—246.

Этнографические интересы В. Г. Короленко. (По сибирским материалам) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 121—136.

1962

Коллекция лирических песен в собрании П. В. Киреевского (30-е гг. XIX в.) // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Вып. 7. С. 328—342.

1963

Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 132—155.

Фольклорно-этнографические интересы В. Г. Короленко 1880—1890-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 17 с. (Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР).

1964

Частушки [глава монографии] // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 149—193.

Современный фольклорный репертуар одного района (в соавторстве с А. Н. Мартыновой) // Русский фольклор. Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964. Вып. 9. С. 240—274.

1965

Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. Л., 1965. 496 с. с нотами. (Памятники русского фольклора).

1966

Текстологические принципы издания русских народных песен в начале XX в (по материалам «Новой серии» [П В Киреевского]) // Принципы текстологического изучения фольклора Л , 1966 С 37—71

Информационные заметки в журнале «Демос» о работах 1) Алексеева О Б Устная поэзия русских рабочих Л , 1966 Автореф дис канд филол наук, 2) Коллакова Н П Типы народной частушки Л , 1965, Частушки в записях советского времени (см выше) // Демос Берлин, 1966 Вып 1 и 2

1968

М Федоровский как фольклорист и этнограф // Русский фольклор Исторические связи в славянском фольклоре М , Л , 1968 Вып 11 С 277—296

Этнографическая деятельность В Г Короленко и ее общественное значение // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии М , 1968 Вып 4 С 13—30

Частушки для клубной сцены (Заметки о репертуаре) // Фольклор и художественная самодеятельность Л , 1968 С 90—121

Н А Костров [Вступит ст и примеч] // Литературное наследство М , 1968 Т 79 С 497—540

Д П Ознобишин [Коммент к текстам песен (в соавт с С И Минц при участии М Е Роговской)] // Литературное наследство М , 1968 Т 79 С 513—558

Обсуждение десяти выпусков «Русского фольклора» (Ленинград, март, 1968) // Русский фольклор Л , 1968 Вып 11 С 337—339

1969

Средства отражения действительности в частушке // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе Метод и мастерство / Тез докл II межвузовской научной конференции литератороведов Май, 1969 Вологда, 1969 С 17

1971

Частушка и песня (К вопросу о сходстве и различии) // Русский фольклор Из истории русской народной поэзии Л , 1971 Вып 12 С 102—122

Фольклорное наследие П С Богословского (Материалы пермского фольклора в архиве П С Богословского) // Фольклор и литература Урала / Тез докл , сообщ Пермь, 1971 С 69—71

Рец 1) Частушки / Предисл В Ф Бокова Вступит ст , подгот текста и примеч В С Бахтина М , Л , 1966, 2) 1000 частушек Ленинградской области / Сост В С Бахтин Л , 1968 // Русский фольклор Л , 1971 Вып 12 С 239—295

1972

К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор Русская народная проза Л , 1972 Вып 13 С 194—201

Устный репертуар и исполнители Хвойнинского района Новгородской области // Русский фольклор Л , 1972 Вып 13 (В соавторстве с В В Коргузловым) Л , 1972 С 238—241

Результаты экспедиций в Новгородскую область в 1969 г // Русский фольклор Вып 13 С 270—271 (в соавт с В В Митрофановой)

«Сибирская тетрадь» / Примеч (в соавт с И М Юдиной) // Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т Л , 1972 Т 4 С 310—323

1973

Из архива О Д Форш (Письма М М Пришвина и Вс Иванова) // Русская литература 1973 № 2 С 185—188

Письма В Я Шишкова к П С Богословскому // Русская литература 1973 № 4 С 146—152

К 100-летию О Д Форш Научная сессия в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 21—22 мая 1973 г // Русская литература 1973 № 4 С 232—236

Фольклор Севского района // Народные песни Записи О А Славяниной Сб Брянск, 1973 С 3—8

Неизвестные письма Вячеслава Шишкова // Литературная Россия 1973 14 сент

Из неопубликованного и забытого О Форш Шимка и Степа [Заметка и публикация текста] // Литературная Россия 1973 25 мая

Из неопубликованного и забытого В Шишков На Лене Море зеленое [Заметка и публикация текстов] // Литературная Россия 1973 5 окт

1974

К вопросу о поэтике подлюдных песен // Русский фольклор Проблемы художественной формы Л , 1974 Вып 14 С 74—100

1975

Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штуценберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 354—370.

Письмо Н. К. Михайловского к М. М. Лисицыну. [Вступительная заметка и подготовка текста] // Русская литература. 1975. № 2. С. 191—194.

1976

Русские и болгарские припевки к гаданию // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 95—119.

В. И. Даль // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX в. Л., 1976. С. 338—359.
А. Ф. Писемский // Там же. С. 384—406.

1977

С. Н. Сергеев-Ценский. Письма к Л. Я. Гуревич. [Вступит. заметка, подгот. текстов и примеч.] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 186—195.

1978

Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 64—83.

1981

Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Мирлобова [с публикацией статей: «Путь Иоанна Грозного» и «Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного»] // Русский фольклор. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. Вып. 20. С. 107—157.

Статьи о стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Атаман», «Воля», «Колокол стонет», «Русская мелодия», «Песня (Что в поле за пыль пылит)», «Казачья колыбельная песня» и др. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Русский фольклор в иноязычной среде. [Рец. на сб.]: 1) Зялёныя моя вишенка : Собрание песен липован, проживающих в Румынии / Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978; 2) Фольклор семиреченских казаков / Сост., вступит. ст. и примеч. М. М. Багизбаевой и А. Б. Абдуллиной. Алма-Ата, 1977, 1979. Ч. 1 и 2 // Русский фольклор. Л., 1981. Вып. 21. С. 195—198.

1982

П. И. Мельников-Печерский // Литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 94—130.

К вопросу о традиции в фольклоре. («Старина о большом быке» в свете историко-этнографических данных) // Русская литература. 1982. № 2. С. 168—181.

П. И. Якушкин на педагогическом поприще : Материалы к биографии (в соавт. с О. В. Анкудиновой) // Русская литература. 1982. № 4. С. 122—126.

1983

Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи П. И. Якушкина / [Вступит. ст., подгот. текстов, comment. и указатели]. Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1983. Т. 1. 342 с. (Памятники русского фольклора).

П. И. Якушкин в 1840—1850-е гг. // Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 9—36.

О влиянии поэтических традиций скоморохов в фольклоре Чайковского района Пермской области // П. И. Чайковский и Урал. Ижевск, 1983. С. 75—85.

Фольклорные материалы в архиве П. С. Богословского // Фольклор Урала: бытование фольклора в современности: Сб. науч. тр. Свердловск, 1983. С. 147—156.

1984

О принципах публикации современных песенных записей // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Вып. 22. С. 107—120.

Севские частушки [Предисловие] // Севские частушки. Записи О. А. Славяниной: Сб. Тула, 1984. 143 с.

1985

Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Русская литература. 1985. № 2. С. 113—127.

Письма Е. И. Елагиной к И. С. Аксакову [Вступит. заметка, подгот. текста, примеч.] // Памятники культуры. Ежегодник на 1983 год. Л., 1985. С. 44—66.

1986

Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи П. И. Якушкина / Предисл., подгот. текстов, коммент., указатели. Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1986. 326 с.

Полезное издание песен рабочего класса. (К 80-летию Первой русской революции. Рец. на сб.: Сто песен русских рабочих / Сост. П. Г. Ширяева. Л., 1984 // Русская литература. 1985. № 4. С. 183—187.

1987

Скоморохи и фольклор // Русский фольклор : Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Вып. 24. С. 44—64.

«Привлекавшийся по делу...» : (К 150-летию А. А. Котляревского) // Русская литература. 1987. № 2. С. 137—152.

В. Г. Короленко // Русская литература и фольклор. Конец XIX в. Л., 1987. С. 305—333.

1988

Скоморохи и сказка // Русская литература. 1988. № 2. С. 58—76.

А. А. Котляревский в Праге // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 291—306.

1989

Скоморохи и свадьба : (К вопросу об эволюции отдельных моментов обряда) // Русский фольклор. Л., 1988. Вып. 25. С. 23—37.

Скоморохи и волочебничество // Русская литература. 1989. № 2. С. 22—40.

А. Ф. Гильфердинг // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. С. 560—561.

1990

Письма А. А. Котляревского к О. Ф. Миллеру // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 81—103.

К вопросу о генезисе обходных календарных формул // Дети и народная культура. Четвертые Виноградовские чтения: Тез. докл. Новосибирск, 1990.

1991

Принципы текстологической работы А. Ф. Гильфердинга (по записям и изданиям его «Онежских былин») // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Вып. 26. С. 22—38.

Письма А. Ф. Гильфердинга к А. В. Плетневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 130—135.

1992

Новое о А. Ф. Гильфердинге. (К 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1992. № 1. С. 60—72.

1993

Скоморохи и календарно-обрядовая поэзия / Русский фольклор : Межэтнические фольклорные связи. Л., 1993. Вып. 27. С. 148—164.

Скоморох // Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.

1994

Ерш Ершович : Возможные истоки образа и мотивов // Тр. Отд. древнерусской литературы. СПб., 1994. Т. 47. С. 250—268.

П. М. Перевлесский. Письма к Ю. В. Жадовской / Публикация З. И. Власовой // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 157—188.

1995

Песни, записанные П. В. Киреевским / Ст. и примеч. З. И. Власовой. Публикация В. Л. Кляуса // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 51—56.

Песни, записанные П. И. Якушкиным / Ст., публикация и примеч. З. И. Власовой // Там же. С. 69—77.

1996

Письма А. Н. Афанасьева к П. А. Ефремову. Приложение // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. М., 1996.

Похороны дударя : Песня и обряд (в соавторстве с М. А. Лобановым) // Экспедиционные открытия последних лет: Сб. статей. СПб., 1996.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА¹

1954

Указатели // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М., 1954. С. 450—487.
Рец.: По следам древнерусской культуры [По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953] // Вечерний Ленинград. 1954. № 1. С. 3.

1955

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву // БСЭ. 2-е изд. Т. 33. С. 349.
Пролог // БСЭ. 2-е изд. Т. 35. С. 32.

1956

Новгородская третья летопись. (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 236—262.

II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы // Там же. С. 647—650.
Рец.: Вопросы древнерусской литературы в «Очерках истории исторической науки в СССР». М., 1955. Т. 1 // Известия ОЛЯ. М., 1956. Вып. 6. С. 541—545.

1957

Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (обзор списков) // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 282—297.

Совещание по древнерусской литературе // Славяне. М., 1957. № 7. С. 62.

1958

Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 251—283.
Новгородские местные летописцы // Там же. С. 364—370.

Новгородское летописание XVII в. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958. 23 с.

Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 147—153.

Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь? // Вестник ЛГУ. 1958. № 8. Сер. ист. яз. и лит. Вып. 2. С. 166—170.

Отрывок славянской служебной Минеи XI—XII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 432—435.

Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива // Там же. С. 418—423.

Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. М., 1958. Вып. 1. С. 91—97. [В соавторстве с А. Н. Робинсоном].

Русская литература на Четвертом Международном съезде славистов // Русская литература. Л., 1958. № 4. С. 239—248. [В соавторстве с другими].

¹ 5 июля 1995 г. исполнилось 40 лет работы С. Н. Азбелева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, а 17 апреля 1996 г. — 70 лет со дня его рождения.

Принятые сокращения:

БСЭ — Большая советская энциклопедия.

Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского университета.

Вестник МГУ — Вестник Московского университета.

Demos — Demos. Ethnographische und folkloristische Informationen.

Известия ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 515—516.

Рец.: Описание ценной коллекции рукописей [Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей Гос. Архива Ярославской области XVI—XX вв. Ярославль, 1957] // Исторический архив. М., 1958. № 5. С. 213—215.

1959

О художественном методе древнерусской литературы // Русская литература. Л., 1959. № 4. С. 9—22.

Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228.

Дискуссия по проблемам древнерусской литературы // Вестник АН СССР. М., 1959. № 8. С. 116—117.

Четвертое Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. М., 1959. Вып. 6. С. 549—554.

[Обсуждение вопросов археографии] // Вопросы языкознания. М., 1959. № 5. С. 149—150.

1960

Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.

Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270—287.

Об истолковании двух известий Повести временных лет: (К болгаро-русским отношениям в Х в.) // Исследования в честь на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 235—241.

IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 653—654.

1961

Памятники древнерусской письменности в хранилищах Болгарии // Исторический архив. М., 1961. № 2. С. 208—212.

К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 336—337.

Фольклор Мезени богат и интересен // За боевые темпы. Лешуконское Архангельской обл., 1961. № 71. [В соавторстве с В. В. Коргузловым].

Сохранять и умножать фольклорные богатства Севера // Там же. № 83. [В соавторстве с В. В. Митрофановой].

1962

Новгородские былины и летопись // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 44—51.

[Выступление по докладу К. Стифа «Взаимоотношения между русским летописанием и русским народным эпосом】 // Четвертый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 25—26.

Экспедиция по собиранию народного творчества // Новый путь. Бабаево Вологодской обл., 1962. № 42. [В соавторстве с Н. В. Новиковым].

Ред.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 61—69, 76—77, 79—179. [Отв. редактор В. В. Виноградов].

1963

Летописание и фольклор // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 3—28. (Русский фольклор; Т. 8).

Реализм и древнерусская литература // Русская литература. Л., 1963. № 1. С. 45—78.

Какви са съвременни задачи на фольклористиката в проучването на проблемата за взаимоотношението между народното поетическо творчество и литература (фолклора и старата, средновековна литература и новата литература) // Славянска филология. Материалы за V Международен конгрес на славистите. София, 1963. Т. 2. С. 286—287.

Може ли да се определи художествият метод на старите славянски литератури с познатите литературно-теоретически категории // Там же. С. 75—77.

Примечания [к публикации неизвестных писем В. Ягича к А. Н. Пыпину] // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 378—380. (Русский фольклор; Т. 8).

Фольклорная экспедиция Пушкинского Дома в 1961 г. // Советская этнография. М., 1963. № 1. С. 134—138. [В соавторстве с В. В. Митрофановой].

Ред.: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. 436 с. (Русский фольклор; Т. 8). [В сост. редколлегии].

1964

- Современные устные рассказы // Проблемы современного народного творчества М , Л , 1964 С 132—177 (Русский фольклор, Т 9)
 Обэтике титульного листа // Нева 1964 № 12 С 172—173
 Рец-аннот Народная поэзия славян М , Л , 1963 (Русский фольклор, Т 8) // Demos Berlin, 1964 J 5, H 1 S 94—97
 Рец-аннот. Русское народное поэтическое творчество Хрестоматия М , 1963 // Там же S 97—98
 Ред Проблемы современного народного творчества М , Л , 1964 331 с (Русский фольклор, Т 9) [В сост редактором]

1965

- Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность М , 1965 С 5—25
 О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих // Устная поэзия рабочих России М , Л , 1965 С 111—126
 Рец-аннот. Проблемы современного народного творчества М , Л , 1964 (Русский фольклор, Т 9) // Demos Berlin, 1965 J 6 H 1 S 76—78
 Рец-аннот. Cislov K V Zur Frage der Klassifikationsprinzipien der Proza-Volksdichtung M , 1964 // Там же S 71—72 [В соавторстве с Н В Домановским]
 Ред Русские повести первой трети XVIII в / Исслед и подгот текстов Г Н Моисеевой М , Л , 1965 324 с [Отв редактор]

1966

- Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Специфика фольклорных жанров М , Л , 1966 С 176—195 (Русский фольклор, Т 10)
 Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР М , 1966 № 4 С 81—106
 Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора М , Л , 1966 С 260—302
 Родовая сага в Древней Руси (К русско-скандинавским фольклорным взаимосвязям) // Тезисы докладов Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии Тарту, 1966 С 166—167
 Журналпольских фольклористов [Literatura ludowa, 1957—1964] // Советское славяноведение М , 1966 № 4 С 78—81 [В соавторстве с В Б Вилинбаховым]
 Рец-аннот. Специфика фольклорных жанров М , Л , 1966 (Русский фольклор, Т 10) // Demos Berlin, 1966 J 7 H 2 S 309—310
 Ред Специфика фольклорных жанров М , Л , 1966 356 с (Русский фольклор, Т 10) [В сост редактором]

1968

- Куликовская битва в славянском фольклоре // Исторические связи в славянском фольклоре М , Л , 1968 С 78—101 (Русский фольклор, Т 11)
 Ред Исторические связи в славянском фольклоре М , Л , 1968 381 с (Русский фольклор, Т 11) [В сост редактором]

1969

- Летопись Петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» Сб статей к 90-летию Н К Пиксанова Л , 1969 С 261—265
 Фольклор восточных и южных славян о Куликовской битве // Советское славяноведение Материалы IV конференции историков-славистов Минск, 1969 С 632—636
 Историческая основа былин об отражении татарского нашествия // Проблемы художественного метода, стиля и направления Материалы докладов М , 1969 С 37—38
 Устное героическое сказание и историческая реальность // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе Тезисы докладов Вологда, 1969 С 6—8
 [О международной классификации преданий и легенд] // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук М , 1969 Т 7 С 421—423

1970

- Литературные памятники Киевской Руси // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв) Л , 1970 С 20—35
 Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого Русского государства // Там же С 35—68
 Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре // Советское славяноведение М , 1970 № 6 С 50—57
 Об историзме устных героических сказаний Новгородской земли // Современное состояние народного творчества Тезисы докладов Л , 1970 С 33—34

Генетическая связь южнославянской песни о Куликовской битве и русского предания // VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu. Praha, 1970. S. 663—664.

[Выступление по докладам М. Башкович-Стулли, Э. В. Померанцевой, В. К. Соколовой и К. В. Чистовой — о соотношении преданий и легенд] // Там же. S. 495.

[Выступление по докладу П. Динекова «Общност и различия в развитието на старите славянски литератури»] // Там же. S. 332.

1971

Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Илья и Калин», «Камское побоище») // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 162—180. (Русский фольклор; Т. 12).

Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 53—74.

Две былины Сборника Кирши Данилова и южнославянский эпос // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. С. 45—46.

Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 35—48.

Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 110—117.

[Исторический комментарий 70-и сюжетам] // Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С. 302—306, 314—315, 326—335. (Памятники русского фольклора).

Фольклористика на VI Международном конгрессе славистов // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 274—275. (Русский фольклор; Т. 12).

Ред.: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. 324 с. (Русский фольклор; Т. 12). [В сост. редколлегии].

1972

Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русская народная проза. Л., 1972. С. 77—102. (Русский фольклор; Т. 13).

Предисловие // Там же. С. 3—5.

Былина о свержении татарского ига, ее источники и обстоятельства появления // Проблемы идеино-эстетического анализа художественной литературы: Тезисы совещания. М., 1972. С. 30—31.

Рец.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970 // Русская народная проза. Л., 1972. С. 291—294. (Русский фольклор; Т. 13).

Ред.: Русская народная проза. Л., 1972. 316 с. (Русский фольклор; Т. 13). [Отв. редактор].

1973

Алтайская версия былины о Сухане и Сказание о Мамаевом побоище // Эпическое творчество народов Сибири: Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1973. С. 41—42.

1974

К определению понятия «фольклор» // Русская литература. Л., 1974. № 3. С. 94—113.

Изобразительные средства героических сказаний : (К проблематике изучения) // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 144—163. (Русский фольклор; Т. 14).

Эпитеты героического сказания и фольклор XVIII—XIX вв. // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1974. С. 19—31.

Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 96—109.

О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Карагера. Л., 1974. С. 98—100.

Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 164—172.

Всесоюзная конференция по народной прозе // Русская литература. Л., 1974. № 4. С. 228—231.

Всесоюзная конференция «Проблемы теории фольклора» // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 277—281. (Русский фольклор; Т. 14).

Рец.: Фольклор как искусство слова. [М., 1966; 1969] Вып. I, II // Проблемы художественной формы. Л., 1974. (Русский фольклор; Т. 14). С. 299—301.

Рец.: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971 // Там же. С. 301—302.

1975

Фольклор в системе общественного сознания // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 21—30.

Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV—XV вв. // Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. С. 77—92. (Русский фольклор; Т. 15).

Всесоюзная конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР» // Там же. С. 285—287.

1976

О типо-юридических соответствиях и исторических взаимосвязях в славянском эпосе // Советское славяноведение. М , 1976 № 4 С 64—75

Хроникат в древнерусском фольклоре // Историческая жизнь народной поэзии Л , 1976 С 135—151 (Русский фольклор Т 16)

Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории Сб статей 1975 г М , 1976 С 163—190

Об устных источниках летописных текстов (На материале Куликовского цикла) [Начало] // Летописи и хроники Сб статей 1976 г М , 1976 С 78—101

К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками // Сравнительное изучение литературы Сб статей к 80-летию М П Алексеева Л , 1976 С 18—22

Эпос и летопись // Фольклор и историческая действительность Всесоюзная научная конференция Тезисы докладов Махачкала, 1976 С 29—30

1977

Актуальные проблемы текстологии былин // Фольклор Издание эпоса М , 1977 С 104—111

Полное собрание русских былин (Проект проспекта и основных правил подготовки издания) // Проблемы Свода русского фольклора Л , 1977 С 11—23 (Русский фольклор, Т 17)

После дискуссии об историзме былин // Русская литература Л , 1977 № 4 С 200—210

Пушкин и «Побоище Мамаева» // Временник Пушкинской комиссии, 1974 Л , 1977 С 123—130

Бытины Новые книги [Обзор] // Проблемы Свода русского фольклора Л , 1977 С 176—184 (Русский фольклор, Т 17)

Рец. Буганов В И Отечественная историография русского летописания М , 1975 // История СССР М , 1977 № 2 С 168—169

1978

О жанровых взаимосвязях русского и украинского эпоса // Славянские литературы и фольклор Л , 1978 С 3—17 (Русский фольклор, Т 18)

Типы героического эпоса и соотношение их поэтических систем // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока Якутск, 1978 С 31—33

О подразделениях несказочной прозы // Фольклор народов РСФСР Межвузовский научный сборник Уфа, 1978 С 28—37

«Джангар» и былинный эпос // Всесоюзная научная конференция «„Джангар” и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов» Тезисы Элиста, 1978 С 24—25

Гульев Степан Иванович // КЛЭ Т 9 Стб 249—250

Никифоров Александр Исаакович // Там же Стб 264

[Публикация статьи А И Никифорова «Фольклор и „Слово о погибели Русская земли”» и вводная заметка к ней] // Из истории русской фольклористики Л , 1978 С 189—198

Рец. Кузьмин А Г Начальные этапы древнерусского летописания М , 1977 // Вопросы истории М , 1978 № 10 С 160—162

Рец. Русское устное народное творчество [Кравцов Н И , Лазутин С Г Русское устное народное творчество Учебник для филологических факультетов университетов М , 1977] // Русская литература Л , 1978 № 4 С 173—176

Ред. Северные предания / Изд. подгот. Н А Криничная Л , 1978 254 с [Отв. редактор]

1979

О специфике творческого процесса в фольклоре и в литературе // Вопросы теории фольклора Л , 1979 С 157—166 (Русский фольклор, Т 19)

Всесоюзная конференция «Фольклор и историческая действительность» // Вопросы теории фольклора Л , 1979 С 216—217 (Русский фольклор, Т 19)

Межвузовское издание по фольклору РСФСР [Обзор Фольклор народов РСФСР, вып 1—4] // Там же С 209—212

1981

Эпос и история (Один из теоретических аспектов) // Фольклор и историческая действительность Л , 1981 С 3—9 (Русский фольклор Т 20)

Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси Сб научных трудов М , 1981 С 46—57

Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) [Окончание] // Летописи и хроники 1980: В. Н. Татищев и изучение русского летописания М , 1981 С 129—146

Неопубликованные записи былин // Фольклор и историческая действительность Л , 1981 С 162—195 (Русский фольклор, Т 20)

[Публикация статьи А И Никифорова «О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв. На материале „Слова о полку Игореве”, „Задонщины”, „Повести о разорении Рязани”, Псковской летописи, Азов-

ских повестей и других памятников» и вводная заметка к ней] // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 143—204.

Ред.: Былинное «Слово» [Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Вечерний Ленинград. 1981. № 126. С. 3.

1982

Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.

Поэтизация исторического события в былинне / Русская литература. Л., 1982. № 1. С. 97—114.

Два Ермака в русском фольклоре // Русская речь. М., 1982. № 4. С. 118—120.

Ред.: Вторая жизнь «бессмертного слова» [Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Молодая гвардия. 1982. № 9. С. 272—274.

Ред.: Илларионов В. В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982. 128 с. [Соредактор Н. В. Емельянов].

1983

Народный эпос и история : (К изучению национального своеобразия) // Русская литература. Л., 1983. № 2. С. 104—117.

Чешский источник в Новгородской летописи XVII в. // Литература Древней Руси: Сб. науч. трудов. М., 1983. Вып. 4. С. 95—99.

1984

Былины. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, примеч., словарь]. Л., 1984. 398 с.

Взаимодействие фольклора и литературы в цикле произведений о «Мамаевом побоище» // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Воронеж, 1984. С. 12—19.

Роль Новгорода и Новгородской земли в формировании русского героического эпоса // Новгородский край. Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 201—206.

Историзм былин и специфика фольклора. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984. 44 с.

[Разыскание неизданных записей былин для сводного издания] // Полевые исследования. Л., 1984. С. 189—191. (Русский фольклор; Т. 22).

IX Международный съезд славистов. [Секция фольклористики] // Русская литература. Л., 1984. № 2. С. 222—225.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966—1975. Л., 1984. Ч. 1. 420 с. [Соредактор С. П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1984. 207 с. (Русский фольклор; Т. 22). [В сост. редколлегии].

1985

Ред.: Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984 // Филологические науки. М., 1985. № 3. С. 82—84.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966—1975. Л., 1985. Ч. 2. [Соредактор С. П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1985. 227 с. (Русский фольклор; Т. 23). [В сост. редколлегии].

1986

Исторические песни. Баллады. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, примеч., словарь]. М., 1986. 622 с.

Эпopeя и народная циклизация эпических песен // «Калевала» — памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 82—98.

Новгородский эпос XV в. и историческая действительность // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород, 1986. С. 18—19.

Предисловие // Фольклор Русского Устья. Л., 1986. (Памятники русского фольклора). С. 5—8. [В соавторстве с Н. А. Мещерским].

[Характеристика былин, записанных в Русском Устье] // Там же. С. 24—29.

Былины [Подготовка текстов] // Там же. С. 218—246.

[Комментарии к былинам] // Там же. С. 319—321.

К истории русского населения по р. Индигирке // Там же. С. 369—370.

Письмо в редакцию // Русская литература. Л., 1986. С. 226—227.

Ред.: Фольклор Русского Устья. Л., 1986. 384 с. (Памятники русского фольклора) [Отв. редактор, совместно с Н. А. Мещерским].

1987

Летописный факт и ранняя историческая песня («Шелкан Дудентьевич») // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 18—22.

Неудачное завершение важной дискуссии // Филологические науки. М., 1987. № 1. С. 17—23.

Бородино в народной поэзии // Русская речь. М., 1987. № 4. С. 46—51.

[Выступление по докладу: Czajka H. Kreacja bohatera w rosyjskiej i poludniowanskiej epice ludowej] // Девятый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Фольклористика. Историческая проблематика. Круглые столы. М., 1987. С. 15.

[Выступление по докладам: Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян: (Антитеза «формульной» теории); Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык] // Там же. С. 25.

[Выступление по докладу: Холевич Й. Устности — проблема на литературный текст (въз основа на материали от славянските литератури) // Там же. С. 39—40.

Рец.: Анахронизм в практике фольклорных изданий [Сказки и песни, рожденные в дороге. М., 1985] // Русская литература. Л., 1987. № 2. С. 200—205.

Ред.: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. 223 с. (Русский фольклор; Т. 24). [В сост. редакции].

1988

История эпоса в неизданных рукописях А. Н. Веселовского // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 129—139.

Устная поэзия славян и творчество скальдов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Десятый Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 237—248.

Добрыня — змееборец // Русская речь. М., 1988. № 3. С. 122—128.

Богатырь русской филологии: (К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) // Русская речь. М., 1988. № 5. С. 100—105.

Фольклор надо издавать фольклористам // Русская литература. Л., 1988. № 3. С. 245—247.

[Выступление на конференции по историзму фольклора] // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 256—257.

1989

Добрыня — свят // Русская речь. М., 1989. № 1. С. 116—123.

Герои русского эпоса: Михаил Скопин-Шуйский // Русская речь. М., 1989. № 3. С. 123—129.

О недостоверных текстах и недостоверных сведениях в академическом издании частушек // Вопросы литературы. М., 1989. № 3. С. 255—260.

Рец.: Современный взгляд на былины [Селиванов Ф. М. Русский эпос. М., 1988] // Вестник МГУ.

Сер. 9. Филология. М., 1989. № 3. С. 92—95.

Ред.: Русский фольклор. Т. 25. Л., 1989. 223 с. [В сост. редакции].

1990

Возраст славянских исторических песен // Славяне: Адзінства і мнагастайнасць: Межінародная канферэнцыя. Тээзы дакладаў і павадамленняў. 5 секцыя. Узаемосцяў і ўзаемадзеяние славянскіх культур: фольклор, література, мастацтва. Мінск, 1990. С. 4—6.

Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 1. С. 5—6.

Русский и калмыцкий эпосы — последовательные стадии эпического творчества в концепции А. Н. Веселовского // «Джангар» и проблемы эпического творчества: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Элиста, 1990. С. 68—69.

Г. С. Виноградов и рукописное наследие А. Н. Веселовского // Дети и народная культура. Четвертье виноградовские чтения: Тезисы докладов. Новосибирск, 1990. С. 5—6.

1991

Исторические песни. Баллады. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, коммент., указатель, словарь]. М., 1991. 765 с.

О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 39—53. (Русский фольклор; Т. 26).

Ф. И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса // Русская литература. Л., 1991. № 4. С. 3—17.

Грозный царь Иван Васильевич // Русская речь. М., 1991. № 5. С. 123—129.

Фольклор Русского Устья: К изучению региональной традиции // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сборник науч. трудов. Якутск, 1991. С. 80—89.

Научный подвиг: 160 лет со дня рождения А. Ф. Гильфердинга. 1831—1872 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 5. С. 11—13.

Усердие, остроумие и ученая честность: 165 лет со дня рождения А. Н. Афанасьева. 1826—1871 // Там же. С. 14—15.

Истинно русский интеллигент: 160 лет со дня рождения П. Н. Рыбникова — собирателя и ценителя фольклора. 1831—1885 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 10. С. 27—28.

Фольклористика на Десятом Международном съезде славистов // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 268—270. (Русский фольклор; Т. 26).

Рец.: Чикачев А. Г. Русские на Индигирке: Историко-географический очерк. Новосибирск, 1990 // Известия Сибирского филиала АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. Новосибирск, 1991. № 3. С. 69—70.

Ред.: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. 280 с. (Русский фольклор; Т. 26). [В сост. редколлегии].

1992

Народная проза. [Сост., вступит. статья, подгот. текстов, comment., словарь]. М., 1992. 606 с. Веселовский и историческое изучение эпоса // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 6—31.

Садко // Русская речь. М., 1992. № 6. С. 84—89.

Три с половиной века великому подвигу донских казаков: Азовское сидение // Истоки. М., 1992. № 11. С. 5. Русский народный эпос в книгах последних лет. [Обзор] // Русская литература. М., 1992. № 2. С. 197—205.

Рец.: Ценная книга. [Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М.: Наука, 1990] // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1992. № 2. С. 91—92.

1993

Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 14—27. (Русский фольклор; Т. 27).

Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Одиннадцатый Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 221—234.

Рукописи А. Н. Веселовского по народному эпосу // Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы. СПб., 1993. С. 3—16.

«Инварианты» практической текстологии // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 194—204. (Русский фольклор; Т. 27).

Князь Владимир и Илья Муромец / Русская речь. М., 1993. № 6. С. 73—80.

О генезисе исторических песен, посвященных Ивану Грозному // Скафтымовские чтения. Саратов, 1993. С. 81—83.

[Публикация статьи А. Н. Веселовского «Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните», вступительная заметка к ней, примечания, библиография] // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 273—312. (Русский фольклор; Т. 27).

Вылиноведение // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 25—26.

Историзм фольклора // Там же. С. 104—105.

Меморат // Там же. С. 138.

Песня историческая // Там же. С. 205—206.

Песня походная // Там же. С. 235.

Предание // Там же. С. 275.

Предание историческое // Там же. С. 275—276.

Предание местное // Там же. С. 276—277.

Предание мифологическое // Там же. С. 277.

Притча // Там же. С. 285.

Проза устная несказочная // Там же. С. 289—290.

Фабулат // Там же. С. 373—374.

Хроникат // Там же. С. 434—435.

Участие казаков в присоединении Казани и Астрахани к русскому государству // Истоки. М., 1993. № 9. С. 4.

Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // XI. Mezinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava, 1993. S. 194.

Ред.: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. 336 с. (Русский фольклор; Т. 27). [Отв. редактор].

Ред.: Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX в. в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. Н. Андерсон, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. 202 с.

1994

К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Т. 7. С. 363—374.

Оппозиционный фольклор 1920—1930-х годов в записях А. И. Никифорова // Живая старина. М., 1994. № 2. С. 44—47.

Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // Известия русско-го генеалогического общества. СПб., 1994. Вып. 1. С. 45—46.

Фольклор народов России [Обзор вып. 1—20] // Живая старина. М., 1994. № 4. С. 47—49.

1995

Эпосоведческое наследие А. Н. Веселовского в современности // Эпические традиции. СПб., 1995. С. 32—44. (Русский фольклор; Т. 28).

- Князь Глеб Володьевич // Русская речь М , 1995 № 3 С 98—105
 В Я Пропп о принципах издания Свода русского фольклора // Живая старина М , 1995 № 4 С 49—51
 Отношение к русской монархии в поэзии Лермонтова // Тарханский вестник Тарханы, 1995 Вып 4 С 11—18
 Рыбников Павел Николаевич // Русская словесность М , 1995 № 6 С 6—7
 Ф М Селиванов (1927—1990) // Эпические традиции СПб , 1995 С 421—424 (Русский фольклор, Т 28) [В соавторстве с А. В. Кулагиной]
 Запись духовного стиха о Святом Георгии в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Русская литература М , 1995 № 1 С 177—184
 Поэты России о русских императорах // Дворянское собрание Историко-публицистический и литературно-художественный альманах М , 1995 № 2 С 217—244
 Рекрутские песни // Русская словесность М , 1995 № 5 С 5
 Фольклористика на XI Международном съезде славистов // Эпические традиции СПб , 1995 С 433—435 (Русский фольклор, Т 28)
Рец Живая старина Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре 1994 № 1 // Этнографическое обозрение М , 1995 № 1 С 182—184
Рец Фольклор Сибири и Дальнего Востока. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост Ю. И. Смирнов Новосибирск, 1991 // Живая старина М , 1995 № 2 С 60—62
Ред Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения Северо-Востока Сибири Новосибирск, 1995 103 с [Отв редактор]
Ред Эпические традиции СПб , 1995 439 с (Русский фольклор, Т 28) [В сост редколлегии]

1996

- О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор Материалы и исследования СПб , 1996 Т 29 С 62—81
 Гостомысл и его внуки в народных преданиях // Филологические науки М , 1996 № 2 С 3—9
 О подвигах казаков в борьбе против войск Мамая // Русская речь М , 1996 № 1 С 97—102
 Из поэтического наследия С. С. Бехтеева (По страницам эмигрантских сборников) // Дворянское собрание Историко-публицистический и литературно-художественный альманах М , 1996 № 4 С 240—250
 Сергей Бехтеев, царский гусляр // Возрождение СПб , 1996 № 4 С 9
Ред Русский фольклор Материалы и исследования СПб , 1996 Т 29 302 с [В сост редколлегии]

ХРОНИКА

РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-95

С 4 по 8 сентября в Петрозаводске проходила международная научная конференция «Рябининские чтения-95», организованная Петрозаводским университетом, Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, правительством Республики Карелия, Музеем антропологии и этнографии РАН (С.-Петербург). Самая же большая лепта принадлежит музею-заповеднику Кжи. Тематика конференции определяется ее названием, в котором отразилось глубочайшее уважение современной русской культуры к знаменитой крестьянской династии заонежских сказителей Рябининых. В Петрозаводске собрались фольклористы, этномузиковеды, этнографы, историки, лингвисты, архитекторы, искусствоведы — ученые, которым небезразлична судьба народной культуры Русского Севера. Почетными гостями научного симпозиума стали потомки Т. Г. Рябинина: Анастасия Петровна Титова (дочь Петра Ивановича Рябинина-Андреева, опубликовавшая в шестом номере за 1995 г. петрозаводской газеты «Лицей» интересные воспоминания о своем отце), а также Анна Михайловна Новгородцева и Алексей Михайлович Рябинин — прямые продолжатели рода Рябинина через их отца Михаила, деда Кирика и прадеда Гаврилу, который был сыном Трофима Григорьевича. 6 сентября в Кижах рядом с вдохновенной Покровской церковью священник Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска Владимир Иванов и дьякон Александр Мусин (диакон епископа Петрозаводского и Олонецкого Мануила и непосредственный участник конференции) отслужили заупокойную литию по всем погребенным на Кижском погосте, в том числе и по Т. Г. Рябинину, чей прах покоятся здесь. В тот же день участники конференции установили памятную доску на месте деревни Дуткин-Наволок в Кижах, где в июле 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записывал былины от Т. Г. Рябинина.

Рябининская тема зазвучала в полный голос уже на пленарном заседании конференции в докладе Н. А. Криничной «Трофим Григорьевич Рябинин: становление сказителя». Исследовательницей специально к открытию конференции был издан сборник «Жил в Кижской волости крестьянин...», куда вошли тексты былин Т. Г. Рябинина и биографический очерк о сказителе. Ю. А. Новиков в своем докладе «Об истоках эпических репертуаров Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева» существенно дополнил наше представление об учителях старшего Рябинина. Помимо Ильи Елустафьева, на котором обычно заострено внимание ученых, в докладе названы имена И. И. Андреева, И. А. Завьялова, И. Кокойкина, Ф. Трапалина. Тщательный текстологический анализ былин на сюжет «Илья Муромец и Калин-царь», записанных у представителей династии Рябининых, в своем докладе «Устойчивость и изменчивость в былинах рода Рябининых» предложил Ю. И. Смирнов. Воспоминаниями о своих встречах с последним крупным сказителем из этой семьи — П. И. Рябининым-Андреевым — поделился с участниками конференции К. В. Чистов.

Многие доклады секции «Фольклор и народное искусство» также были посвящены Рябининым. С. В. Воробьева, изучившая ревизские сказки, исповедальные ведомости и метрические книги Кижской волости, существенно уточнила многие моменты биографии Т. Г. Рябинина. Исследовательницей была поставлена под сомнение принятая в науке дата рождения сказителя (1791 г.); весьма доказательно С. В. Воробьева отодвигает это событие на несколько лет

позднее (1798—1799 гг.). В. Г. Смолицкий посвятил свой доклад П. И. Рябинину и его работе над «советскими» былинами (новинами). В. С. Бахтин рассказал о своих встречах с Михаилом Кириковичем Рябининым, правнуком Т. Г. Рябинина. Попытка текстологических наблюдений над репертуаром Рябининых-Андреевых была сделана в докладе О. В. Захаровой.

Из фольклорных жанров основное внимание участников конференции, что вполне естественно, было приковано к былинам. В пленарном докладе председателя оргкомитета конференции Б. Н. Путилова «Эпические певцы Заонежья и типология севернорусского сказительства» отмечалось, что заонежские былины, отражающие несколько локальных очагов и творчество целой плеяды выдающихся сказителей, предоставляет ученым благодатный материал для изучения феномена сказителей в типологическом плане. Однако нельзя не пожалеть, что русская фольклористика безвозвратно утеряла возможность постановки экспериментов в духе школы Альберта Лорда. А. К. Байбурин в своем докладе, произнесенном на заседании секции «Фольклор и народное искусство», обратил внимание на некоторые теоретические аспекты проблемы «эпос и обряд». Известный былинный мотив «сидения Ильи Муромца» ученым объясняется как отражение глубинной связи образа богатыря с потусторонним миром. В сообщении Т. Г. Ивановой еще раз была поднята проблема географического распространения былин; помимо «новгородской теории» было предложено сосредоточить внимание фольклористики также на высказывавшейся уже в науке идее консервации эпической традиции в зонах этнического пограничья. Доклад В. Б. Семенова также имел отношение к былинному творчеству — «„Слово о полку Игореве“ и былина о Дюке Степановиче». Э. С. Киуру и А. И. Мишин, недавно подготовившие новый перевод на русский язык «Калевалы», в своем сообщении обратились к карельскому эпосу. Они настойчиво утверждали мысль о том, что «Калевала» является не устным народным эпосом, а авторским произведением Э. Леннирота. Комментарии Леннирота, сохранившиеся в одной из его рукописей, являются ярким свидетельством того, что он работал с фольклорным материалом не как собиратель, а как писатель.

На пленарном заседании в докладе В. А. Лапина «Русскоязычная причеть Заонежья (этнокультурный феномен)» определился еще один приоритетный для конференции фольклорный жанр — причитания. Исследователь, говоря о взаимосвязях карельско-вепсской и русской устно-поэтических традиций, вводит понятие «фольклорное двуязычие», которое подразумевает симбиоз двух народных культур, когда при сохранении собственного этнического самосознания определенная популяция становится носителем фольклорной традиции другого народа. Музыковедческие аспекты причитаний были затронуты в докладах Т. В. Краснопольской «Напевы заонежских причитаний в контексте местной певческой традиции» и Е. Е. Васильевой «Идеальность реального мира: жизнь стиха в эпической и причетной традиции Обонежья». О. А. Черепанова в своем сообщении обратила внимание, что в русских похоронных причитаниях, имеющих ярко выраженное pragmaticальное звучание, доминирует положительная маркировка коммуникативной тактики и ситуации (обращения к умершему и его родственникам с экспрессивной лексикой типа «баженый», «скоченная жемчужинка» и т. д.). Та же положительная маркировка коммуникативной ситуации отмечена и в нефольклорной народной речи, что исследовательницей объясняется национально-культурной обусловленностью.

Несколько докладов было посвящено фольклорной лирике. Научный сотрудник музея Кизи Р. Б. Калашникова посвятила свой доклад беседным песням Заонежья. В обстановке бесед (в песне, игре, жесте), считает исследовательница, закодирован обрядовый свадебный смысл. Попытку усмотреть в частушках отражение скоморошьего искусства представила в своем сообщении Н. В. Дранникова. Неожиданный аспект уже упомянутой выше проблемы угро-финского субстрата в народной культуре заонежан был продемонстрирован в докладе И. Б. Семаковой. Оказывается, манера звукоизвлечения при пении (работа разных групп лицевых мышц) жителей разных русскоязычных деревень также может свидетельствовать о вепсских или карельских корнях их предков.

И. А. Разумова на большом статистическом материале показала региональное своеобразие сказочной традиции Заонежья по сравнению с Пинежским краем. Сказочная коллекция вологодского собирателя М. Б. Едемского была охарактеризована в докладе М. А. Вавиловой. Ценность этого материала заключается в том, что здесь представлены тексты, записанные от взрослых и детей, — членов большой семьи Едемских. В докладе А. Ю. Брицыной говорилось о необходимости смелее вводить в полевую собирательскую работу эксперимент, в том числе и при записи сказок. Повторные записи произведений фольклора от одного и того же информанта, наблюдения над трансмиссией вновь узнанного текста при передаче его от одного исполнителя к другому, исследование того, как вновь узнанный текст пересказывается разными представителями одного коллектива — такого рода эксперименты могут привести фольклористов к важным выводам о жизни фольклорного текста. Доклад С. М. Лойтер был обращен к репертуару современных детей — «страшилки» и «садистские стишки».

Обрядовому фольклору был посвящен доклад В. П. Кузнецовой «Смех в севернорусской свадьбе»; исследовательница продемонстрировала, как смеховое начало в обряде связано с эротической темой. Т. С. Канева указала на процесс «наращивания имени» в календарной традиции Усть-Цильмы: в летнем праздновании Ивана Купалы соединились представления о христианском святом Иоанне Крестителе, о Ивашке Ластко, по преданию, основавшем Усть-Цильму, а также о еще одном Иване, пострадавшем за старую веру и чтимом на Печоре.

На Рябининских чтениях не осталась обойденной вниманием и тема взаимосвязей литературы и устной поэзии. Доклад Е. М. Неелова был посвящен фольклорным мотивам в «Повести о Петре и Февронии». В. В. Иванов в своем сообщении «Юродивые в культуре Заонежья и Пудожья» показал, как устные предания о петрозаводском юродивом Фаддееве, жившем в начале XVIII в., трансформировались в письменное житие этого неканонизированного святого. В докладе гости из Лондона Фейт Бизгел традиция русского народного сно-толкования была сопоставлена с репертуаром печатных сонников, которые появились в России с конца XVIII в. и были иностранными по своему происхождению.

Проблемы устной поэзии нашли свое место и на заседаниях секции «История и этнография Заонежья» (доклады К. К. Логинова «Обряд и заговор», А. В. Окунева «Роль фольклорного текста в социальной жизни севернорусского общинника во второй половине XIX—начале XX в.», Н. А. Кораблева «„Олонецкие губернские ведомости“ о зарубежных поездках И. Т. Рябинина», В. А. Агапитова «Кижская топонимия и фольклор»). Результатами работы над топонимической картотекой Заонежья, неоспоримо свидетельствующей о финно-угорском субстрате, поделились И. И. Муллонен и Н. Н. Мамонтова. Этнографическая тематика звучала в сообщениях Е. И. Яскеляйнен «Народный костюм Заонежья в фольклорных источниках» и Е. Ю. Дубровской «Этнографические сведения о жителях Олонецкой и Беломорской Карелии на страницах журнала „Карельские известия“ 1913—1917 гг.». Проблемы истории Заонежья были подняты в докладах Г. П. Енина («Воеводское кормление в Заонежском kraе»), А. Ю. Жукова («Управление заонежскими погостами в конце XV—начале XVIII в.»), Л. Н. Амозова («Крестьянское хозяйство Заонежья в конце XVIII—начале XIX в.»), А. И. Афанасьевой («Сельская интелигенция Олонецкой губернии конца XIX—начала XX в.»), Б. А. Гущина («Крестьянство и земство Заонежья»). Целый ряд докладов был посвящен истории крестьянских семей: сообщения И. А. Черняковой «Крестьянские родословия: обельные крестьяне Заонежья», Л. В. Трифоновой «Из истории одной крестьянской семьи: семья Сергиных из Мунозера», Н. И. Шилова «Рукописи из коллекции крестьянской семьи Корниловых в фондах музея-заповедника».

Ведущей темой секции «Народные говоры и языки фольклора» стала проблема народного слова в бытовом применении (доклады Е. И. Новиковой «Эмоционально-оценочная лексика говоров Заонежья», Л. П. Михайловой «Лексика говоров Заонежья на общерусском фоне», Т. Е. Рутт «Структурно-семантическое

свооеобразие лексики говоров Заонежья»). Вопрос о прибалтийско-финском субстрате и здесь оказался актуальным, что отразилось в докладах Г. М. Керта («Саамские элементы в топонимике Карелии»), С. А. Мызникова («Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья»), Н. В. Марковой («К изучению синтаксических особенностей говоров Заонежья»). Сообщением М. Я. Кривонкиной и Т. Г. Доли «Лексикографическое изучение русских говоров Карелии» началось обсуждение научной общественностью «Словаря говоров Карелии и сопредельных русских областей», первый том которого недавно вышел в свет. Не обойдена вниманием была и проблема языка разных фольклорных жанров (доклады С. Н. Пономаревой «Функционирование глаголов чувства в причтаниях И. А. Федосовой» и Е. А. Калашниковой «Формульность эпической поэзии»).

Два заседания провела секция «Православие на Русском Севере», создание которой было невозможно еще несколько лет тому назад. В ее работе приняли участие диакон Александр Мусин, выступивший с докладом «Становление православия в Карелии: историко-археологический аспект», и священник Кондопожского прихода Лев Большаков, рассказалый присутствующим о жизни его прихода. В сообщении М. В. Пулькина «Приходы Заонежья во второй половине XVIII в.» было показано, как строились взаимоотношения между клиром и прихожанами в заонежской деревне два столетия тому назад. На секции прозвучали также доклады В. Г. Платонова «Иконы и народное искусство», А. Н. Кручининой «Певческая монастырская культура Русского Севера», С. А. Старостенкова «Сведения о колоколах Олонецкой губернии конца XIX в.», О. А. Фишман «Представление о душе и духе у русских и карельских старообрядцев Новгородчины», А. Н. Власова «Образы святых подвижников на Русском Севере», А. В. Пигина «Древнерусские рукописи в государственных хранилищах г. Петрозаводска», В. В. Семакова «Духовные стихи: поэтика глагольной формы», А. В. Антощенко «Два взгляда на раскол: В. О. Ключевский и А. В. Карташов».

Секция «Деревянная архитектура Заонежья» сосредоточила свою работу на двух проблемах: рассмотрение на архитектурном материале феномена Заонежской культурной зоны и практические рекомендации по сохранению архитектурных богатств здешнего края. На секции прозвучало восемь докладов: «Деревянное зодчество Заонежья в свете этнокультурных контактов русского и прибалтийско-финского населения края» (В. П. Орфинский), «Особенности архитектуры традиционного крестьянского жилища южного Заонежья XIX—XX в.» (А. Т. Яскеляйнен), «Истоки многоглавия в древнерусском зодчестве и формы покрытий деревянных культовых построек» (В. А. Крохин), «Ансамбль культовых построек д. Вороний Остров» (Г. А. Кутькова), «Декоративный балкон в народном зодчестве Заонежья» (И. Б. Гришина), «Проблемы комплексного сохранения историко-архитектурной среды традиционных сельских поселений Карелии» (Т. И. Вахрамеева), «Методика реставрации деревянного зодчества Карелии в историко-культурном контексте» (Е. В. Вахрамеев), «Иконография Заонежья» (М. И. Мильчик). Материал деревянного зодчества, как и данные народных говоров и фольклорной традиции, подтверждает наличие мощного финно-угорского субстрата в культуре Заонежья.

В рамках конференции работала также секция «Актуализация народной культуры», которая отметила драматическое противоречие между глубоким научным осознанием проблем народной культуры и низким уровнем использования научных результатов в сфере образования и просвещения. Проблема пропаганды народного искусства среди населения была затронута как в историческом (доклад Л. И. Капусты «Краеведческие общества Севера начала XX в. и проблемы изучения культуры»), так и в методическом плане, придавшем прозвучавшим сообщениям ярко выраженный практический аспект: сообщения Л. В. Шиловой «Интерпретация материальной и духовной культуры Русского Севера в музеино-образовательных программах Республиканского детского музеяного центра», Н. А. Никишина «Возможность и границы образовательной деятельности в музее», О. А. Захаровой «Наследие Рябининых-Андреевых в

курсе „Этнология русской музыки”, В. П. Ершова «Мифопоэтика в досюльной вещи», М. С. Коршаковой и Е. А. Назаровой «Психологические аспекты женской магии в традиционной вышивке по опыту работы студии „Карельская вышивка“ Дворца творчества детей и юношества г. Петрозаводска».

Все участники конференции отметили высокий уровень докладов научных сотрудников музея Кизи (С. В. Воробьева, Р. Б. Калашникова, А. Т. и Е. И. Яскеляйнен, Б. А. Гущин, Н. И. Шилов). Здесь, похоже, сформировался молодой, энергичный и деятельный коллектив энтузиастов. В Кизах в знаменитой избе Ошеневых фольклорный ансамбль музея — членами которого являются специалисты по народной вышивке, резьбе по дереву, работники администрации и т. д. — продемонстрировал фрагменты северорусской беседы с ее песнями и танцами. В ансамбль органично вошли дети сотрудников музея, которые отголоски своих фольклорных опытов привносят непосредственно в свои игры (так, родители рассказывали, что случайно подсмотрели, как их дети играли «в свадьбу», где были роли жениха, невесты, подголосницы, поезжан и прочее). Так фольклорная традиция через свои вторичные формы передается новому поколению заонежан.

Участникам конференции отрадно было видеть, что музей имеет четкое представление о перспективах своего развития. М. В. Лопаткин, директор музея, выступивший на пленарном заседании с докладом «Кижская волость: прошлое или будущее?», говорил именно о будущем. Музей-заповедник Кизи разработал концепцию создания уникальной территории «Кижская волость» как наиболее оптимальной формы организации системы охраны и рационального использования Кижского историко-культурного и природного комплекса. Вся деятельность музея направлена не только на сохранение архитектурных богатств Кижей, но и на возрождение плотницких ремесел в округе, на создание мастерских вышивальщиц, на поддержку умельцев по работе с берестой и т. д. Музей Кизи хочет, чтобы окрестные деревни жили полнокровной рабочей жизнью, и поэтому уже сейчас предоставил двум крестьянским фермерским хозяйствам денежные заемы.

Конференция завершилась 8 сентября общим заседанием всех секций, на котором было принято решение о придании регулярного характера Рябининским чтениям (один раз в четыре года). Между большими встречами рекомендовалось проводить раз в два года тематические семинары. Многие из участников высказывались за то, чтобы ближайший семинар был посвящен проблеме мастера в народном искусстве (сказитель в устной традиции, распевщик в церковном песнопении, мастер в народном прикладном искусстве). Тогда же в выступлениях участников встречи прозвучала тревога по поводу проектирования разработок урано-ванадиевых руд в Заонежье. Названный проект может обернуться множеством проблем для этого уникального уголка Русского Севера. Наряду с экологической катастрофой, грозящей краю, неизбежно будет разрушена та неуловимая культурно-историческая аура, которая присуща Заонежью. Участники конференции посчитали необходимым привлечь внимание общественности к данному вопросу.

И все-таки, несмотря на множество проблем, стоящих перед радетелями народной культуры Русского Севера, конференция завершилась на торжественной ноте. Ее последним актом стала презентация только что учрежденной медали им. Т. Г. Рябинина и награждение первых лауреатов. По номинации «научные исследования» медаль была вручена Н. А. Криничной — старшему научному сотруднику Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, чьи работы пользуются большим авторитетом среди фольклористов. Создатель вепсского национального музея в с. Шелтозеро Р. П. Лонин был награжден по номинации «просветительская деятельность». Архитектору-реставратору проектного бюро «Лад» (г. Петрозаводск) В. А. Крохину медаль вручили за вклад в сохранение памятников народной культуры. Работа руководителя фольклорного коллектива Хвойнинского района Новгородской области Н. Б. Бобровой была отмечена за вклад в возрождение народных традиций Русского Севера. Не нашла рябининская медаль своего лауреата лишь по одной номина-

ции — за благотворительность. Очень хочется надеяться, что через четыре года члены оргкомитета конференций будут в затруднении от большого числа претендентов на медаль по этой номинации — спонсоров, меценатов, доброхотов, которые бескорыстно пожертвуют свои денежные средства на сохранение и возрождение народной культуры, потому что хотят добра всему Русскому Северу.

T. Г. Иванова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

<i>К. А. Богданов</i> (Санкт-Петербург). Заговор и загадка. (К формульности заговора)	3
<i>М. П. Чередникова</i> (Ульяновск). Смысл и «бессмыслица» считалок. (К проблеме поэтики)	14
<i>Ф. М. Селиванов</i> (Москва). Духовные стихи в системе русского фольклора	31
<i>А. Т. Хроленко, М. А. Бобунова</i> (Курск). Былинное слово в лексикографическом аспекте	36
<i>Дж. Бейли</i> (Мэдисон, США). Три русских народных лирических размера	45
<i>С. Н. Азбелев</i> (Санкт-Петербург). О происхождении песен, посвящённых Грозному царю Ивану Васильевичу	60
<i>А. О. Амелькин</i> (Воронеж). О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке	80

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Е. П. Гладких</i> (Санкт-Петербург). К. Д. Кавелин в истории фольклористики	86
<i>Ю. Д. Левин</i> (Санкт-Петербург). Вильям Рольстон и русский фольклор	98

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Ю. И. Марченко, Л. И. Петрова</i> (Санкт-Петербург). Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья	110
<i>А. Ю. Кастрюк</i> (Санкт-Петербург). Напевы пудожских причитаний тирадно-стrophicеской композиции	192
<i>О. Р. Николаев</i> (Санкт-Петербург). Сказки верхнего течения Западной Двины (сказочница М. И. Патрикова)	241

БИБЛИОГРАФИЯ

Словацкие библиографические пособия по фольклору (<i>Иванова Т. Г.</i> , Санкт-Петербург)	278
Хронологический список трудов Зои Ивановны Власовой	281
Хронологический список трудов Сергея Николаевича Азбелева	286

ХРОНИКА

Рябининские чтения-95 (<i>Иванова Т. Г.</i> , Санкт-Петербург)	295
---	-----

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
т. XXIX

Материалы и исследования

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Редактор издательства *В. Н. Немнонова*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *И. А. Крайнева, А. Х. Салтанаева и С. И. Семиглазова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 01.12.95. Подписано к печати 12.11.96.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26.6. Уч.-изд. л. 30.7. Тираж 680 экз. Тип. зак. № 3273. С 1503

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12